

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

2(28)'2009

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(28)'2009

Научное издание

Екатеринбург 2009

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севиля, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук, доцент Н. Г. ШЕХТМАН

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2009. Вып. 2 (28). – 162 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ВЫПУСК 2 (28)

Подписано в печать 22.06.2009. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 20,25. Тираж 500 экз. Заказ 2848

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009

© Политическая лингвистика, 2009

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(28)'2009

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Лозанна, Швейцария)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
--------------------	--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А.Д. Красноярск, Россия	Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива	9
Иньиго-Мора И. Севилья, Испания	Выбор местоимений в политических интервью	26
Купина Н.А. Екатеринбург, Россия	Советизмы: к определению понятия	35
Скворцов О.Г. Екатеринбург, Россия	Риторическое направление в исследовании семантической сферы «LIGHT / DARKNESS» (по материалам политической коммуникации)	41
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (часть 2)	46
Шмелева Т.В. В. Новгород, Россия	<i>Кризис</i> как ключевое слово текущего момента	63

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Башкова И.В. Красноярск, Россия	Существительное <i>кризис</i> в российских СМИ XXI века	68
Данилова М.Б. Сургут, Россия	Фрейм «Происхождение» в сценарии «Автобиография женщины-политика»	72
Малышева Е.Г. Омск, Россия	Концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области)	76
Матыгина Е.Б. Екатеринбург, Россия	Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе	76
Таратынова Т.В. Челябинск, Россия	Кандидаты на пост президента Российской Федерации 2008: метафорические портреты в немецких масс-медиа	92
Шарманова О.С. Иркутск, Россия	Грузино-российские отношения в зеркале вторичной не прямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ)	96
Шипицына А.А. Уфа, Россия	Газовый конфликт России и Украины: объекты отрицательной оценки в немецком политическом медиа-дискурсе	104

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Бушев А.Б. Тверь, Россия	Масс-медиа в Интернет и межкультурная коммуникация	109
Ворошилова М.Б. Екатеринбург, Россия	Советский прецедентный текст в дискурсе русского рока: «дети красной звезды»	121

Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Место уголовного жаргона в русскоязычной картине мира (шкала ценностей)	125
Червиньски А. Иерусалим, Израиль		
Прохоров А.В. Тамбов, Россия	Метафорика современного рекламного текста	133
Чистова С.С. Нижний Тагил, Россия	Национальные источники прецедентных феноменов в рекламе	138

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	У истоков лингвистической советологии: Андре Мазон о языке русской революции	146
Филатова К.Л. Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия		
Мазон А. Париж, Франция	Словоупотребление: семантика и стилистика	148
Мазон А. Париж, Франция	Имена собственные	152

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. Ван Дейка	153
Карасик В.И. Волгоград, Россия	Афроамериканский английский	156
Пирогов А.В. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.283.02 в первом полугодии 2009 года	157
	Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»	159

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Vasilyev A.D. Krasnoyarsk, Russia	Word games: evolutions of dominating vocative	9
Iñigo-Mora I. Seville, Spain	Pronominal choice in political interviews	26
Kupina N.A. Ekaterinburg, Russia	Sovetisms: to describe the definition	35
Skvortsov O.G. Yekaterinburg, Russia	Rhetorical approach to the research of the «light / darkness» family in political communication	41
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the soviet reality: semantics of positive in designation of persons (2)	46
Shmeleva T.V. V. Novgorod, Russia	<i>Krizis (crisis)</i> as the key word of the present moment	63
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Bashkova I.V. Krasnoyarsk, Russia	The noun crisis in Russian mass-media of the 21st century	68
Danilova M.B. Surgut, Russia	Frame «background» in the scenario «autobiography of a woman-politician»	72
Malysheva E.G. Omsk, Russia	Concept 'governor' in regional mass-informational discourse (based on the material of radio and TV texts from the mass media of Omsk Region)	76
Matygina E.B. Chelyabinsk, Russia	Metaphorical systems in american foreign policy dicourse	87
Taratynova T.V. Chelyabinsk, Russia	Russian presidential contenders 2008: metaphorical portraits in the German mass media	92
Sharmanova O. Irkutsk, Russia	Georgia-Russia relations in the mirror of the secondary indirect nomination (by the example of the war conflict coverage in German mass media)	96
Shchipitsyna A.A. Ufa, Russia	Gas conflict between Russia and Ukraine: Objects of negative evaluation In German political media discourse	104
PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE		
Bushev A.B. Tver, Russia	Mass media in the internet and communication between civilizations	109
Voroshilova M.B. Ekaterinburg, Russia	Soviet precedent text in the discourse of Russian rock: "children of the red star"	121

Nadel-Chervinsky M. Katowice, Poland	The place of the criminal jargon in the Russian world image (scale of values)	125
Chervinsky A. Jerusalem, Israel		
Prokhorov A.V. Tambov, Russia	Metaphorics of a contemporary advertising text	133
Chistova S.S. Nizhny Tagil, Russia	National sources of precedent phenomena in advertisement	138

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Budaev E.V. Nizhniy Tagil, Russia	At the beginnings of linguistic Sovietology: André Mazon about the language of the russian revolution	146
Filatova K.L. Chudinov A.P. Ekaterinburg, Russia		
Masson A. Paris, France	Word usage: semantics and stylistics	148
Masson A. Paris, France	Proper names	152

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Budaev E.V. Nizhniy Tagil, Russia	The missing link in discourse-analysis: T. Van Dijk's contextual models	153
Karasik V.I. Volgograd, Russia	African American English	156
Pirogov N.A. Ekaterinburg, Russia	Dissertation Council D 212.283.02 in the 1 st half-year of 2009	157
	Manuscripts requirements	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый восьмой выпуск «Политической лингвистики». Как и прежде, наш узко специализированный журнал ориентирован на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

В отличие от предыдущих номеров, данный выпуск пополнился разделом «Теория политической лингвистики», в котором сосредоточены статьи наиболее известных специалистов – докторов наук и профессоров. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации профессор А.Д. Васильев (Красноярск), И. Иньиго-Мора (Севиля, Испания), Н.А. Купина (Екатеринбург), О.Г. Скворцов (Екатеринбург), П. Червиньски (Катовице, Польша) и Т.В. Шмелева (Великий Новгород),

Следующий раздел посвящен проблемам политической коммуникации. Здесь анализируются материалы российского, (М.Б. Данилова, Е.Г. Малышева), американского (Е.Б. Матыгина), германского (Т.В. Таратынова, О.С. Шарманова, А.А. Шипицына) политический дискурса.

В третьем разделе сконцентрированы статьи, в которых рассматриваются проблемы интернет-коммуникации, рекламного дискурса, дискурса СМИ, дискурса рок-музыки, а также субстандартной лексики в русскоязычной картине мира. Все они, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как проблемы, рассматриваемые в предыдущих разделах.

В разделе «Из истории политической лингвистики» представлены два впервые переведенные на русский язык фрагмента из созданной в 1920 году знаменитой книги французского академика Андре Мазона.

В завершающей части журнала традиционно представлены рецензии и хроника научной жизни.

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – кандидату филологических наук Евгению Евгеньевичу Аникину и кандидату филологических наук Ксении Леонидовне Филатовой.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение прин-

ципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных Биллом Клинтонем, Борисом Немцовым, Кондолизой Райс, Александром Прохановым или Геннадием Зюгановым, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

В январе 2009 года журнал «Политическая лингвистика» был включен в состав базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

Профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов
Доцент Эдуард Владимирович Будаев
Доцент Мария Борисовна Ворошилова
Техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А.Д.
Красноярск, Россия

ИГРЫ В СЛОВА:

ЭВОЛЮЦИИ ДОМИНИРУЮЩЕГО ВОКАТИВА

УДК 811.161.1

ББК Ш 100.3

Аннотация. Исследование судеб слов *господин, гражданин, товарищ, коллега* дает возможность иллюстрировать некоторые важные общетеоретические положения, в первую очередь о социальной природе языка и его имманентной идеологичности, по мере надобности используемой в чьих-то интересах.

Ключевые слова: лексика, обращение, *господин, гражданин, товарищ, коллега*.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Сибирский юридический институт МВД России.

Контактная информация: 660099, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20, Сибирский юридический институт МВД России.

E-mail: post@sibli.ru, vasileva@kspu.ru.

Vasilyev A.D.
Krasnoyarsk, Russia

WORD GAMES:

EVOLUTIONS OF DOMINATING VOCATIVE

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.47

Kod BAK 10.02.01

Abstract. The study of the history of the words *gospodin* (master), *grazhdanin* (citizen), *tovarishch* (comrade), *kollega* (colleague) gives an opportunity to illustrate some important general theoretical points, first of all about the social nature of the language and its immanent ideological quality used in people's interest as much as it is needed.

Key words: vocabulary, address, *gospodin* (master), *grazhdanin* (citizen), *tovarishch* (comrade), *kollega* (colleague).

About the author: Vasilyev Alexandr Dmitriyevich, doctor of philology, professor.

Place of employment: Siberian institute of law MVD of Russia.

К крестьянам подошел...

Нахохотавшись досыта,

Помещик не без горечи

Сказал: «Наденьте шапочки,

Садитесь, господа!

...Прошу садиться, граждане!»

Н.А. Некрасов

Наше слово гордое *товарищ*

Нам дороже всех красивых слов!

В.И. Лебедев-Кумач

«Очень рад быть полезным, *коллега*, –

говорю я, – но давайте сначала споёмся

относительно того, что такое диссертация».

А.П. Чехов

Не подлежащая сомнению роль слова как социально важного знака специфическим образом воплощается в семантике и прагматике доминирующих в обществе вокативов. Рассматривая вокативы лишь в узкопрагматической их функции, отмечают, что «обращение к собеседнику – это самый яркий и самый употребительный этикетный знак, потому что мы действительно так или иначе называем человека – либо по его социальной роли, либо по индивидуальным признакам, либо по своему собственному отношению к нему» [Формановская 1982: 99]. Конечно же, значимость обращений не исчерпывается возможностями такого их использования. Обращение в самой сжатой форме выражает социокультурную парадигму официальных (зачастую – и неофициальных) межличностных отношений, соответствующих принятым аксиологическим установкам. Вокативы весьма удачно манифестируют в конкретных лексемах компоненты универсальной семиотической оппозиции 'свой' / 'чужой', при этом их изменения и сигнализируют о социальных эво-

люциях, и стимулируют их. Известны многие примеры подобных явлений, причем обнаруживаются определенные аналогии, как правило, обусловленные сходством трансформаций общественно-политических систем.

Так, во Франции после термидорианского переворота гибель республики (точнее – её уничтожение) начинается «с каких-то мелочей, которым не придавали никакого значения... Воскресло в разговорном обиходе слово «мадам». ...Вслед за «мадам», сначала робко, потом все увереннее, в разговорную речь вкралось слово «месье» – господин. В течение некоторого времени обе формы обращения как бы сосуществовали – «гражданин» и «господин». В официальных бумагах еще долго сохранялось строгое «гражданин». Но в повседневном обращении его употребляли всё реже... Казавшаяся иным столь невинной игра в новые словечки – «госпожа» вместо «гражданка», «господин» вместо «гражданин», «император» вместо «консул» – была доведена до конца... Вслед за ними была вычеркнута из фран-

цузского словаря и давая им жизнь «республика» [Манфред 1986: 375, 443]. Конечно, вряд ли возможно говорить о полном совпадении лингвокультурных феноменов в разных странах и в разные исторические периоды, однако некоторые схожие с указанными черты усматриваются в эволюциях ряда русских вокативов: *господин*, *гражданин*, *товарищ*, *коллега*, которые считаем целесообразным рассмотреть прежде всего в диахроническом аспекте.

Господин. Этимологически это слово возводят к общеславянскому **gospodь*: «Двухосновное, рано подвергшееся сокращению сложное слово, восходящее к **gost* (ъ)ь-*podь*, что первоначально (у славян-язычников) могло бы значить «гостеприимный, принимающий чужестранцев хозяин» или нечто близкое к этому (см. *гость*). Вторая часть слова – *-podь* восходит к и.-е. **potis* – «хозяин, оказывающий гостеприимство чужестранцам», «чужестранец» [Черных 1993, I: 209]. В древнерусскую эпоху основным значением является 'владелец, хозяин; господин': «Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи работы». Сл. Дан. Зат., 20. XVII в. ~ XII в. «Дому подобает быти малому или великому, древяному или каменному, по достатку господина и домостроителя». Назиратель, 168. XVI в. «И архимандрить Амфилогий нанялъ корабль, и господина корабельнаго привелъ къ Арсению въ келию». Арс. Сух. Проскинитарий, 15. 1653 г. [СлРЯ XI – XVII вв. 1977, 4: 101]. Отмечается здесь и его использование как вокатива: 'в составе обращения (как формула почтения, уважения, вежливости)' – «господине протопопъ зъ братьею смилуйтеся примите мою явочку». АХУ III, 2. 1621 г. «Благовѣрный же князь Дмитрий рече ему [крестьянину]: помилуй мя, господине, и призри мене нищаго и убогаго, страннаго и безприютнаго». Пов. о Дмитриии Римском. 57. XVIII в. ~ XVII в. [там же], а также в составе титула (по отношению как к светским, так и к духовным лицам): «Задонщина великог<о> князя гсна Дмитрия Иванович<а> и брата его князя Володимера Ондръевич<а>». Задон., 19. 1470 г. ~ XIV в. «И мы великий господинъ и государь святѣйший Никонъ... здѣ ихъ къ намъ прошение сею нашею пастырскою грамотою вновь утвердити повелѣхомъ». АИ IV, 258. 1658 г. [там же].

Говоря об этикетных средствах русских средневековых челобитных, выделяют и вокативы: «обращение выполняло двоякую функцию: 1) развернутое обращение в начале просительной части используется для называния лица, которому адресована челобитная; 2) обращения *государь* (*государю*), которые включаются в текст повествовательной или просительной части, выражают экспрессию почтительности и униженности, являясь вежливой формой обращения к старшему по социальному положению... Традиция употребления об-

ращений в литературных памятниках весьма давняя. Она опирается на диалогическую речь и отмечается уже в памятниках старшего периода истории русского языка. В XIV-XV вв. обращение *господине*, а с XVI в. *государь*, обычно в посланиях, мирных грамотах, судебных актах и т.д.» [Волков 1980: 23].

По мнению В.В. Колесова, «именно в Домострое историк Сергей Соловьев находил материал для суждений об основном социальном термине в те времена: «Из прежних названий княжеских встречаем *господин*; вновь являются *господарь* и *государь*. Что касается происхождения первого слова, то оно одинаково с происхождением слова *князь*: *оспода* означает семью, *осподарь* – начальника семьи, отца семейства; ... Что значение слова *господарь* или *государь* было важнее прежнего *господин*, свидетельствует упорное сопротивление новгородцев ввести его в употребление вместо *господин*» [Колесов 2004б: 14-15]. Сопоставляя слова этого ряда, их дифференцируют на основании преимущественно сложившейся за каждым соотносительности с тематически определенным кругом субъектов: «...*Государь* происходит от старинного *господарь* – древнего славянского слова с тем же значением, что и собирательные *господь*, *господа*, но только в отношении к мирскому субъекту действия... Собирательная форма *Господь* есть синкретично-собирательное обозначение Бога, тогда как форма *господа* – собирательное... обозначение множества властных лиц, в частности, в средневековом Новгороде. А *господин* – мирское воплощение власти в единственном числе, которое и появилось уже в сокращенном произношении прежде священного слова: *господарь* → *государь*» [Колесов 2001: 170-171].

В более поздний период истории русского языка слово *господин* сохраняет многозначность, однако в качестве основного отмечается значение, связанное с обладанием властными полномочиями: *господин* – 1) 'властитель, повелитель, государь'. «Бысть и гсдин Асии Кир, и монархию от Мидов пресели к Персом». Буж. Нотенб. 7. «Земли пределали владеющий народ, Ты <Рим> днесъ сражаешься о выборе господ». Мур. Ст. 186... Ср. *государь*, *владыка*, *владелец* [СлРЯ XVIII в. 1989, 5: 190]; здесь же приводится и оттенок указанного значения: 'знатный, богатый, родовитый человек, вельможа'. «Мы имѣли... ко многим знатым господам Гишпанского двора письма». Маркиз III 33. «Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр». Трут. 1769 62. «Великим господам ты ползая покорствуй!» Сум. Сат. 375 [там же]. Цитируемый словарь предлагает также и иные (но очевидно семантически близкие) дефиниции *господин*: 2) 'владелец по отношению к принадлежащим ему людям (рабам, крепостным и т.п.)'. «Вѣщаше <Диоген>, яко господа, и неволники, малым чим меж себя разнятся, ибо неволники в неволь у господ, а гос-

пода в неволь у прихотей своих». Апофегм. 37. «[Хапилов:] Какая это деревня? [Созон:] Господская. [Хапилов:] Не в ту силу вопрошается: как называется, и чьего господина?» Левш. Св. ноша 169...; см. здесь же оттенки значения: 'барин, хозяин по отношению к своим слугам' («[Арликин:] Здравствуй, господин мой, Я буду слуга твой». Интерм. 33); 'хозяин, владелец какой-л. вещи, собственности' («Господин скольких палат Чистоту в них любит». Трд. СП I 224); 'тот, кто распоряжается по своей воле чем-л.' («ЧлвЪк не есть гдн живота своего» Уч. отр. 17). Как входящая в оборот новация отмечена характеристика обозначаемого лица, основанная на сугубо внешних признаках: 3) 'человек, по виду относящийся к привилегированному слою общества' [там же].

Особо выделяют лексикографы слово *господин* в значении 4) 'форма вежливого упоминания или обращения к лицу (обычно – из дворян и из образованного круга) – при фамилии, звании, чине, сословии'. «Капитан на сем корабль пошел в поход господин Петр Алексѣвич Михайлов». МРФ I 17, также с оттенком этого значения: 'вежливое обращение к какой-л. компании или (реже) к одному слушателю' [СлРЯ XVIII в. 1989, 5: 190-191].

У В.И. Даля *господинъ* – 'владыка, владелец, держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные' [Даль 1955, 1: 385]; лексикограф замечает также, что «*господином* чествуют людей по званию, должности их, но не свойственно нам ставить слово это перед прозванием, как делают на Западе (*Herr, monsieur*)», а *господа* – употребляется как 'воззвание, обращение в речи к слушателям' [там же], т.е. – в функции вокатива.

Социально-политические катаклизмы первой четверти XX века естественно сказались на судьбах многих слов, в том числе и существительного *господин* и производных от него. «За отошедшим от власти классом исчезли из общерусского употребления – по крайней мере, в своих прежних значениях – и названия культурных ценностей, созданных или охранявшихся этим классом, как: *царь, камергер, камерюнкер, губернатор, полицеймейстер, пристав, околоточный, Государственная Дума, Государственный Совет, городской, полиция, полицейский, ваше благородие, ваше превосходительство, князь, граф, барин*, и даже [!] *господин* ... и огромная масса других... Если эти обреченные на исчезновение слова употребляются нами ещё и теперь, то, конечно, не в прежнем значении, и в большевистском словаре все те слова, которые предположены по крайней мере к изгнанию из русского языка, вызывают ассоциации и чувствования, отличные от тех, какие возбуждались этими словами лет пять назад у большинства населения, и осо-

бенно у правящего класса – а ведь так называемые побочные ассоциации и чувствования в языковом развитии играют чрезвычайно важную роль... Слова *барин, барыня, господин, госпожа* получили уже ругательное значение...» [Баранников 1919: 75].

О том, насколько острой и при этом деликатной стала проблема безошибочного выбора обращения к тому или иному лицу, можно судить по следующему эпизоду из рассказа 1920 г.: «Осип, бывший швейцар, а ныне – *гражданин* Малафеев..., передвигая очки на носу, регулировал для каждого [из жильцов дома] уровень почтения... Очки плотно, оборонительно уселись в седле: тот, носатый из двадцать пятого – на автомобиле. С носатым – очень затруднительно: «*господином*» его нельзя, «*товарищем*» – будто неловко. Как бы этак, чтобы оно... «А, *господин-товарищ* Мыльник! Погодка-то, *господин-товарищ* Мыльник...» [Замятин 1989: 381].

Противопоставленность 'своего' и 'чужого' четко выразилась в советской лексикографии. Безусловное отторжение лица, именуемого *господином*, от монолита нового общественно-государственного устройства подчеркивается не только словарными толкованиями и иллюстрациями употребления, но также и пометами, указывающими на архаичность лексемы: *господин* – 1) 'при фамилии или звании – формула вежливого упоминания или обращения (к лицу из господствующих классов; на письмо обычно обозначалось сокращенно «г.» или «г-н»; д о р е в о л ю ц.)'. «Г. профессор». «Передайте это г-ну Петрову». // В журнальной и газетной полемике, а также в устной речи – формула иронического упоминания своего противника или лица, не заслуживающего уважения. «Строжайше б запретил я этим господам на выстрел подъезжать к столицам». Грибоедов. «Обещание господ Пуанкаре начать интервенцию в 1929-1930 гг. не оправдалось». Орджоникидзе. «Господа уклонисты»; 2) 'человек, по внешнему виду принадлежащий к привилегированному сословию' (д о р е в о л ю ц.); 3) 'владыка, повелитель, властитель' (книжн. у с т а р.). «Рабы повиновались своему господину»; 4) только мн. 'вежливое обращение к нескольким лицам' (к мужчинам или к мужчинам и женщинам вместе; д о р е в о л ю ц.). «Господа, пойдемте гулять!»; 5) только мн. Мн. ч. к *барин* (простореч. у с т а р.). «Господа отпустили прислугу со двора». «Где нам, дуракам, чай пить с господами!» Поговорка [СУ I: 607].

Варьирование определенных слов – замена *товарищ* на *господин* – при упоминании чьих-либо фамилий служило совершенно недвусмысленным указанием политической неблагонадежности, а следовательно – враждебности называемого лица по отношению к правящей партии, государству, ко всему, официально одобряемому и поддерживаемому. «Их [подозреваемых в отступничестве *товарищей*] фами-

лии могут употребляться без указанных форм. Более того, подозреваемые даже принципиально лишаются этого партийного титулования [т.е. *товарищ*] и могут называться *господами*, это означает «враги» [Романенко 2003: 169]. Ср.: «На XVII съезде выступили Бухарин, Рыков и Томский с покаянными речами, восхваляя партию, превознося до небес ее достижения... Партия видела, что на деле эти *господа* переключаются в своих фальшивых речах со своими сторонниками вне съезда... Партия, однако, еще не догадывалась, что, выступая на съезде с слащавыми речами, эти *господа* одновременно готовили злодейское убийство С.М. Кирова» [История ВКП(б) 1953: 310].

В дальнейшем жесткость лексикографических формулировок несколько смягчается (повидимому, вследствие того, что строительство социализма в Советском Союзе официально стало принято считать успешно завершённым, а достигнутые результаты необратимыми – в том числе и из-за отсутствия внутренних врагов). Теперь *господин* – 1) 'правитель, облеченный высшей властью над всеми; властелин, повелитель'... // 'лицо, пользующееся властью по отношению к зависимым или принадлежащим ему людям, например, помещик по отношению к крепостным, барин по отношению к прислуге'... // 'тот, кто обладает властью над чем-л., свободно распоряжается чем-л.'; 2) 'в буржуазно-дворянском обществе: 'человек, принадлежащий к привилегированному слою общества'...; 3) 'форма вежливого обращения или упоминания в дореволюционное время – при фамилии или звании лиц, принадлежавших к привилегированному обществу, в настоящее время – по отношению к официальным представителям или гражданам других государств'...; // мн. ч. 'форма вежливого обращения к группе лиц, употреблявшаяся в привилегированных слоях общества'... // мн. ч. (часто с указат. местоимением) и рон. 'по отношению к лицам, не пользующимся уважением или вызывающим презрение своим поведением' [МАС₂ 1981, I: 338].

Но затем наступает момент, когда «политические обзоры, теледебаты, короткие газетные заметки и передовицы просто немислимы... без использования слов *господин-господа* как индекса вежливости при пофамильном обращении или назывании» [Колтунова 1988: 55]. Однако, почему-то не считая данный вокатив «идеологизированным» (в отличие от *товарищ*), вероятно, поскольку якобы «в публицистической диалогической речи обращение это перестает содержать элемент социальной адресации», цитируемый автор здесь же констатирует: «Так сегодня принято обращаться к деятелям культуры, к бизнесменам, к политическим деятелям, к должностным лицам и народным избранникам, к ученым и юристам» [там же] – вряд ли это означает утра-

ту «элемента социальной адресации»; напротив, он выражен весьма заметно. Да и даже через два десятилетия, прошедшие после цитируемой публикации, довольно сомнительно, что «сфера использования обращения *господа* – *господин* расширяется при явной тенденции к десемантизации слова» [там же]: очевидно, хорошо сохранившийся рудимент семантики существительного *господин* предыдущих исторических периодов («владелец, хозяин, барин»), равно как и более или менее осознанное представление о малоподходящем для них обращении *господин*, несомненно бытующее среди тех, кто не является ни властителем, ни повелителем, наверняка препятствуют возможно более широкому распространению данного вокатива. Это можно считать вполне логичным.

Согласно новой лексикографической дефиниции, *господин* – 1) 'человек из привилегированных кругов'; 2) 'человек, обладающий властью над теми, кто от него зависит, повелитель'; 3) 'тот, кто властен распоряжаться чем-н.'; 4) 'форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании' [ТСРЯ 1996: 137].

В другом послесоветском словаре данное слово снабжено пометой, указывающей на возвращение его – как обращения – из пассивного запаса: здесь *господин* – 'форма вежливого обращения (обычно в официальной обстановке) или упоминания при фамилии или звании' [ТССРЯ 2001: 181]. Впрочем, как свидетельствуют приводимые в этой словарной статье иллюстрации – цитаты из периодической печати, такой вокатив предназначается далеко не для всех граждан России, демократического правового государства (так – в действующей Конституции РФ); ср.: «По «молодости» *господа* бизнесмены закупают технику у отечественных фирм...» «Я достаточно хорошо знаю *господина* Китовани, чтобы поверить в реальность тех угроз, которые слышал от него и его охранников... «Идея такого подобия конфедерации принадлежит президенту Казахстана г-ну Назарбаеву и очень поддерживается такими российскими политиками, как *господа* Шумейко и Шахрай» [там же]. По отношению же ко всем остальным такое обращение оправданно маркируется как ироническое: «Очередь – это феномен, они неистребимы. Почти исчезли очереди в магазинах, но что это? За чем стоим, товарищи? То есть, *господа*, я хотел сказать... За валютой. За жетонами метро. За акциями любимого АО»... [там же].

Гражданин. Этимологически слово *гражданин* считают не калькой, но старым структурно-семантическим соответствием греческого πολίτης [Веселитский 1972: 173]. Для древнерусского периода его значение определяют как 'член городской общины; горожанин': «Гражданинъ же убо и иже отъ сельъ». Гр. Наз., 134. XI в. «[Царь Ахмут:] стоялъ подь городомъ три недѣли, на всякъ день приступая ко граду, бю-

щеся, граждане же ... одолъваху ему». Ерм. лет., 156 [под 1460 г.] и др. [СлРЯ XI – XVII вв. 1977, 4: 117].

В дальнейшем у слова *гражданин* развивается многозначность: *гражданин* – 1) 'житель города, горожанин'. «Великое людеи множество от отечества изгнанное, в городах Голландских застѣли, и оныя великим гражданов число умножили». Пуф. Ист. 1718 279. «Войско должно от народа зависати, а не народ от войска: а инако были бы члены отечества, граждана и поселяня, невольники ратников». Сум. СС VI 178 ... // ю р. 'член городского общества, представитель торгово-промышленного сословия, владеющий недвижимой собственностью, мещанин'...; 2) [графически помеченное как нарастающе употребительное] 'член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всех закону'. «Сельский гражданин прежде всѣх сам себѣ судия, собственная совѣсть каждаго всю рѣшит судьбу его». Зыб. 1777 37 ... // ф и л о с. 'в теории естественного права – член гражданского общества (после выхода его из естественного состояния)'// 'сознательный, исполняющий свой долг член общества'. «Благословим его <Радищева> мы прах! Кто столько жертвовал собою Не для своих, но общих благ, Кто был отечеству сын верный, Был гражданин, отец примерный». Пнин П.-р. 91 ... // 'член общества с республиканской формой правления в противоп. подданному при правлении монархическом'. «когда в Монархии Подданный низлагает с престола своего Царя, ... удостоится самая лютыя казни: то кто сомнится, чтоб в Республикѣ Гражданин, похищающий один всю себѣ власть, небыл Похититель и Тиранн, долженствующий заплатить головою своею Нарушение всѣм законам?» Римск. ист. XIV 244...; // 'во Франции после революции официальное название каждого француза'. «Все различие чинов должно быть уничтожено, и титул гражданин (Citoyen) должно соединить всех Французов», Политич. Журнал (пер. с нем.) [изд. в Гамбурге]1790 II 171 ...; // 'в древней Греции и Риме – свободный природный житель города-государства (не иноземец или раб)'; 3) [графически помеченное как сокращающее употребительность] 'штатский или светский человек (не военный, не духовного звания)' [СлРЯ XVIII в., 5: 212-213]. Однако использование его в функции обращения в России здесь не выделяется.

Считают, что слово *гражданин* в XVIII – начале XIX вв., наряду с другими славянизмами, подверглось переосмыслению, наполнению новым общественно-политическим и революционным содержанием в связи с развитием общественной мысли и социально-политических движений [История лексики 1981: 279]; ср. вышеприведенный оттенок семантики слова в знач. 2 [СлРЯ XVIII в., 5: 213], а также возникновение значения 'общественно полезный, пре-

данный своему отечеству человек' и то, что «в значении слова *гражданин* в это время присутствуют и идеи интернационального долга, причастности к общечеловеческим интересам, борьбе за общественное благо. Это значение реализуется в сочетаниях *гражданин света, мира, всех стран*» [История лексики 1981: 279-280], также [СлРЯ XVIII в., 5: 213]. Таким образом, «высочайшее повеление 1797 г.» Павла I, предписывавшее вместо *граждане* говорить *жители*, или *обыватели* [Веселитский 1972: 192-193] – вероятно, для пресечения революционных умонастроений, подобных французским, – не возымело желательного действия.

Впрочем, в определенной степени это отразилось в лексикографии: *гражданин* – 'городской житель, горожанин, посадский // член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство'. *Гражданином* известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового» [Даль 1955, I: 389-390]; хотя в цитируемой словарной статье и приводится словосочетание *гражданские доблести* – «мирные и миротворные, честь, любовь и правда» [Даль 1955, I: 390], но не упоминаются ни очевидно укрепившееся пафосное значение (а ведь к тому времени хорошо известны и лермонтовское – 1838 г.: «И прах наш, С строгостью судьи и *гражданина*, Потомок оскорбит презрительным стихом...» [Лермонтов 1970: 325], и некрасовское – 1856 г.: «...Поэтом можешь ты не быть, Но *гражданином* быть обязан» [Некрасов 1953: 92]), ни возможность употребления *гражданин* в качестве вокатива.

Некоторая активизация обращения *гражданин* произошла в начале XX века вследствие попыток реформирования устройства Российской империи «сверху» – путем учреждения Государственной Думы. Весьма вероятно, что в сознании многих носителей языка слово *гражданин* смогло произвести некоторую трансформацию их самооценки. Так, герой повести 1907 г. сапожник Уклеikin читает объявление: «*Граждане избиратели!* Сегодня, 22 февраля, в 8 часов вечера, в помещении театра народного дома имеет быть первое предвыборное собрание избирателей для обсуждения вопросов по выборам в Государственную Думу. Вход по именным повесткам... Кто-то живой, казалось ему, выбросил эти, на взгляд немые, буквы, забрался в голову и там, неслышный, но громкий, обращался к нему: «Граждане!..» Недавно, совсем недавно его никто и по имени-то не называл. У хозяина в учениках жил: «Митька», «черт», «поганец» – только всего и было, не говоря о рукоприкладстве. Заказчики обыкновенно говорили: «Ну ты... как тебя... Ты!» Заказчики из начальства, как, например, пристав, не называли никак, а издавали неопределенный звук – «гм»... Городовой, когда Уклеikin бубнил на улице, обзывал «лукопером»,

«шкандалистом» и «обормотом»... [Шмелев 1989а: 61-62]. Однако оказывается, что, как и зачастую, между «словом» и «делом» (т.е. фактом языка и реальностью) – дистанции огромного размера; это обнаруживается, когда тот же (почти уже окончательно считающий себя *гражданином*) сапожник обращается за разъяснениями к заказчику, «*господину*»: «... Пропечатаю там: «*граждане*... Стало быть, кто же я теперь такой буду?» «Да кто же... Кем был, тем и будешь». «А что же это – «*граждане*?...» «Н-ну-у... это так просто... Да ты не поймешь... Это вообще так... *граждане*...» «А-а-а... По случаю выборов?» «Ну да... А ты что думал? «Я-с... Я вникнуть, конечно, не могу, а...» «И не вникай... Ничего, брат, ты не поймешь» [Шмелев 1989а: 65]. Очень интересно, что Уклеikin ощущает в этом, так понравившемся ему обращении *гражданин* ассоциации с некоей сакральностью: «...Сам он последнее время проникся сознанием своей потерянности и ничтожности... Да иногда в церкви, у утрени, когда стоял в темном уголке, появлялась неизвестно откуда забегая дума, что все перед господом равны... Был еще момент. Это – когда он причащался. Все [«господа,... барыни..., девочки..., кучера и городовые... – и вообще народ» – там же: 64] шли к маленькой золотой чаше большой, замкнувшейся в себя, тихой толпой» [Шмелев 1989а: 63].

Судьба слова *гражданин* особенно резко меняется в 1917 г.

Слово *гражданин* как официально регламентированный вокатив было использовано в Декларации Временного правительства о его составе и задачах (от 03. 03. 1917 г.), которая и начинается с обращения: «*Граждане!*» [Хрестоматия 2005: 273]. Именование *граждане* применено ранее также особо – по отношению к солдатам – в приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 г., где говорится: «...6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все *граждане*. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется. 7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п., и заменяется обращением: *господин* генерал, *господин* полковник и т.д.» [Хрестоматия 2005: 278].

Ср. явно иронический эпизод романа, персонаж которого, довольно известный столичный адвокат, «назначенный Временным правительством комиссар армий Западного фронта», обращается к солдатам с речью: «*Граждане*, солдаты отныне свободной русской армии, мне выпала редкая честь поздравить вас со свет-

лым праздником: цепи рабства разбиты... Солдаты! Еще вчера вы были нижними чинами, бессловесным стадом, которое царская ставка бросала на убой... Отныне нет больше нижних чинов. Название отменяется. Отныне вы, солдаты, равноправные *граждане* государства Российского: разницы больше нет между солдатами и командующим армией... Вы можете здороваться за руку с генералом, если вам охота...» [Толстой 1982: 252-254]. Ср. в тексте обращения Временного правительства «Ко всем *гражданам*» от 28 августа 1917 г., подписанного А.Ф. Керенским: «Призываю всех *граждан* к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения Родины» [История государства 2003: 356]. И в резолюции «О власти», оглашенной большевистской фракцией на заседании ЦИК 31 августа (13 сентября) 1917 г., предлагается декретировать «уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие *граждан*» [История государства 2003: 357].

По-видимому, в тактических целях (еще и, может быть, во избежание ошибки в адресации к социально неоднородной аудитории?) готовившие очередную революцию тоже активно использовали обращение *граждане*. Об этом свидетельствует очевидец: «А революция «углублялась». Все смелее подымали голову большевики... Большевики захватили самовластно дворец [М.Ф. Кшесинской] и превратили его обширный балкон в революционный форум... Говорили ораторы толпе, что эти дворцы, *граждане*, ваши! В них жили эксплуататоры и тираны, а теперь-де наступил час возмездия. Недостаточно забрать эти дворцы – нет, нет, нет, *граждане!* Надо уничтожить как гадов самих этих злостных кровопийц народных!» [Шалпин 1991: 175-176].

Намерение, декларированное в резолюции «О власти», и было непродолжительное время спустя реализовано «Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 ноября 1917 г.: «Ст. 1. Все существующие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются. Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование *граждан* Российской Республики» [История государства 2003: 369]. В новом своем качестве слово *гражданин* успело быстро укрепиться и стало принципиально важным и высоко оцененным многими социальным знаком: «Из обычной повседневной жизни исчезло много выражений вежливости, так как современный *гражданин* цепко держится за равноправие и не хочет даже в языке допускать выражения чисто словес-

ного неравенства» [Баранников 1919: 76]; ср. рассказ М. Зощенко «Честный гражданин» 1923 г.

Впрочем, несколько лет спустя гораздо более предпочтительным (может быть, не для всех, но для очень значительной части общества) оказывается всё-таки другой вербальный символ-вокатив: *товарищ*. Стать *товарищем*, выражаясь сегодняшним языком, гораздо престижнее и успешнее, нежели оставаться *гражданином*; ведь *товарищ* – «высшая партийная ценность» [Романенко 2003: 168] – знак новой социальной иерархии, свидетельство абсолютной политической благонадежности и личной активной причастности к делам государственной важности. Так, в фельетоне М. Булгакова «Стенка на стенку» (1924 г.) описывается, как сельский фельдшер, подавший заявление о вступлении в коммунистическую (тогда единственную и правящую) партию, но принявший затем участие в традиционном кулачном бою местных крестьян по поводу престольного праздника (т.е. религиозного предрассудка), появляется в укоме (уездном комитете партии): «Он был в кожаной куртке, при портрете вождя, и сознательности до того много было на его лице, что становилось даже немножко тошно. Поверх сознательности помещался разноцветный фонарь под правым оком фельдшера, а левая скула была несколько толще правой... Он приветствовал всех словами, полными достоинства: «Здравствуйте, *товарищи*». На что ему ответили гробовым молчанием. А секретарь укома ... сказал фельдшеру такие слова: «Пройдемте, *гражданин*, на минутку ко мне». При слове «*гражданин*» Талалыкина несколько передернуло... Он повесил голову и удалился из укома. Раз и навсегда» [Булгаков 1989: 485-486].

Причем подобный прием развенчания уже применялся революционными вождями по отношению к бывшим единомышленникам, в том числе – зарубежным, например: «Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда *товарищ* Элленбоген – тогда он еще не был социал-патриотом, тогда он был еще *товарищем* – делал свой доклад...» [Ленин 1976: 177].

Новый статус слова *гражданин* естественно фиксируется советской лексикографией, снабдившей его соответствующей пометой: *гражданин* – 1) 'подданный какого-н. государства. «Американский г.». «Вот он (пролетариат), творец мирового труда и г. всей вселенной»; 2) 'сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным' (р и т о р.). «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Некрасов; 3) 'взрослый человек, мужчина' (н о в.). «Неизвестный г. раздавлен трамваем» // формула обращения к мужчине (н о в.). «Граждане, стойте!» [СУ I: 613-614].

Близкие к приведенным дефиниции находим и в дальнейшем: *гражданин* – 1) 'лицо,

принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности'. «Гражданин Советского Союза»; 2) 'взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему'...; 3) в ы с о к. 'человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу'...; 4) у с т а р. 'житель города, горожанин' [МАС₂ 1981, I: 342].

Верно замечено, что «всё же оттенок официальности тоже накладывал свою печать на это обращение [*гражданин*], поэтому не во всех случаях жизни им удобно пользоваться» [Формановская 1982: 113]. Но точнее было бы говорить в связи с этим о неких обертонах обращения *гражданин*, которые вносились в него применением в одной из наиболее привычных для многих сфер – в сфере правоохранительной деятельности. Ср. в следующих кинодраматургических микродиалогах: 1) «В дверь купе постучали. «Да!» – сказал следователь. Вошел Иван... «Здравствуйте, *гражданин* следователь». Следователь, забыв свое важное положение, громко засмеялся. И проводник – не понимая, в чем дело, – тоже неуверенно подхихкнул... «Почему же я – *гражданин*?» – спросил следователь, отсмеявшись. «А как?» «Обыкновенно – *товарищ*». Проводник понял, наконец, в чем дело, и чуть не захлебнулся в восторге от своей догадливости... «Рано!.. Рано *гражданином*-то. Это потом, чудак!» [Шукшин 1988: 250-251]. 2) «Думаю заняться сельским хозяйством, *гражданин* начальник» [обращается к начальнику колонии осужденный, у которого закончился срок лишения свободы]. «*Товарищ*». «А?» – не понял Егор. «Теперь для тебя все – *товарищи*», – напомнил начальник. «А-а! – с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. – Да-да! Много будет *товарищей*!» [Шукшин 1988: 292]. И в послесоветское время лексикографические характеристики слова *гражданин* меняются почти незаметно: *гражданин* – 1) 'лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей'; 2) 'взрослый человек, а также форма обращения к нему' [ТСРЯ 1996: 139]. Иногда указывают на активизацию его употребления: *гражданин* о ф и ц. 'лицо, пользующееся, наделенное правами гражданства в стране проживания' [ТССРЯ 2001: 185]. Следует отметить хотя бы один несомненный результат новейших социально-реформаторских экспериментов: исчезновение из лексикографии представления о *гражданине* как сознательном члене общества, подчиняющем свои личные интересы общественным и служащем родине и народу.

Впрочем, еще в период президентской избирательной кампании 1996 г. была, по существу, реанимирована ранее внедрявшаяся со-

ветской пропагандой интерпретация конституционного права гражданина участвовать в выборах органов власти как его гражданско-го долга, подлежащего неукоснительному исполнению. Ср.: «Председатель Центризбиркома Рябов сказал, что необходимо исполнить свой гражданский долг» [Время. ОРТ. 27.06.96]. «Корреспонденты «Взгляда» исполнили свой гражданский долг» [Взгляд. ОРТ. 05.07.96]. – и: «С чувством выполненного гражданского долга вы можете возвращаться домой и ждать результатов голосования» [из агитационно-рекламного видеоклипа ЦИК РФ. РТР, октябрь 2007].

Товарищ. Этимологически это слово обычно рассматривают как общеславянское заимствование из тюркских языков [Фасмер 1973, IV: 68]; первоначальное значение, вероятно, – ‘компаньон в торговле’ [Шанский 1971: 444]. Ср., однако, и другое предположение: «от др.-рус. *товарь*, одним из значений которого и, м.б., старшим на вост.-слав. почве, было ‘стан’, ‘военный лагерь’ [в частности, Срезневский отмечает *товарь* – ‘стан’ (‘военный лагерь’), а форма слова на *isc-ь* (*товарищъ*) могла возникнуть под влиянием др.-рус. *товарище* – также ‘стан’ у Срезневского» [Черных 1993]. В.В. Колесов называет его в числе именованных, развивающих прежнее образное значение ‘соратник в походе’: *товарищ* – «тот, кто с тобой, в одном «товаре», т.е. в торговой поездке, временный друг, но накрепко связанный с тобой всеми случайностями путешествия по диким и опасным местам» [Колесов 1986: 58]. Вплоть до XVI в. *товарищъ* – ‘участник, сотоварищ’: «Свѣдомо вамъ, что приѣздилъ здѣсе къ намъ попь Харитонъ отъ васъ съ товарищи на поставление». Кипр. м. посл. Пск. дух. п. 1395 г. «Пользъ есми на судно послово и съ товарищи». Афан. Никит. 331. «гсь оць нашъ, защити и сохрани... и отъ товарища немлосерда и отъ сусѣда не любя». Сбор. Кир.-Белоз. XV в. [Срезневский 1958, III: 969]. Считают, что это новое слово утверждается «уже без всяких колебаний», вытесняя в соответствующих стандартных ситуациях слово *другъ* [Колесов 1986: 58].

В XVI – XVII вв. слово *товарищъ* (*товарыщъ*) употребляется, по-видимому, широко. Преимущественной сферой его использования являются официально-деловые документы, ср.: «Во дворъ тягломъ Якушъ Юревъ оконничникъ... да ему жъ Якушу князь Федоръ Мещерский съ товарищи поддали въ полдвора въ подмогу брата его Трешку...» [Новг. п. кн. II. 19. 1586 г.]. «И Великий Государь... на тѣхъ своихъ измѣнниковъ и воровъ, на Ивашка Заруцкого съ товарищи и на его единомышленниковъ, за ихъ нестерпимыя злыя дѣла, послалъ боярь своихъ и воеводъ». ААЭ III, 53. 1614 г. «А ныне по нашему великого государя указу на него ж, вора и богаотступника и изменника на Стеньку Разина, и на его участников, на такихъ же воров, послан

с Москвы... Иван Васильевич Бутурлин с товарищи». Разин. Восст. II-III. № 199. 142. 1670 г. «Буде они [бежавшие из Москвы «розных полков надворные пехоты многие люди»] про ково из товарищей своих или про поноровщиков скажут и тѣхъ потомуж вель имат и распрашивать про все подлинно». А. Дедил. воев. Избы. № 644. сст. 2. 1682 г. и др. [КДРС].

Вместе с тем, слово *товарищъ* неоднократно встречается и в публицистике того времени: «...Та же собака, изменник князь Семен Ростовский... своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарищи, нашу думу изнесе...» Ив. Гр. Посл.. 41. 1564 г. «...Егда первое посылахом на Казанскую землю воеводу своего, князя Семене Ивановича с товарищи...» Ив. Гр. Посл., 47. 1564 г. «...Паче же наругающе и попирающе ангельски образ, и согласующе ти ласкателем, и товарищем трапезы...» Курб. Эп. «...Епископъ Суздальский онъ, пьяный и сребролюбный, ...глагола: «Феодорить... давный согласникъ и товарищъ Артемьевъ; негли и самъ еретикъ есть». Курб. Ист., 336. XVII ~ XVI вв. «Сему ж вражю совету бысть единомысленник Иван Плещеев с товарищи». Сказ. Авр. Пал.. 190 об., 1620 г. [КДРС]. Используется это слово и в нейтрально-повествовательных частях летописей: «Въ мае же послалъ государь на Волгу атамана Ляпуна Филимоновича съ товарищи...» Львов. Лет. II. 584 г. (под 1557 г.) и др., а также в частной переписке [КДРС]; оно, несомненно, употреблялось и в устном разговорно-бытовом общении. Так, в Холмогорах или Архангельске Р. Джемс записывает в своем словаре-дневнике: «*tovarish*, а *fallowe* приятель» [Р. Джемс. Словарь. С. 125. 1619 г.]

Вероятно, для XVI-XVII вв. слово *товарищ* можно считать общеупотребительным и не выражавшим какую-либо оценку называемого им лица. Однако не обнаружены свидетельства указанного времени об использовании этого слова в качестве обращения.

Русская лексикография XVIII в., по существу, подтверждая эти характеристики, указывает и на многозначность слова, причем старинное его значение, по-видимому, еще не забылось – оно не снабжено хронологической пометой: *таварищъ* – 1) ‘участник в торгу’; 2) ‘в пространнейшем смысле значит: отправляющего одну с кем должность, находящегося в одном с кем состоянии’. «Таварищъ въ учении, въ пути» [САР1, САР2]. Почти совершенно совпадает с этой дефиниция в [Сл. Соколова], однако здесь иное написание заглавного слова – *товарищъ*.

Впоследствии лексикографические дефиниции заметно меняются: *товарищъ* – 1) ‘находящийся в одном с кем обществе, участвующий в делах или занятиях другого’; 2) ‘помощник, сотрудник (министра)’ [Сл. 1847 г.]; *товарищъ* – ‘другка, сверстник, ровня в чем-либо; однолёт, односум, помощник, сотрудник, соучастник в чем; клевет, собрат’. «Товарищъ дѣтства», –

‘совоспитанник’; «по службѣ» – ‘сослуживец’ – «Въ дорогъ сынъ отцу товарищъ» – оба равны, помогают друг другу... «Товарищъ министра» – ‘старший помощник, заступающий его’. В вербованных полках рядовой назывался *товарищем*. ... «Слуга барину не товарищъ», «Чортъ попу не товарищъ»... «Родной братъ продасть, а товарищи не выдавцы» и мн. др. [Даль 1955, IV: 409].

Слово *товарищ* довольно часто используется, например, в произведениях А.П. Чехова конца XIX в. в качестве, как выразились бы сегодня по-новорусски, корпоративного именования; так называют членов профессиональных сообществ: актерского («Первый любовник» 1886 г. и др.), педагогического («Папаша» 1880 г.; «Учитель» 1886 г., «Учитель словесности» 1889 г., «Человек в футляре» 1898 г. и др.), медицинского («Интриги» 1887 г., «Скучная история» 1889 г. и др.). Добавим, что в одном из своих писем М.П. Чеховой писатель приводит следующие тексты полученных им телеграмм в связи с постановкой пьесы «Дядя Ваня»: «Врачи – *товарищи*, члены VIII пироговского съезда русских врачей..., шлют горячо любимому автору, своему дорогому *товарищу* выражение глубокого уважения и пожелание здоровья»... «Земские врачи глухих углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют *товарища*...» [Чехов 1957: 472].

По крайней мере, к концу XIX в. обращение *товарищ* утверждается и в среде русского студенчества (см.: [Гиляровский 1979: 220 и др.]).

Весьма значительные трансформации судьба слова *товарищ* претерпела в конце XIX и особенно в начале XX века вследствие крупномасштабных общественно-политических процессов. Изменения в семантике и прагматике слова отразились в дневниках, мемуарах и других произведениях многих очевидцев и участников исторических событий, причем особенно важными являются два обстоятельства: во-первых, различные (иногда – диаметрально противоположные) оценки разными авторами (в том числе – устами их персонажей) революционных нововведений, что позволяет полнее определить роль социального фактора в отношении к слову *товарищ*; во-вторых, высокая степень образованности, литературной одаренности, языкового вкуса авторов, что помогает лучше увидеть и понять динамику семантико-стилистических эволюций слова.

Так, в рассказе «Губернатор» (1905 г.) один из персонажей именует своими *товарищами* участников революционной организации [Андреев 1957: 340-341]; в рассказе того же автора «Иван Иванович» (1908 г.) *товарищами* называют друг друга члены революционных боевых дружин [Андреев 1957: 367, 368, 373], когда же так пытается обратиться к дружинникам их пленник – околоточный надзиратель, это немедленно вызывает отторжение и угрозу, и то-

гда он использует обращение *граждане*, показавшееся им смешным в устах полицейского [Андреев 1957: 366]. Вокатив *товарищ* используют между собой и идущие на казнь революционеры [Андреев 1957: 442].

Косвенная характеристика восприятия обращения *товарищ* в формирующемся новом значении содержится в пересказе монархистом М.В. Родзянко выступления одного из революционно настроенных ораторов: «Вот председатель Государственной Думы всё требует от вас, чтобы вы, *товарищи*, русскую землю спасали... Так ведь, *товарищи*, это понятно... У *господина* Родзянко есть что спасать» [Шульгин 1989: 215]. Интересно замечание того же мемуариста, также убежденного защитника самодержавия, о том, что после его речи перед гарнизоном Петропавловской крепости 1 марта 1917 года о необходимости поддерживать воинскую дисциплину и оборонять крепость («слушали, по-видимому, понимали и даже сочувствовали»), «кто-то крикнул: «Ура *товарищу* Шульгину!» Но, уходя под это «ура», я очень ясно чувствовал, что дело скверно...» [Шульгин 1989: 209].

Конечно, восприятия и оценки разными адресатами обращения *товарищ* варьировались, в том числе и в зависимости от эмоциональных факторов: «Революционеры-каторжане [возвращавшиеся из Сибири после февральской революции 1917 года], оказывается, очень меня любят как писателя, и я, хотя и отклонял от себя почетное слово – *товарищ*, но они мне на митингах заявили, что я – «ихний» и я их товарищ. Я был с ними на каторге и в неволе, – они меня читали, я облегчал им страдания» [Шмелев 1989б: 21].

Слово *товарищ* именно в качестве обращения становится в массах революционно настроенных носителей языка всё более популярным. Ср. фрагмент протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Коломенского района Петрограда (от 2 августа 1917 г.): «*Товарищи!* Будьте на страже, копите силы, укрепляйте революционные организации, сплывайтесь вокруг них...» [Хрестоматия 2005: 283].

И.А. Бунин в своих дневниках (1917 – 1918 гг.) использует слово *товарищ* и его производные в качестве резко пейоративных: «Позавчера Телешов рассказывал, как на него замахнулся хлыстом (в банке) какой-то «*товарищ*» – из начальства при банке – и крикнул: «Молчать!» «Подошел кто-то, что-то «*товарищеское*», хотя мужик (молодой)...» [Бунин 1988: 411, 396]. Писатель, один из участников диалогов «На пиру богов», заявляет: «Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что «*товарищи*» кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими духовными способностями, особой

разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [Булгаков 1991: 80].

Ср. оценочно близкое высказывание литературного персонажа: «*Товарищи* грабить поехали, пропасти на них нет!» – про себя решил человек с мешком...» [Платонов 1988:320].

Проблема выбора обращения либо к незнакомому, либо к социально чуждому лицу становится в связи с этим весьма актуальной. Иногда при знакомстве представляющийся сам четко обозначает свою политическую ориентацию (а заодно – принадлежность к правящему классу). Ср. – в ироническом изложении рассказчиком событий 1918 г.: «Юноша с оттопыренными губами и ушами величественно протягивает мне руку и отрекомендовывает себя: «*Товарищ* Мамашев» [Мариенгоф 1990: 23].

В других случаях у адресанта, не утратившего прежней самоидентификации, возникают значительные затруднения: «Мне вспоминается... петербургский [советский] не то воевода, не то губернатор *тов.* Москвин... Узнаю: концерт запрещен... Кто запретил? Москвин... Оказывается, есть такой губернатор в Петербурге... Позвонил по телефону, вызываю губернатора Москвина: «Как это, *товарищ* (а сам думаю, можно ли говорить «*товарищ*» – не обидится ли, приняв за издевательство?), слышал я, что вы концерт мой запретили». «Да-с, запретил, запретил-с, *сударь!*» – слышу я резкий, злой крик» [Шаляпин 1991: 184].

М.А. Осоргин счёл даже нужным особо указать на оплошность итальянского филолога-русиста, «упустившего случай» в своей статье «поговорить о сменившем слово *господин* слове *товарищ*, символе коммерческой сметки (от «товар»)» [Осоргин 1990: 56] – видимо, в полемическом запале не приняв во внимание собственно историю этого слова в русском языке. Впрочем, отечественные лингвисты сразу же заметили изменения в семантике и употреблении слова. Например, А.П. Баранников констатировал: «В кругах рабочих, крестьян и солдат вскоре после революции слова *господин*, *барин*, если не исчезли, то стали ругательными. В интеллигентских кругах слово *товарищ*, раньше обозначавшее только человека, связанного с нами общим занятием и общими интересами, после революции стало просто личным местоимением, подобно тому, как в древнеиндийском языке слово *bhagavan*, обозначавшее раньше «господин», стало равнозначно нашему *Вы*. Новое значение слова *товарищ*, как личного местоимения, видно хотя бы из того, что оно утратило род и стало употребляться в обращениях к лицам того или другого пола; причем особенно характерным является народное посредствующее между приведенными значениями – старым и новым в смысле личного местоимения – выражение, употреблявшееся хоть и в шутовском смысле, но тем не менее знаменательное: *товарищ в юбке*. Слово *товарищ* своим значением чрезвычайно далеко отошло

от соответствующей ему формы женского рода *товарка*, которое продолжает сохранять свое старое, дореволюционное значение. В мае – июне [1917 г.] слово *товарищ* стало обозначать в тех же кругах только солдат и рабочих, а несколько позднее – специально только большевиков и полевее» [Баранников 1919: 79-80].

Интересно и то, что слово *товарищ* как обращение и одновременно знак социально-политической принадлежности могло применяться в тексте художественного произведения для изображения тайного противника революционных сил. Таков эпизод романа А.Н. Толстого «Восемнадцатый год»: «Там [в комнате начштаба армии Сорокина], с ногами на ободранном диване, лежал щегольски одетый военный, рассматривая ногти. С крайней вежливостью и вдумчиво-пролетарским обхождением, через каждое слово поминая «*товарищ*» (причем «*товарищ*» звучало у него совсем как «граф Соколовский», «князь Телегин»), он расспросил о сути дела, извинился и вышел, поскрипывая желтыми, до колена шнурованными башмаками... Соколовский горящими глазами глядел на Телегина: «Ты понимаешь что-нибудь? Куда мы приехали? Ведь это что же, – белый штаб?» ...Вошел начальник штаба [бывший полковник царской армии – «он всем нутром, во сне и наяву, ненавидел красных»]: «Дежурный мне передал, что вы, *товарищи*, прибыли по срочному делу», – сказал он холодно и важно... – «Хвалю ваше усердие, ваш революционный пыл. (Он как бы подыскивал слова). Но впрямь я просил бы не развивать паники...» Соколовский сидел, точно его пришибли: «Я не могу вернуться в полк с таким ответом... Предупреждаю, что на митинге я буду говорить за выступление...» Начштаба начал багроветь...: «И вы ответите перед ревтрибуналом армии, *товарищ!* Не забываете, у нас не семнадцатый год! – «Не запугаете, *товарищ!*» [Толстой 1982: 395-396].

Несколько иной пример гиперкорректного употребления обращения *товарищ* содержится в «шутейном рассказе» (1923 г.): сельская красавица знакомится с представителем уездного политпросвета, «светловолосым красивым юношей, *товарищем* Васютиным»: «Таня два раза мимо проплыла, наконец насмелилась: «Здравствуйте, *товарищ!*...» – «Пойдемте, *барышня* [!], освежимся!» – и Васютин взял ее под руку...» «Ужаси в нашем месте скука какая. Одна необразованность», – вздыхала Таня... «А вы что же, в городе жили?» – «Так точно. В Ярославле. У одной барыни паршивой служила по глумости, у буржуазки. Теперь я буржуев презираю. А вы, *товарищ*, женились когда-нибудь гражданским браком?» [Шишков 1961: 529-531].

Изменения в частотности употребления слова *товарищ* могут служить и дополнительной приметой времени описываемых в художественном тексте событий; например, «здоровый

частник» (его очевидный сегодняшний аналог – «эффективный собственник») Корейко прибывает в Москву, когда «слово *гражданин* начинало теснить привычное слово *товарищ*» [Ильф, Петров 1957: 373] – т.е. при введении нэпа.

Объясняя эволюции слова *товарищ* после 1917 г., Л.В. Щерба указывал и на возникшую у него эмоциональную окрашенность: «...Слово *товарищ* первоначально употреблялось преимущественно в тех случаях, когда были основания думать, что обращаешься к единомышленникам. Постепенно употребление это несколько расширилось, но всё же его происхождение и сохраняемая им благодаря этому задушевность [!] мешают употреблять его по отношению к явно несимпатичному человеку: *гражданин* Иванов, скажем мы в таком случае. В результате слово *гражданин* в известных условиях неожиданно может получать неодобрительный оттенок, несмотря на возвышенный характер понятия, им выражаемого» [Щерба 1957: 127].

Однако – почти совершенно неожиданно – оказывается, что *товарищ* – не только «высшая партийная ценность», но и «возможный, потенциальный враг» [Романенко 2003: 168]: «Характерным лингвистическим сигналом и дополнительной негативной оценкой слов этой группы [«образ врага»] являются указательные местоимения *этот (эти)*, реже *такой*. Например: «И все **эти** *товарищи*, к сожалению приходится считать их *товарищами*, пока не принято решение, – **эти** *товарищи* вели гнусную, контрреволюционную, противонародную линию»; ... «Есть и **такие** *товарищи*, которые утверждают, что яфетическая теория и есть марксизм в лингвистике»... Дополнительной негативной оценкой этой группы являются неопределенные местоимения *кое-кто*, *отдельные*, *некоторые*, употребляемые, как правило, с существительным *товарищи*. Например: «**кое-кто** из наших *товарищей* поторопились кое-где с введением непрерывки...» «В такой большой партии, как наша <...>, не могло не оказаться **отдельных** *товарищей*, недостаточно стойких и трезвых в деле борьбы с врагами народа». «**Некоторые** обывательски настроенные *товарищи* до сих пор еще думают, что можно было обойтись без борьбы с уклонистами». «**Некоторые** товарищи думают, что обезличку можно уничтожить заклинаниями...» [Романенко 2003: 117, 121-122].

Перемены, происшедшие со словом *товарищ* в советскую эпоху, четко отражены в соответствующих толковых словарях. В [СУ] *товарищ* – 1) 'человек, действующий, работающий вместе с кем-нибудь, помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни, и потому близкий ему'; 2) 'член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности – коммунистов)'. «Этот товарищ – прекрасно образованный марксист». «Поручить

дело нескольким энергичным товарищам». «Доклад будет сделан товарищем из районного комитета». «На этой (Таммерсфорсской) конференции впервые лично встретились Ленин и Сталин. До этого они поддерживали связь между собой письмами или через товарищей». История ВКП(б) // 'Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий к советскому обществу, всякий, кто вместе с другими участвует в общей советской работе' (н о в.)...; 3) 'то же – при фамилии или звании человека своей (партийной, советской) среды'... (н о в.) // 'при фамилии или звании-обращении к человеку такой среды' (н о в.)... «Товарищи матери, берегите здоровье своих детей!» // без имени или звания – обращение к любому взрослому постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; н о в. р а з г.). «Товарищи, соблюдайте очередь». «Потеснитесь, товарищи, дайте место старушке». 4) *кого* в наименованиях званий и должностей «помощник, заместитель» (д о р е в о л ю ц. о ф и ц.). «Товарищ министра». «Товарищ прокурора». «Товарищ председателя».

По мнению А.П. Романенко, «в описании первого значения [*товарищ* в СУ] «новизна» проявляется в употребленных АКС [т.е. архетипических ключевых словах] и примерах. В описаниях второго и третьего значений новое всё (о чем свидетельствует и помета «нов»), причем «новизна» эта так значима, что в примерах из советской и партийной жизни не используется традиционное лексикографическое сокращение слова до начальной буквы. Об этом же свидетельствует исчерпывающая полнота примеров» [Романенко 2003: 138].

В [БАС₁] *товарищ* – 1) 'человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т.п.; компаньон, сотоварищ // попутчик, спутник'...; 2) 'человек, связанный с другим общей профессией, местом работы, коллега' // 'человек, занимающий равное с другими людьми положение в обществе, коллективе; ровня' // 'человек, дружески расположенный к людям, с которыми связан, всегда готовый им помочь, услужить'...; 3) 'человек, связанный с кем-либо узами дружбы; близкий приятель, друг'...; 4) 'человек, идейно связанный с другими людьми, участвующий вместе с ними в общем деле, борьбе и т.п.; соратник, единомышленник'. «Слово «товарищ» выражает и единение, и равенство, и братство, и уважение, и сотрудничество». Н.С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. II. 6 // в языке революционеров – 'член своей политической партии, соратник по политической и революционной деятельности'...; 5) 'о человеке нового, социалистического общества; о советском человеке'. «Наше слово гордое «товарищ» нам дороже всех красивых слов». Леб.-Кумач. «Песня о Родине». «Надо обязать мужчин и женщин Словом, нас объе-

диняющим: «Товарищи». Маяк. Любовь. // 'о члене советского коллектива, учреждения, предприятия и т.п.' // 'о стороннике советской власти, о советском человеке (обычно в речи врагов)'... 6) употребляется при фамилии человека своей (партийной, советской) среды. 7) у с т а р. 'в наименованиях званий, должностей (в дореволюционной России) – помощник, заместитель'.

Нетрудно заметить перераспределение семантических позиций в иерархии значений слова, отражающее ряд изменений в его статусе уже в советскую эпоху, которые учтены составителями [БАС₁]. Так, в нем дифференцируется *товарищ* в знач. 1 [СУ] на два самостоятельных значения. Знач. 2 [СУ], подчеркивающее прежде всего акт принадлежности *товарища* к революционной, особенно – коммунистической партии, видеоизменяется в [БАС₁] в указание не на формально-организационную общность, а на единство идейных убеждений, и лишь как оттенок этого значения выступает «член своей политической партии» (причем «в языке революционеров»).

Оттенок знач. 2 [СУ], подаваемый как самостоятельное знач. 5 [БАС₁], утрачивает помету н о в., так же, как и знач. 3 [СУ], перемещенное в [БАС₁] на шестое место. [БАС₁] не приводит помеченного как н о в. р а з г. второго оттенка знач. 3 [СУ], по-видимому, потому, что вследствие многообразных процессов состав общества стал однородным и возможность ошибочного обращения к социально чуждому элементу составителями [БАС₁] уже не учитывается. На последнем месте в [СУ] и [БАС₁] – ставшее архаичным значение слова; дефиниции различаются лишь тем, что для составителей [СУ] важно акцентировать «старорежимность» этого значения, а для [БАС₁] – его устарелость. Кроме того, в словарной статье [СУ] отсутствует определение значения, аналогичное знач. 3 [БАС]; только знач. 1 [СУ] до некоторой степени схоже с «близкий приятель, друг», но и в этом случае основание для близких отношений усматривается именно в производственных, или в одинаковости, равенстве материального и общественного положения.

В [МАС₁] *товарищ* – 1) 'человек, близкий кому-либо по общности взглядов, деятельности, условиям жизни и т.п., связанный с кем-л. дружбой' // у с т а р. «'компаньон'»...; 2) 'член какого-либо (обычно революционного) партийного коллектива, какой-либо (обычно рабочей) общественной среды' // в том же значении при фамилии или имени члена такого коллектива, в обращении //;... 3) 'гражданин, человек в советском обществе' // в том же значении при фамилии, профессии, звании такого человека, в обращении...; 4) кого. у с т а р. в названиях должностных лиц.

В [МАС₂] *товарищ* – 1) 'человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т.п.; сотоварищ' // 'член торговой или

промышленной компании; компаньон' // у с т а р. 'попутчик, спутник'...; 2) 'человек, связанный с кем-л. по роду деятельности, занятий, месту службы, учебы и т.п.' // 'человек, занимающий равное с другими людьми положение в обществе, в коллективе и дружески расположенный к ним'; 3) 'человек, связанный с кем-л. узами дружбы, близкий приятель; друг'...; 4) 'член революционной рабочей партии, партийного рабочего коллектива' // в том же значении при фамилии или имени члена такого коллектива // в обращении; 5) 'гражданин, человек в советском обществе' // в том же значении при фамилии, профессии, звании такого человека // в обращении; 6) кого. у с т а р. в названии такого человека // в обращении; 6) кого. у с т а р. в названиях должностных лиц: 'помощник, заместитель'.

За двадцать лет – между первым и вторым изданиями Словаря русского языка АН СССР в четырех томах – в употреблении слова *товарищ* произошли новые изменения, послужившие причиной переработок словарной статьи в МАС₂ и ее отличий от соответствующих в СУ, БАС₁ и МАС₁. Сходные определения значений оказались передвинутыми: ср. знач. 2 [МАС₁] и знач. 4 [МАС₂], знач. 3 [МАС₁] и знач. [МАС₂], объединенное в знач. 1 [МАС₁] расслоилось на знач. 2 [МАС₂] и знач. 3 [МАС₂]. Интересно, что на первое место [МАС₂] вновь вышло значение, близкое знач. 1 [СУ] и особенно знач. 1 [БАС₁]; при этом на последнем месте во всех четырех словарях находится устаревшее – терминологическое.

Конечно, наиболее явными по сравнению с предшествующими периодами были трансформации в семантике, характере использования и сочетаемости слова *товарищ*, зарегистрированные СУ и впоследствии утратившие новизну. Однако и в последующее время его дефиниции не остаются неизменными.

«Постепенно выветривался острый социальный смысл, связанный с разделением общества на товарищей и «нетоварищей», и обращение сделалось применимым к любому человеку» [Формановская 1982: 110].

По мнению В.В. Колесова, «в известной песне на слова В. Лебедева-Кумача [«Песня о Родине»], которую пела вся страна, слово *товарищ* названо *гордым*, и это верно. Но это же объясняет и то, почему ни официальное *гражданин* (всегда требует обращения на *вы*), ни партийное слово *товарищ* (обычно на *ты*) не годятся как обращение в бытовом разговоре с незнакомым человеком, и на практике это всеми осознаётся. Ведь и *гражданин*, и *товарищ*, слова политического лексикона, по смыслу своему не только объединяют людей общим словом, они и противопоставляют их по какому-то признаку, достаточно важному, чтобы его учесть» [Колесов 1988: 251].

Вместе с тем, трудно переоценить длительную устойчивую важность слова *товарищ* в

формировании, укреплении и функционировании советской системы аксиологических ориентиров и установок межличностных отношений. Действительно, это слово принадлежит к числу «слов-символов», которые «имеют непосредственное отношение к строению нормативной речемыслительной системы советской логосферы. Но в то же время они незаметны..., обычны и не осознаются говорящими в качестве ключевых символических слов. Используя терминологию К. Юнга, их можно отнести к коллективному бессознательному и назвать **архетипическими ключевыми словами**» [Романенко 2003: 128]. Впрочем, именно эта «незаметность и обычность» слова гарантирует эффективность его использования для достижения политически и социально значимых целей.

Однако с наступлением так называемой «перестройки» резко меняется – в том числе – судьба слова *товарищ*, и как обращения – тоже: к власти стремятся иные, чем прежде, социальные силы (частью формально прежние, но преследующие теперь совсем другие цели). Ср.: «И вот представитель высшей советской буржуазии [«народный депутат» Евтушенко] предлагает отменить монополию на власть коммунистической аристократии. Для того, чтобы передать её выборным представителям буржуазии. Себе и своим приятелям... И, как любая другая группа, она ссылается на народ, дескать, власть должна достаться нам, дабы народу стало хорошо...» [Лимонов 1992: 198-199] (ср.: *господарищи* [Поляков 2007: 96]).

Затем, уже во время реформ, «в бывшем ГАИ состоялась такая сцена: ...Сидит подполковник. Инвалид спрашивает: «Как к вам теперь обращаться: *господа* или *товарищи*?» «Мы *товарищи*. *Господа* сидят в Думе». Вспомнил в связи с этим, что слово «*господин*» применительно к живому обращению я действительно впервые услышал в Госдуме, в 1992 или 1993 году» [Есин 2002: 361].

Эти изменения отразились в послесоветской лексикографии. Например: *товарищ* – 1) человек, близкий кому-н. по взглядам, деятельности и условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к кому-н.; 2) 'п р и с о в е т с к о й в л а с т и (обычно перед фамилией, званием, должностью, профессией) обращение к *гражданину* (во 2 знач.), а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии'; 3) к о г о 'в названиях некоторых должностей: помощник, заместитель' [ТСРЯ 1996: 788]; также (с графической пометой, указывающей на уход слова в пассивный лексический запас) *товарищ* – в с о в е т с к . в р е м я : 'обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека' [ТССРЯ 2001: 782].

Конечно, последний по счету этап эволюции слова *товарищ* как вокатива было довольно легко прогнозировать (см., напр., [Васильев

1992]). Небезынтересно, что во многих сегодняшних ситуациях официального и полуофициального общения ему на смену пришло обращение *коллега*.

Наиболее ранние фиксации его, по данным [КДРС], относятся к началу XVIII в.: «*Коллега* – товарищ, клевет». Лекс. вокаб. нов. [Смирнов, 1910: 8]. «Самые угоднейшие от числа коллег, или сосѣдателей особы...» Дух. Реглам., с. 5. 1721 г. Обычно в качестве языков-посредников, через которые слово вошло в русскую лексику, называют польский и немецкий [Смирнов, 1910]. Иногда слово *коллега* называют в числе заимствованных в результате знакомства с западноевропейскими системами образования [История лексики, 1981: 69], однако, по-видимому, его значение, как и сфера употребления в русском языке были изначально шире. Интересно отметить, что в [Сл. 1847] и в [Сл. Даля] существительное *коллега* не приводится (даны только однокоренные слова); нет его и в ряде словарей иностранных слов второй половины XIX века, хотя, по данным [БКСО], оно становится употребительным, особенно в 70-е – 80-е годы столетия, в частности в речи врачей, юристов и т.п. – лиц, владеющих латинской терминологией, связанных корпоративными интересами и занимающих формально равное положение в иерархии профессионального сообщества: «...Уважаемый *коллега*. Жила у актрисы Семирамидино принял блуждающую почку за абсцесс...». [Чехов. Интриги] «Действительно на консилиумах он (доктор Шелестов) иногда возвышает голос и обрывает *коллег*, не стесняясь присутствием посторонних...». [там же]. «Увидев входящего защитника, оба они (товарищ прокурора и гражданский истец) приятно удивились... – *Коллега!* Какими судьбами?» [Чехов. Первый дебют]. Ср. в речи представителей иных специальностей: «Многие ее *коллеги* по археологии и первобытной культуре «зашибаются» славянофильством...» [Боборыкин. Перевал]. «Наш почтенный *коллега*, господин Чертополохов, вчера благополучно возвратился из своего кругосветного путешествия». [Доросевич. Южные журналисты]. Следует заметить, что и в этот период существовали расхождения в склонении слова *коллега*, связанные, как полагают, с влиянием французского языка, где *colleague* – м. р. [Сл. Акад. 1911], например: «О первом заключении говорил (протопоп Туберозов) с довольно умным *коллегом* своим, отцом Николаем...» [Лесков. Соборяне. гл. 5]. «В Дерпте не водятся профессора, считающие... всех своих *коллегов* подлецами». [Пирогов. Дневник старого врача].

В повести А.П. Чехова «Скучная история» интересны примеры варьирования существительных, обозначающих в речи персонажей – медиков – их собратьев по профессии. Так, в беседе с рассказчиком, пожилым профессором и знаменитым ученым, пришедший к нему (очевидно, тоже весьма авторитетный его сверст-

ник) «товарищ» – именует рассказчика «collega» («мы не можем... не золотить нашей речи всякой китайщиной, вроде: «Вы изволили справедливо заметить...», т.е. это обращение входит в ритуал общения маститых ученых). В разговоре же с молодым и малосимпатичным доктором (которого рассказчик иронически называет про себя «молодой жрец науки») обращение профессора к нему – «collega» – подчеркнуто транслитерировано [Чехов 1955: 279-283].

Словари иностранных слов на рубеже XIX-XX веков объясняют значение слова *collega*, исходя прежде всего из представления об общности рода занятий для именуемых так лиц. Так, у Бурдона и Михельсона [1899] *collega* лат. *collega* – «сотоварищ, собрат по службе, занятию»; Берг [1901]: *collega* – «товарищ по занятиям»; Ефремов [1911]: *collega* лат. – «товарищ по занятиям, сослуживец». Более полное значение слова и характеристика его употребления даны в Сл. Акад. [1911], где *collega* латинск. *collega* – «товарищ по занятиям, особенно научным. Употребительно у врачей, студентов, юристов, художников и т.п., особенно как обращение к товарищу»; также «ласковое обращение профессора к студенту».

В [ПС – 1922] *collega* – «товарищ по занятиям».

СУ выделяет два значения – архаичное и «живое»: *collega* латин. *collega* – у с т а р. «товарищ по учению или преподаванию в университете». Он – мой к. по университету (профессор о профессоре или студент о студенте) // «товарищ по всякой работе, профессии». Действительно, в первой половине XX века и позднее происходило расширение использования слова применительно к представителям самых разных профессиональных сфер, ср.: «Победитель всех своих коллег (Миних)... оказался в трагически-беспомощном положении...» [Покровский. Русская история, Ш]. «Непопулярным оказался этот генерал и среди своих коллег...» [Игнатьев. 50 лет в строю]. «Элемент дружбы... можно было найти в личном общении Лавалы с его советскими коллегами (дипломатами)». Известия 1935 г. (примечательно, что здесь слово *collega* как бы уравнивает и объединяет разделенных идеологическими и политическими барьерами). «...Я заключил, что Попков (председатель колхоза) охарактеризовал своего коллегу верно». [Линьков. Война в тылу врага]. «Кучера... уже собирались в круг и раскуривали первые папиросы... Афанасий распряг своих лошадей и, вынув кiset, не спеша направился к своим коллегам». [Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды]. П, ХХІХ [БКСО].

Несколько иначе слово представлено в БАС₁: *collega* – «товарищ по учебе в высшей школе, по профессии или работе» «в обращении к сослуживцу, лицу той же профессии и т.п.». В СИС – 1954 *collega* лат. *collega* – «товарищ по работе, по профессии, должности или

званию». В МАС₁, МАС₂ *collega* – книжн. – «товарищ по работе, по совместной учебе (в высшей школе), по профессии»; то же – в СИС – 1979 и СИС – 1988 (за исключением пометы *книжн.*).

Довольно позднее вхождение слова *collega* в лексику русского языка можно связать с особенностями формирования в России интеллигенции как общественного слоя, сложения традиций межличностных отношений в этой среде и поисков соответствующих языковых средств для их выражения. Слово латинского происхождения (как и многие научные термины), распространенное в ряде западноевропейских языков, не несущее какой-либо оценки называемого лица и как бы уравнивающее между собой всех входящих в данное профессиональное сообщество, независимо от возраста, национальности, значимости достигнутых ими результатов и других черт, – слово *collega*, таким образом, стало одним из своеобразных социальных знаков достаточно замкнутой (но при этом всё увеличивающейся) группы. Возможно, именно этот отпечаток некоей кастовости (равно как и стремление ее преодолеть, войдя, например, в ту или иную категорию обособляющихся от остальных сограждан), как и ореол книжности, послужил, по крайней мере, одной из причин широкой употребительности слова *collega*, проявившейся в использовании его применительно к занятиям не только в сфере умственного труда.

Любопытно, что в последние годы в российской военной и сколько-нибудь военизированной (например, милицейской) среде обращение *collega* (особенно во мн. ч.) стало употребляться чрезвычайно широко (за исключением разве что строевых мероприятий, когда по-прежнему используется формула *товарищ* + звание). Трудно сказать, является ли это результатом политической предосторожности, осознания корпоративности или чем-то еще.

Рассмотрение динамики слов *господин*, *гражданин*, *товарищ*, *collega* в истории русского языка позволяет получить дополнительные сведения и об их эволюциях в функции вокативов.

Так, существительное *господин*, известное по древнерусским письменным памятникам, по крайней мере, с XII в., использовалось как обращение (конкурируя на начальном этапе с существительным *государь*), по некоторым данным, не позднее, чем с XIV-XV вв. К XVIII в. оно становится – и в течение этого столетия укрепляется, параллельно развивая многозначность, – уже традиционным вежливым обращением, но при этом обычно ограниченным социальным статусом адресата (он должен принадлежать, хотя бы по внешним признакам, к числу дворян и (или?) людей образованных). Такое положение сохраняется прежде всего в официально-коммуникативной сфере, почти вплоть до

октября 1917 г.; затем исторически чуть ли не моментально слово архаизируется, служа лишь обозначением «чужих» (явных либо скрытых внутренних и внешних врагов) и обретает определенные коннотации (оттенок иронии и под.). Торжество реформ в начале 1990-х извлекает из архивов языка слово *господин*, почти окончательно, казалось бы, ушедшее в пассивный запас, и делает его – конечно, особенно в роли обращения, – неким вербальным символом свершившихся радикальных перемен. Но и теперь этот вокатив предназначен далеко не для всех обитателей РФ: его адресация довольно четко ограничена принадлежностью к кругу «владельцев заводов, газет, пароходов» и их обслуживающего персонала (в целом предпочитающих именовать себя и себе подобных «элитой» [Васильев 2007]).

Известное по текстам памятников уже с XI в. существительное *гражданин*, также приобретшее разветвленную многозначность, активно начинает выступать в функции официального (и затем даже «заофициализированного») обращения с 1917 г., оставаясь таковым не только в годы Советской власти, но и после её падения. Однако и сегодня вряд ли возможно оценить этот вокатив как абсолютно общепринятый: помехой оказываются, по-видимому, и укорененность его в сугубо специфических коммуникативных сферах и ситуациях, и (хотя бы даже в малой степени) рудименты представлений о высокой социальной роли *гражданина*, о не изжитом пока еще пафосе *гражданского долга* (который в фантомном «гражданском обществе» сводится главным образом к аккуратной уплате налогов, а в последние годы – как и в советские! – чуть ли не совсем вытесняет конституционное **право гражданина** участвовать в выборах органов власти) и о прочих нерыночных реалиях.

Существительное *товарищ* отражается в древнерусской письменности довольно поздно, с XIV в. Не сохранилось документированных свидетельств (по XIX в. включительно) о его использовании в роли официального вокатива; таковым оно становится лишь в начале XX в. Советская лексикография четко фиксирует его эволюции: от стадии обращения к «своим» (с учетом незатухающей классово-борьбы) – до неограниченной употребительности (в свете окончательной и бесповоротной, как казалось, победы социализма). Сегодняшний же его уход в пассив – точнее, может быть, удаление пропагандистскими усилиями, включая и почти подчеркнутый отказ верхов российского общества от использования вокатива *товарищ* и их поголовное вступление в ряды *господ*, – законодательно тоже не утверждался. Однако этот, исторически столь же молниеносный, поворот в судьбе слова явился знаменем триумфа новой (или, может быть, несколько обновленной) социокультурной парадигмы; произошел переход от всеобщего равенства *товарищей* (пусть ино-

гда, наверное, имевшего декларативный характер) к откровенно подчеркнутому приоритету *господ* – о *гражданах* же теперь вспоминают, кажется, лишь в случае особой необходимости. Вероятно, с этим отчасти связана и сегодняшняя популярность корпоративного *коллега*.

Судьбы слов *господин*, *гражданин*, *товарищ*, *коллега* – и как обращений в частности – дают возможность иллюстрировать некоторые важные общетеоретические положения, в первую очередь о социальной природе языка и его имманентной идеологичности, по мере надобности используемой в чьих-то групповых интересах.

Слова принадлежат к инструментам общественной деятельности [Дорошевский 1973: 51] – и при этом «слова суть символы» [Булгаков 1953: 26]. Справедливо, что затухание в массовом сознании определенных динамических стереотипов (т.е. заключенных в психике личностей зарядов потенциальной энергии весьма значительной силы и широкой шкалы общественного воздействия) связано с социальными переворотами [Дорошевский 1977: 136]. Но то же самое приложимо и к феномену возникновения и актуализации многих лексико-фразеологических единиц. И, поскольку эти динамические стереотипы имеют (или могут иметь, при условии их осмысленного восприятия) вербальную выраженность, то об их отмирании либо, напротив, зарождении свидетельствуют эволюции слов, одновременно и сигнализирующих о социальных сдвигах, и служащих их импульсами и катализаторами.

Специфическая роль официально доминирующих вокативов обуславливается их статусом как сконцентрированных экспликаций воли правящего класса: «приходя к власти и уничтожая культурные ценности своих предшественников, каждый класс тем самым может для следующих поколений, по крайней мере, уничтожить, изгнать из словаря, языка названия этих ценностей» [Баранников 1919: 76]. Собственно, при этом малопринципиальными оказываются те или иные конкретные лозунги, начертанные на знаменах победителей: модальная сущность их действий довольно однотипна. Так, рассуждая о состоянии «человеческого субстрата» (под которым подразумевается «экономически предопределенный коллектив, нуждающийся в единообразном языке и потому всегда фактически и достигающий именно в своих пределах языкового единообразия»), Е.Д. Поливанов говорит, что современный ему языковой стандарт («общерусский язык революционной эпохи») находится «на пути к будущему признаку **бесклассовости**» [Поливанов 2001: 310] – и это в условиях конституционно гарантированной тогда диктатуры пролетариата [Хрестоматия 2005: 324 и др.]. Через три четверти столетия (причем, учитывая обилие исторических событий, «пронеслось непомерное пространство времени», по выражению

А.Н. Толстого) по-прежнему актуальна проблема отношения слов к идеологическому, классовому мировоззрению: «является ли господствующий класс также господствующим в отношении языка? Если класс-гегемон – как это признано – диктует другим классам и слоям правовые и этические нормы, то распространяется ли это также на язык?» [Комлев 2003: 107, 121].

По-видимому, и для самого цитируемого автора эти вопросы определенно имеют по преимуществу риторический характер; ср. следующее: «В условиях нашей страны, где сейчас осуществляется становление правового государства, а значит, и юридического равенства классов в государственном устройстве, напрашивается логический вывод о языковом равноправии классов. Допустим, что языки классов равноправны, но равны ли они в действительности?» [Комлев 2003: 121]. Понятно, что, какие бы декларации ни тиражировались, подоплека действий любого доминирующего социального слоя (класса) однотипна: укрепление всеми доступными способами своего господства и недопущение к рычагам управления («кормилу власти») всех прочих (ср. стихотворение М. Волошина «Государство»). Закономерно, что эти феномены универсальны: идет ли речь о совершенном социальном равенстве, манифестированном вокативом *товарищ*, или об откровенном уничтожении этого равенства, воплощаемом вокативом *господин* (в котором, кстати говоря, можно увидеть и результат «обезьяньего пристрастия самозванных «элит» к самолюбванию» [Колесов 2004б: 206]) – ср.: «[X съезд РКП (б) в 1921 г.] направил главный свой удар против великодержавности как главной опасности, т.е. против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великорусские шовинисты при царизме» [История ВКП (б) 1953: 246] – и: «Язык съезда [партии «Единая Россия»] должен стать языком государственных законов» [А. Усс, предс. Законодательного собрания Красноярского края. Новости. Афонтово. 30.11.06] – т.е. правящая партия традиционно предполагает установить в качестве общеобязательных свои вербальные символы и нормы их интерпретации.

Столь же закономерно, что для введения в широкий оборот какого-либо вокатива в статусе приоритетного не всегда обязательны официальные декреты, указы или иные законодательные акты. Многие члены данного общества (каждый – в силу своих причин) более или менее осознанно (и совсем не только из конформистских соображений) станут принимать, в той или другой степени охотно, навязываемые ими «правила игры», т.е. публичного речевого поведения и общественных отношений. Побудительные мотивы могут быть разными, и не в последнюю очередь – это, пожалуй, самый легкодоступный способ подражания высшим соци-

альным слоям и попытка собственного приобщения к ним – хотя бы на словах, либо стремление обозначить свою принадлежность к какому-то сравнительно замкнутому микросоциуму.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Л. Повести и рассказы. – М., 1957.
- Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского университета. Вып. 2. – Самара, 1919.
- Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. – М., 1989.
- Булгаков С.Н. Философия имени. – Paris, 1953.
- Булгаков С.Н. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1.
- Бунин И.А. Дневники // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. – М., 1988.
- Васильев А.Д. Динамика слова как следствие внеязыковых факторов // Язык и культура: Материалы Первой междунар. конф. – Киев, 1992.
- Васильев А.Д. Вербальные символы социальной дифференциации // Русский язык и ментальность: Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. Вып. 7. – СПб., 2007. С. 7-11.
- Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. – М., 1972.
- Волков С.С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ленинград, 1980.
- Гиляровский В. Москва и москвичи. – М., 1979.
- Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.
- Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора. – М., 2002.
- Замятин Е.И. Мамай // Замятин Е.И. Избранные произведения. – М., 1989.
- Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. – Новосибирск, 1957.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – Л., 1953.
- История государства и права России в документах и материалах. С древних времен по 1930 г. / Автор-сост. И.Н. Кузнецов. 2-е изд. – Мн., 2003.
- История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М., 1981.
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
- Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л., 1988.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001.
- Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004а.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт. – СПб., 2004б.
- Колтунова М.В. Господа-граждане-товарищи-господа // Русская речь. 1998. № 2.
- Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. – М., 2003.
- Лермонтов М.Ю. Дума // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1970.

Ленин В.И. Доклад о революции 1903 года // Сборник произведений В.И. Ленина. Изд. 4-е. – М., 1976.

Лимонов Э. Иностранец в смутное время // Лимонов Э. Иностранец в смутное время. Это я – Эдичка. – Омск. 1992. С. 7-253.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. – М., 1986.

Мариенгоф А.В. Циники. – М., 1990.

Некрасов Н.А. Избранные произведения. – М.-Л., 1953.

Осоргин М.А. Филология русской души // Русская речь. 1990. № 1.

Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А.П. Ювенильное море. – М., 1988. С. 188-551.

Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001.

Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре. – М., 2003.

Слово за слово: Карманный цитатник от Юрия Полякова. – М., 2007.

Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. ОРЯС – СПб., 1910. Т. 88. № 2.

Толстой А.Н. Хождение по мукам. – Челябинск. 1982.

Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). – М., 1982.

Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. 2-изд. – М., 2005.

Чехов А.П. Скудная история // Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. – М., 1955.

Чехов А.П. Письма 1893-1904 // Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 12. – М., 1957.

Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. – М., 1991.

Шишков В.Я. Спектакль в селе Огрызове // Шишков В.Я. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. – М., 1961.

Шмелев И.С. Гражданин Уклекин // Шмелев И.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М., 1989а.

Михайлов О.Н. Об Иване Шмелеве // Шмелев И.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М., 1989б.

Шукшин В.М. Киноповести. – М., 1988.

Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. – М., 1989.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. С. 113-129.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

БАС₁ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. – М.-Л., 1948-1965.

Берг 1901 – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. Ф.Н. Берга, А.А. Петрова. – М., 1901.

БКСО – Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Бурдон и Михельсон 1899 – Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, со значением их корней / Сост. И.Ф. Бурдон и А.Д. Михельсон. – М., 1899.

Даль, Сл. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. I-IV. – М., 1955.

Ефремов 1911 – Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. – СПб., 1911.

КДРС – Картотека Словаря русского языка XI-XVII вв. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

МАС₁ – Словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1957-1961.

МАС₂ – Словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1981-1984.

ПС 1922 – Политический словарь. Краткое научно-политическое толкование слов / Под общ. ред. Б.М. Эльцина. – М., 1922.

САР₁ – Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. 1-6. – СПб., 1789-1794.

САР₂ – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1-6. – СПб., 1806-1822.

СИС1979 – Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. – М., 1979.

СИС 1988 – Словарь иностранных слов. Изд. 15. – М., 1988.

Сл. Акад. – Словарь русского языка, сост. П. Отделением Имп. Академии наук. Вып. 1-5. – СПб., 1891-1926.

Сл. Соколова – Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых..., составленное П. С[околовым]. Ч. 1-2. – СПб., 1834.

Сл. 1847 г. – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Академии наук. Т. 1-4. – СПб., 1847.

СЛРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Изд. с 1988 г. (Л. – СПб.).

СЛРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Изд. с 1975 г. (М.).

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. – М., 1958.

ТСРЯ 1996 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е. – М., 1996.

ТССРЯ 2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревской. – М., 2001.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1964-1973.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка Т. 1-2. – М., 1993.

СУ – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. – М., 1935-1940.

© Васильев А. Д., 2009

Иньиго-Мора И.
Севиля, Испания
Перевод Е.Е. Аникина

**ВЫБОР МЕСТОИМЕНИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются культурные различия, представленные в политических интервью и конструируемые политиками с помощью личных местоимений первого лица. Для анализа были выбраны три интервью, взятых приблизительно в одно время (21 апреля 2003, 16 ноября 2003, 30 мая 2004) на фоне международного конфликта (войны в Ираке). В качестве интервьюируемых были выбраны три представляющих разные нации политика (Х.М. Аснар, Дж. У. Буш и Тони Блэр), каждый из которых занимал в своей стране самую высокую политическую должность.

Ключевые слова: выбор местоимений, политическая стратегия, эквивокация, вопрос коммуникативного конфликта.

Сведения об авторе: Изабель Иньиго-Мора, доктор философии, профессор.

Место работы: Севильский университет.

Контактная информация: Dpto. Filología Inglesa, Facultad de Filología, University of Seville, C/Palos de la Frontera, s/n, 41004, Sevilla, Spain.

E-mail: isabelin@us.es.

Сведения о переводчике: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454071, г. Челябинск, ул. Салютная, д. 17, кв. 93.

E-mail: ewganik_chel@mail.ru.

Iñigo-Mora I.
Seville, Spain
Translated by E.E. Anikin

**PRONOMINAL CHOICE
IN POLITICAL INTERVIEWS**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Abstract. The article discusses cultural differences found in political interviews and constructed by politicians by the choice of first person pronouns ("I" and "we"). I have selected three political interviews which took place around the same time (21st April 2003, 16th November 2003 and 30th May 2004) during the same international conflict (the Iraqi war), but which featured three different interviewees of three different nationalities. Nonetheless, these interviewees share a common characteristic: they held/hold the highest political status in their countries. These interviewees are: Mr. José M. Aznar, Mr. George W. Bush and Mr. Tony Blair.

Key words: pronominal choice, political strategy, equivocation, the issue of communicative conflict.

About the author: Isabel Iñigo-Mora, PhD, professor.

Place of employment: University of Seville.

About the translator: Anikin Evgeniy Evgenijevich, candidate of philology, senior teacher.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

1. Введение. Хорошо известно, что политики обычно отвечают не на все вопросы, которые им задают [Blum-Kulka 1983; Bull 1994; Bull and Mayer 1993; Clayman 1993 и 2001, Harris 1991]. Как отмечает Х. Вернер [Werner 1989: 115], «негативное общественное мнение относительно политического поведения отдельных политиков в большой степени связано с особенностями использования ими языка». С целью изучения конкретных политических стратегий, используемых политиками, я решила сфокусировать внимание на трех конкретных политиках из трех разных стран: Хосе М. Аснаре (Испания), Джордже Буше (США) и Тони Блэре (Великобритания), каждый из которых занимал высшие государственные должности. Указанные телевизионные интервью были записаны в период между 16 ноября 2003 г. и 30 мая 2004 г. По утверждению Анны Де Фина [De Fina 2003: 52]:

(...) посредством манипуляций с местоимениями, говорящие могут также передавать едва различимые социальные значения, которые имеют отношение к их социальной идентичности или к их положению по отношению к иным собеседникам, как присутствующим, так и потенциальным, а также обсуждаемым знаниям и темам.

Таким образом, конкретные задачи, стоящие перед данной главой, состоят в попытке определить, в какой степени кросс-культурное исследование подобного рода способно выявить, насколько манипуляции с местоимениями (1) зависят от фактора контекста и (2) зависят от фактора межличностных отношений. С этой целью я намереваюсь исследовать все возможные различия и / или сходства при использовании местоимений первого лица тремя разными политическими лидерами.

Я также намереваюсь объяснить выбор конкретных местоименных ссылок посредством прагматической сущности задаваемого вопроса. Я буду использовать термины «вопрос КК (коммуникационного конфликта)» и «эквивокация» (уклонение от прямого ответа), приводимые в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990]. Как разъясняет П. Булл [Bull 2003: 592], вопрос КК представляет собой «вопрос, все возможные ответы на который предполагают потенциально негативные последствия, однако ответ на который все равно ожидается»; в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] эквивокация определена как «...непрямая коммуникация; она представляется двусмысленной, про-

тиворечивой, отклоняющейся от темы, непонятной или даже уклончивой». [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990:28]. В ходе анализа 15 различных телевизионных политических интервью, Булл [Bull 2003] выделил 35 различных форм эквивокаций.

2. Эквивокация. Как указывает Клэйман [Clayman 2001: 403] «существует распространенное мнение, что политики зачастую ведут себя уклончиво, когда им задают вопросы новостные СМИ, и данное мнение не лишено оснований. Особый интерес представляет процедура кодирования, описанная Буллом и Майером [Bull and Mayer 1993] для анализа причин неспособности политиков ответить на определенные вопросы. На основе восьми телевизионных политических интервью, записанных в ходе кампании накануне всеобщих выборов 1987 г. в Великобритании, Булл и Майер провели сопоставительный анализ двух политиков – Маргарет Тэтчер (Премьер министр от Консервативной партии, 1979-1990 гг.) и Нила Киннок (лидера оппозиции – Лейбористской партии – 1983-1992 гг.). Данный анализ показал, что оба политика не смогли ответить на значительную долю вопросов, заданных им (Тэтчер – на 56% вопросов, Киннок – на 59% вопросов). Их классификация включает 11 категорий и 30 подкатегорий. Важно заметить, что отсутствие ответа может быть классифицировано в рамках различных категорий. Более современная классификация представлена в работе (Bull 2003).

Как уже отмечалось выше, Булл [Bull 2003: 592] разъясняет, что вопрос КК представляет собой «вопрос, все возможные ответы на который предполагают потенциально негативные последствия, однако ответ на который все равно ожидается»; в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] эквивокация определена как «...непрямая коммуникация; она представляется двусмысленной, противоречивой, отклоняющейся от темы, непонятной или даже уклончивой». [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990: 28]. Там же [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] указывается, что в любой коммуникативной ситуации индивид попадает в «коммуникативное поле», т.е. становится перед выбором одного из нескольких потенциально возможных коммуникативных путей. Кроме того, данное «коммуникативное поле» определяется социальными факторами, которые формируют коммуникацию (т.е. другие люди и контекст, в рамках которого происходит взаимодействие). Авторы указывают, что «любой выбор пути или опции, составляющих поле, чреват последствиями для индивида. Он вносит необратимые изменения в поле» [1990: 56]. В некоторых ситуациях индивид сталкивается с негативными альтернативами, что называется ситуацией конфликта типа «избегание-избегание», и в данном случае лучшей опцией становится эквивокация – уклонение от прямого ответа.

Весьма распространенной ситуацией, заставляющей людей прибегать к уклонению, является ситуация конфликта типа «горькая правда». В такой ситуации индивиду необходимо сделать выбор: сказать «красивую неправду» или «горькую правду». Случается также так, что индивид оказывается в ситуации необходимости сделать выбор, что приведет к недовольству одного из двух людей (или одной из двух групп), желающих слышать разные ответы. Возможной вариацией конфликта типа «горькая правда», имеющей непосредственное отношение к решаемым нами задачам, является ситуация, при которой правда вступает в конфликт с собственными интересами говорящего. Принимая во внимание особенность анализируемого дискурса (политического дискурса), мы можем добавить, что данная правда может вступать в конфликт с собственными интересами политической группы.

3. Формы обращения. Как видно из таблиц 1 и 2, в испанском языке (как и в английском) имеется единственная форма местоимения первого лица единственного числа «yo» («I» – «я»), а также местоимение первого лица множественного числа «nosotros» («we» – «мы»). Что касается второго лица, испанский язык предоставляет альтернативу: неформальное «tú» («you» – «ты»), а также вежливое «Usted». Данные местоимения имеют две возможные формы множественного числа: «vosotros» (неформальное «ты» во множественном числе – неформальное «вы»), а также «ustedes» (формальное «Вы» во множественном числе). Третье лицо обычно обозначается с помощью «él» («он», «he») или «ella» («она», «she») в единственном числе, с помощью местоимения «ellos» («они», «they») во множественном числе.

Таблица 1.

Личные местоимения в испанском языке			
	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
Единственное число	Yo	Tú Usted (вежл.)	El Ella Uno (неопр.)
Множественное число	Nosotros	Vosotros Ustedes (вежл.)	Ellos

Таблица 2.

Личные местоимения в английском языке			
	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
Единственное число	I	You	He She One/You (неопр.)
Множественное число	We	You	They

В данном анализе я принимаю в расчет не только эксплицитные местоименные ссылки, но и глагольное согласование и притяжательные местоимения, поскольку испанский является языком с опущением субъекта, где прямые местоимения могут быть опущены, а ссылка может быть выведена при помощи морфологии.

При обсуждении «стратегии негативной вежливости», Браун и Левинсон [Brown and Levinson 1987: 178] включают стратегию под названием «прояви почтительность». Негативное общественное лицо представляет собой желание сохранить независимость, а стратегии негативной вежливости созданы для защиты другого лица, когда потребностям негативного общественного лица угрожает опасность. В целом, как они объясняют:

Существует две стороны медали при проявлении почтительного отношения: первая, при которой некто S принижает и уничтожает себя, и другая, при которой некто S преподносит Н (оказывает Н такие знаки уважения, которые отвечают стремлению Н пользоваться привилегиями более высокого статуса). В обоих случаях доносится информация о более высоком социальном статусе Н в сравнении S.

Затем они также добавляют, что «феномены проявления почтительности, пожалуй, представляют собой наиболее очевидное проникновение социальных факторов в структуру языка в виде форм вежливости» [Brown and Levinson 1987: 179]. Они подчеркивают, что то же самое относится к использованию званий и имен в форме обращений вне коммуникативной ситуации приветствия или функции привлечения внимания. Они даже упоминают форму «господин президент» в политическом дискурсе. В таблице 3 указан список обращений, обычно используемых в испанском и английском языках.

Таблица 3.

Обращения в испанском и английском языках		
	Испанский язык	Английский язык
Мужской род	Señor (Sr.) Don (D.)	Mister (Mr.) Sir
Женский род	Señora (Sra.) Señorita (Srta.)	Mrs. Miss Ms. Madam

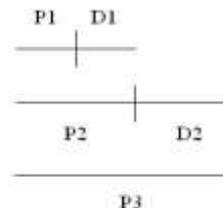
Как указывает Иньиго-Мора [Inigo-Mora 2004: 35], «та неопределенность, которая характерна для формы первого лица множественного числа, заставила Байбера [Biber et al. 1999] сделать вывод, согласно которому задача определения того, кого подразумевает местоимение, ложится на плечи самого адресата». В этом плане очень полезна теория, разрабатываемая Камио [Kamio 1994, 1995, 1997, 2001]. В целом, как поясняет Камио, если индивид счи-

тает, что некоторая порция информации находится внутри его / ее территории, он / она будет использовать лингвистические стратегии, отличные от тех, которые он использовал бы в ситуации, когда данная порция информации была вне его/ее территории. Принимая во внимание данную теорию информации, Камио [Kamio 2001] провел анализ различий между английским и японским языками в плане общеродового и неспецифического использования личных местоимений. Прежде всего, автор делает различие между P₂ и D₂, где P₂ относится к близкой к адресанту территории, а D₂ – к далекой от адресанта территории. Во-вторых, он выделяет в рамках P₂ особую подобласть, которую он называет «коммуникационным пространством» (т.е. адресант и его/ее окружающее пространство). И наконец, он делит данную подобласть на P₁ и D₁, представляющие территории адресанта и адресата соответственно.

Принимая во внимание данную теорию, я создала схему (см. рис. 1), иллюстрирующую различные типы местоимения «we» – «мы»:

4. Интервью. Данные, собранные для настоящего исследования, включают в себя записи трех интервью, сделанные в период с 21 апреля 2003 г. по 30 мая 2004 г. Источником речевых данных, использованных в исследовании, являлись записи BBC. Таблица 4 демонстрирует особенности данных трех записей.

Рис. 1.

где, P₁ = территория адресанта

D₁ = территория адресата

P₂ = коммуникационное пространство: инклюзивное «мы»

D₂ = отдаленное пространство: внешнее «мы»

P₃ = все человечество: общее «мы»

Таблица 4.

Полные записи			
Лицо, дающее интервью	Тони Блэр (Великобритания)	Джордж Буш (США)	Хосе М. Аснар (Испания)
Корреспондент, берущий интервью	Дэвид Фрост	Дэвид Фрост	Альфредо Урдаси, Бальтасар Магро, Мануэль Вентеро
Дата	30.05.2004	16.11.2003	21.04.2003
Канал	BBC1	BBC1	TVE 1
Кол-во слов	5 263 слов	5 063 слов	5 532 слов
Время	25' 03''	27' 14''	31' 42''
Кол-во реплик	48	41	26

Я исходила из того, что лучший способ собрать максимально однородный материал заключается в максимально возможном ограничении темы. Принимая во внимание, что (1) во всех интервью уделяется достаточно много времени (в среднем около 15 минут) конфликту в Ираке, а также то (2), что рассматриваемые нами три политика сформировали всем известную коалицию против терроризма, я решила уделить основное внимание данной теме. Таблица 5 иллюстрирует некоторые детали моих данных:

Таблица 5.

Выборка по конфликту в Ираке

Лицо, дающее интервью	Тони Блэр (Великобритания)	Джордж Буш (США)	Хосе М. Аснар (Испания)
Кол-во слов	3 086 слов	3 114 слов	2 858 слов
Время	15' 19''	16' 45''	15' 57''
Кол-во реплик	24	24	16
Кол-во вопросов	15	18	12

5. Результаты.

5.1. Вопросы КК и эквивокация. Таблица 6 демонстрирует процент КК и эквивокаций (уклонений от ответа), обнаруженных в каждом отрывке. Данный процент был вычислен с учетом общего количества вопросов (в данном случае, вопросов КК), а также всех вопросов КК (в случае эквивокационных ответов), заданных корреспондентами.

Таблица 6.

Процент вопросов КК и эквивокаций

	Вопросы КК	Эквивокация (уклонение от ответа)
БЛЭР	53,3% от общего кол-ва вопросов	87,5% от общего кол-ва вопросов КК
БУШ	55,5% от общего кол-ва вопросов	70% от общего кол-ва вопросов КК
АСНАР	50% от общего кол-ва вопросов	83,3% от общего кол-ва вопросов КК

5.2. Ссылка «You» («ты, вы») в вопросах. Я попыталась найти все случаи употребления местоимения «You» в вопросах корреспондентов Блэру, Бушу и Аснару. Было обнаружено 82 примера. Они были расклассифицированы на две отдельные группы: одна из этих групп включала только вопросы КК, другая – только вопросы не-КК. Затем я пересчитала частотность использования местоимения «You» в вопросах КК и в вопросах не-КК. В таблице 7 указаны результаты данного количественного анализа:

Таблица 7.

Частотность употребления местоимения «You» в вопросах

	В вопросах КК	В вопросах не-КК
БЛЭР	1,4 в вопросах КК	1,3 в вопросах не-КК
БУШ	1,9 в вопросах КК	1,9 в вопросах не-КК
АСНАР	1,7 в вопросах КК	2,3 в вопросах не-КК

5.3. Ссылка «I» в ответах. Я попыталась найти все случаи употребления местоимения «I» («я») в ответах Блэра, Буша и Аснара. Было обнаружено 172 примера. Они были сгруппированы в две отдельные категории: первая включала местоимения, произнесенные в уклончивых ответах, а вторая – те, которые были употреблены в прямых ответах. Затем я рассчитала частотность использования местоимения «I» в уклончивых ответах и в прямых ответах. В таблице 8 указаны результаты данного количественного анализа:

Таблица 8.

Частотность употребления местоимения «I» в ответах

	Эквивокация (уклонение от ответа)	Прямой ответ
БЛЭР	4,3 на эквивокацию	3,1 на прямой ответ
БУШ	4 на эквивокацию	5,5 на прямой ответ
АСНАР	2,6 на эквивокацию	2,1 на прямой ответ

5.4. Ссылка «We» («мы») в ответах. Точно так же, как и ранее, я попыталась найти все случаи употребления местоимения «we» («мы») в ответах Блэра, Буша и Аснара. Было обнаружено 156 примеров. Затем они были сгруппированы в две отдельные категории: первая включала местоимения, произнесенные в уклончивых ответах, а вторая – те, которые были употреблены в прямых ответах. Впоследствии я рассчитала частотность использования местоимения «we» («мы») в уклончивых ответах и в прямых ответах. Вот результаты, которые я получила:

Таблица 9.

Частотность употребления местоимения «We» в ответах

	Эквивокация (уклонение от ответа)	Прямой ответ
БЛЭР	3,4 на эквивокацию	3,5 на прямой ответ
БУШ	2,6 на эквивокацию	1,5 на прямой ответ
АСНАР	3,8 на эквивокацию	7,1 на прямой ответ

В целом, удалось выявить три основных типа местоимения «we»: (1) Экзистенциальное «we» (Далее по тексту – «Exist.We»), (2) Общородовое «we» (Далее по тексту – «Gen.We»), и (3) Внешнее «we» (Далее по тексту – «Ext.We»). Первый тип соответствует такому виду местоимения «we», который можно перефразировать предложением вида «there is/are». Например:

(1) BLAIR: It is. I mean **we've got** a principle now of two states, Israel and Palestine, and the Palestinian state has to (...)

В данном примере часть «we've got a principle now of two states» («у нас есть принцип двух государств») могла бы быть заменена на «there are two states» («существует два государства») без особого изменения смысла исходного утверждения. В связи с тем, что (1) я обнаружила только 6 примеров и (2) что указательные характеристики данного вида «we» весьма небогаты, я не стану проводить детальный анализ данного вида из соображений объема.

Общеродовое «we» имеет наиболее широкий охват, поскольку оно включает все человечество (которому угрожает опасность) целиком. В следующем примере Аснар говорит о желании, разделяемом всем человечеством, коим является желание невоенного решения конфликта в Ираке.

(2) AZNAR: (...) *a todos nos hubiera gustado una solución distinta. A todos nos hubiera gustado que (...)*

'(...) we all would have liked a different solution. We all would have liked that (...)'

(...) мы бы все желали другого решения. Мы бы все этого хотели (...)

Наконец, внешнее «мы» («we») имеет в качестве области охвата весьма удаленную территорию как от адресанта, так и адресата, т.е. «некоммуникационное пространство». В зависимости от сущности референта, оно может быть разделено на шесть основных подтипов:

Политическое «мы» («Pol.We»): Я + моя политическая группа (во всех указанных случаях, правительство).

«Мы» коалиционных сил («Co.For.We»): Я + страны, борющиеся с терроризмом.

Националистическое «мы» («Nat.We»): Я + весь британский / американский / испанский народ.

«Мы» Блэра и Буша («Ton.We»): Я + Тони Блэр.

«Мы» Объединенных Наций («UN.We»): Я + Объединенные Нации.

Европейское «мы» («Eu.We»): Я + все европейцы.

Таблица ниже показывает распределение различных типов местоимения «мы». Все случаи были нами разделены на две группы – эквивокационные и не-эквивокационные. Первая группа включает в себя все те случаи употребления местоимения «мы», когда ответ классифицируется как «эквивокация» («уклонение от ответа»), тогда как вторая группа включает те случаи, когда использован «настоящий» ответ (т.е. прямой).

Таблица 10.

Типология и процентное соотношение местоимения «We» («Мы»)

	Уклончивый ответ	Прямой ответ
БЛЭР	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 13 (54,1%) «Nat.We»: 5 (20,9%) «Gen.We»: 3 (12,5%) «Exist.We»: 3 (12,5%)	«Pol.We»: 13 (46,4%) «Co.For.We»: 4 (14,3%) «Nat.We»: 3 (10,7%) «Gen.We»: 6 (21,4%) «Exist.We»: 2 (7,2%)

БУШ	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 14 (77,9%) «Nat.We»: 2 (11,1%) «Gen.We»: 1 (5,5%) «Exist.We»: 1 (5,5%)	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 14 (82,4%) «Nat.We»: 2 (11,8%) «Gen.We»: 0 (0%) «Exist.We»: 0 (0%) «Ton.We»: 1 (5,8%)
АСНАР	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 0 (0%) «Nat.We»: 8 (42,1%) «Gen.We»: 0 (0%) «Exist.We»: 0 (0%) «UN.We»: 0 (0%) «Eu.We»: 11 (57,9%)	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 8 (16%) «Nat.We»: 31 (62%) «Gen.We»: 4 (8%) «Exist.We»: 0 (0%) «UN.We»: 1 (2%) «Eu.We»: 6 (12%)

6. Обсуждение. Представляется, что нет сильных различий в частотности вопросов КК: 53,3% (Блэр), 55,5% (Буш) и 50% (Аснар). В отношении процентного соотношения уклончивых ответов на эти вопросы КК нами так же не было отмечено особых различий. Тем не менее, представляется, что Буш реже остальных уклонялся от ответа (70% в сравнении в 87,5% и 83,3%). Одним из возможных объяснений данного различия может служить тот факт, что у Блэра интервью брал британский журналист для британского телеканала, у Аснара интервью брали три испанских журналиста для испанского телеканала, тогда как у Буша интервью брал не американский журналист (а британский) для не американского (а британского) телеканала. Степень угрозы для интервьюируемого пропорциональна частоте уклонения от ответа: чем более он чувствует себя вовлеченным, тем более уклончиво он себя ведет при вопросах КК.

Что касается использования местоимения «you» в вопросах, мы не обнаружили особой разницы между вопросами КК и не-КК в случаях Блэра (1,4 и 1,3) и Буша (1,9 и 1,9). В случае Аснара, напротив, характерны значительные различия: показатель 1,7 при вопросах КК при показателе 2,3 при вопросах не-КК. В этой связи представляется интересным выделить важные различия между испанским и британским стилями: если испанские журналисты использовали форму «обращение + фамилия» («*Señor Aznar*» = «Господин Аснар») и/или «Президент» (т.е. *presidente*) в 75% всех вопросов, то Дэвид Фрост просто использовал обращение «Премьер Министр» (для Блэра) и «Господин Президент» (для Буша) в 20% и 16,7% случаев соответственно. Таким образом, представляется, что в плане дистанции между журналистом, берущим интервью, и политиком, который его дает, испанские журналисты выбирают более высокий уровень формальности. Дэвид Фрост, напротив, предпочитает более неформальную форму обращения «you» или же вообще не употребляет форму обращения второго лица: он не использует ни местоимение «you», ни обращение «Prime Minister» («премьер-министр») в 33,3% вопросов, адресованных Блэру; при

этом он не использует ни местоимение «you», ни обращение «Mr. President» («господин президент») в 27,8% всех вопросов, заданных Бушу. Испанские журналисты, напротив, использовали форму обращения второго лица в 83,4% всех вопросов. В тех случаях, когда Дэвид Фрост не использовал форму обращения второго лица, он делал выбор в пользу общих утверждений, с которыми Буш или Блэр должны были согласиться или не согласиться. В следующем примере Дэвид Фрост говорит Тони Блэру, что за последний год не было достигнуто значительного прогресса в вопросе урегулирования арабо-израильского конфликта:

(3) FROST: And, and in fact there hasn't been much progress in the last year or so, at all. So that's a real disappointment. / ФРОСТ: На самом деле, за последний год практически не было достигнуто никакого прогресса. Это очень разочаровывает.

Дэвид Фрост также задает Бушу вопросы следующего типа:

(4) FROST: No, but we really need the big discovery, don't we? / ФРОСТ: Нет, но нам действительно нужно большое открытие, не так ли?

(5) FROST: It's almost a guerrilla war there, really. / ФРОСТ: Это практически партизанская война, правда.

Перед репликой (4) Буш объясняет, что Дэвид Кэй обнаружил следы программ по созданию вооружения, и Фрост пытается убедить его в необходимости подтвердить данное открытие. В примере (5) Фрост информирует Буша о ситуации в Ираке.

Что касается частотности употребления местоимения «I» («я») в ответах, то мы не обнаружили практически никакой разницы между уклончивыми и прямыми ответами в случае Аснара (2,6 и 2,1 соответственно). Анализ данных по Блэру и Бушу, напротив, демонстрирует обратные тенденции: Блэр предпочитает чаще использовать местоимения первого лица в уклончивых ответах (3,1), тогда как Буш отдает предпочтение данной форме в прямых ответах (5,5). Как уже было отмечено ранее, данные политики также различаются в отношении процента уклончивых ответов: как Блэр, так и Аснар давали уклончивые ответы чаще, чем Буш. Теперь же представляется, что Блэр и Аснар склонны чаще употреблять местоимение «I» («я») в уклончивых ответах, чем в прямых ответах. Данный факт также зависит от типа аудитории, к которой они обращаются: они должны показать уверенность и убежденность своим гражданам. Дабы уравновесить данный недостаток ясности (т.е. переизбыток уклончивых ответов), они делают выбор в пользу стратегии акцентирования их собственных ролей (глав государств) и власти. В приведенном ниже примере Дэвид Фрост сообщает Блэру, что согласно опросам общественного мнения, его

рейтинг опустился ниже 33% и задает ему вопрос, не связывает ли Блэр данный факт с Ираком. Вот что отвечает Блэр:

(6) BLAIR: Yeah. I mean I've just been out for two days in the country round the north west and Yorkshire and what is interesting to me is that, yes Iraq is the shadow over our support – there's no doubt about that, there's no point in disputing that – but actually people do increasingly recognise the economy's stronger, there are more jobs, unemployment's down, the National Health Service is getting better, there's investment in our schools, there's extra numbers of police on the street.

So, you know, I think underneath whatever is the worry about Iraq, because I think people ask well do they have a plan to get through Iraq, I mean I think that's the thing that concerns people – and actually we do – I think that underneath that –

БЛЭР: Да. Я имею в виду, что я два дня ездил по стране – был на северо-западе и в Йоркшире – и мне показалось интересным то, что – да, тень Ирака витает над нами и оказывает влияние на наш рейтинг – в этом можно не сомневаться и нет смысла оспаривать это – но на самом деле, все больше и больше людей признает, что экономика становится сильнее, появляется все больше рабочих мест, безработица снижается, Государственная служба здравоохранения работает лучше, в школы идут инвестиции, на улицах – больше полицейских.

Поэтому я полагаю, в глубине – как бы люди не волновались из-за Ирака – потому что я думаю, люди задаются вопросом: а есть ли у них план действий по Ираку? Я имею в виду, я полагаю, что именно это заботит людей – и на самом деле, у нас есть план – я думаю, что в глубине...

Вопрос Фроста был вопросом КК, поскольку (1) Блэр не может сказать, что война являлась основной причиной, так как это бы означало, что он поступил очень неправильно, а также поскольку (2) Блэр не может сказать, что война не была основной причиной, так как все знают, что она была. Таким образом, он признает правомерность вопроса («Yeah»), но не дает настоящего ответа на вопрос. Вместо этого он делает политическое заявление.

Что касается частотности употребления местоимения «we» («мы») в ответах, то мы не обнаружили практически никакой разницы между уклончивыми и прямыми ответами Блэра (3,4 и 3,5 соответственно). Противоположная тенденция наблюдается в случаях Буша и Аснара: Буш предпочитает чаще использовать местоимение «we» («мы») в уклончивых ответах (2,6), а Аснар – в прямых ответах (7,1). Эти различия опять же связаны с особенностями интервью: у Аснара интервью берут испанские журналисты для испанского телеканала, тогда как у Буша интервью берет не американский журналист (а британский) для не американского (а британского) телеканала. При уклончивом ответе Буш предпочитает чаще использовать местоимение

«we» («мы») и реже использовать местоимение «I» («я»). Аснар же поступает наоборот: он чаще использует местоимение «я», реже – местоимение «мы». Личная политическая власть Буша в Великобритании минимальна; его легитимность основана на его личных отношениях с Тони Блэром и Аснаром в вопросе борьбы с терроризмом, что является причиной того предпочтения, которое он отдает местоимению «we» («мы»), предоставляющего ему «политическое убежище» в противовес уклончивому ответу. В следующем примере Дэвид Фрост задает Бушу вопрос о программе создания оружия:

(7) BUSH: (...) and **we** had to deal with him, and **we** did in a way, by the way, that was a compassionate way. **We** spared innocent life, **we** targeted the guilty, and **we** moved hard and fast, and very little of Iraq was touched in toppling Saddam Hussein.

БУШ: (...) и нам пришлось работать с ним, и мы, кстати, работали с ним, в своем роде, из сострадания. Мы спасли жизни невинных, мы атаковали виновных, мы двигались твердо и стремительно, и лишь небольшая часть Ирака была затронута при операции свержения Саддама Хусейна.

Вопрос Фроста является вопросом КК, поскольку он намекает на то, что большое открытие пока так и не сделано. Буш не может сказать *да*, поскольку это означает признание плохой работы службы разведки, а ответ *нет* не внушает доверия (т.е. им действительно необходимо большое открытие, чтобы оправдать войну). Вместо ответа на вопрос Буш атакует данную пресуппозицию и заявляет, что большое открытие уже было сделано.

Наконец что касается типологии и процентного соотношения местоимения «we» («мы»), первой особенностью данного корпуса является полное отсутствие так называемого инклюзивного «мы». Я не обнаружила примеров, в которых референтами данного местоимения были бы и журналисты, и политики одновременно. Данный результат отличен от результата, полученного в исследовании [Ifigo-Mora 2004] при анализе парламентского дискурса. В указанном исследовании было установлено, что до 14,6% всех случаев употребления местоимения «we» («мы») представляли случаи инклюзивного «мы». Как уже было указано выше, данный тип местоимения «we» («мы») соответствует «коммуникационному пространству», и поэтому, как представляется, имеет большое значение тот факт, обращается ли политик к другому политику в Палате общин или к журналисту на теле студии. Причина очевидна: когда речь идет о политических вопросах в Палате общин, у обоих парламентариев есть, что сказать, им обоим надо принимать решения, поэтому они оба в высшей степени вовлечены в ситуацию. При этом журналист, берущий интервью, совершенно не имеет политической власти и в этом

смысле его/ее роль незначительна. Как мы видим, контекстуальные факторы имеют значение при определении межличностной функции личных местоимений при их выборе в качестве политической стратегии.

Как уже указывалось ранее, мне удалось обнаружить 6 подтипов внешнего «мы»: политическое «мы» («Pol.We»); «мы» коалиционных сил («Co.For.We»); националистическое «мы» («Nat.We»); «мы» Блэра и Буша («Ton.We»); «мы» Объединенных Наций («UN.We») и европейское «мы» («Eu.We»). Интересно отметить, что существует прямая зависимость между темой беседы и наиболее часто встречающимся в ней типом «мы»: международный конфликт и внешнее «мы».

Первое, что необходимо отметить о распределении данных шести типов «мы», это то, что Блэр и Аснар делают разный выбор в зависимости от ответа. В уклончивых ответах Блэр предпочитает использовать «мы» коалиционных сил («Co.For.We») – 54.1%; Аснар же делает выбор в пользу европейского «мы» («Eu.We») – 57.9%. С другой стороны, при прямом ответе на вопросы, Блэр чаще использует Политическое «мы» («Pol.We») – 46.4%, а Аснар – националистическое «мы» («Nat.We») – 62%. Как нам представляется, Буш вновь отклоняется от нормы, поскольку не использует различных стратегий при уклончивых и прямых ответах. Данное наблюдение подтверждает наш предыдущий тезис: он беседует не с американским журналистом и его выступление транслирует не американский телеканал. Он не имеет непосредственных властных полномочий в данном ситуационном контексте, и поэтому он ищет «убежища» в своих союзниках и использует «мы» коалиционных сил («Co.For.We») в большинстве ответов. В следующем примере Буш отвечает на предположение Фроста о том, что ситуацию в Ираке можно охарактеризовать термином «партизанская война»:

(8) BUSH: (...) but nevertheless, they all have now found common ground for a brief period of time, and what **we** will do is **we** will use Iraqi intelligence, **we** will use Iraqi security forces (...).

БУШ: (...) но, тем не менее, им всем сейчас удалось прийти к общему мнению на непродолжительный период времени, и **наш** план состоит в том, что **мы** будем использовать иракскую разведку, **мы** будем использовать иракские силы безопасности (...).

Как видно из примера, Буш использует три «мы» коалиционных сил в одной строке с целью заручиться поддержкой союзников. Это вопрос КК: если он согласится, он признает, что конфликт будет весьма продолжительным (партизанские войны обычно продолжительны), но он не может не согласиться, поскольку тогда он потеряет доверие (так как очевидно, что это партизанская война). Буш уклоняется от прямого ответа посредством имплицитного ответа

(модифицирует вопрос, кажется несогласным с характеристикой конфликта в терминах партизанской войны, которую выдвигает Фрост).

С другой стороны, когда Блэр и Аснар уклоняются от ответа, они, как кажется, предпочитают «международное мы», как то, например, «мы» коалиционных сил («Co.For.We») и европейское «мы» («Eu.We»); при прямых ответах они предпочитают использовать «внутреннее мы», как то политическое «мы» («Pol.We») и националистическое «мы» («Nat.We»). Перед примером, указанным ниже, Аснару сказали, что его обвиняют в разрушении единства Европы:

(9) AZNAR: (...) *Sobre eso **hemos** cimentado **nuestra** estabilidad, **nuestra** libertad y **nuestra** prosperidad. Ojalá lo **sigamos** haciendo porque **nos** va en ello **nuestra** propia seguridad y **nuestro** propio interés.*

На этом **мы** создали **нашу** стабильность, **нашу** свободу, **наше** процветание. Я надеюсь, **мы** продолжим действовать точно так же, потому что от этого зависят **наша** безопасность и **наши** интересы.

В данном примере Аснар использовал европейское «мы» («Eu.We») восемь раз, когда говорил об основах европейской безопасности, свободы и процветания. Данный вопрос являлся вопросом КК, так как (1) он не может не согласиться, поскольку всем известно, что Европа была разделена, а Блэр и Аснар являются «агентами этого разделения» и (2) если же он согласится, его имидж будет поставлен под угрозу. Аснар игнорирует вопрос и вместо того, чтобы ответить на него, он начинает говорить об «истории» Европейского Союза, но ни слова не говорит о правомочности (или неправомочности) данной критики.

Существует историко-политическая причина, по которой Блэр использует «мы» коалиционных сил («Co.For.We») в уклончивых ответах, а Аснар – европейское «мы» («Eu.We»). Если британцы всегда ощущали связь с США, то испанцы, в общем и целом, всегда полагали, что чем больше они похожи на Европу, тем в большей степени европейцами они являются. В связи с историко-политическими причинами, Испания всегда ощущала некую отчужденность от остальной Европы, а самым большим желанием всегда было желание стать полноправным членом европейского сообщества. Поэтому лучшей стратегией для Аснара – чтобы уравновесить опасность вопроса КК и неясность уклончивого ответа – это обратиться к европейским чувствам.

С другой стороны, для прямых ответов Аснара и Блэра более характерны националистическое «мы» («Nat.We») и политическое «мы» («Pol.We») соответственно. В следующем примере Блэр говорит от лица правительства:

(10) FROST: (...) perhaps, we should just start with the news from yesterday of what went on in Saudi Arabia, linked with al-Qaeda by some of the accounts and so on, what, what's the latest you know about it?

BLAIR: The latest **we** know is simply that the situation is being resolved but obviously there, there's been loss of life (...)

ФРОСТ: (...) возможно, нам следует начать со вчерашних новостей о событиях в Саудовской Аравии, которые в некоторых сводках были связаны с деятельностью Аль-Каеды. Что вам об этом известно?

БЛЭР: Последняя полученная **нами** информация – это то, что ситуация была взята под контроль, хотя, конечно, не обошлось без жертв (...)

В следующем примере мы можем обнаружить даже националистическое «мы» («Nat.We»), которое Аснар использует в попытке заручиться поддержкой испанских граждан. Марго (испанский журналист) сообщает ему, что связь между Ираком и терроризмом неочевидна, и Аснар обращается к националистическим ценностям, чтобы ответить. Он говорит об обязанности испанцев помогать другим странам, нуждающимся в их помощи, если испанцы хотят, чтобы эти страны также защитили их, если им в будущем это понадобится. Он принимает снисходительную позу:

(11) MAGRO: *Señor Aznar, usted ha insistido muchísimo en la vinculación de Irak con el terrorismo pero eh... tampoco es tan patente eso*

AZNAR: *Lo que yo he insistido e insisto mucho es que el terrorismo es **nuestra** principal amenaza y es la principal amenaza del mundo y un país como España no puede ser insensible a eso? Cómo vamos a pedir **nosotros** cooperación internacional en la lucha contra el terrorismo y cuando otros necesitan **nuestra** ayuda decir que **nosotros** no estamos dispuestos a ayudar? Eso no es posible. Cuando **nosotros** necesitemos, que **necesitamos** cooperación internacional, uando **necesitamos** de nuestros aliados, que **necesitamos** de nuestros aliados, pues podremos decir 'también **hemos** contribuido, no solamente **hemos** estado a las duras, a las maduras, **hemos** estado también a las duras en los momentos difíciles' (...)*

МАГРО: 'Господин Аснар, вы очень настаивали на связи между Ираком и терроризмом, но ... эта связь неочевидна

АСНАР: То, на чем я настаивал и продолжаю настаивать, – это то, что терроризм – эта основная угроза **нам** и основная угроза в мире, и страна, как, например, Испания, не может оставаться безразличной. Как **мы** можем просить о международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом, если когда другие просят **нас** о помощи и им нужна **наша** помощь, **мы** говорим им, что **мы** не готовы помочь? Это невозможно. Если **нам** понадобится международное сотрудничество – а оно **нам** понадобится, если **нам** понадобятся **наши** союзники – а они **нам** понадобятся, **мы** сможем сказать, что «**мы** тоже участвовали, **мы** тоже прошли через все сложности,

мы тоже прошли через весьма затруднительные ситуации» (...)

Я намереваюсь завершить настоящую статью интересным примером местоименного сдвига [подр.: Bull and Fetzer 2006; De Fina 2003]. Как объясняет Де Фина [De Fina 2003: 54] «(...) выбор и чередование местоимений отражает степень вовлеченности оратора, однако может также указывать на его представление о себе и своей роле в социуме». В следующем обмене репликами, Дэвид Фрост спрашивает Блэра об уроне, нанесенном в результате конфликта:

(12) FROST: And how much damage have **we** sustained, and how lasting damage, from all the troubled stories of what's been going on in the prisons in Iraq? I mean obviously **we're** losing the battle on the streets, Arab streets now, but how much damage have **we** sustained?

BLAIR: Well it's been damaging. Because **they** were absolutely ghastly and unacceptable and **they** revolted any normal and decent human being (...)

ФРОСТ: А какой урон был нанесен в связи со всеми рассказами о том, что происходит в тюрьмах в Ираке, и насколько продолжительны будут его последствия? Я имею в виду то, что мы проигрываем войну на улицах, теперь на арабских улицах – это очевидно; но каков урон?

БЛЭР: Урон конечно, есть. Поскольку **они** вели себя абсолютно неприемлемым образом, **они** вызвали отвращение любого нормального и достойного человека (...)

Данный вопрос является вопросом КК, так как (1) Блэр не может сказать «большой урон», поскольку такое заявление сказалось бы негативным образом на его правительстве, и (2) он не может сказать «незначительный урон», поскольку всем отлично известно, насколько велик этот урон. Блэр уклоняется от прямого ответа, он лишь признает, что урон есть, но он не говорит, каковы его масштабы, а затем он начинает говорить о том, как много хорошего они сделали для Ирака. В данном обмене репликами интересно то, что Фрост настаивает на «нас» – страдальцах, а Блэр концентрируется на «них» – преступниках. Таким образом, происходит смена фокуса со страдальцев на преступников, что помогает Блэру уклониться от прямого ответа и спасти свою репутацию и репутацию своего правительства.

В заключении мы хотели бы отметить, что кросс-культурные исследования, подобные данному анализу, помогают выявить, насколько лингвистические стратегии, используемые политиками из разных стран, (1) зависят от контекстуальных факторов и (2) определяются факторами межличностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Bavelas Janet, Alex Black, Nicole Chovil and Jennifer Mullett. *Equivocal Communication*. – London, 1990.

Biber Douglas, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad and Edward Finnegan. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. – London: Longman, 1999.

Blum-Kulka Shoshana. *The dynamics of political interviews*. – 1983. Text 3. Pp. 131-153.

Brown Penelope and Stephen Levinson. *Politeness. Some universals in Language Usage*. – Cambridge: CUP, 1987.

Bull Peter. On identifying questions, replies, and non-replies in political interviews // *Journal of Language and Social Psychology*. 1994. № 13. Pp. 115-131.

Bull Peter. *The Microanalysis of Political Communication. Claptrap and Ambiguity*. – London: Routledge, 2003.

Bull Peter and Anita Fetzer. Who are we and who are you? The strategic use of forms of address in political interviews. – 2006. Text and Talk 26. Pp. 3-37.

Bull Peter and Mayer Kate. How not to answer questions in political interviews // *Political Psychology*. 1993. №14. Pp. 651-666.

Clayman Steven. Reformulating the question: A device for answering/not answering questions in news interviews and press conferences. – 1993. Text 13. Pp. 159-188.

Clayman Steven. *Answers and evasions // Language in Society*. 2001. № 30. Pp. 403-442.

De Fina Anna. *Identity in Narrative: A Study of Immigrant Discourse*. – Amsterdam: John Benjamins, 2003.

Harris Sandra. Evasive actions: How politicians respond to questions in political interviews // *Broadcast Talk / Paddy Scannell (ed.)*. – London: Sage, 1991. Pp. 76-99.

Íñigo-Mora Isabel. On the use of the personal pronoun *we* in communities // *Journal of Language and Politics*. 2004. №3. Pp. 27-52.

Kamio Akio. The Theory of Territory of Information: The Case of Japanese // *Journal of Pragmatics*. 1994. № 21. Pp. 67-100.

Kamio Akio. Territory of information in English and Japanese and Psychological Utterances // *Journal of Pragmatics*. 1995. № 24. Pp. 235-264.

Kamio Akio. *Territory of Information*. – Amsterdam: Benjamins, 1997.

Kamio Akio. English Generic *we*, *you*, and *they*: An Analysis in Terms of Territory of Information // *Journal of Pragmatics*. 2001. № 33. Pp. 1111-1124.

Werner Holly. *Credibility and political language // Language, power and ideology. Studies in political discourse / Ruth Wodak (ed.)*. – Amsterdam: John Benjamins, 1989. Pp. 115-135.

© Иньиго-Мора И., 2009
© Аникин Е.Е. (перевод), 2009

Купина Н.А.
Екатеринбург, Россия

СОВЕТИЗМЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Отталкиваясь от анализа типичных случаев употребления единиц советского вербального кода в речевых произведениях новейшего времени, автор статьи предлагает дефиницию термина «советизм», устанавливает общие критерии классификации советизмов.

Ключевые слова: советский вербальный код, советский идеологический код, новоархаизм, новоисторизм, советизм.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина д. 51, каб. 312.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Kupina N.A.

Ekaterinburg, Russia

SOVETISMS: TO DESCRIBE THE DEFINITION

ГЧТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. The author describes the definition of the term *Sovetism* and sets the general criteria for *Sovetisms* classification, basing on the analysis of the typical usage of the Soviet verbal code items in the contemporary speech pieces.

Key words: Soviet verbal code, Soviet ideology code, new archaism, new historicism, *Sovetism*.

About the author: Kupina N., Doctor in Philology, Professor at the chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian language.

Place of employment: Ural State University.

В современном русском языке прилагательное *советский* употребляется в значении 'относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов' (АЛ 2005: 931): *советское пространство, советский долг перед западными кредиторами, здание советского посольства в Мадриде*. Второе значение – 'возникший, сформировавшийся, существовавший в СССР' (Там же): *советский человек, советская промышленность, советская наука*. Нетрудно заметить, что оба значения совмещаются.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим наиболее точную современную дефиницию: 'относящийся к государственной власти Советов, свойственный, принадлежащий СССР' (СОШ 2006: 741). Действительно, осмысление принадлежности к советскому миру сопряжено с устойчивыми представлениями о свойствах советского. Ассоциативная цепочка *принадлежность – свойство* объясняет возникновение в постсоветское время оценочного значения прилагательного *советский – неодобр.* 'Характерный для СССР' (АЛ 2005:931). Неодобрительное отношение ко всему советскому отражается в однокоренных образованиях: *Совдепия, совдеповский, советикус, совок, совковый, совковость*. В 90-е годы XX века мощный процесс деидеологизации обнаружил естественное стремление россиян освободиться от «пут новояза», «отслоить пласт советского употребления от слов русского языка» [Чудакова 2007: 240; 346].

Восприятие реализованных в речи единиц советского идеологического кода до настоящего времени сопровождается настороженностью. Метаязыковые реакции наших современников нередко наполнены идеологической подозрительностью. Например, Е. Бунимович, один из

участников дискуссии 2009 года о создании всероссийской детской общественной организации, решительно заявляет: «Меня смущает слово *единое*. У нас теперь все *единое*. А дети разные, особенные. *Единое* – это *единая* идеология, возможность управлять сверху. Это проникновение официальной идеологии в школу <...> *Единое* – это необходимое, обязательное, навязанное» (радио «Эхо Москвы»).

Употребление в речи лексики, составлявшей фундамент советского идеологического кода и отражавшей факт общественной «договоренности о смысле слов» [Серио 2009: 119], обнаруживает также прогнозирование говорящим типовой коммуникативной реакции отторжения со стороны адресата. В этом случае метаязыковые комментарии, выступающие как «экспликатеры социальных и ментальных параметров текущей языковой жизни» [Вепрева 2002: 27], содержат указание на полезность номинированной идеи, реалии вопреки их принадлежности советскому. Приведем устное высказывание Григория Явлинского: «*Интернационализм* – это важная мысль. Я умышленно употребляю этот советский термин, который вышел, к сожалению, из употребления» (радио «Эхо Москвы»).

Постепенно боязнь «идеологического инфантилизма» [Аверинцев 2003: 147], идеологическая подозрительность вытесняются стремление говорящего / пишущего к лишенному тенденциозности переосмыслению советского прошлого. Именно о таком переосмыслении, например, свидетельствует газетный заголовок *Советское – значит различное* (ср. слоган *Советское – значит отличное*).

Активизация ключевых концептов советской языковой картины мира, связанная со стремлением к их углубленному содержательному осмыслению, прослеживается на фоне **фактора**

событийности. Комментирование в СМИ победы сборной РФ в чемпионате мира по хоккею сопровождалось словосочетанием *красная машина*:

*Во времена СССР хоккейную команду Третьяка называли **красной машиной**. Сборная России по хоккею снова стала лучшей на планете. На Западе говорят о возвращении **красной машины*** (Новости 1-го канала. 12.05.09.).

В период выборов в Госдуму РФ и выборов Президента РФ (декабрь 2007 / март 2008) в агитационных целях активно разрабатывалась идеологема *руководящей роли партии* [См. об этом: Купина 2009]. В канун Дня Победы в газетной публицистике 2009 г. одним из самых частотных стало сочетание *советский народ* в значении 'население СССР, объединенное едиными нравственными и мировоззренческими ценностями, непоколебимым стремлением одолеть врага, освободить родную землю, одержать победу над фашизмом'. Так, в статье Д. Быкова «Элитный отряд» (Труд 2009, 7 мая) *советский народ* характеризуется как *способный на мгновенную самоорганизацию, действовавший в период военных действий решительно, стремительно, самозабвенно, обнаруживший мобилизационную готовность, тайную способность немедленно совершить чудо при действительно серьезной опасности, способность встать выше любых разделений для спасения человечества*. С. Карамурза в статье «Требуется гегемон» (Известия 2009, 5 мая) рассуждает о неисчерпанном потенциале созданной в СССР исторической социальной общности:

*Эта общность и служит ядром консолидации в момент больших кризисов, она и задает проект будущего. Трудный XX век Россия прошла, ведомая **культурно-историческим типом**, который стал складываться задолго до 1917 года, но он оформился уже как **«советский человек»**. Он сник в 70-80-е, а потом был загнан в катакомбы, но не исчез. Он молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму <...> В нынешнем рассыпанном обществе именно **эти люди** являются **единственной общностью**, которая обладает способностью к организации... Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, **ценности труда, творчества и солидарности**.*

Как видим, культурно-историческая интерпретация позволяет автору речи абстрагироваться от идеологической подозрительности, установить непреходящие свойства нации, ее духовную силу, нестигаемость и при этом не опровергать факта «дискредитации прочих идеологем» (Д. Быков).

Публичная системная критика советских идеологических конструктов в конце первого

десятилетия XXI века заметно ослабела. Можно говорить лишь об отдельных примерах расчитанного на массовую аудиторию последовательного анализа идеологической лжи. Например, О. Хлебников сообщает о специальной рубрике «Новой газеты»:

*Вот с разговора об «оттепели» мы и решили начать новую рубрику – «Настоящее прошлое». Ее цель, если коротко, – **демифологизация** отечественной истории, стирание белых пятен и идеологических **фальсификаций*** (2009, 16 января).

Текущая языковая ситуация свидетельствует о завершении стратегически заданного блокирования советского идеологического кода. Приведем в качестве примеров высказывания, извлеченные в 2009 г. из устных и письменных текстов.

В речевой оборот возвращаются слова, словосочетания советской эпохи в первичных значениях:

Плановая командно-административная система сегодня возрождается (из речи сотрудника Уральского отделения РАН); *О том, как будет развиваться демократия в России и что для этого должны сделать **партия и правительство** – наш специальный репортаж* (новости 1-го канала); *Наша страна отличается умением проводить **кампанейщину*** (В. Мережко по поводу кризиса в Союзе кинематографистов); *Максим Шевченко* (телеведущий) *обвинил режиссера Звягинцева в **псевдотарковщине*** (И. Петровская, радио «Эхо Москвы»); *Акцию протеста во Владивостоке инспирировали **заокеанские вредители**, стремящиеся к тому, чтобы Япония сбывала нам автохлам* (из речи на митинге представителя партии «Единая Россия»). *Хватит ругать **советскую систему**: это уже немодно* (Ю. Поляков, телеканал «Культура»).

В газетном тексте вербальные знаки советского кода нередко помещаются в кавычки, которые, отсылая читателя к прошлому, акцентируют актуальность обозначенного в настоящем: *Кто **«раскулачивает»** фермеров; Работников «Лукойла» **добровольно-принудительно** отправляют в отпуск; «**Партмаксимум**» для олигархов (газетные заголовки). Кавычки служат для формирования аналогии между советским прошлым и «не нашим» настоящим: *На выставку «Мода и стиль в фотографии» привезли **американский «соцреализм»**: **Непальские «товарищи»** постановили: не брать за невест выкуп. Подобные аналогии не обязательно вводятся с помощью кавычек. Например, в телевизионном обозрении Ю. Богомолова встречаем перечислительный ряд с вмонтированными в него вербальными единицами советского кода, позволяющими домыслить содержательное наполнение параллелей *раньше – теперь; у нас – у них*:**

*Инаугурация Барака Обамы (**вождя прогрессивного человечества**), круглые поминки по Ленину*

(85 лет со дня кончины **вождя мирового пролетариата**), церемония «Золотой орел», юбилейное торжество Татьяны Шмыги, юбилей Владимира Дашкевича, воспоминания о Владимире Высоцком – вот, собственно, основные блюда в меню нашего ТВ за минувшую неделю (Российская газета).

Распространение получает открытое институциональное калькирование советских образцов. Например, возрождается молодежная организация, структурированная по типу ВЛКСМ:

С инициативой создания ячейки **Российского союза молодежи** выступила городская молодежная Дума. Идею поддержали ветераны **комсомола** и управление образования, а также комитет по делам молодежи. На слете молодежных организаций, созванном в честь такого события, первым пятнадцати юношам и девушкам, **вступившим в ряды РСМ**, в торжественной обстановке были вручены членские билеты <...> Под бурные аплодисменты виновникам торжества преподнесли бокалы молочного коктейля – традиция **новых комсомольцев**. С патриотическим напутствием выступил перед собравшимися **ветеран комсомола гвардии капитан Василий Николаевич Хилько**, который в годы Великой Отечественной войны был разведчиком, а потом стал известным в нашем городе педагогом и писателем. Он подарил соратникам свою книгу с автографом и пожеланием: «Активнее занимайтесь патриотическим воспитанием подрастающего поколения!» (Областная газета, Екатеринбург, 5 мая 2009).

Возрождаются советские идеологические практики и ритуалы. Так, в канун 1 Мая было принято вручать государственные награды СССР передовым рабочим, труженикам села, а также отдельным представителям трудовой интеллигенции, спортсменам. Отмеченная последовательность никогда не нарушалась. Ритуал воспроизводился на разных уровнях власти и демонстрировал связь государства с трудовым народом. Ср.:

Награды труженикам. Президент России Дмитрий Медведев в преддверии празднования 1 Мая **вручил государственные награды 34 выдающимся россиянам**. В их числе **литейщик** цветных металлов из Волгограда **Илья Хомутов**, **травильщик «Ижстали»** Валерий Березин, **доярка** из Костромской области Галина Горбунова (АиФ); Вчера в резиденции губернатора состоялась церемония вручения наград жителям Свердловской области. В списке отмеченных указами Президента РФ и губернатора 59 человек – **рабочие и служащие, руководители производств, работники сельского хозяйства, здравоохранения, представители науки, культуры, искусства, спортсмены...** (Областная газета, Екатеринбург).

Внедряются культурно-организационные практики советского образца. Параллельно, как и в отмеченных выше случаях, в речевой обо-

рот возвращаются вербальные единицы советского кода:

В Татарстане возрождают **производственную гимнастику**. Разминка на работе началась с аппарата Президента республики, политиков и чиновников (Российская газета). Ср.: Филателию – в массы. Состоялась **отчетно-выборочная конференция Свердловской региональной общественной организации Союза филателистов России**. Заместитель председателя Игорь Ренев выступил с **докладом о проделанной за несколько лет работе** (Областная газета, Екатеринбург).

Отмеченная координация сопровождает и возрождение почетных званий:

Идею учредить звание **Герой труда России**, аналогичное существовавшеему ранее званию **Герой Социалистического Труда**, выдвинула Общественная палата (Российская газета).

О возвращении в российскую жизнь символов и ритуалов советской эпохи говорит журналист В. Выжурович (Российская газета):

Вернулся советский **гимн**, вернулось **красное знамя** в Вооруженные силы, вернулся **прием в пионеры на Красной площади** (Российская газета).

В печати наших дней употребляются информационные стандарты, а также эмоционально-экспрессивные и оценочные средства, характеризующие советскую стилистическую манеру [См.: Костомаров 1971: 90-104; Лысакова 2005: 28-51]. Например, в газетах Среднего Урала и Зауралья регулярно используются сочетания со словами группы «труд», имеющие традиционно советский характер. Обращает на себя внимание набор стандартных атрибутивных сопроводителей к базовой номинации **труд** (**честный, бескорыстный, самоотверженный, благородный, ударный**), клишированные сочетания **трудо**вой коллектив, **трудо**вые традиции, **трудо**вые навыки, **трудо**вой подвиг, **трудо**вые достижения, **трудо**ящиеся района, **трудо**ящиеся Урала. Все эти средства не только выделяют тему труда как фундаментальную, но и обуславливают ее развитие в границах советской идеологической ортологии, которая, в частности, вырабатывала нормы жизненного поведения, формировавшие активную жизненную позицию передового человека. Соответствующие этим нормам вербальные указатели наполняют штампованными характеристиками сферу персонажа [См. об этом: Романенко 2008: 54-66]. Например, в очерке о знатном животноводце (газета «Парма») героиня характеризуется как **лучшая телятница, знающий, грамотный и требовательный специалист; общительный, веселый и неунывающий человек; замечательная хозяйка и огородница**. Шапмы сопровождают описание биографии героини: **Вся ее трудовая жизнь связана с колхозом имени Ленина; Выйдя на**

заслуженный отдых, Валентина Ермиловна окунулась в заботы общественные.

Советская газетная формульность маркирует современные информационные сообщения:

Средний Урал всегда был и есть опорный край державы. Могущество России ковалось на предприятиях нашего края. Постоянно вопросам повышения обороноспособности огромное внимание уделяет губернатор Свердловской области Эдуард Россель. Недавно на Среднем Урале побывали заместитель председателя правительства Российской Федерации Сергей Иванов и министр обороны Анатолий Сердюков. Вместе с губернатором они посетили крупные оборонные предприятия региона, приняли важные решения о размещении на наших заводах новых заказов для российской армии (Областная газета, Екатеринбург, 21 февраля 2009).

Советские агитационные схемы составляют основу официальных агитационных технологий дня: *Компьютеры – студентам, лекарства – больницам, мотоциклы – милиции* (Областная газета, Екатеринбург).

Безальтернативная оценочность, стандартные метафоры снова определяют направление стилистического эффекта газетного текста. Приведем два извлечения из «Областной газеты» (Екатеринбург):

На днях депутаты Государственной Думы наконец приняли законопроект, который, по словам вице-спикера Надежды Герасимовой, позволит огрaдить подрастающее поколение от «тлетворного влияния увеселительных ночных заведений». Ср.: Средний Урал и впредь будет в авангарде этого процесса, будет оставаться одним из экономических лидеров страны. В предстоящий период мы должны еще более усилить его лидирующую роль, что особенно важно в связи с предстоящим знаковым событием – 70-летием Свердловской области.

В федеральной прессе маркеры советской стилистики сопровождают иронию, ощущаемую, однако, лишь теми читателями, которые опознают клише советского газетного текста:

В период порожденных мировым кризисом временных трудностей особенно насущным является избегание парадности и зазнайства, а равно усиленное развитие критики и самокритики. Тут нам показывают похвальный пример и старые, и молодые демократии (М. Соколов, «Известия»).

Вот еще один фрагмент из фельетона «Кинематографисты-вредители» того же автора:

Явившись вместе с математическим политологом Е.С. Кургияняном к известному своей бескорыстной преданностью правде ведущему программы «Момент истины» А.В. Караулову, Н.А. Михалков вместе с политологом изобличили зловещие планы мятежных членов СК, которые уже один раз – в 1986 г. – дали импульс к развалу СССР, а теперь своим съездом могут развалить Россию. Плюс намек на зловещие фигуры вроде Д. Сороса.

Тяготение к советской стилистике проявляется в тенденции использования агитационных плакатов. Например, в газете «Известия» плакат РОСТА включается в текст статьи В.Зозули «Россия и Украина – споры о совместном прошлом». Вербальное сопровождение к плакату переводит спор об исторических процессах в идеологическую плоскость: классовая борьба представляется как причина и выход из сложившегося положения.

Прецедентные визуальные знаки советской эпохи соседствуют с прецедентными высказываниями, которые употребляются в готовом виде как актуальные номинации – как, например, в следующих газетных заголовках: *Широка страна моя родная; Куба – любовь моя; Мир, труд, май!; Мы мирные люди; Молоткастый серпастый; В воздухе пахнет грозой.* Прием трансформации прецедентного высказывания акцентирует ценностные различия на оси времени: *Броня крепка, а деньги наши быстры; Нет, нужен нам берег турецкий; Мы не торопим время. Мы не изменяем пространство. Мы просто отражаем реальность. Газета «Коммерсант». Капиталистический реализм.*

Поскольку источник прецедентного знака далеко не всегда известен воспринимающему, в текстах все чаще встречаем отсылочный комментарий:

Кадры, – как говорил Иосиф Сталин, – решают всё. Ср.: Если вспомнить классиков, то капитализм – это общество эксплуатации человека человеком. Это действительно так (В. Костиков, АиФ).

Отсылочные комментарии и толкования сопровождают не только прецедентные высказывания, но и отдельные слова и словосочетания, принадлежащие как официальному, так и неофициальному советскому языку. Ср.:

В советские времена считалось (а многие считают и сейчас), что в XX веке в мире сосуществовали и боролись между собой лагерь капитализма и лагерь социализма (не считая «третьего мира» – «неприсоединившихся» стран). – (В. Персианов, Литературная газета); Поймав себя на мысли, что в последнее время, когда читаю в западной прессе про невообразимые размеры бонусов для топ-менеджеров, то вспоминаю термин «партмаксимум». Была такая практика на заре раннего сталинского «репрессанса», когда для члена компартии считалось неприличным получать слишком уж высокие зарплаты. Партноменклатура, разумеется, добирала благ всевозможными другими немонетизированными способами, но в зарплатной ведомости все было очень скромно – вполне сопоставимо с зарплатой простого работника (Г. Бовт, «Известия»); У будущего нобелевского лауреата Игоря Тамма, который в молодости состоял в меньшевиках, всегда, как он мне шепотом сказал, в запасе был «сидор», маленький саквояж на случай ареста (из рассказа академика Е.Л. Гинзбурга).

Комментирование и толкование говорящим / пишущим единиц советского вербального кода свидетельствует об осознании процесса устаревания этих единиц, их маргинализации. Процесс устаревания лексики в значительной степени обуславливает сложившуюся в современной языковой ситуации оппозицию кода и текста. М.В. Панов писал: «Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст» [Русский язык и советское общество 1968: 25]. Язык советского времени перестал быть общим языком россиян. В понимании речевых произведений, содержащих вербальные знаки, бренды, символы эпохи социализма, наблюдается прежде всего поколенческое различие: языковой код носителей русского языка, прошедших социализацию в СССР, и носителей русского языка, прошедших социализацию в постсоветское время, не совпадает. Филологи пишут о необходимости специального комментирования советского лексикона в текстах русской литературы XX века [См.: Чудакова 2007: 351-394]. Школьные учителя говорят о том, что дети не знают советских песен, не понимают, что такое «Мессершмитт», «Тигр», «Катюша» и др. О.П. Ермакова в предисловии к словарю «Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века» отмечает, что современные студенты «не знают, что такое *лудильщик, тапёр*, что такое *керосинка, перочистка, пресс-папье, лампа-молния...*» [Ермакова 2008: 4]. Очевиден процесс ухода в пассивный запас лексем-логоэпистем, адекватное понимание которых предполагает «способность ориентироваться и в области кода (язык), и в области сообщаемой этим кодом информации (культура)» [Бурвикова, Костомаров 2004: 494], и в области текста, передающего эту информацию. В

этой связи можно говорить о возникновении новоисторизмов, вышедших из употребления в связи с исчезновением реалий, которые они обозначали в советское время. На наших глазах формируется пласт устаревших слов – новоисторизмов и новоархаизмов, переходящих в разряд агнонимов [См: Морковкин, Морковкина 1997; Черняк 2003] Но все ли «ушедшие и уходящие» слова советской эпохи относятся к советизмам? Ответить на этот вопрос можно лишь при наличии определения последних.

К **советизмам** целесообразно отнести слова, сочетания слов, выражения, 'связанные с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса' [ТСУ: 341-342], а также номинации явлений, событий, происходивших в СССР, свойственных социалистической системе во всех сферах жизнедеятельности.

Исходя из определения вытесненные активными синонимами номинации типа *гребенка* (современный синоним – *расческа*), *провизия* (современный синоним – *продукты*), *барахолка* (ср.: актуальные номинации *вещевой рынок, китайский рынок*) и подобные нельзя считать советизмами, т.к. их семантика не отражает свойств социалистической системы, принципов собственно социалистической организации жизни. По этой же причине нельзя отнести к советизмам, несмотря на хронологическую отнесенность к языку XX века, слова типа *апаш* – 'фасон мужской рубашки с широким открытым воротом', *керогаз* – 'нагревательный керосиновый прибор', *керосиновая лампа* (См.: Ермакова 2008). Напротив, разговорное слово *стиляга* (ср.: *Валерий Тодоровский получил статуэтку «Ника» за фильм «Стиляги» – лучшую картину года*) является советизмом: оно обозначало молодого человека, отличавшегося не соответствующей социалистической морали и потому не одобряемой обществом склонностью к модному стилю одежды, броскому стилю поведения. На комсомольских собраниях, в печати стилиаги обвинялись в низкопоклонстве перед Западом, в безнравственности и бездуховности.

Компоненты лексической семантики, выделяющие стороны жизни, свойственные социалистическому укладу, содержатся, например, в значениях вышедших из употребления существительных *березка* и *посылторг*. В первом случае обнаруживается факт скрытого неравенства в социалистическом распределении товаров и продуктов. *Березка* – 'магазин, в котором можно было приобрести товары на иностранную валюту', причем работающие за рубежом советские граждане в обмен на заработанную валюту получали чеки, которыми можно было расплатиться только в подобных магазинах. Во втором случае номинируется торговая организация, деятельность которой отвечала принципу «каждому по потребностям». Посыл-

торг занимался обслуживанием населения, в том числе отдаленных районов, по почте (См.: ТСЯС 1998: 50; 464).

К советизмам относится и лексика сопротивления. Например, существительное *тамиздат* обозначало явление, существовавшее вопреки принципу идейности, лежащему в основании догмы социалистического содержания литературы, науки, искусства. *Тамиздат* – «произведения литературы, политики, философии и т.п., запрещенные по цензурным соображениям в СССР и изданные за рубежом («там»), куда их передавали нелегально, и затем также нелегально вводили в СССР» (ТСЯС 1998: 598-599).

Таким образом, наличие хронологического ограничителя [См.: Михайлова 1998: 25] не является единственным основанием для включения слова (словосочетания, выражения) в ряд советизмов. Советизм прямо или косвенно отражает сконструированные в советский период развития страны характерологические свойства (политики, экономики, морали, философии, эстетики, быта, трудовой деятельности), соответствующие социалистическому мировоззрению.

С синхронной точки зрения, можно говорить об узком и широком понимании **советизмов**. В первом случае речь идет о политической лексике и фразеологии, имеющей, как правило, тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение: *перегибщик, подкованный, оголтелый, махрово-реакционный, генеральная линия партии, партийная совесть, страна победившего социализма, блок коммунистов и беспартийных* и др. Во втором случае советизм трактуется как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители: *подселение, уплотнить, нормы социалистического общежития, цэковский паек, из-под полы, вещьпоклонство, трудоводень, трудовая вахта* и др.

Классификация советизмов в проекции на политическую коммуникацию и политическую реальность [См.: Чудинов 2006: 6] прошлого и настоящего – актуальная задача современной политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. Несколько мыслей о «евразийстве» Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2. С. 137-149.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Традиции и новации в методике преподавания русского языка как иностранного: к проблеме толерантности // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 493-498.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во МГУ, 1971. 266 с.

Купина Н.А. Динамика идеологического фонда русского языка: актуальные тенденции // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: Сб. науч. тр. ВГПУ; Волгоградский институт бизнеса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 158-168.

Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистическое исследование. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 256 с.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.

Романенко А.П. Советская герменевтика. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 166 с.

Русский язык и советское общество (социолингвистическое исследование): Лексика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. 186 с.

Серио П. От любви к языку до смерти языка // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов] – Екатеринбург, 2009. Вып. (1) 27. С. 118-123.

Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2003. С. 295-304.

Чудакова М. Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме // Новые работы: 2003-2006. – М.: Время, 2007. С. 234-348.

Чудакова М. Советский лексикон в романе «Мастер и Маргарита» // Новые работы: 2003-2006. – М.: Время, 2007. С. 351-394.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

СЛОВАРИ

АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика [Под ред. Г.Н. Скляревской] – М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2008. 172 с.

СОШ – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., РАН: ООО НТИ «Технология». 944 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Под ред. проф. Д.Н. Ушакова] – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940. Т. IV. 1499 с.

ТСЯС – В.В. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

© Купина Н.А., 2009

Скворцов О. Г.

Екатеринбург, Россия

**РИТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
«LIGHT / DARKNESS»**

(по материалам политической коммуникации)

УДК 81'371

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления исследований семантической сферы «свет/тьма» в конце XX – начале XXI вв.: от этимологического, семантического, гендерного, контекстуально-обусловленного до риторического. Особое внимание уделяется последнему в его поэтапном развитии от собственно-риторического к риторической критике и риторической метафорологии.

Ключевые слова: семантическая сфера; риторическая критика; риторическая метафорология; интенция; культурные стереотипы; архетипичные метафоры; персуазивное воздействие; дискурс; политическая коммуникация.

Сведения об авторе: Скворцов Олег Георгиевич, проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей (г. Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33, оф. 40.

E-mail: ims@ims-ural.ru.

Историография исследования семантической сферы «Light / Darkness» во многом повторяет историю теоретической эволюции лингвистической науки. Одни специалисты обращались к исторической динамике развития обозначений света и темноты, к этимологическим истокам соответствующих слов и историческому развитию их семантики, другие стремились выявить общие закономерности развития указанной семантической сферы в различных языках, третьи брали на вооружение методологию риторики и стилистики. Многие исследования связаны компонентным и дискурсивным анализом, эвристиками когнитивной и гендерной лингвистики и другими методологическими подходами. Важную роль в исследовании сферы «LIGHT / DARKNESS» сыграли представители риторического направления, которое преобладало в американской политической лингвистике середины прошлого века. При рассмотрении этого направления необходимо разграничивать по меньшей мере три научных школы: риторическое направление в его традиционном для США варианте, риторическую критику и риторическую метафорологию Майкла Осборна и его последователей [Будаев, Чудинов 2007; Будаев, Чудинов 2008а; 2008б].

Представители традиционной риторики анализировали политические тексты, опираясь преимущественно на идущую из античности теорию риторических фигур и тропов. В боль-

Skvortsov O. G.

Ekaterinburg, Russia

**RHETORICAL APPROACH
TO THE RESEARCH
OF THE «LIGHT / DARKNESS»
FAMILY IN POLITICAL COMMUNICATION**

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Код БАН 10.02.20

Abstract. This paper offers a general characterization of the principal direction in which the «light / darkness» family has been considered at the end of the XX – beginning of the XXI century. It is proposed that this development is seen in the direction from etymological to semantic gender, text centric and rhetorical approaches. The latter split up into rhetorical criticism and rhetorical metaphorology is paid special attention to.

Key words: semantic sphere; rhetorical criticism; rhetorical metaphorology; intention; cultural stereotypes; archetypal metaphors; persuasive effect; discourse; political communication.

About the author: Skvortsov Oleg Georgievich, Vice-Rector for academic and Innovative activities, candidate of philological sciences, professor, head of the department of general linguistics and cross cultural communication.

Place of employment: Institute of international relations (Ekaterinburg).

шинстве подобных публикаций рассматривались официальные устные выступления президентов и других политических лидеров. В рамках этой теории значительное место уделялось описанию наиболее ярких и прагматических значимых метафор, среди которых важное место занимали и метафоры из сферы «LIGHT / DARKNESS». Изучались также и иные образные средства (метонимия, эпитеты, сравнения, антитеза и др.). Позднее специалисты по риторике стали обращаться не только к «public address», но и к телеречи, радиоречи, к текстам печатных СМИ.

В середине XX века в американской риторике произошел «идеологический поворот», следствием которого стало возникновение направления, получившее название риторическая критика [Rhetorical Criticism]. Новые подходы были сформулированы в книгах Эдвина Блэка и Мари Николс. В то время как традиционная риторика анализировала то, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желаемым и нежелаемым в определенном обществе» [Vorchers 2006: 176]. Приверженцы этого направления подчеркивали, что необходимо показать скрывающуюся за риторической идеологической символикой и интенцией ораторов; выяснить, как риторика влияет на куль-

турные стереотипы, и как эти стереотипы отражаются в риторике. Соответствующая методика во многом основывалась на детальном анализе конкретных текстов

Как показано в исследовании Э.В. Будаева и А.П. Чудинова [2008], приверженцы риторической критики отвергли «инструментальный» подход к риторике, согласно которому всякий текст всего лишь «объект» или «инструмент», использование которого зависит от коммуниканта. Новый взгляд состоял в том, что всякий текст существует не сам по себе, а всегда предназначен для кого-то, имеет целевую аудиторию (*second persona*). Даже если автор говорит что-то наедине с самим собой, потенциально существует подходящая для его слов аудитория. В этом смысле не существует «объективных» текстов, предназначенных для всех, а всегда есть тексты, направленные на определенных слушателей. По сути, этот подход стал лингвистическим вариантом философской феноменологии, которая приписывала сознанию атрибут интенциональности. Критики перенесли свойство интенциональности с авторов текстов на сами тексты. В дальнейшем эта идея активно воспроизводилась в разных формах в теории дискурс-анализа и политической лингвистике.

Создателем совершенно нового направления в рамках риторической школы стал Майкл Осборн, который сделал вывод о том, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал следующие постулаты теории архетипичных метафор в публичной коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются гораздо чаще, чем неархетипичные. Другими словами, оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциации с понятиями света и тьмы, чем с образами Кадиллака или Эдселя, плюща или сумаха, тачдауна или неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967a: 116].

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и мало зависят от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. Благодаря своей универсальности архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. В любом обществе архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений [Osborn 1967a: 116].

Показательно, что Майкл Осборн особое внимание обращал на функционирование метафор из семантической сферы «*Light / Darkness*». В его исследовании «*Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family*» теория архетипичных метафор применена к анализу метафорического употребления номинаций из сферы «*Light / Darkness*» в англоязычной политической коммуникации. Разработанная М. Осборном и его коллегами теория [Osborn 1967a; 1967b; 1977; Osborn, Ehninger 1962; Waite, Osborn 1966] утверждает, что в политической риторике присутствуют так называемые архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*), неизменно воспроизводимые ораторами независимо от эпохи, культуры или географической локализации участников коммуникации. К архетипичным метафорам исследователь отнес образы природного цикла, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации, света и тьмы. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для персуазивного воздействия на аудиторию. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации. Применительно к метафорам сферы «*Light / Darkness*» его выводы выглядят следующим образом:

– метафоры из сферы «*Light / Darkness*» используются гораздо чаще, чем неархетипичные образы, т.е. оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциативные оппозиции света и тьмы, чем образы «Кадиллака» и «Эдселя», плюща и сумаха, тачдауна и неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967a: 116];

– метафоры, связанные с образами света и тьмы, хронологически и кросс-культурно изоморфны;

– универсальность метафор света и тьмы обусловлена их укорененностью в общечеловеческом опыте;

– метафоры из семантической сферы «*Light / Darkness*» соотносятся с основными человеческими потребностям;

– благодаря своей универсальности архетипичные метафоры *light* и *darkness* оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

– архетипичные метафоры *light-darkness* обычно встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений [Osborn 1967a: 116].

Немаловажным представляются выводы М. Осборна [Osborn 1967a], предвосхитившие идеи теории концептуальной метафоры. Исследователь отмечал, что метафора *light* обычно связана с понятиями выживания, здоровья, правоты и тепла, в то время как *darkness* соотносится с уязвимостью, страхом перед неизвестностью и холодом, что является указанием на устойчивые семантические связи между двумя понятийными областями.

Хотя взгляд М. Осборна на риторические функции лексем *light* и *darkness* лишен статичности, он связан с теми аспектами анализа, которые сейчас назвали бы дискурсивными. В частности, М. Осборн указывает на умение талантливых ораторов использовать реальные свет и тьму как персуазивные элементы выступления, увязывая их с образами света и тьмы в своей риторике. Примером может служить выступление У. Питта, который завершил свое выступление эффектным образом рассвета, что совпало с моментом, когда рассвет коснулся окон британского парламента. Этим же приемом хорошо владел У. Черчилль. Выступая вечером с обращением «К французскому народу», британский премьер-министр в полной мере использовал данное обстоятельство. Оратор пожелал аудитории спокойной ночи, что имело вполне буквальное значение. Однако с этого момента начинает проявляться метафорический смысл. У. Черчилль посоветовал набираться сил до утра, которое непременно придет и «ярким светом озарит храбрых и верных, озарит добром всех, кто вынужден по этой причине страдать, и увековечит славу павших героев. Таким будет рассвет» [Osborn 1967: 120]. У. Черчилль не только использовал непосредственные обстоятельства выступления, но и усилил перлокутивный эффект обращения, употребляя лексемы из семантической сферы «Light / Darkness» сначала в буквальном, а затем в метафорическом значении.

Отдельное внимание М. Осборн уделяет архетипичной метафоре *the sun* (солнце). С одной стороны, образ солнца имплицитно присутствует в метафорах света и тьмы, вместе с тем эта метафора выполняет в риторике свои специфические функции. Образы света и тьмы используются ораторами для формирования оценочных суждений о поступках людей и их психологическом состоянии, а солнце больше подходит для описания человеческого характера, обычно для акцентирования его положительных характеристик. Таким образом, метафора *sun* по сравнению с метафорами *light* и *darkness* носит более статичный (солнце – центр планетной системы) и более личностный характер.

В конце 1970-х гг. М. Осборн привнес в свои исследования архетипичных метафор аспекты эволюционизма, допустив, что закономерности функционирования некоторых метафор все-таки подвержены воздействию со стороны экст-

ралингвистических факторов. В 1977 г. М. Осборн опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов и пришел к выводу, что в результате технологического прогресса в XX в. заметно уменьшилась частотность речных и океанских метафор, столь популярных в XIX в. [Osborn 1977]. Вместе с тем подобных изменений не наблюдалось применительно к архетипическим метафорам света и тьмы и другим группам метафор, что позволило постулатам об архетипических детерминантах сознания войти в набор классических методик риторического анализа.

Опираясь на риторическую теорию, исследователи рассмотрели метафоры света и тьмы в дискурсе рекламы [Bachand 1988], религиозном дискурсе квакерских проповедей [Graves 1983], в антикоммунистической риторике Дж. Маккарти [Ivie 1997], идиолекте Хелен Келлер [Einhorn 1998], антитеррористических выступлениях Дж. Буша [Merskin 2005], выступлениях Вудро Вильсона [Trasciatti 2006] и феминистском политическом дискурсе [Osborn 1998].

Последнее исследование стало неожиданным продолжением теории архетипичных метафор, связанным с развитием **гендерной лингвистики**. Обращением к феминистской проблематике М. Осборн обязан критике, которая нарастала по мере популяризации гендерного подхода к анализу языковых явлений. Эта критика заключалась в ограничении выводов теории архетипичных метафор «европеоидно-маскулинным сознанием».

Для верификации критических положений М. Осборн сопоставил риторiku мужчин и женщин-феминисток в XIX в. Как показал анализ, женщины-ораторы использовали архетипичные метафоры *light* и *darkness* реже мужчин. По мнению исследователя, «женщины изображали себя погруженными в такую непроглядную тьму, что любое обещание света показалось бы жестокой насмешкой» [Osborn 1998: 17-18]. Помимо однокоренных лексем (*dark*, *darkness*, *darken*) в качестве архетипичных метафор, связанных с тьмой, М. Осборн рассматривает и близкие по семантике лексические единицы: *shadows*, *to overcloud*, *midnight gloom*. Метафоры из сферы «Light» автор разделяет на две группы. К первой группе относятся случаи иронического употребления метафор, которые всегда связаны с описанием настоящего. Вторую группу составили неиронические образы типа «солнечного света знаний» (*sunlight of knowledge*). Анализ показал, что частотность метафор света и тьмы может варьироваться в зависимости от гендерного фактора, но вместе с тем исследование подтвердило, что риторика американских феминисток любого цвета кожи подчиняется установленным теорией М. Осборна постулатам.

Теория архетипичной метафоры занимает важное место в риторической методологии ис-

следования лексики света и тьмы в политической коммуникации, но не исчерпывается ей. Некоторые лингвисты анализировали риторические средства достижения коммуникативных целей без обращения к работам М. Осборна, рассматривая метафоры в ряду других тропов и фигур. Примером служит анализ аудиозаписи знаменитого выступления Мартина Лютера Кинга «I have a dream», проведенный А. Альварес [Alvarez 1988]. В этом исследовании А. Альварес последовательно рассматривает интонационный рисунок выступления, опору оратора на фоновые знания, диалогизм, а также использование М. Л. Кингом таких фигур речи, как антитеза, перифраза, анафора и расширенная метафора. Последняя фигура речи представлена особенно широко, при этом центральное место в выступлении занимают образы света и тьмы, огня и теней, ночи и рассвета (*symbolic shadow, light of hope, flames of withering injustice, joyous daybreak, night of captivity*).

Вполне закономерно, что на последующих этапах развития лингвистики постулаты М. Осборна претерпевали определенные уточнения. Особенно заметно стремление специалистов полнее выявить национальную обусловленность политических метафор, их культурные взаимосвязи. Так, в исследовании Рональда Карпентера [Carpenter 1990] основное внимание было направлено не столько на поиск архетипичных, т.е. универсальных метафор и их вариаций, но и на выявление культурно обусловленной специфики политической метафоры. Было обнаружено, что в американском публичном дискурсе на протяжении двух веков американские солдаты представляются как *frontiersmen* – люди, живущие или работающие в приграничье. Это связано с тем, что история США – это в значительной степени история продвижения европейских поселенцев с восточного побережья на Запад, что сопровождалось конфликтами с Британской метрополией и постоянными столкновениями с индейцами. Образ мужественного героя из приграничной зоны (*frontiersman*), «охотника из Кентукки», на протяжении долгого времени используется для привнесения положительной оценки в образ американского солдата [Будаев, Чудинов 2008а]. Соответственно противники американцев на других континентах часто образно представлялись как воинствующие индейцы. Например, в конце XIX века президент Т. Рузвельт сравнивал филиппинцев, сражавшихся против американских войск, с индейцами их племен команчи, сиу и апачи [Carpenter 1990: 4]. Американские специалисты [Heisey 1993; Ivie 1982, 1986; 1987, 1989; Medhurst et al. 1997] выяснили, что в американской политической коммуникации особенно устойчивы метафоры дегуманизации врага; религиозно окрашенные метафоры противостояния добра и зла; метафоры, апеллирующие к американской во-

енной истории. К числу таких традиционно американских метафор относятся и метафоры из семантической сферы *light-darkness*. Со светом традиционно связывается все положительное, ясное, благородное, истинное, тогда как темнота выступает как символ скрытости, неясности, опасности.

Теория архетипичных метафор, как и другие достижения риторического направления в американской лингвистике, по-прежнему используются зарубежными специалистами при изучении политической коммуникации. На современном этапе развития науки указанная теория все более обогащается эвристиками, методами и приемами когнитивистики, но следует учитывать и тот факт, что американская когнитивистика на этапе своего зарождения использовала многие достижения риторического направления.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология. – Екатеринбург, 2008b. 248 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008а. 352 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. № 1 (21). С. 22-32.
- Alvarez A. Martin Luther King's "I Have a Dream": The Speech Event as Metaphor // *Journal of Black Studies*. – 1988. Vol. 18, № 3. P. 337-357.
- Bachand D. The Marketing of Ideas: Advertising and Road Safety // *International Journal of Research in Marketing*. – 1988. Vol. 4, № 4. P. 291-309.
- Borchers T.A. *Rhetorical Theory. An Introduction*. – Belmont: Wadsworth, 2006. 346 p.
- Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // *Quarterly Journal of Speech*. – 1990. Vol. 76, № 1. P. 1-22.
- Einhorn L. J. *Helen Keller, Public Speaker: Sightless But Seen, Deaf But Heard*. – Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 1998. 155 p.
- Graves M. P. Functions of Key Metaphors in Early Quaker Sermons, 1671-1700 // *Quarterly Journal of Speech*. – 1983. Vol. 69. P. 364-378.
- Heisey D. R. The Strategy of Narrative and Metaphor in Interventionist Rhetoric: International Case Studies // *Rhetorical Movement: Essays in Honor of Leland M. Griffin*. – Evanston, 1993. P. 186-209.
- Ivie R. L. Diffusing Cold War Demagoguery: *Murrow versus McCarthy on "See It Now"* // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology* [Ed. by M. J. Medhurst, R. L. Scott, P. Wander] – East Lansing: Michigan State University Press, 1997. P. 81-102.
- Ivie R.L. The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 // *Quarterly Journal of Speech*. – 1982. Vol. 68. P. 240-253.
- Ivie R.L. Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // *Southern Speech Communication Journal*. – 1986. Vol. 51. P. 91-105.

Ivie R.L. Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // *Communication Monographs*. – 1987. Vol. 54. P. 165-182.

Ivie R.L. Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric // *Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric*. Davis, 1989. P. 121-141.

Ivie R.L. Fire, Flood, and Red Fever: Motivating Truman Doctrine Speech // *Presidential Studies Quarterly*. – 1999. Vol. 29, № 3. P. 570-591.

Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // *Quarterly Journal of Speech*. – 1980. Vol. 66. P. 51-72.

Medhurst M., Ivie R., Wander P., Scott R. Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology. – New York, 1997. 238 p.

Merskin D. The Construction of Arabs as Enemies: Post-9/11 Discourse of George Bush // *Bring 'em on: Media and Politics in the Iraq War* [Ed. by L. Artz, Y. R. Kamalipour] – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. P. 121-137.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. – 1967a. Vol. 53. P. 115-126.

Osborn M. Patterns of Metaphor Among Early Feminist Orators // *Rhetoric and Community: Studies in*

Unity and Fragmentation [Ed. by G. M. Hogan] – Columbia: University of South Carolina Press, 1998. P. 3-26.

Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. – 1977. Vol. 63. P. 347-363.

Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // *Western Speech*. – 1967b. Vol. 31. P. 121-131.

Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // *Speech Monographs*. – 1962. Vol. 29. P. 223-234.

Trasciatti M. A. Hooking the hyphen. Woodrow Wilson's War Rhetoric and the Italian American Community // *Who Belongs in America?: Presidents, Rhetoric, and Immigration* [Ed. by Vanessa B. Beasley] – College Station: Texas A&M University Press, 2006. P. 107-133.

Waite B., Osborn M. Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches // *Speech Monographs*. – 1966. Vol. 33, № 2. P. 147-155.

Zubair Sh. Silent birds: metaphorical construction of literacy and gender identity in women's talk // *Discourse Studies*. – 2007. Vol. 9, № 6. P. 766-783.

© Скворцов О. Г., 2009

Червиньски П.

Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (2)**

УДК 81'23+81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья содержит дальнейшую разработку фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Основу модели составляют параметры, выводимые из значений слов и словоупотреблений, характерных для языка советского времени. Описываемая модель показана в действии и отражениях для семантики слов, называющих человека с точки зрения необходимых советской системе и в нем продуцируемых свойств. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются слова богатырь, орел, сокол, орленок, Катюша, преобразователь, рыцарь (революции), вождь, светоч, факел и др. Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических (пропагандистских, манипулятивных) вербально-концептуальных и смысловых построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5. 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com, m.onishchenko@mail.ru.

Chervinsky P.

Katowice, Poland

**LANGUAGE OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (2)**

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.29

Код ВАК 10.02.04

Abstract. The article contains a subsequent development of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of man. The basis of model is made with parameters deduced from the meanings of words and word usages characteristic for language of the Soviet time. The described model is shown in operation and in its reflections for semantics of words naming man from the point of view of necessary to the Soviet system properties and the properties produced in him. The words bogatyr (athlete), orol (eagle), sokol (falcon), orlenok (eaglet), Katyusha, preobrazovatel' (reformer), rytsar' revolutsii (knight of the revolution), vozhd' (chief), svetoch (light), fakel (torch) and so on are described in their semantics and position in the model. Introduced as a multilevel one, the system can serve as an example of ideological and political (of propaganda, manipulation) verbal-conceptual and semantic constructions (paradigms).

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

About the author: Chervinsky Petr, doctor of philology, professor, head of the chair of Russian language.

Place of employment: Silesian University.

Рассмотренные в предыдущей статье [Червиньски 2009: 132-147; Червиньски 2008: 110-127] три основания параметра наделенности в описываемой парадигмосистеме получают свое продолжение и развитие в двух последующих. Их семантика, определяясь позицией, местом в модели и связываясь с предшествующими, будет предметом дальнейшего определения. Признаки собственного им обобщения применительно к избранному объекту, советскому позитиву в обозначении лиц, будут собой представлять направления, проявления, параметры общей, системной характеристики в отношении человека, актуализированной к желательному и продуцируемому, отчасти воздействующему и пропагандистскому, образу, воплощенному в языке советской действительности. На основе последовательного определения каждого из выведенных для изучаемой парадигмосистемы параметра в его основаниях и их проявлениях будет предложена общая развертывающаяся модель того, что должно быть, как необходимо-желательное и позитивное, у человека советской действительности, реализующая себя на основе и при посредстве ее языка. Три из них,

этих признаков общей характеристики, выведенные и описанные в предыдущей статье, представляют собой отражение позиций фазы начала (выхода из состояния покоя, возбуждение), фазы заряженности (направленность, наступательность) и фазы поддержки выхода, описываясь, соответственно, как 1) самоотверженность, отказ от себя; 2) заряженная силой и волей готовность действовать; 3) мобилизация и вовлечение себя и других (внутренняя и расширяющаяся, множественная) в необходимое, направляемое проявление-действие. Два последующих значения находятся на той же, общей, оси, представляя собой их развитие и продолжение.

возбуждение – направленность – поддержка (выхода – возвращения) – результируемость

То, что условно названо в схеме поддержкой возвращения, находит свое воплощение в представлении о надежности, безопасности, обеспечении сохраняющей составляющей в отношении силы действия. Это также то, что поддерживает и удерживает силу должного реагирования, обеспечивает способность на-

дежной реализации и установления желательного, придавая прочность, стабильность, поддерживая структурную основу действия, обеспечивая его продвижение и своего рода тылы. Отражение соответствующих признаков можно увидеть в лексических единицах исследуемого языка – *богатырь (революции, пятилетки, красный богатырь, страна богатырей, богатырь социалистического строительства, богатыри труда, трудового фронта, богатырь просвещения), герой, орел, сокол, Катюша*. Взаимное расположение передаваемых ими признаков, равно как и определение самих этих единиц в интересующем нас ключе, потребует представления.

Богатырь в его советском употреблении возникает на основе значений, наиболее подходящим для нашей задачи образом представленных в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: 1. Герой русских былин и сказок. // Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удачью. (БТС добавляет к этому, опуская защитника родины, признак смекалку, МАС – ума) 2. Рослый, крепкого сложения, сильный человек. (БТС добавляет к этому признак стойкости, МАС – смелость) 3. *перен.* Незаурядный, выдающийся в какой-л. области человек. (в БТС это знач. дается с пометой *чего и с отр. высок.* и вместо выдающийся – о талантливом человеке: *Б. русской сцены. Богатыри народной поэзии*).

Советские словоупотребления этого слова можно найти в «Толковом словаре языка Советской России» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной: «**БОГАТЫРЬ**, я, м. 1. Человек, отличающийся необычайной силой. ==**Богатырь революции**. Патет. *О солдате – участнике революционных событий 1917 года. ... **Красный богатырь*. 1. Патет. *О советском воине, герое, защитнике Родины. ... 2. перен. О незаурядном, выдающимся в какой-л. области человеке. ==Богатырь труда*. Патет. *О передовиках производства, стахановцах. ... ==Богатырь пятилетки*. Патет. *О рабочем-ударнике, победителе социалистического соревнования в годы пятилеток. **Страна богатырей*. Патет. *Советская Россия. ...»*.

Характерными, связывающими, а потому существенными для нашей задачи, признаками, выводимыми на основе словарных определений значений *богатыря*, будут 1) его былинность (сказочность), т.е. народность, русскость, эпичность, фольклорность, мифологичность, связь с национально-духовной, глубокой по времени, этногенетической составляющей и, как следствие из 2-го, ее защитной и оградительной силой, обеспечивающей неуничтожение, выживание, экзистенциальную, жизненную преемственность, сохранность и длительность в своем самотождестве, 2) его героичность в смысле необыкновенности физической и воинской силы, неустрашимости перед мно-

жественностью и неведомостью (чародейством, потусторонностью, богатырством) врага, в смысле воинской доблести, проявляющейся в готовности выйти ему в любой его численной массе навстречу, для того чтобы предотвратить нависающую над своим родом (народом) опасность, ради того, чтобы его защищать, в смысле способности одному одолеть любую силу в любом ее численном и генетическом (характерологическом) виде; 3) его, следующая из 2-го, но способная к обособлению, а поэтому заслуживающая внимания исключительность, выделенность, незаурядность, отдельность и обособленность, своего рода выставленность, выпяченность, превосходящесть, когда сильнее, выше, крупнее, лучше, умнее, быстрее, бодрее, способнее, расторопнее и т.п. всех других – впереди, на виду, в авангарде, в дозоре, на взгорье, на холме, на бугре, на самом трудном участке, на передовой, на посту, оставляя всех позади себя, но не ради того, чтобы ощущать свое превосходство и возвышаться над ними, а для того, чтобы им себя посвящать, защищая, оберегая, давая им ощущение безопасности, надежности положения, крепости и неистребимости.

Определяющими в этом ряду, ведущими и центральными, на что указывают отнесения из того, что в 1 и 3, будут признаки группы 2. *Богатырь* – это тот, на кого можно и нужно рассчитывать в имеющем жизненно важное для общенародного дела значение (в деле революционных преобразований и социалистического строительства в разбираемом случае), кто способен вытянуть его непомерность и неподъемную массу на своих мощных плечах, на кого можно и следует положиться в достижении и обеспечиваемой защитой надежности всего этого. Такая позиция предполагает для основания обеспечения центростремительной силы (поддержки обращения, возвращения, несущей структуры направленной силы выхода) – способность, надежность, опору ее сохранения, реализуемое неослабевание, неисчезновение, длительность. Что позволяет относить эти признаки к проявлению (4) для следующего уровня определения *богатыря* как 'наделенного способностью сохранения для поддержки, обеспечения несущего основания направленной силы выхода'. *Богатырь* в его признаках, таким образом, может быть отнесен к сохранению (4) основания поддержки (обеспечения) возвращения параметра наделенности. Сама изначально представленная по пяти основаниям схема может быть несколько уточнена (хотя всякое ее уточнение словами имеет характер условный и несовершенный), приняв примерно следующий вид:

I уровень:

наделенность

II уровень:

активизация – заряженность – поддержка – сохранность – результатив

III уровень:

активизация *активизации* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *заряженности* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *поддержки* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *сохранности* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *результатива* – его заряженность – поддержка – сохранность – результатив

Богатыря в его охарактеризованных к языку советской действительности признаках следовало бы отнести, таким образом, к позиции 'сохранность сохранности' (4-я позиция 4-й строки III-го уровня).

Герой в контексте советских употреблений воспринимается как тот, кто обладает признаками, делающими его, с одной стороны, исключительным, а с другой, очень важным и необходимым, как образец и пример, мобилизующий массы, как тот, кто способен и может, а значит, способны и могут другие, к таким же свершениям и самопожертвованиям во имя совместных общественных целей и высоких идей. Множественность пропагандисткой нагрузки *героя*, а с ним героизма и подвига сводится, как представляется, к свойству быть обладателем, наделенным качествами, делающими его тем, на кого полагаются и рассчитывают, кто обеспечивает надежность, неотвратимость, гарантируя собой, даже в случае угрозы неосуществления и провала, реализацию планов. Отличает героя его готовность к самопожертвованию, заряженная силой и волей способность в необходимый момент действовать, не думая о себе, о своей безопасности, собственном благополучии, выгоде, интересе, кто готов всем своим пожертвовать ради других, во имя высоких и благородных целей. Тем самым, *героя* можно было бы отнести ко 2-й позиции 4-й строки, т.е. признаку заряженности сохранности.

Орел применительно к человеку используется для определения выделяющих его на фоне всех остальных, подчеркивающих его типично мужские достоинства качества, свойственные ему изначально, исходно, по природе его самого. Он обладает ими, поскольку они ему свойственны по самому его существу, по физической, натуральной природе, по природе характера, в силу его такой одаренности. Свойства эти делают его самостоятельным, независимым в действиях и решениях, способным проявлять себя смелым и неожиданным образом, а своей силой, отвагой и твердостью обеспечивать, гарантировать им успех. Показывая таким своим отношением и достижением успешного результата достойный пример, он невольно, в силу самого своего характера и отношения увлекает других за собой, ведет их к достижению цели, поддерживая их, самим своим существом, а не в силу намеренного своего желания

или воли, в их способности действовать так же решительно и успешно, имея его перед глазами, вместе и рядом с ним. Указанные признаки складываются в представление о 2-й позиции 4-й строки – заряженности сохранности для параметра наделенности.

Получившийся результат небезынтересно было бы соотнести с соответствующими значениями *орла* как общелитературного слова, с тем чтобы отделить в нем общезыковое от того, что свойственно языку советской действительности. Такое сопоставление и отделение, не во всех возможных лексических случаях в достаточной мере бесспорное и очевидное, имело бы как общеметодологический, так и конкретный смысл в отношении данного слова, поскольку выведенные для позиции и строки параметра наделенности признаки вполне могут быть восприняты как признаки не специфичные, литературного языка, а не языка советской действительности. С известной долей вероятности можно было бы говорить в этом случае о совпадении тех и других, точнее об использовании языком советской действительности, в своих целях и для своих задач, вписывая в свою системную семантизирующую парадигму, того, что имеется у данного слова в языке общенародном и литературном.

Обратимся для более ясного представления сказанного к словарным определениям данного слова, в первую очередь к интересующему нас значению, характеризующему соответствующим образом человека. Слово *орел* толкуется по словарям в трех отношениях – как птица, с признаками 'крупная', 'сильная', 'хищная', 'с изогнутым клювом', 'живущая преимущественно в гористых или степных местностях' (*горный, степной орел*), как человек и как герб (оборотная сторона монеты с гербом). Остановимся подробнее на характеристиках человека, представляемых в выбранных для анализа словарях неодинаково.

БТС, помещая их в знач. 2, дает следующее определение: 2. *Разг.* О гордом, храбром, сильном, мужественном человеке. *Какие орлы выросли! Дед у меня – о! Смотреть орлом* (гордо, грозно). | *Ирон.* *Что, орлы, носы повесили?* В словаре Т.Ф. Ефремовой первый признак 'гордый', важный, с точки зрения БТС, выносимый в определении на первое место и подтверждаемый семантикой выражения *смотреть орлом*, опускается: 2. *перен.* Храбрый, сильный, мужественный человек.

В свою очередь, МАС обращает внимание на совершенно иные признаки, подразделяя их с помощью «или» на признаки внешнего восприятия и поведенческие и оставляя их ряд открытым («и т.п.»): 2. О человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью и т.п. Признаки внешнего восприятия иллюстрируются примером из литературы второй половины XIX века: [*Гуртовщик*] *из себя*

молодчина, орел. Л. Толстой, Идиллия. Поведенческие и т.п. – примерами, для нас в своем содержании показательными, из литературы советской: – *Я не видел его еще в бою, – сказал я Виктору, – Может быть, в бою он орел?* Первенцев, *Честь смолоду. – Славный у тебя комбат – Горбунов. – Умный офицер... – Орел, – подтвердил с неожиданной горячностью майор.* Березко, *Ночь полководца.*

ТСУ представляет интересующие нас признаки в совершенно ином ключе, относя их не к самостоятельному значению, а к двум оттенкам 1-го значения ('птица'), сопровождая первый оттенок уточнениями употребления: || В сравнениях употр., как образец величия, мощи, высокой одаренности (ритор.). ...*Ленин ... не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения.* Стлн. *Смотреть орлом* (горделиво, грозно). || *перен.* *Блестящий, талантливый, выдающийся человек* (ритор.). *Сей остальной из стаи славной екатерининских орлов.* Пшкн (о фельдмаршале Кутузове). *А ведь, в сущности, если разобрать, далеко не орел, этот Павлицев.* Станюкович. Интересно, что столь важный для последующих словарей признак, как храбрость, отвага орла, в ТСУ не получает самостоятельного дефинитивного оформления, проявляясь в примере, предполагающем метафорический и переносный смысл, хотя и даваемом к знач. 1, т.е. прямому ('птица'): *И налетит с отважностью орла на ястребов, терзающих отчизну.* Жквскй.

Оставим без внимания отличия, заключаемые в орле, по приведенным словарям и, видимо, в них не случайные, поскольку связанные со временем с точки зрения своих акцентов. Три временных периода, представленные, соответственно, в ТСУ (первая треть XX-го и XIX-е столетия), МАС (вторая половина XX-го и XIX-е), словаре Т.Ф. Ефремовой и БТС (на рубеже XX и XXI веков), дают возможность уловить движение смысла от величия, блестящести, исключительности и мужественной красоты, через удаль, отвагу, смелость к гордости, храбрости, мужественности и силе. Обратим внимание на те из этих признаков, которые получают отражение, используются в советизированном языке. «Толковый словарь языка Совдепии» (ТСЯС) определяет *орел* как перен. 'о мужественном смелом человеке' и в качестве примеров предлагает сочетания *красные орлы, красные горные орлы* (ср. *горный орел* из ТСУ). МАС в качестве примеров, представляющих для разбираемого вопроса интерес, помещает материал, иллюстрирующий проверяемые в бою и необходимые, важные для офицера, командира Красной, Советской, армии достоинства и качества орла. Какowymi можно считать, в контексте сказанного и с опорой на прямое, 1-е

значение способность перед лицом опасности не теряться, не прятаться, не отступать за спины, умение, готовность, не ожидая действия и участия других, начать действовать самостоятельно, решительно и в нужном направлении, своей отвагой, смелостью увлечь, повести за собой других (достоинства командира, офицера), обеспечивая этим победу и несомнительный, неизбежно следующий успех. В языке советской действительности, таким образом, находят воплощение признаки, связываемые не с отвагой и смелостью, мужественностью как таковыми, а с этими качествами как тем, что дает их носителю, обладателю (параметр наделенности) возможность, готовность (заряженность силой и волей – 2-я позиция) действовать в случае военной, боевой (либо связываемой с борьбой, перед лицом противника) необходимости, обеспечивая своей решительностью и силой (4-я строка – обеспечение возвращения, сохранность) достижение успеха (результат). Отвага и смелость, мужественность претворяются в готовность, обращаются в заряженность силой и волей, нацеленные внутренне на действия, необходимые системе, в условиях боя либо приближенных к боевым. Отсюда *красные орлы* – это воины и командиры, отважные красноармейцы, а *горный орел* – не боящийся препятствий и врагов, отважный вождь, главнокомандующий своей армии (единственный для нее такой и на ее вершине), т.е. коммунистической партии как авангарда пролетариата, решительный, сильный, волевой, готовый повести его отряды в бой и одержать над любым противником победу.

В свою очередь, *сокол*, по внешним и внутренним характеристикам близко связанный с орлом, в отношении языка советской действительности предстает в каком-то собственном, уточненном, повороте. С одной стороны, к своему общенародному и литературному значению. С другой, в связи с позицией в описываемой системе и, что за этим следует, в своей такой позиции к представленной позиции орла.

Начнем со словарных определений. Характеристика 1-го знач., птицы, помимо внешних признаков (сильный клюв, длинные острые крылья), содержит указание на способность парить во время полета (долго и высоко лететь парящим полетом в ТСУ). 2-е знач. (в МАС 3-е, 2-м дается нареч. *соколом*, т.е. быстро, а также гордо, смело, в ТСУ это знач. 4-е, употр. в сравнениях в знач. очень быстро, с пометой поэт.) выделяет признаки мужской, молодой, юной удалы, отваги, красоты (МАС, БТС, с пометой *нар.-поэт.*), ласкательности при обращении (*сокол ты мой ясный*), ТСУ – красоты, словарь Т.Ф. Ефремовой – красоты, смелости, удалы. БТС в качестве 3-го знач. дает советизм: **3. обычно мн.:** соколы, -ов. **Высок.** О советских лётчиках (употреблялось преимущественно в период Великой Отечественной войны 1941-

1945). *Наши красные соколы*. Это же знач. в ТСУ, в МАС отсутствующее, выглядит следующим образом: **3.** (сокол). Употр. для обозначения летчиков как людей, соединивших высокое летное искусство с беззаветной храбростью (нов. ритор.). *Гордые соколы нашей страны*. Словарь Т.Ф. Ефремовой дает это как оттенок знач. 1-го без каких-либо пояснений: **1.** Хищная птица... парящая при полете. // *перен.* Летчик. ТСЯС определяет *сокола*, в отношении к его значениям-советизмам, многообразнее: «**СОКОЛ**, а, м. Поэт. Высок. *О храбром воине, защитнике родины*. ... ==**Гордые (верные) соколы**. Поэт. Патет. *Гордые соколы страны*. ... ****Красные соколы**. Поэт. Патет. *О воинах Красной Армии*. ...». К этому следовало бы добавить известное в свое время словосочетание *сталинские соколы* в значении, близком представленным, т.е. верные, отважные, всегда готовые к действию по первому требованию вождя, защитники его дела, солдаты его призыва.

Сочетание выводимых на основе приведенных определений признаков воспроизводит образ молодого мужского начала, воплощаемого в советском воине-защитнике, отличительными особенностями которого оказываются острая, динамичная, хищная красота, проявляющаяся в стремительности, высоком полете действий, отваге, смелости перед лицом, возможно большего в своих размерах, врага (сокол охоты, как наделяемый к тому же чертами национального, царского, высшего уровня представления). Все эти качества, в их нацеленности, позволяют увидеть в соколе ударную силу действия, связанную с обеспечением, поддержкой выходящей силы, – позиция, проявление (3) в основании сохранности.

Небезынтересным в связи со сказанным могло бы показаться обоснование известной строчки армейской песни XIX столетия (по крайней мере, поскольку распространенной во время Крымской войны), охотно использовавшейся как строевая также в Советской Армии *Взвейтесь, соколы, орлами*. Обоснование, связываемое с представлением внутреннего, не объявляемого прямо смысла, внушаемого с целью поднятия боевого духа, придания отваги, воспитания чувства гордости, молодечества, ощущения силы. Силы, отваги и гордости собственных, отдельно в каждом, не коллектива, отряда, группы, т.е. объединения, массы, числа. *Взвейтесь, соколы, орлами* предполагает трактовкой два предикатные положения: то, что вы, те, к кому обращаются, *соколы* (существование, бытийность), и призыв, побуждение к наделенному орлиными признаками соколиному проявлению, действию. Иными словами: вы, соколы, взвейтесь, будьте, в своем этом ожидаемом от вас к совершению действию, орлами, как орлы, будьте в этом, а там и не только в этом, впоследствии как желаемом будущем, орлы. *Сокол*, тем самым, воспринимается в от-

ношении молодого солдата и солдата, которого следует подготовить к бою (строевая песня), как состояние здесь и сейчас (модальность реальности, презенс). *Орел* – как состояние, к которому *сокол* должен стремиться, которое необходимо достичь, т.е. модальности ирреальности и в ней оптатива (а также скрытого императива). Опуская связанное с народно-фольклорной традицией представление, срабатывающее и отраженное для интересующей нас парадигмы в смещении, глубинным слоем внутренней мотивации, не проявляемой в смысле, представление о *соколе* как о юном и молодом, а *орле* – как зрелом и полном в своей мужской красоте, отваге, храбрости, силе (молодой, до брака, инициации, и муж, в своем расцвете, зените и силе), – опуская все это, можно было бы интерпретировать заложенную в песне идею движения, статального перехода от состояния *сокола* к состоянию *орла*, в условиях разбираемой парадигмы, в ином ключе. Как внушаемое, задаваемое стремление позиции (3) к значениям, признакам позиции (1), с целью придания ей этих признаков. В ожидаемом, направляемом к своему проявлению в действии *сокола* быть заложенным в своем исходе, начале, точке отсчета, выхода из состояния покоя, в своем становлении, *орлом*. В своем действии *сокола* быть *орлом*, действовать как *сокол* и быть при этом *орлом*. К этому же: *соколом* – быть и являться, а *орлом* – надо и следует становиться, быть.

Орел в этом смысле может восприниматься как большее и охватывающее состояние достигаемой полноты, включающее в себя, в своем потенциальном (с точки зрения начала стремления, как идеи того, к чему следует, необходимо прийти) и завершеном, а потому освоеном, пройденном, дезактуализированно приглашенном, свернутом, виде то, что свойственно или будет (в динамике) свойственно следующему после первой, исходной позиции фазам. В этой связи разбираемая строчка армейской песни может быть также объяснена как сжатая, сконцентрированная в своем стремлении к разворачивающемуся в действии к высшему, полному проявлению (молодое → зрелое) идея динамики уровневой развития-перехода и одновременно как сжатая, свернутая пружинно идея внутреннего обращения и заряжения точки 3 → точкой 1, а тем самым и от нее, снова к 3, проходя, заряжаясь 2, в динамике, задаваемой моделью-схемой.

Орел, как свернутое, содержащее в зачатке, как то, к чему надо стремиться мужскому, защитному (воина), родовому началу, обеспечивающему надежность и безопасность своего рода-социума, в зачатке, поскольку в движении к достижению и переходу либо уже как пройденное и в своей актуализации поэтому снятое, как состояние желаемых (оптативом, императивом социума), предназначенных к освоению

признаков, характеризуется, в отличие от сокола, большей темпорально-модальной перспективой, имеющей смысл и себя проявляющей также и для разбираемой модели. Стоит обратить внимание в этой связи на наличие в народной традиции для орла представления об орленке с орлицей, отражаемых в интересующей нас парадигме орленком и замещаемой Катюшей (о чем будет речь), и на отсутствие подобного рода соотношений для сокола.

Указанные особенности, их проявления и признаки для исследуемой парадигмосистемы требуют объяснения. Основным объектом ее представления применительно к позитиву лица является непосредственный участник, участник системного проявления, действия, по отношению к которому лица других, т.е. непосредственно не участвующих, значений могут себя каким-то образом проявлять. Это могут быть как модально-темпоральные, так и сопровождающие значения, связанные, явно или неявно, подразумеваемо, коррелятивно, с ведущим значением непосредственного участника. Подробное рассмотрение этих модально-темпоральных и сопровождающих, обертоновых, дополнительных к ведущему, основному, тоновому, для участия, значений, не обязательно связываемых с семантикой разбираемого позитива лица, нередко достаточно многообразных и сложных, поэтому не входило в задачу. Вероятное проявление их можно было бы рассмотреть на конкретном возникшем примере, применительно к лексическим единицам языка советской действительности орленок, Катюша, имеющих не равное и не соотносимое отношение к семантике рассмотренного орла.

Орленка, в контексте его отношения к орлу (хотя такое соотношение для него не единственное), стоит определять в модально-временной перспективе, как то, что будет, способно быть, дает основание думать, подает надежды, готовит себя проявить в недалеком будущем в необходимом для основного участника отношении. Тот, на кого можно и нужно рассчитывать, полагаться, отчасти уже и сейчас, но в основном в перспективе будущего. В своей семантике, таким образом, это то же, что и орел, но в модальности оптимизма и в ожидаемом времени.

Одновременно с этим, с позиции практики советского словоупотребления (ср. строчку известной песни: *Меня называли орленком в отряде, орлом называли враги*), орленка в его семантике можно и следует воспринимать как орла, действующего наравне с ним и рядом с ним, нередко также самостоятельно. Не уступающего ему в способности перед лицом опасности не теряться, не прятаться, не укрываться за спины, своей отвагой, смелостью увлечь других (достоинства будущего командира и офицера), обеспечивая этим победу и неиз-

бежный успех военному предприятию. В этом случае орленка можно рассматривать как замещение, субститут, с показателем меньшего, чем у орла, проявления физической силы, но не меньшей волевой заряженности. Тем самым, позиции значений того и другого в модели являются общими, отличие определяется составом и акцентным распределением компонентов.

Подтверждают сказанное определения «Толкового словаря языка Совдепии»: «**ОРЛЕНОК**, нка, м. 1. Поэт. публ. *Пионер-, комсомолец-герой революции, гражданской войны.* ... 2. *Название Всесоюзного пионерско-комсомольского лагеря.* ... 3. *Название астероида (в честь пионерско-комсомольского лагеря «Орленок»).* ... 4. *чаще мн. Пионеры, отдыхающие в лагере «Орленок».* ... 5. *Название всесоюзной пионерской военной игры.* ... 6. *Марка детского велосипеда.* ...».

Катюшу следовало бы относить к значениям плана сопровождения участника. Значения этого рода можно определить как то, что способно давать мотивацию – заряд – поддержку – защиту – возможность достижения необходимого (желаемого) результата тому, кто непосредственно проявляет себя в значениях, признаках и позициях описываемой модели. Этим сопровождающим, мотивирующим, заряжающим, поддерживающим и т.п., участника в его проявлении и необходимом участии не обязательно может быть и должно быть лицо, но всегда будет то, что имеет значение и себя выражает для языка советской действительности. *Коммунистическая мораль, идейность, партийность, боевой дух, бескорыстие, чувства коллективизма, чувство глубокой благодарности, революционная устремленность, советский патриотизм, гражданственность, героизм, верность заветам, активная позиция* и др. составные и одиночные единицы могут быть определены в указанном отношении, с выявлением семантических признаков, занимаемых позиций и характерных для них подзначений.

Катюша, как символ и образ советской девушки, верной подруги, ждущей своего бойца, воплощение тепла отчего дома и родины, воспоминание о мирном времени, то, что дает надежду, обещает радость возвращения и счастье человеческого и женского, девичьего участия, является источником необходимых для ведения военных действий сил, напоминанием об оставленном, но не забытом и не забываемом, то, от чего пришлось уйти, что пришлось покинуть, с чем пришлось расстаться, но к чему влечет и постоянно тянет, ради чего, чтобы к нему вернуться, следует вести борьбу не на жизнь, а на смерть, – все это, так или иначе, воплощается в Катюше. Ее значение можно было бы определить как то, что дает поддержку (3-я позиция, с включением 1-й и 2-й – мотива-

ции и заряда, как составляющих) воину, защитнику, в его проявлениях к ожидаемому от него направленному действию на требуемый в достижении необходимый результат, – семантика, в ее реализации, основания сохранности, 4-го для II уровня (см. табл.). Воплощая семантику поддержки для сопровождения основания сохранности (4-я позиция), без дальнейшего определения внутри него, *Катюша* могла бы быть отнесена к любому из его возможных подзначений, равно как и ко всем одновременно (семантическая неопределенность, непривязанность, размытость, что теоретически допустимо). То есть – в сопровождении к рассмотренным и определенным ранее *орлу – герою – соколу – богатырю*, к любому (каждому) из них или ко всем четырем, без различия. Вопрос заключается в этом случае в том, к кому из них, если данное имеет место, относится, и в каком конкретном смысле, в определяемой подсемантике *Катюша*. Согласно словам известной песни, а потому не случайным, проявляющим ведущий суггестивный смысл, это отношение направляется к *орлу*: *Выходила на берег Катюша... Выходила, песню заводила Про степного сизого орла, Про того, которого любила, Про того, чьи письма берегла.* (М. Исаковский) *Берег – берегла – любила* (идея защиты, ограждения, безопасности, как внутренняя, скрытая, последующего плана и поддерживающая), но *выходила на берег* (возвышение, высота, стояние, с высоты), *песню заводила* (обращение-поддержка, напоминание, воспоминание, опора, надежность, прочность, зов). *Орел степной и сизый* – отдельность, сила, мужская внутренняя красота 1-го подзначения основания сохранности (4) в описываемом параметре надежденности.

Значение этого 4-го основания в контексте признаков позитива для человека можно было бы сформулировать, вслед за 1) самоотверженностью, отказом от себя во имя общего дела; 2) заряженной силой и волей готовности к действию ради этого; 3) мобилизации и вовлечению себя и других в необходимое проявление-действие, как 4) надежность преданной, верной силы, опора действия, то, на что можно и нужно рассчитывать в ожидаемом, планируемом достижении результата (5).

Последнее, 5-е основание рассматриваемого параметра надежденности, связанное с переходом, воплощением в действие, проявлением вовне, предполагаемым достижением желаемого эффекта, т.е. результируемостью, можно проиллюстрировать на примере семантики слов *преобразователь (природы)*, *рыцарь революции*, *рыцарь Арктики*, *хозяин (подлинный хозяин, чувство хозяина, молодые хозяева страны)*. Интересующее нас значение концентрируется вокруг идеи способности должного проявления, умения действовать, изменяя, представляя и исправляя, по образу и подобию за-

думанного, запланированного, вторгающегося, насильственного участия в то, что находится вне подобного изменения, что имеет свою, представляемую неизменяемой, не поддающейся искусственному воздействию и подчинению человеку, природу. Но – *для большевиков нет ничего невозможного!* – и поэтому этот начавший себя проявлять с первой фазы, в самоотверженности и отказе от своего «я», большевизм деяния, через вторую, третью и четвертую фазу, в пятой должен получить необходимое для себя разрешение. В виде способности достигать и осуществлять насильственное, вторгающееся, меняющее ход развития, бег истории, подчиненное революционной необходимости, воплощение для идеи, выведенной на основе единственно правильного представления об обществе, законах его развития и человеке как средстве, орудии, материале, а вместе с тем и субъекте задуманного как необходимо неотвратимое предприятие, могущее и должное стать таковым при условии придания ему требуемого направления и поступательного, нацеленного на достижение желаемого результата, характера.

Как и при рассмотрении семантики единиц воплощения для предыдущих четырех оснований, внимание будет обращено на их смысловые соотношения по пяти точкам последовательного развития от активизации через заряженность, поддержку, сохранность к достижению результата.

В значении *преобразователя* подчеркивается достигнутый, полученный в итоге произведенной деятельности, направленных усилий результат: *преобразователь* 1. Реформатор, человек, преобразующий что-н.; *преобразовать* 1. В корне изменить, переделать на другой лад. (ТСУ) 2. Перестраивая, изменяя, превратить во что-л., сделать чем-л. другим. (МАС; БТС) Устойчивый оборот *великий преобразователь природы* (о Мичурине), как тот, кто своими действиями, направленной творческой активностью, меняет, подчиняет природу, естество, не поддающуюся своевольную стихию человеку, его потребностям и нуждам, во имя блага создаваемого социалистического общества, акцентирует значение революционизирующего, коренным образом меняющего представления о роли, назначении, способностях, возможностях, умении воспитываемого, преобразуемого советской властью, направляемого коммунистической партией, ее преобразующими идеями, человека. *Преобразователь* – тот, кто, будучи подвергнут преобразующему, перевоспитывающему воздействию нового мировоззрения, способен действовать в необходимом направлении, преобразуя общество, природу, человеческое естество, – все то, что ранее воспринималось движущимся, развивающимся по собственным законам, не предполагающим возможности активного воздействия, подчи-

няющего себе вторжения, сознательного регулирования и изменения в желаемом направлении. *Преобразователь*, таким образом, является продуктом социалистического строя и одновременно его движущей, несущей (претворяющей, преобразующей) силы, выступая продолжением, проявлением в человеке, человеческом материале основной его идеи, заключающейся в революционном изменении (преобразовании) всего и вся вокруг. Значение движущей, несущей силы может быть интерпретировано в отношении позиции, проявления (3) – поддержка выхода для основания результатава.

Хозяина следовало бы, соответственно, определить как того, кто полностью владеет, кому принадлежит, кто поэтому распоряжается по собственному усмотрению, имеет власть распоряжаться, управляется и действует без оглядки, без стеснений, отвечая только перед самим собой, точнее перед обществом, неотъемлемой, неразрывной, органичной частью которого он является, в силу своей сознательности, воспитания, служения, целей, равных и тождественных у него общественным. *Хозяин*, тем самым, так же, как и *преобразователь*, продукт, результат воздействующего, воспитывающего влияния социалистического строя, его естественное продолжение, которому свойственно, для которого типично, характерно такое же, как и у строя, породившего его, активно волевое отношение к действительности, к обществу, к тому что вокруг и вне. Это тот, кто является *подлинным хозяином своей страны* (о советском человеке, советских людях), кто, по словам известной песни, *проходит как хозяин по бескрайней родине своей*, это *молодые хозяева земли (страны)* – о советской молодежи, воспитанной и выросшей при социализме. Как волевое действие, заряженная силой и волей готовность самостоятельно, активно действовать, это значение позиции, проявления (2) для основания результатава.

Рыцаря в рассматриваемом отношении отличает безупречная преданность служения пропагандируемым, проповедуемым идеалам: 2. *перен.* Самоотверженный, великодушный и

благородный человек, лучший, честный служитель чего-н. на каком-н. поприще. *Держинский – р. революции.* (ТСУ) В этих своих качествах он определяется, характеризуется исходно, изначально, как обладающий необходимыми чертами в силу самой своей природы, самовоспитания, внутренней организованности, врожденной порядочности, призвания. Качества эти позволяют ему проявлять себя в активном действии, достигая необходимых, в силу безупречности характера, результатов. *Рыцарь Арктики* (о полярном исследователе И.Д. Папанине), *рыцари без страха и упрека* (Ленин и Держинский), *рыцари искусства, просвещения, рыцари социалистического строительства, рыцари коммунизма*, определяя преданность делу, искренность и бескорыстие, чистоту устремлений, посвященность, обращают эти качества обладающего ими человека на его служение, воспринимаемое им как предназначение и миссия, священный долг, обязанность, полное отдавание себя (присягой, клятвой, словом) верховному и высшему, стоящему над собой – идеям, идеалам, как сеньору, сюзеру. Служение, которое поэтому не может не быть результативно, которое поэтому дает такие же плоды, высокой, лучшей пробы, отмеченное качествами своего производителя. Из этого определения следует значение позиции (1) – начальной точки предрасположения, исхода, для основания результатава (5) рассмотренного параметра наделенности. Значение 5-го основания в отношении признаков для позитива, вслед за описанными ранее четырьмя, можно было бы определить как 5) обеспечиваемая необходимыми качествами обладателя результативности, эффективность проявления деятельности, направленного на достижение поставленной цели (революционное преобразование общества, социалистическое строительство, формирование нового человека и т.п.).

Полученный в итоге вид параметра, определенного как наделенность, в целях наглядности, по основным значениям партиципанта, можно было бы представить следующим условным образом (материал первых трех оснований был описан в предыдущей статье):

I уровень: **наделенность**

II уровень:	активизация	заряженность	поддержка	сохранность	результатив
III уровень:					
активизация	<i>энтузиаст</i>	<i>гвардеец</i>	<i>марксист</i>	<i>орел</i>	<i>рыцарь</i>
заряженность	<i>общественник</i>		<i>большевик</i>	<i>герой</i>	<i>хозяин</i>
поддержка	<i>коллективист</i>	<i>боец</i>	<i>ленинец</i>	<i>сокол</i>	<i>преобразователь</i>
сохранность	<i>патриот</i>	<i>часовой</i>	<i>коммунист</i>	<i>богатырь</i>	
результатив	<i>интернационалист</i>	<i>солдат</i>			
	посвящение	готовность	мобилизация	надежность	Достижение

Следующим параметром описания позитива при обозначении лиц в языке советской действительности, в соответствии с характеризуемой

системой (см. предыдущую статью), выступает **отмеченность**. Как и параметр наделенности, отмеченность предполагает признак, который

характеризует, определяет человека, лицо как отдельного, обособленного носителя (обладателя), выделяющий, отделяющий его от других при соотносении с ними и на их фоне. Признак при этом представляется не как имманентно свойственный, т.е. следующий из внутренних качеств их обладателя, что характерно для наделенности, а как приписываемый, придаваемый, аддитивный.

Различия в характере проявления этого признака по отношению к определяемому им лицу, как и в случае с наделенностью, можно представить в пяти разновидностях, смысл которых, в силу их внешнего, аддитивного, а не внутреннего, имманентного, положения к лицу, будут несколько отличаться от охарактеризованных ранее. Если для наделенности 5 обозначенных проявлений укладывались в идею развития и перехода по фазам последовательно разворачивающегося отношения носителя признака к потенциальному действованию, откуда и возникали точки 1) исхода, представляемого в возбуждении, активизации, выхода из состояния покоя; 2) приготовления, заряжения, концентрации силы и воли для необходимой готовности; 3) мобилизации, вовлечения себя и других для дальнейшего действия; 4) обеспечения надежности и верной силы, защиты, сохранности, безопасности и, наконец, 5) достигаемого результата ожидаемой проявленности, – то для отмеченности внутренняя смысловая динамика переходов будет иной. Это будет не развитие, связанное с отношением к потенциальному проявлению в предполагаемом действии, а перемещение, обозначающее формы сменяемых состояний, свойственных, характерных лицу, последовательно отмечающие обусловленность 1) собственными, индивидуальными качествами (точка, исход, обладание в себе, для себя); 2) качествами, следующими из включения, впитывания, вбирания в себя из того, что вокруг, – направленность проявления признака на субъекта, от него самого, из его окружения, из среды (в себя извне, обладание вследствие такого вбирания); 3) качествами приведения, приобщения, втянутости субъекта во что-то большее, включающее, вбирающее его в себя (втягивание окружающим внешним точки его в себя); 4) качествами положения, позиции, обстоятельств (обладание вследствие ситуации, нахождения, положения) и 5) качествами, следующими для него из того, чего он достиг, чем овладел для себя, что освоил (обладание вследствие достижения).

Первую разновидность, тем самым, составит свойство, связанное с представлением об отмеченности в силу каких-то особых, приписываемых лицу, видимых в нем, его отмечающих, отличительных качеств. Позиция, которую в описываемой системе (II уровень) можно было бы обозначить как **отличительность**, с точки зрения обладателя, и свойственность, проприа-

тив (лат. proprius 'своеобразный, особенный, неотъемлемый, характерный' и 'собственный, лично принадлежащий'; 'подлинный') – в отношении последовательно мотивирующих направленность признака состояний. Вторую составила бы отмеченность в силу повлиявшего окружения – места жительства, нахождения, привычной деятельности, работы, появления на свет, т.е. в силу каким-то образом себя отмечающей, отличительной по сравнению с другими, среды. Позиция, обозначаемая, соответственно, как **окружение** и наведение, индуктив (лат. induco, inductum 'вводить; внедрять, вносить'). Третью – отмеченность в силу особенных, отличительных обстоятельств, пережитого опыта, вовлеченности, втянутости в какие-то действия, проявления, не всегда зависящие от человека условия, повлиявшие каким-то образом на него, отложившие свой отпечаток на нем, сделавшие его таким, отличающимся от остальных. Позиция **опыта-приобщения** (пережитого, пройденного, освоенного) и приведения, втянутости, – обдуктив (лат. obduco, obductum 'приводить, подводить; добавлять; проводить; втягивать, вбирать'). Четвертую – отмеченность в силу какого-то положения, особенностей социальных условий, бытовой ситуации и т.п. Позиция **положения, ситуатив**. И пятую – отмеченность в силу каких-то своих достижений, проявленности, полученных результатов, выполнения норм. Позиция **достижения** и сукцессив (лат. succedo, successum 'входить под что-л. или внутрь чего-л.; достигать').

Значения признаков первой позиции можно будет увидеть и вывести на примере таких единиц, как *вождь, вождь и учитель, гигант (науки, мысли, труда), светило, светоч, факел, маяк, Пассионария, титан, зеркало русской революции, великий зодчий, великий кормчий, настоящий (из него) коммунист, великий корифей науки, отец народов, правофланговый, протидец (наших побед, великий), самый человечный человек* и пр. Значения второй – *автоградец, автозаводец, воин-малоземелец, молодогвардеец, камазята, корчагинцы, люди труда, молодой (которому везде у нас дорога), первогвардеец, ровесник Октября, советский человек, сын страны Советов, сын рабочего класса, ульяновец (житель Ульяновска)*. Значения третьей – *блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, мать-героиня, панфиловцы*. Значения четвертой – *первоочередник, безотрывник, лимитчик, вечерник, заочник, втузовец, вузовец, выдвигенец, женорг, горкомовец, завкомовец, исполкомовец, комитетчик, обкомовец, остронуждающийся, ответработник, парткомовец, партработник, рабфаковец, райкомщик, сезонник, совместитель, молодой специалист*. И значения пятой – *ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, знач-*

кист (ГТО), кандидат наук, краснознаемец (человек, награжденный орденом Красного Знамени), лауреат, орденосец, персональный пенсионер, передовой, лучший по профессии, ленинский стипендиат, заслуженный учитель, отличник, хлебороб-стоцентнеровик, чемпион жатвы, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница.

Поскольку параметр отмеченности, в отличие от наделенности, в своих проявлениях оказался представленным значительно большим количеством собранных единиц, определение их значений в соотношениях потребует более подробной дифференциации. Первым таким подразделением, предвещающим проекцию III уровня с позициями пяти соотносительных точек для каждой позиции уровня II (отличительность, окружение, приобщение, положение, достижение), было бы отнесение позитивного признака, заключаемого словом, в его носителе, обладателе, к своего рода экрану – плоскости, грани того, что следовало бы обозначить как некое общее, вбирающее и охватывающее всех означаемых проявлений и признаков рассматриваемой парадигмосистемы, некую окончательность всех устремлений советской действительности, цель и фабулу ее призвания к жизни и существования, ее *opus finitum*. То, что можно воспринимать как революционное преобразование общества, строительство социализма и коммунизма, воспитание и создание нового человека. Но можно и как-то еще, неявно, интенционально, либо исходя из того, что за этим стоит, что ниже и глубже, что составляет его мотивацию и подоплеку, либо его действительное, а не пропагандистское существо. С разных сторон и на более глубинном и поэтому трудно определяемом и формулируемом уровне, как некое выдвигание, динамический и динамизирующий протопласт, связываемой с вынесенной и оговоренной в самом начале [см.: Червиньски 2009: 138] идеей выхода из состояния равновесия (какого-то выхода, из какого-то состояния, какого-то равновесия, поскольку не просто всяческого или как такового). В силу трудностей слишком абстрактных и потому отвлеченных определений оправданным представляется поэтому обращение к языковому лексическому материалу и демонстрация всей процедуры на нем, при неизбежной при этом неточности и смысловых потерях.

На примере значений слов первой позиции проблема затронутого подразделения, предшествующего III уровню, сводилась бы к определению того, чем являются *вождь*, *вождь и учитель*, *гигант (науки, мысли, труда)*, *светило*, *светоч*, *факел*, *маяк* и т.п. в отношении к *opus finitum*, в каких ее плоскостях, гранях их проявления себя для нее обнаруживают. Не усложняя задачу излишней абстрактностью, попробуем разрешить ее на ощутимом и легко пред-

ставляемом материале, прежде чем обобщить.

Первую группу таких отношений составляли бы **революционные, трудовые массы, люди** – коммунистическая партия, движущие силы общественного прогресса, трудовой народ, рабочие, угнетенные, пролетариат, трудовое крестьянство, советское общество, советский народ, советские люди, прогрессивное человечество и т.п. Все то, что можно было бы определить как реальный и представляемый инкорпоратив – включенное в сферу *opus finitum* советской действительности людское множество, массу, число, в отличие от исключаемого дискорпоратива (империалисты, капиталисты, эксплуататоры трудового народа, отщепенцы, предатели и т.п.). Сюда можно было бы отнести такие единицы, как *вождь (великий, мудрый, дорогой, родной, близкий всем людям, любимый, вождь революции, мирового пролетариата, трудящихся, народов, всех времен, гениальный)*, *вождь и учитель*, *великий кормчий*, *отец народов*, *первоучитель наш*, *великий учитель*.

Вторую группу – проявление в **общественно полезной**, необходимо направленной **деятельности**, отмеченное, сопровождаемое исключительными способностями, величиной, величиной, умениями, глубокими знаниями, мудростью, помогающими успешно решать задачи революционного преобразования общества, социалистического строительства, достигая необыкновенных, небывалых, превышающих представление о возможном, успехов и результатов на этом пути. В эту группу, определяемую как включаемый иммутатив (поощряемой преобразующей деятельности), в отличие от исключаемого дисмутатива (отвергаемой деятельности), могли бы войти *гигант (науки, мысли, труда)*, *светило*, *титан*, *зеркало русской революции*, *великий зодчий*, *великий корифей науки*, *Кремлевский мечтатель*, *провидец (наших побед, великий)*, *матерый человечеще*.

И третью группу – **новое (должное) отношение** к жизни, обществу, людям, отдельному человеку, революционному делу, социалистическому строительству, связываемое с неустанным горением, страстностью, посвящением, способностью отдавать всего себя ради общего дела, исключительной человечностью, претворяемых в свойствах быть ориентиром, служить образцом, примером для подражания, в умении увлечь, повести за собой: *светоч*, *факел*, *маяк*, *Пассионария*, *настоящий коммунист*, *правофланговый*, *самый человечный человек*, *дедушка Ленин*, *руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию)*. Семантику этой группы можно представить как категорию, также включаемого, поощряемого, информатива – придающего вид, форму, создающего, делающего, образующего, а также обучающего, воспитывающего и строящего (лат. *informo*, *informatum*), в отличие от исключаемого и обратно действующего дис-

форматива.

Расположение значений для первой группы, представляемых в единицах минимально необходимых для определяемого смысла, т.е. без добавлений, связанных с их расширением в сочетаниях, можно увидеть в позиционной последовательности *первоучитель наш* (1) – *великий учитель* (2) – *великий кормчий* (3) – *отец народов* (4) – *вождь* (5). *Первоучитель наш* – как непререкаемый, высший, недостижимый авторитет и источник, первоисточник, начало, исток, основатель учения, стоящий отдельно и в самом начале, до всех и до всего за этим последующего, особенный и исключительный в этом первоначале своем, что подчеркивается притяжательным местоимением *наш* (значение 1-й позиции, отличительности и проприатива). *Великий учитель* – как тот, кто своим учением, знанием, действиями, примером влияет, учит, показывает, вовлекая, излучая из себя, индуцируя, предоставляя обучаемым, последователям, необходимую почву, окружение знаний, их питательную среду (значение 2-й позиции, окружения и индуктива). *Великий кормчий* – как тот, кто своими особыми умениями, опытом, владением вверенным ему общественным кораблем, минуя рифы и мели, твердо и неуклонно ведет за собой, указывает правильный и единственный путь, что составляет значение 3-й позиции, втягивания, прохождения, приведения, обдуктива. *Отец народов* – как тот, кто выше и старше всех остальных, кто над ними, со своей высоты, в своей нескончаемой отеческой доброте, в отмеченном знаниями и житейским опытом положении, видит и понимает, заботится и печется о вверенных и доверившихся ему народах, как детей (значение 4-й позиции, положения-ситуатива). И *вождь* – всех угнетенных масс, ведущий их к светлому будущему коммунизма, достигший и достигающий неизменных побед и успехов, неотъемлемо сопровождающих его на этом пути (иначе бы не был вождем). Высший, верховный и лучший, в силу не только умений, особых способностей, знаний, своей исключительности, но и содеянного, совершенного, в борьбе и боях обретенного, а потому без всяких сомнений заслуженного и воплощенного им (значение 5-й позиции, достижение и суксессив).

Вторая группа, предполагающая проявление в необходимой деятельности, может быть представлена в последовательностях двух рядов значений. Значений позиции исхода для единиц *светило* (1) – *гигант науки, мысли, труда* (2) – *титан* (3) – *великий корифей науки* (4) – *матерый человецище* (5). И значений позиции направленности – для *Кремлевский мечтатель* (1) – *зеркало русской революции* (2) – *великий провидец наших побед* (4) – *великий зодчий* (5).

Отличие единиц первого ряда, отнесенного к позиции исхода, от единиц второго, отнесен-

ного к направленности, может быть объяснено особенностями передаваемого в том и другом случае признака. В первом случае признак может быть воспринят как наличие, обладание как таковое, как исходное, имманентное, в себе, определившее исключительную силу, величие, выдающийся характер деятельности своего носителя. Во втором – как заряженное, переходящее на окружение, т.е. направленное в конечном счете проявление его каких-то свойств, обуславливающих приписываемый далее вид, определяемый как мечтательство, отражение, провидчество, устройство.

Указанное подразделение, тем самым, вводит представление о последующих уровнях возможного описания значений и, одновременно, о соотносительности семантики, передаваемой с помощью вербальных средств. Уровень последующего допускает вероятность наличия не двух, как в данном случае, а пяти рядов – не только исхода и направленности, но и приложения (сил), обеспечения и достижения, – для пяти проявлений в каждом. Соотносительность предполагает определение семантики выбираемых для ряда единиц не в изоляции, не как независимых отдельностей, а через их соположения в позициях друг к другу. Данная особенность, впрочем, несколько условна и не обязательна. Описание вербализуемой семантики может иметь необусловленный характер. Описываемая система признаков-определителей, представляясь как независимая от значений насыщаемых ею слов (независимая в том смысле, что не обуславливается ими), проявляется для них возможностями разного в комбинациях и соотношениях набора, в том числе и далеко не редко неоднозначного, неполного, неопределенного, не единственного и совсем не обязательно соотносимого, т.е. предполагающего рядом, отличающуюся на какую-то долю, но того же ряда, единицу. Семантика какого-то рядом стоящего, близкого и соотносимого набора может быть не актуализирована, не занята, не выражена. Одновременно с этим уточнение участвующих в вербализованном значении признаков может происходить по разным направлениям, что, с одной стороны, допускает различия в семантике употреблений какой-то единицы (единиц), а с другой, предполагает расхождения не соотносимого и не связываемого характера (по принципу оппозиций, А / не А, либо 1, 2, 3, 4, 5 чего-то общего) у двух, трех, четырех, пяти и более по каким-то признакам сводимых единиц.

В связи со сказанным, приводимые в предлагаемом исследовании соотношения, отображаемые в вербальных единицах, следует воспринимать условно, как удобные для представления иллюстрации, допускающие и предполагающие возможность иного отражения их собственной семантики. Поскольку объектом описания является система соотносимых призна-

ков, присутствующих внутренне при порождении и восприятии значений, постольку вербальные единицы их отображения служили средством, материалом, позволяющим нечто мало поддающееся материализации каким-то образом представить, далеко не единственным, но и не случайным. При задаче и целях противоположных, предполагающих объектом языковые единицы и передаваемые ими вербализуемые значения, характер их такого описания и представления, опираясь на имеющуюся систему признаков-определителей, был бы, со всей определенностью, другим.

Выделенные и представленные в двух рядах слова – основания отличительности (проприатива) параметра отмеченности и отнесенные к группе проявления в необходимой деятельности, – помимо деления по отношению к исходу как наличию в себе либо направленности как переходу на окружение (*с окончательным числом рядов не два, а пять, три последующих могут быть не заняты, а может быть, и сами слова по ним пяти каким-то образом распределяются иначе, что при условии отсутствия необходимых для разрешения этого вопроса вербальных единиц не поддается точному определению*), можно было бы различить по основанию характера действия (проявления) обозначаемого признака – от носителя, от самого признака, ввне себя либо, напротив, на носителя, признак, к нему, извне, из окружения, из того, что вокруг. Сочетанием этих двух оснований, в их проекциях к одной из пяти позиций для каждого, можно было бы получить примерно следующие соотношения: *Кремлевский мечтатель* (1 → 2) – *зеркало русской революции* (2 → 4) – *великий прорицатель наших побед* (4 → 5) – *великий зодчий* (5 → 4) для второго ряда (порядок представления в связи с избранным отношением будет обратный). И *светило* (1 ← 3) – *гигант науки, мысли, труда* (2 ← 4) – *титан* (3 ← 4) – *великий корифей науки* (4 ← 5) – *матерый человечине* (5 ← 4) для первого.

Кремлевский мечтатель, соответственно, как тот, кто, имея в себе некоторое побуждающее к движению, планируемому в будущем действию, начало, идею, мечту (возбуждение, активизация – 1, с проявлением от себя ввне) влияет, воздействует ею ввне себя, активизирует окружение, заряжая его (направленность, зарядение – 2). *Зеркало русской революции* – как тот, кто, вбирая, отображая собой, обобщая и претворяя то, что находится вне и вокруг (окружение и наведение, индуктив), воздействует этой своей заряженностью, направленностью (2, в себе, от себя ввне) на то, что вне и вокруг в сторону обеспечения, поддержки и оправдания начавшегося революционного действия, осуществляющегося помимо него, но при его моральной поддержке процесса (4 для внешне-го). *Великий прорицатель наших побед* – как тот,

кто, предвидя, зная заранее, чувствуя то, что неизменно при необходимом усилии должно последовать, произойти, поддерживал, обеспечивал, предохранял этим своим знанием, своей уверенностью (позиция 4, с выходом от него) произошедший, осуществивший себя результат, достижение, победу, успех (5, для внешне-го). *Великий зодчий* – как тот, кто построил, достиг, осуществил либо своей деятельностью неизменно шел, приближался к этому (5, от него на внешнее), что имело смыслом обеспечение, поддержку, укрепление осуществляемого всеми процесса – формирование, создание нового общества (позиция 4 для внешнего).

Светило, в контексте рассматриваемого, можно было бы объяснить как того, кто являясь истоком, началом, светясь и давая свет (1, в отношении себя), дает возможность другим для их проявления, служа им примером, ориентиром, *светилом*, для необходимого приложения сил (3). *Гигант науки, мысли, труда* своей заряженностью величием, выдающимися способностями, составляющими смысл его волевой неустанной готовности (2, для себя) притягивает невольно к себе других, становясь им поддержкой, обеспечивая возможность для проявления, поддерживая в уверенности (4) будущих достижений. *Титан*, характеризуясь как воплощенная непомерная сила (3) деятельности, выступает в этой своей способности тем, что служит поддержкой, опорой, придавая уверенности (4) на этом пути другим. *Великий корифей науки*, как тот, кто ведет за собой, прокладывая своим последователям путь (втягивание, приведение, приобщение, опытность, обдуктив 3, в отношении в себе, для себя), способствует достижению необходимого уровня, получению и удержанию должного результата (5, для внешнего). *Матерый человечине* – как высшая форма возможного достижения, величия, результата, деятельностного итога для человека (5), являясь формой максимально возможного опыта, общается, притягивает, ведет, своим примером, всем своим существом за собой других (4).

Полученные в результате проекции семантических признаков можно представить в виде пересекающихся соотношений в некотором общем поле, представляющим собой последовательное сочетание оснований, действующих, проявляющих себя на нескольких уровнях. В отношении описываемых в своих значениях единиц двух рядов общей группы (*мечтатель, зеркало...; светило, гигант...*) это были бы сочетания признаков, выявляемых в своей последовательности на семи таких уровнях. Первый уровень составляли бы основания, определяемые как параметры – отмеченности, наделенности, принадлежности, нужности, причастности, поставленности, действия, организуемости, в противопоставлении кумулятива и аддитива [см. Червински 2009: 138]. Второй, для отмеченности, основания отличительности

(проприатива), окружения и наведения (индуктива), приобщения-опыта, втянутости (обдуктива), положения (ситуатива), достижения (сукцессива). Третий, для отличительности, – группы включенного множества (инкорпоратива), поощряемой деятельности (иммутатива), должного отношения (информатива). Четвертый, для поощряемой деятельности (иммутатива), – ряды исхода или направленности (два из теоретически допустимых пяти). Пятый – в векторном проявлении для каждого ряда от себя (носителя, обладателя, признака) вовне либо на него (носителя, обладателя, признака) извне. Шестой – в проявлении пяти позиций для каждого из векторных отражений 1, 2, 3, 4, 5 || 1, 2, 3, 4, 5, в возможных для них значениях побуждения, активизации, возбуждения, исхода, истока, начала, начавшегося выхода из состояния покоя (1), направленности ожидаемого выхода, заряда, заряженности, готовности, окружения, наведения (2), поддержки осуществляемого выхода, втягивания, втянутости, приведения, ведения за собой, ударной силы, приложения сил (3), обеспечения проявившейся силы выхода, ее поддержки, предохранения, сохранения, оправ-

дания, укрепления, положения (4), достижения, осуществления, реализации в результате, успехе, итоге, в действовании (5). Седьмой – в уточняемом для каждого из значений сочетания позиций по векторам. Порядок уровней для описываемых слов (*мечтатель, зеркало...; светило, гигант...*) мог бы выглядеть следующим образом:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **отличительность**

III уровень: **поощряемая деятельность** (иммутатив)

IV уровень: **исходность / направленность** признака (двух из пяти возможных)

V уровень: векторность **от себя** (носителя, признака) вовне / **на него** извне

VI уровень: позиционность 1, 2, 3, 4, 5 | 1, 2, 3, 4, 5

VII уровень: 1 → 2; 2 → 4; 4 → 5; 5 → 4 | 1 ← 3; 2 ← 4; 3 ← 4; 4 ← 5; 5 ← 4

Последний уровень в матричном представлении давал бы такую картину (слова второго ряда даны для отличия курсивом, горизонталь отражает вектор →; вертикаль ←):

	1↓	2↓	3↓	4↓	5↓
1←			светило		
2←	<i>мечтатель</i>				
3←				титан	
4←		<i>зеркало гигант</i>			<i>зодчий корифей</i>
5←				<i>провидец</i>	

Теоретически каждая клетка табличной матрицы могла бы быть заполнена пятью значениями (а возможно, и десятью), с учетом максимально допустимого числа проявлений V и VI уровней. Однако реально это не происходит, и клетки оказываются либо только частично, либо вообще не заполненными, что необходимо рассматривать как характеризующую черту описываемой системы. Соответственно и позиционные представления выделенного как VII (возможно также, что не последнего) уровня, также теоретически, могут выглядеть в своих сочетаниях намного сложнее – не в двух, а в пяти на два по-разному переключающихся с точки зрения векторных направлений объединения признаков. Однако все это, в силу избыточной сложности мало что добавляющей для понимания процедуры, оставим без представления, как возможную перспективу, определив это как потенциальный ресурс, который язык и сознание в своем проявлении могут использовать, но никогда не используют в полном объеме и до истощаемого конца. Также и в силу этого, т.е. в силу и по причине того, что далеко не все из возможного актуализируется, отображаясь в языковом материале, есть смысл ограничивать представление занятыми, заполненными, использованными возможностями, а не теоре-

тически воображаемой способностью, не всегда себя исполняющей и однозначно реализующей в языке.

Значения признаков третьей группы для основания отличительности, предполагающей проявлением должное отношение (информатив), также можно было бы, без излишнего усложнения оттенками и дополнениями, представить в проекциях двух рядов. Значений исхода – для *светоч, факел, маяк, Пассионария*. И значений направленности – для *настоящий коммунист, правофланговый, самый человечный человек, дедушка Ленин, руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию)*. С вектором от себя (носителя, признака) либо на него в сочетаниях согласно пяти позициям для каждого *самый человечный человек* (1 → 4) – *правофланговый* (2 → 2) – *руководитель нового типа* (3 → 3) – *дедушка Ленин* (4 → 1) – *настоящий коммунист* (5 → 3) и *светоч* (1 ← 3) – *факел* (2 ← 4) – *маяк* (3 ← 3) – *Пассионария* (4 ← 2).

Самый человечный человек, соответственно, как тот, кто своим особенным отношением к людям, знанием, пониманием людей, особенным чувством к ним, исключительной человечностью, являющимися его отличительными чертами (1), служит духовной опорой, поддержкой для всех, дает ощущение уверенно-

сти в своих силах, помогает осуществлять, совершать задуманное (4), способствует реализации планов, связанных с достижением счастья для всех людей, являясь для всех вдохновляющим примером не прекращающейся заботы и теплоты. *Правифланговый* – как тот, кто, будучи первым, передовым, направляющим, заряженный силой и волей готовности (2) действовать в необходимом направлении в нужный момент, служит примером в том же необходимом также и для других направлении, заряжая этим своим зарядом всех остальных (2), на кого им, как на возможное и достижимое в этой желаемой направленности, необходимо равняться. *Руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию)* – как тот, кто, будучи правильно ориентирован, идейно подкован, обладая умениями, хорошо понимая, с кем и с чем предстоит иметь дело, зная силу и слабость людей, способен, организовав, повести за собой (3), направив, настроив, придав направление, задав верный ход их действующей силе (3). *Дедушка Ленин* – как тот, кто в поддерживающей всем своим образом (4) человечности и доброте вызывает в каждом самые теплые чувства, желание быть лучшим, достойным, обладать исключительно светлыми, благородными, человеческими качествами (1). *Настоящий коммунист* – как тот, кто своими действиями, преданностью, отвагой, решительностью, постоянной готовностью, дающими ему возможность и силы действовать в необходимом партии направлении и всего достигать, всегда и во всем побеждать (5), быть несломленным, не покоряться, не отступать, служить этим своим примером основанием приложению сил остальных (3).

Светоч – как носитель, источник высоких идей (1) свободы, истины, всеобщего счастья, притягивает, влечет, ведет за собой (3), показывая путь, служа ориентиром и светом, вдохновляя примером, ободряя в усилиях, придавая сил (дополнительный признак 3-й позиции). *Факел* – как тот, кто, являясь носителем, воплощением идеи горения, постоянной готовности, заряда (2), в своей жизнеутверждающей силе дает поддержку, служит примером, опорой, придавая уверенности, укрепляя в способности (4) проявления, действия, утверждения силы других. *Маяк* – как тот, кто своим напряжением, усилием, приложением сил (3) побуждает к такому же напряжению, следованию за собой, приложением усилий, силы (3), движению в избранном направлении всех остальных. И *Пассионария* – та, которая своей страстностью, силой желания, волей, упорством, поддерживающих ее, придающих ей силы, обеспечивающих (4) возможность осуществления, приближение страстно желаемой цели, заряжает готовностью, силой воли, желанием действовать (2) остальных.

Значения признаков второй позиции по ос-

нованию отмеченности – **окружения** и наведения, индуктива – можно было бы дифференцировать, в зависимости от типа воздействующего, наводящего, индуцирующего, окружения, по тем же трем, выделенным для первой позиции, группам включенного множества (инкорпоратива), поощряемой деятельности (иммутатива) и должного (воспитанного, выработанного) отношения (информатива). К первой группе можно было бы отнести значения, вербализуемые единицами *автоградец, камазята, молодой, ровесник Октября, ульяновец* как называющие того или тех, кто обладает, являясь носителем, признаком, отмечающим его в отношении отнесенности к определенной, особенной, выделенной, отмеченной позитивными качествами, группе людей, – приобщенный (включенный) включенному множеству, инкорпоративу. Ко второй – *автозаводец, воин-малоземелец, молодогвардеец, корчагинцы, люди труда (человек труда), люди доброй воли, человек с ружьем* как называющие того или тех, кто отмечается в результате своего отношения к особому рода положительной деятельности, иммутативу. К третьей – *военмор* (военный моряк), *военлёт* (военный летчик), *красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец* (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), *сын страны Советов (рабочего класса)* как называющие того или тех, кто характеризуется признаками, следующими из его отношения к формирующей, активно воздействующей на него, воспитывающей среде, информативу.

Дальнейшее подразделение в группе включенного множества, с учетом соотношения передаваемых единицами признаков, без излишнего усложнения дополнениями и опосредованиями (что имело бы смысл при большем, чем пять, количестве сопологаемых единиц (*В этом состоит существенная для предлагаемого описания особенность, связанная с соотносительностью представляемых единицами семантических признаков. Поскольку объектом являются, как уже говорилось, не единицы, а эти признаки, их последовательное уточнение производится на основе предлагаемых к представлению единиц. В связи с чем количество выделяемых уровней для признаков зависит в определенном смысле от их представительного, репрезентирующего данную группу (подгруппу), числа. Соответственно и единицы, в зависимости от этого их числа для какого-то основания, могут быть представляемы по-разному, как с точки зрения подробности и числа определяющих уровней-признаков, так и в возможных соотношениях с представителями собственной группы (подгруппы), а следовательно, и в акцентации, выделении, внутреннем размещении характеризующих единицу семантических оснований.

Указанная особенность связана со свойствами разбираемой системы, следующими в первую очередь из того, что она представляет собой и описывает не привычную к толкованию семантику единиц языка, а семантику движущихся, смещающихся, качающихся (флуктуирующих) в своих значениях единиц речевого идеологизируемого словоупотребления, по-разному, в разных своих сочетаниях, проявлениях заряжаемого, в зависимости от вкладываемых, не всегда до конца оформляемых говорящим, задач, нередко намеренно, нередко не полностью ясно и определенно), могло бы выглядеть следующим образом: *ровесник Октября* (1) – *ульяновец* (2) – *молодой*, как тот, кому *езде у нас дорога, кому строить, продолжать то, что начато их отцами и дедами, кому жить потом при коммунизме* (3) – *камазьята* (4) – *автоградец* (5). *Ровесник Октября* – как тот, кто своим отношением к группе родившихся в 1917-м, имеющем смыслом начало, рождение, появление новой эры всего человечества, самим своим существованием ее собой воплощает. *Ульяновец* – как проникнутый отношением к городу основателя коммунистической партии и советского государства, заряженный его атмосферой, особенностями живущих на этой его земле людей, значением этого города для всего народа. *Молодой* – как тот, кому все по силам в советской стране, на кого можно и нужно рассчитывать, кто движет начатое отцами дело, кто составляет основное энергетическое начало своей страны, кто обладает неограниченными возможностями для своего применения во имя всеобщего блага и достижения поставленных целей. *Камазьята* – как дети, рожденные, появившиеся в особом месте, отмеченном всесоюзной стройкой завода, городе, дающие утверждение сделанному, опора, будущее, надежда, поддержка, обеспечение непреходящей преемственности затеянного. И *автоградец* – как тот, кто имеет (своим рождением, воспитанием, проживанием) отношение к городу, месту, пространству устроенного, построенного и обустроенного, а потому живого и явного воплощения неопровержимых успехов и достижений советского строя на его обеспечивающем себя, свою самодостаточность и независимость (в автомобильном транспорте), неуклонном движении, продвижении вперед, к коммунизму.

Особая, идеологически мотивируемая и ориентированная в языке советской действительности коннотация пяти этих слов (как, впрочем, и остальных, в условиях обозначаемого позитива), следует, как представляется, из их отношения к определяемым позициям. Выстраиваемый порядок *начала* для *ровесника Октября* – *воздействующей среды ульяновца* – *ударной силы для молодого* – *надежды и подкреплении* в *камазьятах* – и *достижении* в *автоградце* советского строя, со-

ветской страны окрашивает соответствующим образом в публицистическом и пропагандистском употреблении данные единицы. С одной стороны, придавая внутренний чувствуемый смысловой ориентир позитивной оценке: было славным и светлым начало, важной является для советского человека среда, мы сильны своей преданной делу отцов молодежью, надежда, крепость, прочность и основание – в детях, достижения советской страны необычайны, строятся новые города, и не просто, а автомобильные, звездные, города науки, физиков, академические, здоровья и пр., как прообразы светлого будущего. С другой, определяя ее в отношении направления, формы, степени проявления, характера, типа эмоциональной актуализации – большей либо меньшей близости воспринимаемому (*ровесник Октября* – *ульяновец* в некотором отдалении, *молодой*, *камазьята* – теплее и ближе, *автоградец* – как ожидаемое, но уже и сейчас существующее в советской действительности, светлое будущее), *ровесник Октября* – отношение ко времени, *ульяновец* – месту, *молодой*, *камазьята* – возраст, *автоградец* – место (город) и время (настоящее = будущее).

Группу поощряемой деятельности, иммунитета, для основания окружения имеет смысл подразделить в отношении двух из пяти возможных рядов – заряда-направленности и проявления (приложения сил), что дает смещение, переход на одну позицию, по сравнению с двумя рядами (исхода и направленности), проявившими себя для значений рассмотренного перед этим основания отличительности. Ряд направленности мог бы передаваться значениями единиц *автозаводец*, *люди труда* (*человек труда*), *люди доброй воли*, *человек с ружьем*, особенность которых определялась бы в отношении их постоянной готовности должным образом действовать, их заряженности силой и волей к необходимому проявлению в действии. Ряд проявленности (приложения сил) представляли бы тогда значения единиц *воин-малоземелец*, *молодогвардеец*, *корчагинцы*. Их особенность определялась бы отношением к осуществившему себя в проявлении действию, что делает их носителями признака, характеризующегося особым рода отмеченным приложением сил.

Значения, передаваемые единицами ряда направленности, можно было бы расположить согласно позициям в таком порядке: *автозаводец* (1) – *люди доброй воли* (2) – *люди труда* (*человек труда*) (3) – *человек с ружьем* (4). Обоснованием такого расположения для *автозаводца* было бы представление о нем как о носителе славы своего завода, определяемой в отношении гордого имени, связываемого с развитием автомобильной промышленности и производством автомобилей, поддерживающей идею самодостаточности, небывалого

роста, технических достижений и преимуществ советского строя, выводящего государство, народ, страну на необходимые для строительства социализма рубежи. Представление о своих, советских автомобилях как том, что способствует укреплению мощи и обеспечивает техническую и экономическую независимость страны от Запада (значения 4-й позиции), в *автозаводце* связываются с идеей его завода – того, на котором он и откуда, как места и коллектива, воздействующего окружения, среды, индуцирующей в нем (значения 2-й позиции) те признаки, носителем которых, их в себе воплощающим, он выступает. Ср.: *славные автозаводцы, гордое имя (славное имя) автозаводцев, честь и слава автозаводцев, гордо нести имя автозаводцев*. Признаки эти обращаются в нем в представление о его отличительности (позиция 1), следующей из славы, гордости, имени коллектива, к которому он по праву относится. Коллектива, представляющего собой необходимое, должное, новое, прогрессивное, опережающее, вперед идущее отношение – воплощение лучших качеств советского человека, проявляемых в деятельности во имя блага своей страны.

В значении определяемой в том или ином отношении к языку советской действительности единицы, как можно заметить из сказанного по поводу *автозаводца*, находят свое отражение, по-разному сочетаясь и взаимодействуя, признаки разных качеств, параметров и оснований исследуемой парадигмосистемы. Для *автозаводца* это были такие признаки, как носитель, развитие, поддержка, обеспечение, достижение, укрепление, рост, среда, окружение, индуцирование, отличительность, отношение и т.п., определявшиеся как показатели различным образом представляемых и соотносимых позиций, параметров, оснований, групп, рядов и подгрупп. Комбинации этих признаков вместе с тем создают, как можно вывести и заключить из рассмотренного в предыдущем абзаце примера, своего рода взаимно накладывающиеся, следующие один из другого и сочетающиеся в нескольких плоскостях круги, которые допускают возможность и основание распределять передаваемое единицей значение по уровням от I-го (надленность, отмеченность, принадлежность, нужность и пр.) ко II-му (отличительность, наведение, втянутость...), III-му (включенное множество, поощряемая деятельность, должное отношение) и т.п., до последнего как определяющего. Количество проявляемых в значении единицы уровней может быть разным и не обязательно полным, к тому же по-разному представляемым. Описываемая система дает возможность выбора признаков и сочетаний, сам этот выбор зависит от довольно подвижных и весьма отнесенных узуальных причин. То, что было выбрано и представлено для *автозаводца*,

можно поэтому воспринимать как одну из возможных проекций значения, определяемого по основаниям отмеченности для I уровня, наведения для II, поощряемой деятельности для III, направленности для IV с предполагаемым вектором на него извне для V (в силу восприятия характера смысла его отличительности как того, что он содержит в себе, вбирая, а не воздействуя этим, распространяя из себя на других), с позицией 1 (отличительность) для VI, в комбинации $1 \leftarrow 3$ для VII (в силу того, что характером своих признаков он действует на составляющую 'приложение сил' ориентирующихся на него, отсюда вектор \leftarrow , как на носителя объявляемых свойств, советских людей).

Позиция второй единицы ряда направленности (*люди доброй воли*) следовала бы из представления об их готовности действовать в соответствии с убеждениями, намерением, стремлением к созиданию нового, справедливого мира, основываемого на принципах равенства и добра. Семантика позитива, распространяясь на представителей, в лице *людей доброй воли*, всего человечества, определяемого как передовое (включенного множества, инкорпоратив) для отделения от исключенного мира идеологического противника (дискорпоратив), предполагает в этой направленности (2) идею обеспечения и поддержки (4) с вектором от себя ($2 \rightarrow 4$). *Люди труда (человек труда)* третьей позиции, представляя в значении идею вкладываемого для достижения цели, получения результата (5) усилия, приложения сил (3) предполагали бы, соответственно, комбинацию $3 \rightarrow 5$, также с вектором от себя. *Человек с ружьем* – как тот, на кого можно и следует полагаться, кто, способствуя обеспечению безопасности и надежной защиты (4), заряжает готовностью (2) действовать, поддерживает в стремлении к активному проявлению остальных, – дает возможность говорить о сочетании $4 \leftarrow 2$. С вектором на него, поскольку заряженность готовностью у других выступает следствием его простого наличия, с его стороны не намеренным и не исходящим, направленным не от него, а на него.

Ряд проявленности (приложения сил) с опорой на актуализируемые для языка советской действительности значения можно было бы расположить в последовательности *корчагинцы* (2) – *молодогвардеец* (3) – *воин-малоземелец* (4). Более подробная дифференциация с учетом предваряющих и заключающих уровней, в силу незначительного числа единиц, выглядела бы не полно и мало что добавляла бы к описанию, но имело бы смысл обратить внимание на характер передаваемых словами значений и их порядок. Значения, к которых речь, следует воспринимать в их оценочно-идеологизированной и апеллятивно-пропагандистской ориентированности. Это не столько значения, в том числе и пропагандист-

ского, языка, сколько, на их основе, организованные особым образом элементы смысла формируемой для верного восприятия картины позитивного отношения – характеристики того, что и как следует внутренне представлять внутри создаваемой советской картины мира, передаваемой и оформляемой средствами языка. Иными словами, внутри понятной и очевидной советской картины мира существует как бы еще одна, в нее незаметным образом встраиваемая, придающая ее представлениям и образам ориентирующий их в ту либо другую сторону смысл, внутренне, неосознанно, объясняющий, подсказывающий восприятию, как то либо иное имеющееся в сознании представление, существующий, созданный пропагандой и воспитанием, образ чувствовать, как к нему внутренне относиться и как его ощущать.

Покажем это на объясняемом примере. Все три слова дают представление о подвиге советских героев во время Великой Отечественной войны, связанном с самоотверженностью, храбростью, готовностью бороться, не щадя своих сил до конца, отстаивая советскую родину от немецко-фашистских захватчиков. Каждая из этих единиц соотносится в сознании с представлением о том, кто такие корчагинцы, кем и кто были молодогвардейцы, чем отличались и в чем принимали участие воины-малоземельцы, как своего рода условно референциальную часть, содержащую позитивно окрашенные представляемые образы, за которыми мыслятся знакомые по существующим описаниям либо воображаемые, поскольку не называемые по именам и не подаваемые как конкретные лица, люди. Первое и второе, т.е. герои войны и люди в представляемых сознанием образах, следовало бы относить к советской картине мира, без дальнейших определений и пояснений. То ориентирующее и встраиваемое, о чем шла речь, можно было бы объяснить (для целей пропаганды производимого воспитания) отношении, мотивирующим, неявно для каждого, смысл того, чем были и чем являются корчагинцы, молодогвардейцы, воины-малоземельцы для советских людей. Какова их формирующая коммунистическое сознание и правильное отношение к миру и советскому обществу роль. В чем и как необходимо на них ориентироваться, следовать им и брать с них пример. Поскольку рассказы о совершенных и совершаемых подвигах (как, впрочем, и обо всем остальном) играли не только и даже не столько укрепляющую в единственно правильных убеждениях и прославляющую советских героев агитационно-пропагандистскую роль, сколько роль воспитывающую и дающую представление о тактике и стратегии, приемах и методах поощряемого, ожидаемого в случае необходимости, действия во имя и

ради пропагандируемых целей и объясняющих их всеобщую ценность идей.

В этой связи ориентирующая, нацеливающая на потенциальное в желаемом направлении действие пропагандистская роль корчагинцев, молодогвардейцев и воинов-малоземельцев выглядела бы неодинаково. *Корчагинцы* – как те, кто, вдохновленные ярким примером Павла Корчагина, стремясь повторить его подвиг, готовы мужественно, не щадя себя, бороться и не сдаваться в суровые годы войны и впоследствии, в мирное время, формировали бы ориентирующим смыслом идею заряженности, т.е. семантику 2-й позиции в описываемой парадигмосистеме. *Молодогвардейцы* – комсомольцы-подпольщики, мужественно боровшиеся с врагом, не щадя своих сил и самой своей жизни, действовавшие отважно, не поддаваясь и не сдаваясь, стойко перенося мучения и держась до последнего, давали бы представление о 3-й позиции (приложение сил). *Воины-малоземельцы*, известные тем, что также мужественно и самоотверженно, до последнего, защищали, отстаивали Малую землю – участок советской земли (обеспечение, защита, поддержка – значения 4-й позиции). Быть готовым всегда, как корчагинцы, действуя стойко и мужественно, как молодогвардейцы, отстаивая каждую малую часть своей советской земли, как воины-малоземельцы, – так примерно ориентирует воспринимающего встраиваемая, сенсорная часть картины советской действительности, отображающая себя в представляемых в описываемой парадигмосистеме позициях на этих примерах. (Дальнейшее описание значений того же основания, равно как и других значений, параметров и оснований, в силу ограниченности объемом статьи, будет предметом последующего рассмотрения.)

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка. (БТС) / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000. Т. 1-2.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб., 1998.
- Словарь русского языка: В 4 т. (МАС) / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. – М., 1981-1984.
- Толковый словарь русского языка. (ТСУ) / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940. Т. I-IV.
- Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

© Червиньски П., 2009

Шмелева Т.В.

Великий Новгород, Россия

**КРИЗИС КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО
ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Слово кризис характеризуется с помощью понятия «ключевое слово текущего момента», что означает выявление его специфики проявления в медийных текстах, а также в плане активизации лексических и грамматических параметров, в том числе метафоричности, деривации. Характеристики основаны на наблюдениях над текстами прессы и интернет-ресурсов.

Ключевые слова: русский язык, медийные тексты, жанры, смеховая культура, метафора, дериваты.

Сведения об авторе: Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики.

Место работы: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Контактная информация: 173020, г. Великий Новгород, ул. Парковая, д. 10а, кв. 29.
E-mail: szmiel@mail.ru.

Shmeleva T. V.

Veliky Novgorod, Russia

**KRIZIS (CRISIS) AS THE KEY WORD OF THE
PRESENT MOMENT**

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The word *krizis* (crisis) is described using the notion “key word of the present moment”, which means revealing its specific manifestations in media texts and also its lexical and grammatical parameters that become activated, among them metaphoricity, derivation. The characteristics are based on the study of texts from the press and Internet resources.

Key words: Russian language, media texts, genres, culture of laugh, metaphor, derivatives.

About the author: Shmeleva Tatiana Victorovna, doctor of philology, professor of the Chair of Journalism.

Place of employment: Novgorod State University named after Yaroslav-the-Wise.

Предложив полтора десятка лет назад понятие *ключевое слово текущего момента*, я перечислила признаки, в которых проявляется статус слова, оказавшегося в центре всеобщего внимания. Эти признаки, как теперь очевидно, при их множественности касаются трех аспектов существования слова – текстового, лексического и грамматического.

Текстовый аспект проявляется в **частотности** использования слова, в том числе в **заголовках** – как максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации. Кроме того, такие слова становятся объектом активной и массовой **языковой рефлексии**, появляется масса **дефиниций** – высказываний типа *X – это...* или *X – это не...* Текстовый аспект существования ключевого слова наиболее заметен, ощутим, он бросается в глаза каждому, хотя может быть по-настоящему квалифицирован только лингвистом.

Лексические параметры слова – его синтагматики и парадигматики – претерпевают изменения, в частности, расширяются возможности его **метафорического** употребления, модифицируются синонимические и антонимические отношения. Часто такие слова начинают использовать в качестве **онимов**.

Наконец, статус ключевого слова вызывает активизацию его грамматических возможностей (самых консервативных), в частности, его **деривационного потенциала**, т.е. появление новых производных, расширение их сферы употребления и семантики.

Таким образом, оказалось, что попадание слова в число ключевых оказывает влияние на все стороны его функционирования, что иллюстрировалось словами *демократия, рынок, ваучер, август...* [Шмелева 1993].

Сегодня среди ключевых слов текущего момента – *кризис*, это, думается, ни у кого не вызовет сомнений. Рассмотрение его в этом отношении важно не только в плане изучения политического лексикона, интересно увидеть, как работают выявленные признаки ключевых слов в современных условиях.

Понятно, что речь пойдет не о кризисе вообще, который, напр, в [Даль 1989: 194] толкуется как *перелом, переворот, решительная пора переходного состояния*, а о кризисе экономическом. Хотя, надо сказать, слово это многозначно, что заслуживает отдельного исследования хотя бы потому, что число кризисов растет на наших глазах – *экологический, инвестиционный, продовольственный, кризис семьи, кризис среднего возраста...* Последний, кстати, стал даже сюжетом и названием фильма, снятого в 1997 году (реж. Г. Сукачев).

Итак, кризис экономический, и не какой-то, а тот, что стал объектом всеобщего внимания с осени 2008 года – *нынешний кризис*, как его называют в статьях; см. напр.; фрагменты из текстов «Известий»: *Билл Гейтс утверждает, что нынешний кризис – очень благодатное время для инновационных изменений* (9.04.2009); *Нынешний кризис – как минимум на пару лет* (26.05.2009); *Нынешний кризис правомерно сравнивают в Великой депрессией 30-х годов XX века* (27.05.2009). Но чаще о нем говорят – *мировой и финансовый*.

Сначала, как известно, эти обозначения относились только к американской экономике. Его именовали еще *ипотечный, банковский*, а для наших «кризисных явлений» (а это всё-таки не собственно кризис) были введены эвфемистические замены *сложная экономическая ситуация* и... При этом власть высказывалась в том смысле, что кризис у них, а у нас временные

трудности. Это для старшего поколения читателей газет вызывало эффект дежа вю: прям как при советской власти, когда у них был *бизнес*, а у нас *народное хозяйство*, у них *лидер*, а у нас *генеральный секретарь* (о сложности их адаптации см.: [Вепрева 2002: 281-286]). К словам, которые «у них», относился и *кризис* – неизбежное явление капиталистического хозяйства, совершенно не свойственное социализму.

Убедиться в этом можно, заглянув в словарь Ушакова, где кризис во втором значении (экон.) толкуется так: *Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, к сокращению производства и к усилению безработицы*. Иллюстрируется это толкование цитатой из Сталина: *Нынешний экономический кризис развивается на базе общего кризиса капитализма, возникшего еще в период империалистической войны, подтачивающего устой капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса*. Советские люди по отношению к себе могли употреблять это слово только, судя по словарным пометам, в разговорной речи шутливо: *У меня сейчас к.: ни копейки в кармане* [Толковый 1935: ст.1515-1516].

Позднейшие словари придерживались приведенного толкования, иногда усиливая мотивы чужеродности именуемого им понятия; так, в [Ожегов 1972: 280] к речению *Правительственный к.* приводится в скобках пояснение: «в буржуазных странах: вызванная острыми политическими разногласиями перемена правительства». Понятно, что в странах социализма политических разногласий быть не могло.

Слово *кризис* в советский период не относилось к редким, но встретить его можно было в текстах учебников политэкономии капитализма, газетных статей о бедственном положении трудящихся в капиталистических странах. Перешло слово в круг «наших», т.е. таких, с помощью которых описывается то, что происходит здесь и сейчас, в начале 1990-х с переходом к рыночной экономике, называть которую капиталистической как-то не принято до сих пор. Доказательство этого – наличие слова в [Максимов&др. 1992: 106], где кризис толкуется как *тяжелое, затруднительное состояние чего-либо, обострение положения где-либо, трудный, болезненный переходный период* и иллюстрируется таким показательным для наших рассуждений высказыванием из журнала «Новый мир»: *Несколько лет назад, в начале перестройки, почти никто представить себе не мог, что у нас возможен затяжной экономический кризис, более того, что не исключена и катастрофа* (№5.1990).

С тех пор мы уже хорошо представляем себе, что это может быть у нас, пережив серию кризисов. Интересно, что, несмотря на наш уже богатый кризисный опыт, отраженный, кстати, и в том, что новые версии словаря Ожегова не

дают указаний на чужеродность («в буржуазных странах», «в капиталистической экономике»), а приводят типовые речения *кризисная ситуация; кризисные явления в торговле, в тисках кризиса* [Толковый 2008: 380], при наступлении нынешнего – мирового, глобального – всё-таки совершались попытки удержать слово *кризис* в сфере «у них». Симптоматичный эпизод.

Но с осени 2008 кризис был признан существующим, и этим словом запестрели медийные тексты и устная речь. В медиа еще помнили недавнее прошлое: *Экономический кризис, наличие которого столь яростно отрицало государственное телевидение, оказывается, вовсю уже свирепствует на российских просторах* (А. Гольц 21.11.2008 <http://www.ej.ru/?a=note&id=8586>); в конце года вспоминали о том, как *высочайше было позволено употреблять слово «кризис» применительно к России* (<http://grani.ru/Politics/Russia/m.146018.html>). А разговорную речь характеризует такой эпизод: зимой услышала в магазине, как на вопрос покупательницы, почему нет сала, продавщица ответила: «На складе нет / кризис, наверно, повлиял». Восприняла это как сигнал тотальной осведомленности о кризисе и частотности слова в устной речи.

Итак, слово *кризис* обнаруживает взрывообразную **частотность**. Новым в лингвистическом плане оказывается то, что ее теперь возможно измерить: на запрос ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ поисковые системы Яндекса выдают 69 миллионов ссылок, тогда как на запрос МИРОВОЙ КРИЗИС – 41 миллион. Для сравнения можно привести данные о ключевых словах начала 1990-х: РЫНОК – 282 миллиона ссылок, ДЕМОКРАТИЯ – 23, ВАУЧЕР – 3. Как мы видим, превосходит рассматриваемый *кризис* только порождающий его *рынок*, *ваучер* дает несопоставимо малое число ссылок, а *демократия*, хотя и не снята с повестки дня, уступает кризису в три раза.

Конечно, эти количественные данные нельзя воспринимать как абсолютные (так, в ссылках на запрос РЫНОК на первой же странице можно найти ПТИЧИЙ РЫНОК, БЛОШИНЫЙ РЫНОК) – что-то обязательно отсеется, но масштаб различий словоупотребления ощутим и, как кажется, вполне может быть признан красноречивым. Весьма знаменательно, что появилось множество сайтов, где циркулирует информация о кризисе – crisis.org; 2008crisis.ru; finansovuj-krisis.ru; novosti-krizisa.ru и т.д. Так, на одном из них можно прочитать следующее:

Друзья! Весь мир сейчас буквально лихорадит от слова «кризис». Его называют банковским кризисом, финансовым кризисом, экономическим кризисом 2008, мировым кризисом, а также кризисом в России. СМИ выплескивает все более и более негативную информацию, с каждым днем прогнозы аналитиков становятся все более устрашающими. Сегодня слова «финансовый кризис» на устах не

только у владельцев компаний, топ-менеджеров, но и у простых рабочих. Сколько продлится и когда закончится кризис? Как сберечь и куда вложить деньги? Неужели все так страшно? Давайте не поддаваться панике (<http://crisis.rabotavgorode.ru/>).

Итак, в осмыслении частотности ключевых слов текущего момента мы получили новые инструменты измерения ее – интернет-ресурсы с их службой статистической инфраструктуры. Они же оказываются незаменим при изучении способности слова выступать в **заголовках медийных текстов**: это позволяет зафиксировать сайт zagolovki.ru, в котором представлены материалы?? российских изданий – выборка вполне репрезентативная. Что можно увидеть, анализируя заголовки медийных текстов?

Во-первых, следует отметить, что исследуемая лексема появляется в заголовке и подзаголовке; ср.: ГОССЧЕТ В ЭПОХУ КРИЗИСА / Виктор Христенко о поддержке отечественного автопрома, ценах на лекарства и о компаниях-должниках (Е. Кукол // Российская газета 30.03.2009) и РЫБА ПРОТИВ МЯСА / Кризис меняет продуктовые приоритеты россиян (С. Зырянова, Е. Кузнецова // Труд 30.03.2009). Наряду со словом кризис в заголовках фигурируют и его производные: КРИЗИСНЫЕ БУДНИ (А. Лившиц // Известия 22.04.2009); НА АНТИКРИЗИСНУЮ БОРЬБУ ВРЕМЕНИ НЕ ЖАЛЬ / РСПП и президент предлагают сделать противостояние кризису непрерывным (П. Нетреба // Коммерсантъ 31.03.2009); АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ ЗАПАЛИ В ДУШУ НАСЕЛЕНИЮ / Граждане рассказали правительству, как победить кризис (М. Товкайло // Газета 3.04.2009).

Во-вторых, слово кризис стало восприниматься на фоне не свойственных ему прецедентных текстов:

КРИЗИС С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ / Всемирный банк рекомендует российским властям резко увеличить помощь населению (В. Ситникова // Время новостей 31.03.2009) ← «социализм с человеческим лицом», высказывание Александра Дубчека, возглавлявшего компартию Чехословакии во времена «Пражской весны» [Душенко 2006: 152], а в конце XX века воспринимаемая в нашей стране чуть ли не как формула национальной идеи [Вепрева 2002: 314];

КРИЗИС. ТРУД. МАЙ / Весь мир отметил Первоймай под рабочими лозунгами (ТРУД 04.05.2009) ← плакатный первомайский лозунг, восходящий к поэтическим строкам В. Маяковского [Душенко 2006: 310];

КОМУ В КРИЗИС ЖИТЬ ХОРОШО / В бизнесе растет расслоение (Т. Фроловская // РБК daily 10.04.2009) ← «Кому на Руси жить хорошо», название поэмы Н.А. Некрасова, хрестоматийного произведения русской литературы. Кстати можно заметить, что интерес к этой поэме проявляют современные школьники, ведь она «легко усвояема (рассчитана-то на крестьян!), гротескно смешна (особенно сцена поиска

счастливого человека на базаре, с призом в виде ведра водки), легко транспонируема в современность (обсуждение, кому на Руси хорошо жить сейчас, выливается в увлекательный спор)» [Быков 2009].

Как можно увидеть, в круг прецедентных входят и классические тексты русской литературы, и социалистические лозунги, по определению не совместимые с фактом кризиса. Это стоит расценивать, как глубокое освоение понятия *кризис* и в материи русской культуры и ее словесного воплощения.

Дефиниции со словом *кризис* используются даже в рекламе: *Кризис – время для умных* (далее выгодное финансовое предложение). Если же о серьезных дефинициях, то стоит отметить ее в тексте известинского колумниста А. Лившица: *Кризис – неотъемлемая часть рыночной экономики. Механизм автоматической очистки от неэффективного бизнеса. Его нельзя оттуда как-то изъять. Вывинтить. А вот минимизировать потери можно* (27.05.09). Дефиниции могут содержаться прямо в заголовках: КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА (П. Авен); КРИЗИС – ЭТО СУД БОЖИЙ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НЕПРАВДОЙ (Владыка Кирилл); КРИЗИС – ЭТО ТЕСТ НА ЗРЕЛОСТЬ (Д.А. Медведев); КРИЗИС – ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ УЧЕБЫ (С. Мясоедов, вице-президент Российской ассоциации бизнес-образования // Известия 3.03.2009). Нельзя не заметить, как содержание дефиниций зависит от занятий автора: для банкира – это война, для патриарха – суд божий...

Близка к дефинициям и формула *Кризис как...*, получившая распространение в заголовках. В них так же выделяется в кризисе именно тот аспект, который важен для автора: КРИЗИС КАК НАКАЗАНИЕ? КРИЗИС КАК ИЗБАВЛЕНИЕ (<http://www.artc-alisa.ru/news/1344/>); КРИЗИС КАК ДИАГНОЗ / Экономические трудности начали сказываться на здоровье россиян (А. Дмитриев, Ю. Зиновьева // Новые известия 6.04.2009); КРИЗИС КАК ИННОВАТОР / Минэкономразвития разглядело перспективы обновления экономики (Газете 27.03.2009); КРИЗИС КАК ЭКСПОНАТ (Литературная газета 20-26.05.2009).

Новым признаком текстового аспекта функционирования, не отмеченным в [Шмелева 1993], следует назвать **текстогенность** ключевого слова – способность порождать вокруг себя массу текстов. Понятно, что тексты эти порождаются людьми, но ключевое слово как бы издает импульсы, можно даже сказать, императив к созданию таких текстов. Собственно, то, что оно фигурирует в заголовках, и есть одно из проявлений текстогенности. Но важно вот на что обратить внимание: круг текстов, порождаемых вокруг ключевого слова, превосходит задачи обмена информацией – т.е. создания новостных, информативных текстов. Появляются аналитические тексты, в которых представлена рефлексия о называемом слове явлении в самом широком контексте, включая философ-

ский. Так, значительный резонанс в рассматриваемый период имели статьи [Кантор 2008] и [Медведев 2009]. В первой дается анализ социологического фона кризиса и его социальных последствий; выражение из нее «коллективизация среднего класса» цитируется (см. напр., [Быков 2009]). Во второй речь идет о судьбе отечественной философии, но завершается она заключением, вызвавшим энтузиазм читателей-гуманитариев: «Думаю, что кризис только усилит спрос на философию и философов» (статья была вывешена и обсуждалась на университетском сайте НовГУ).

Но самое интересное, что кризис порождает множество принципиально «беззаголовочных» текстов в рамках современной смеховой культуры – иначе говоря, шуток, анекдотов, приколов, как теперь обозначается эта не определенная форма смехового поведения. В очередной раз обращаясь к данным Интернет, можно сказать, что на запрос КРИЗИС В АНЕКДОТАХ в Яндексе получено 13 миллионов ссылок. Конечно, многие тексты здесь многократно воспроизводятся, но и этот факт говорит о востребованности текстов. Об этом же говорит и наличие специальных сайтов типа «кризис с юмором», где можно прочитывать такие, например, шутки: *Один из способов разбогатеть во время кризиса – написать книгу "1000 и 1 совет, как разбогатеть во время кризиса"; В кризис каждый второй магазин называется "АРЕНДА" или "СДАЁТСЯ"*; Они жили во времена мирового экономического кризиса – жили недолго и несчастливо (<http://www.dotfun.ru/Krizis-s-umorom/>). Разумеется, эти сайты далеки от какой-бы то ни было корректности: стихия материально – телесного низа, по терминологии М.М. Бахтина, дает себя знать, скажем, в традиционном жанре частушки. Но нам важно отметить, сам факт продуктивности текстов смеховой культуры на фоне кризиса и их новые формы бытования – в интернете.

Не отстают от Интернет-ресурсов и печатные издания, чаще всего они тиражируют тексты, появившиеся в интернете. Так, «Известия» в последнее время завели рубрику ШУТ С НАМИ, где публикуются шутки вроде такой: – *Кризис дополз и до меня... Сыр ем с плесенью, вино пью старое, езжу в машине без крыши* (15.05.2009). «Новая новгородская газета» печатает в одном из номеров пародийные ОКНА КРИЗИЗА (аллюзия к ОКНАМ РОСТА), где помещает и такой лозунг: *Муж на работе, ты дома одна?! Видно, еще не достигли мы дна!* (22.04.2009). Здесь можно упомянуть и карикатуры Андрея Бильжо в «Известиях», где тема кризиса проходит, можно сказать, красной нитью (15.05.2009 и др.).

Лексические параметры слова *кризис* было бы интересно рассмотреть особо в плане сочетаемости в прилагательными (о множестве разных кризисов уже говорилось), существительными в форме род. п. типа кризис семьи. Но так как нас интересует текущий финансовый

кризис, то остановимся на его **метафорическом** представлении в медийных текстах.

Если взять только страницы «Известий», то кризис представлен там следующим образом. Прежде всего, это действующее лицо, субъект экономической и социальной жизни: *у него есть дыхание, которое мы чувствуем на себе; он подтолкнет нас к большей эффективности; у него есть различные проявления*; он может **заткнуть фонтан**, причем в самом буквальном смысле слова: на плавучий фонтан напротив стрелки Васильевского острова в Петербурге нет денег. Действующее лицо это довольно агрессивное: *он изменяет ситуацию, ударяет, и больше всего ударил по Донбассу; испытывает нас на прочность*; от него **страдают** и у него есть **жертвы**. При этом *он не вечен* (9.04.2009), что сближает его с человеком. Итак, первая метафора **антропоморфная**.

Второй можно назвать **пространственную**: из кризиса *можно выйти* и *можно из него вывести* – значит, это закрытое пространство, однако выход не очевиден, поэтому *«Единая Россия» ищет выход из кризиса*. От него можно *уехать по какой-то дороге*. Но оно имеет глубину и заполнено жидкостью, поэтому *из кризиса можно вынырнуть и достичь дна*. Эта жидкая среда создает стихийность: **волны кризиса** накрывают одна за другой, все гадают: будет ли следующая? Стихийность позволяет образовать формы **в кризис**, как *в шторм, в дождь, в метель*.

Не чужда кризису и предметная метафора: **в его тисках, в его сетях** оказываются новые и новые пострадавшие. Недаром его называют **механизмом, вымывающим неэффективный бизнес** (А. Лившиц). Как предмет он может передвигаться: **Кризис докатился до розничной торговли** (Новые известия 25.05. 2009); и вращаться, отсюда у него новые и новые **витки**

За пределами известинских страниц можно увидеть, что в антропоморфной метафоре усиленно эксплуатируются семы агрессивности: *кризис свирепствует, заставляет, вмешивается*. Как развитие этой метафоры выглядят высказывания с идеей **противостояния кризису, борьбы с ним, преодоления его и победы над ним**. Пространственная метафора активизирует вертикаль: *Мир провалился в кризис* (Независимая газета 30.12.2008).

Кажется, в использовании метафор кризиса есть и неудачи, так, Ю. Лужков считает, что «кризис простирается над нами, довлеет над нами». Не говоря об откровенной лексической ошибке с последним глаголом (о нем пишут едва ли не в каждом учебнике по культуре речи), пространственную метафору с глаголом *простирается* вряд ли можно признать удачной, так что рамки метафоры определились.

Интересно отметить, что с этим кризисом не связаны катастрофические метафоры: *пропасть, бездна, тупик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов [Баранов, Караулов 1991: 162–163; 1994: 177]

Грамматическая активность слова *кризис* в этот период его функционирования в качестве ключевого проявляется в активности падежных форм в разных значениях. Здесь возникает интересная тема «Кризис как актант», связанная с метафорикой, но более абстрактная. Чаще всего кризис выступает как **субъект**. В форме им.п. он *влияет, заставляет, толкает и подталкивает, меняет ситуацию, пытается внести коррективы в планы правительства, испытывает нас на прочность*; в форме род.п. чаще всего фигурируют в текстах *жертвы кризиса и уроки кризиса*; в форме твор.п. выступает при страдательных причастиях: **РОССИЯ РАССЧИТЫВАЕТ ИГРАТЬ НОВУЮ РОЛЬ В ПОРАЖЕННОЙ КРИЗИСОМ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ** (Известия 2.04.2009).

Формы род.п. с предлогами позволяют выражать отношение к кризису в пространстве и во времени: **ПО КАКОЙ ДОРОГЕ УИДЕМ ОТ КРИЗИСА?** (Известия 15.04.2009).

В форме дат.п. чаще всего встречается выражение **КРИЗИСУ ВОПРЕКИ** (Новгород 1.01.2009; 2.04.2009); но можно встретить неожиданное *Спасибо кризису* с предшествующим текстом *При правильной политике банков будет меньше, и они станут мощнее. Давно пора* (А. Лившиц // Известия 22.04.2009)

Твор. п. обнаруживаем во фразеологических структурах: *Кризис кризисом, а дороги, вокзалы, морские и воздушные порты будут улучшаться и развиваться* (И. Тумакова // Известия 15.04.2009).

Деривационные возможности слова *кризис*, как и ожидалось, активизировались. Круг его дериватов, который исчерпывался прилагательным *кризисный*, пополнился прилагательными *антикризисный, докризисный* и *послекризисный*. Наличие последних говорит о том, что кризис воспринимается как важное событие, разделившее жизнь на до и после (ср. довоенный, послевоенный и под.). Наряду с *послекризисный* зафиксирован и его дубликат с латинской приставкой: *Посткризисное общество будет хорошо понимать, что нет такого «идеального добра», которое нельзя было бы улучшить* (Независимая газета 8.04.2009). Что же касается первого прилагательного *антикризисный*, оно сочетается с субстантивами *штаб, меры, политика*; журналисты заметили, что оно выглядит как антоним адъектива *кризисный*, а значат они одно и то же, как *истовый* и *неистовый*.

Дериват *мегакризис* (Известия (9.04.2009), который надо воспринимать как синоним аналитических выражений мировой и глобальный кризис, оказывается в ряду модных номинаций, еще не отраженных в словарях, но в массово представленных в Интернет: *мегаполлы, мегаСайты, мега-порталы, мега-новости, мега-интервью В.В. Путина, Мега Энциклопедия Кирилла и Мефодия, мегафото, Мега Моторс, Мега Фудс...*

Особый случай деривации на основе паронимической аттракции – придуманное Андреем Бильжо слово **КРЫСИС**. Под таким названием с подзаголовком (*Наблюдения натуралиста*) он поместил заметку в своей известинской колонке о нашествии крыс в своем подъезде, поместив этот факт в контекст своих социальных ощущений: *у меня – крысис* (8.04.2009).

Итак, *кризис* как ключевое слово текущего момента обнаруживает все признаки таких слов, выявленные полтора десятка лет назад. Кроме того, оно заставило увидеть еще один важный признак ключевого слова – текстогенность, и особенно в рамках современной смеховой культуры. Видимо, это слово еще преподнесет неожиданности лингвистам разных интересов, некоторые уже обратили на него внимание [Жукова 2009; Макаров 2009]. Хотя понятно, что пожеланий ему долгой жизни как ключевому слову текущего момента никто не сформулирует, даже при большом чувстве юмора.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Быков Д. Памятка вербовщику // Известия 26.05.2009.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексии в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 1989.

Душенко К.В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. 4-е изд. испр. и доп. – М., 2006.

Жукова М.Е. Отражение кризиса в национальном сознании российского общества сквозь призму фразеологизмов газетной периодики // Фразеология в тексте и текст во фразеологии (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород, 2009. С. 319-324.

Кантор М. Стратегия Левиафана. Метафизика экономического кризиса. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1091/> 17.12. 2008.

Макаров В.И. Фразеология кризиса // Фразеология в тексте и текст во фразеологии (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород, 2009. С. 374-376.

Максимов В.И. & др. Словарь перестройки. – СПб, 1992.

Медведев Ю. Призвание Сократов. Во время кризисов появляется спрос на философов // Российская газета 14.04.2009

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 9-е, испр. и доп. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1972.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М., 1935.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2008.

Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1. С. 33-41.

© Шмелева Т.В., 2009

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Башкова И.В.

Красноярск, Россия

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КРИЗИС
В РОССИЙСКИХ СМИ XXI ВЕКА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей употребления существительного кризис в российских СМИ XXI века. Используются данные Национального корпуса русского языка. Предложен фрагмент словаря сочетаемости слова «кризис» по сферам его терминологического использования.

Ключевые слова: частотность; семантическая сочетаемость; сферы терминологического использования.

Сведения об авторе: Башкова Ирина Венадьевна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации.

Контактная информация: 660041, Красноярск, Свободный, 79, Сибирский федеральный университет.

E-mail: bbashkova@mail.ru.

Bashkova I.V.

Krasnoyarsk, Russia

THE NOUN CRISIS IN RUSSIAN MASS-MEDIA
OF THE 21ST CENTURY

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article is devoted to the analysis of the special features of the use of the noun “crisis” in Russian mass-media of the 21st century. Data of the Russian National Corpus are used. The fragment of the dictionary of combination of the word “crisis” in spheres of its terminological use is offered.

Key words: frequency; semantic combination; spheres of terminological use.

About the author: Bashkova Irina, candidate of philology, senior lecturer

Place of employment: Siberian Federal University, Institute of Philology and Language Communication.

Слово *кризис* появилось в русском языке более 250 лет назад, сначала в форме *кризес*, а с 1759 г. в современной форме [Этимологический словарь русского языка 1982: 392]. Такой частотности, как в наше время, у него никогда не было, о чем свидетельствует таблица, составленная по материалам Национального корпуса русского языка, размещенного в Интернете.

Годы создания публицистических текстов, содержащих слово <i>кризис</i>	Количество слов, на которые приходится 1 употребление существительного <i>кризис</i>
1801 – 1850	784691
1851 – 1900	109007
1901 – 1917	32388
1918 – 1940	12617
1941 – 1945	33530
1946 – 1953	20985
1954 – 1964	46179
1964 – 1985	35759
1986 – 1991	28324
1992 – 1999	15170
2000 – 2005	11710

Как видно из этой таблицы, в XX веке максимальная частотность слова *кризис* приходится на период с 1918 по 1940 гг. – время окончательного краха Российской империи, гражданской войны и становления нового государства – СССР. Это время великой депрессии в Америке (начавшейся в 1929 г.), спровоцировавшей мировой экономический кризис в первой половине тридцатых годов XX века. Этот кризис во многом стал причиной второй мировой войны.

В послереволюционный период резко противопоставляются друг другу два вида русского дискурса – советский и эмигрантский.

В СССР пишут преимущественно об экономическом кризисе в капиталистических странах:

«Следующие несколько цифр показывают, как неуклонно растет во время кризиса армия безработных в капиталистических государствах» [Е. Гнедин. В Стране Советов нет безработицы (1930) // Известия, 1930.11.07]; «В обстановке жестокого экономического кризиса в капиталистических странах и растущего подъема социалистического строительства в СССР празднуют революционные пролетарии всего мира 13-ю годовщину Октябрьской революции» [М. Эпштейн. На кромке подъема (1930) // Известия, 1930.11.07].

Если же и говорят о кризисе внутри страны, то в ирреальной модальности:

«Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица – бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас» [И.В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935) // «Правда», 1935.11.22].

Эмигрировавшие русские философы размышляют о духовном и моральном кризисе, постигшем русский народ:

«Большевизм соответствует духовному состоянию русского народа, выражает внешне внутренние духовные распады, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию народа». [Н.А. Бердяев. Размышления о русской революции (1924)]; «Чтобы вернуться к первой, исходной точке наших размышлений, к самому сильному внешнему впечатлению, под влиянием которого совершается наш нынешний моральный кризис: в чем, собственно, лежит последний источник столь потрясающе явно обнаружившегося зла социализма?» [С.Л. Франк. Крушение кумиров (1923)].

Многие авторы указывают на связь процессов, происходящих в разных сферах жизни:

«Весь мир вопиет сейчас, переживая неслыханный материальный кризис, являющийся следствием

полного духовного растрепания, лишь твердые духом осияют его» [Е.И. Рерих. Письма в Европу (1931-1935)]; «Наше время — эпоха «тысячи кризисов» (Шпанн). Государствоведы толкуют о кризисе государственно-политическом, экономисты об экономическом, философы — о кризисе культуры» [Н.В. Устрялов. Германский национал-социализм (1933)].

Резкое снижение частотности существительного *кризис* произошло в самый трагический период жизни советского государства — в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. В дни национального бедствия все проблемы, обозначаемые как кризис, отошли на второй план.

После «хрущевской оттепели» все дальнейшие периоды советской и российской истории характеризуются неуклонным ростом частотности существительного *кризис*. В XXI веке, с 2001 по 2005 гг. (последние годы, которые отражены в национальном корпусе русского языка), частотность достигла максимума, превысив показатели 1918 — 1940 годов в 1,07 раза. В 2008-2009 гг. частотность еще увеличилась, но в Национальном корпусе пока что нет данных по этому периоду.

Что же представляет собой кризис? Какие сферы жизни он затрагивает? На эти вопросы можно ответить, составив словарь семантико-синтаксической сочетаемости существительного. В данной статье будет рассмотрен фрагмент такого словаря, он строится на двух основаниях: конструктивном и семантическом.

Конструктивный аспект учитывает грамматику зависимой словоформы. Так, если существительное *кризис* — главный компонент словосочетания, то оно может участвовать в связи согласование с прилагательным (*кризис* какой) и управление — с существительным (*кризис* чего, *кризис* в чем, *кризис* с чем, *кризис* вокруг чего и *кризис* внутри чего).

Семантический аспект определяет значение данных словосочетаний: все перечисленные выше модели выражают либо кваликативные отношения (*кризис* какой, *кризис* чего, *кризис* с чем), либо кваликативно-локативные (*кризис* в чем, *кризис* вокруг чего, *кризис* внутри чего). Однако данная семантическая характеристика является слишком общей. Для реконструкции языковой картины мира необходим более конкретный анализ. Одним из его путей может стать «сферная» классификация значения подчиненных компонентов. В зависимости от целей исследования лингвисты определяют разное количество сфер.

Т.В. Шмелева, классифицируя событийные пропозиции диктума, выделяет четыре сферы: физическую, психическую, ментальную и социальную. «Противопоставление сфер вполне очевидно с позиций обыденной логики: каждый говорящий по-русски, как кажется, легко определяет, что дождь и жара — физическая сфера, описание переживаний — психическая, сообщения о мыслях, догадках, изобретениях перемещают нас в сферу ментальную, а о волнениях, кризисах общества, создании и роспуске партий, визитах послов — в социальную <...> про-

тивопоставление сфер существенно и для поисков специфики их осмысления языком, и для выявления средств, общих для некоторых сфер» [Шмелева 1994: 13].

М.В. Всеволодова, описывая типы денотативных предикатов, дает более подробную классификацию, ею выделено пять сфер: физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуально-творческая, социальная и духовная [Всеволодова 2000: 139].

Однако и эта классификация не достаточно подробна для того, чтобы ответить на наивный обывательский вопрос «Какие кризисы упоминаются в СМИ в XXI веке?».

Анализ СМИ, размещенных в Интернете в 2008-2009 гг., а также представленных в Национальном корпусе русского языка (датированных 2001-2005 гг.), показывает, что *кризис* связан практически со всеми сферами жизни человеческого общества, а также с личной жизнью человека.

Сферы терминологического использования слова *кризис* с определенной долей условности можно обозначить так: 1) сфера экономики, материальная сфера; 2) сфера политики; 3) сфера социальная и социально-правовая; 4) сфера культуры, искусства и литературы; 5) духовно-нравственная сфера; 6) интеллектуально-научная сфера; 7) спортивная сфера; 8) физиологическая сфера; 9) личная психическая сфера; 10) сфера природы.

Первые семь сфер связаны с жизнью общества, следующие две — с личной жизнью человека и последняя — с жизнью природы.

Можно сказать, что представленный в приложении к данной статье словарь сочетаемости показывает, что слово *кризис* является своеобразным «индикатором», репрезентирующим в языке изменение мира и изменение отношения человека к миру.

С одной стороны, в конце XX — начале XXI века происходят процессы, которых раньше не было, что нашло отражение в таких словосочетаниях, как *демографический кризис*, *популяционный кризис*, *экологический кризис*, *кризис свалок*, *ипотечный кризис*, *кризис мировых резервных валют*, *кризис компьютерной индустрии*, *кризис товарного маркетинга*, *кризис рекламного рынка*, *кризис в IT-индустрии* и др.

Примеры употребления данных словосочетаний:

«Если в первые десятилетия XXI века нам не удастся остановить демографический кризис и по-прежнему сохранится депопуляционная ситуация в демографической политике, то процесс вымирания приобретет воистину катастрофические формы и характер [С позиции демографии (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05]; «Глобальный экологический кризис признан ООН официально. Можно ли вернуть биосферу на круги своя, если она утратила 50% своего видового биоразнообразия? [Василий Вельков. По ту сторону эволюции: второе изгнание из рая (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.05]; «Экологи говорят, что России угрожает кризис свалок. Запад переживает этот кризис уже

давно. Там придумано множество технологий по переработке или уничтожению растущего мусорного потока» [Николай Малетин. Потребительская корзина для мусора (2003) // «Деловой квартал» (Екатеринбург), 2003.02.10].

С другой стороны, изменилось отношение общества к миру, как кризис оцениваются явления, события, процессы, которые в прошлом не назывались кризисом: *кризис трех лет, кризис сорока лет, кризис сорока двух, кризис отношений между читателем и книгой* и др.

Примеры такого словоупотребления:

«Неразумно отдавать малыша в разгар кризиса трех лет», поверьте, в это время ему и так приходится несладко, а двойной нагрузки психика ребенка может не выдержать» [Мария Андреева. Все в сад! (2002) // «100% здоровья», 2002.11.11]; «Говорят, кризис сорока двух — самый тяжелый: лучшая половина жизни пролетела как сон, а что сделано?» [Александр Волков. Ликвидаторы // «Звезда», 2001].

Составленный словарь сочетаемости показывает также, что при любом употреблении кризис оценивается с точки зрения человека. Только те события и ситуации, в которых заинтересован человек, могут быть определены как кризис, где нет человека или его интересов, там нет и кризиса. Даже природные кризисы наступают тогда, когда это угрожает человеку.

Что касается конструктивного аспекта словосочетаний, то необходимо отметить, что в XXI веке происходит изменение в управлении. В письменной речи получила распространение модель *кризис с чем*, которая в первой половине XX века относилась исключительно к сфере разговорной речи (на что, в частности, указывает Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова). Кроме того, в 2001-2009 гг. появились единичные примеры моделей *кризис внутри чего* и *кризис вокруг чего*:

«Думский кризис выявил кризис внутри КПРФ, который может разрешиться первым серьезным расколом компартии» [Александр Садчиков. Из двух Геннадиев выбирают... Селезнев остается спикером и новым лидером левых (2002) // «Известия», 2002.04.10]; «Кроме того, алжирские политики используют кризис вокруг поставок российских самолетов в своей внутривнутриполитической борьбе» [<http://lenta.ru>].

В XXI веке изменилось отношение к кризису, что проявилось, в частности, в модели **управлять кризисом**, где *кризис* представлен в роли объекта воздействия, обладающего более низким социальным статусом, чем человек.

«Кризисы, происходившие на протяжении 40 лет после окончания Второй мировой войны, были хорошо изучены, ими уже научились управлять»; Главное — мы оказались к кризису готовы. Именно для того, чтобы справиться с такими вызовами, мы и создавали Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, накапливали золотовалютные резервы Центрального банка, которых в таком масштабе никогда не было у Советского Союза. Они и позволяют нам управлять

кризисом» [Егор Гайдар. Доллар не рухнет ни при каких условиях // Известия, 10.02.2009. www.gaidar.org].

Таким образом, утверждается, что человек научился контролировать процесс протекания кризиса.

Если в XX веке максимальная степень проявления кризиса обозначалась существительным *дно* — *дно кризиса*, которое содержит отрицательную оценку, как и метафорически употребляемые глаголы движения вниз — *опуститься, упасть, рухнуть* и т.д., то в XXI веке, наряду с существительным *дно*, используется существительное *пик* — *пик кризиса*, вне контекста не содержащее отрицательной оценки (ср.: *пик карьеры, пик сезона*). Кризис рассматривается с научных позиций как закономерный процесс, развивающийся по определенным законам.

Экономические кризисы периодически повторяются, люди привыкли к ним и обозначают аналитическими словосочетаниями типа *кризис 1998, кризис 2008, кризис 2009*, подобно другим периодическим событиям, таким как *олимпиада восемьдесят, выборы 2007* и т.д. Тем самым выражается оценка: кризис связан с трудностями, но он не страшен, его можно преодолеть или пережить.

О том, что существительное *кризис* становится все более значимым для русской языковой картины мира, свидетельствует и тот факт, что именно в XXI веке у этого слова начинает формироваться словообразовательное гнездо: *кризисный, антикризисный, кризисология, кризис-менеджер, кризис-прогноз*. В XX веке у данного существительного был лишь один дериват — прилагательное *кризисный*, частотность которого была чрезвычайно низкой.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что рост степени «кризисности» сознания в XXI веке проявился, во-первых, в увеличении частотности слова *кризис*, во-вторых, в расширении возможностей его лексико-семантической сочетаемости, а следовательно, и сфер его функционирования, в-третьих, в освоении данным существительным новых моделей управления, в-четвертых, в появлении у существительного *кризис* словообразовательного гнезда. В то же время отношение к кризисам, в особенности к экономическим, стало более спокойным, поскольку к кризисам привыкли и даже научились ими управлять.

ЛИТЕРАТУРА

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка — М., 2000.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1936. Т. 1.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» — Красноярск, 1994.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского — М., 1982. Т. II. Вып.8. К.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент словаря сочетаемости слова *кризис* по сферам его терминологического использования

1. Сфера экономики, материальная сфера.

Кризис какой: экономический, социально-экономический, финансовый, финансово-экономический, бюджетный, банковский, кредитный, ипотечный, долговой, фондовый, долларовый, денежный, зарплатный, хозяйственный, промышленный, лесопромышленный, транспортный, аграрный, продовольственный, товарный, потребительский, жилищный, топливный, алкогольный, бумажный, сахарный, табачный, энергетический, нефтяной, газовый, бензиновый, сырьевой.

Кризис чего: экономики, основ мировой финансовой системы, банковской системы, фискальной системы, неплатежей, платежеспособности, ликвидности, финансирования, местных финансов, мировых резервных валют, золотовалютного стандарта, разменной монеты, производителей, перепроизводства, недопроизводства, компьютерной индустрии, пузырей dot.com, пищевой промышленности, рыбного хозяйства, инфраструктуры, сбыта, продаж, товарного маркетинга, рекламного рынка, воздушного транспорта, гражданской авиации, энергетики, недвижимости.

Кризис в чем: в экономике, в авиации, в IT-индустрии, в машиностроении, в авиаальянсе AirUnion.

Кризис вокруг чего: вокруг поставок российских самолетов.

Кризисы в материальной, экономической сфере называют также по месту их существования без указания на сферу: азиатский кризис, латиноамериканский кризис, русский кризис, японский кризис; кризис в Приморье, кризис в России, кризис в Америке и т.д.

2. Сфера политики.

Кризис какой: политический, внутриполитический, внешнеполитический, правительственный, думский, выборный, избирательный, конституционный, революционный, идеологический.

Кризис чего: власти, мирового капитализма, социализма, идеологии, государства, российской государственности, системы государственного устройства, классической модели государства, олигархической системы, местной власти, правящего класса, абсолютизма, «управляемой демократии», коммунистической системы, польского социализма, российского капитализма, правящей красно-зеленой коалиции, лидерства, политической легитимности, легитимности верхней палаты российского парламента, польско-советских отношений, управляемости, избирательной системы, выборного цикла, Федерации, антиядерного движения.

Кризис в чем: в партии, в СПС, в руководстве стран содружества, в кавказской политике России, в российско-белорусских отношениях, в отношениях с соседними странами, в отношениях россиян и европейцев, в отношениях России с НАТО, в отношениях бизнеса и власти.

Кризис внутри чего: внутри КППФ.

Кризис вокруг чего: вокруг Косово.

Кризисы, происходящие в политической сфере, также как экономические, называют по месту их существования без указания на сферу: Карибский кризис, восточный кризис, ближневосточный кризис, ливано-израильский кризис, кризис на Ближнем Востоке, египетский кризис, болгарский кризис, балканский кризис, Балтийский кризис и т.д.

3. Сфера социальная и социально-правовая.

Кризис какой: социальный, социально-экономический, гуманитарный, демографический, популяционный, цивилизационный, общенациональный, межнациональный, правовой, организационный, кабинетный, кадровый, семейный; общественные кризисы, национальные кризисы.

Кризис чего: социальной сферы, мировой цивилизации, современной цивилизации, европейской «фаустовской» цивилизации, Русской цивилизации, городов, коммуникации, образования, здравоохранения, реформ, правовых систем, российской судебной системы, «наказания», уголовной политики и уголовной юстиции, полицейского контроля, «правосознания», семьи, семейной жизни, отцовства, «маскулинности», перенаселения, доверия к власти, доверия к прессе.

Кризис в чем: в молодежной среде, в сфере платного высшего образования.

Кризис вокруг чего: вокруг россиян в Туркмении.

Кризис с чем: с заложниками.

4. Сфера культуры, искусства и литературы.

Кризис какой: культурный, театральный, телевизионный.

Кризис чего: культуры, искусства, литературы, словесности, театра, кино, журналистики, ежедневных газет, Возрождения, классики, поэтического романтизма, школ символистов и акмеистов, жанра, прозаических жанров, романа, авторской песни, чтения, отношений между читателем и книгой.

Кризис в чем: в музыкальной индустрии.

Кризис с чем: с оркестрами, с государственными оркестрами.

5. Духовно-нравственная сфера.

Кризис какой: духовный, религиозный, морально-нравственный, нравственный.

Кризис чего: духовности, морали, ценностей.

6. Интеллектуально-научная сфера.

Кризис какой: мировоззренческий, эвристический.

Кризис чего: сознания, сказочного сознания, патриархального, родового сознания, мышления, идей, европейской идеи, целей, общественных целей, «целей и методов», ожиданий, тем, утраты смысла существования, науки, отечественной гуманитарной науки, филологии.

Кризис в чем: в области мышления.

7. Спортивная сфера.

Кризис чего: американского плавания, итальянского футбола, украинской сборной.

Кризис в чем: в челябинском «Мечеле», в «Формуле-1».

8. Физиологическая сфера.

Кризис какой: физический, сердечно-сосудистый, гипертонический.

Кризис чего: болезни, тифа, холеры.

9. Личная психическая сфера.

Кризис какой: душевный, личный, эмоциональный, творческий, личностно-профессиональный, психологический.

Кризис чего: личности, возраста, среднего возраста, молодости, трех лет, тридцати лет, сорока лет, сорока двух, середины жизни, тридцатилетних, взросления, социализации, идентичности, вновь прибывшего, иронии.

10. Сфера природы.

Кризис какой: экологический.

Кризис чего: свалок.

Данилова М. Б.
Сургут, Россия

**ФРЕЙМ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ» В СЦЕНАРИИ
«АВТОБИОГРАФИЯ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА»**

УДК 811.161.1
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается возможность структурирования автобиографического текста в виде когнитивного сценария. Цель данной статьи – на материале мемуаров И. Хакамады «Особенности национального политика» представить автобиографию женщины-политика в виде сценарной структуры и в частности рассмотреть фрейм «происхождение», лежащий в основе данного сценария.

Ключевые слова: сценарий, фрейм, автобиография.

Сведения об авторе: Данилова Мария Борисовна, аспирант.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628400, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 14, Сургутский государственный университет, факультет лингвистики.

E-mail: lost4ever@yandex.ru.

Danilova M. B.
Surgut, Russia

**FRAME “BACKGROUND” IN THE SCENARIO
“AUTOBIOGRAPHY OF A WOMAN-POLITICIAN”**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The present paper deals with the problem of modeling an autobiography by means of such cognitive structure as scenario. The aim of this article is to present the autobiography of a woman-politician as a cognitive scenario, and particularly to introduce the frame “Background” based on the autobiography “The peculiarities of a national politician” by I. Khakamada.

Key words: scenario, frame, autobiography.

About the author: Danilova Mariya Borisovna, post-graduate student.

Place of employment: Surgut State University.

Изучение автобиографических текстов с позиции когнитивной лингвистики привлекает к себе внимание многих современных исследователей, поскольку позволяет раскрыть механизмы осмысления и моделирования действительности посредством языка. Автобиография, представляющая собой ретроспективное изображение автором событий собственной жизни, имеет определенную универсальную структуру и может быть представлена в виде сценария – когнитивной структуры динамического характера, предполагающей последовательную смену этапов, эпизодов [Болдырев 2000: 37]. В свою очередь, эти этапы, очевидно, могут быть представлены в виде структуры для декларативного представления знаний о типизированной ситуации, иными словами, в виде фреймов. По мысли М. Минского, «сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений» [Минский 1979: 181].

Таким образом, сценарий «автобиография женщины-политика» можно рассматривать как совокупность фреймов, которые, в свою очередь представляют собой разветвленную структуру слотов и подслотов. Одним из ключевых фреймов в сценарии «автобиография женщины-политика» является фрейм «происхождение», структуру которого можно представить как задающую набор слотов, объективирующих следующие типовые признаки происхождения человека:

- «происхождение: национальный аспект».
- «происхождение: социальный аспект».
- «происхождение: региональный аспект».

- «происхождение: семейный аспект».

1) Слот «происхождение: национальный аспект». Говоря о своей национальной принадлежности, И. Хакамада, в первую очередь, указывает на внешние атрибуты, характеризующие ее как представителя японской нации. Уже в самом начале своего повествования И. Хакамада заявляет, что для успешной политической деятельности ее «внешний облик совсем не подходит...» (Хакамада 2002: 7. Далее только номер страницы), тем самым обозначая первостепенную значимость для любого политика внешних данных. Здесь автор проявляет себя, в первую очередь, как человек от политики, для которого собственная внешность важна, в первую очередь, с точки зрения ее пригодности для достижения успеха на политическом поприще: «Чтобы иметь успех на выборах, надо явно нести в себе русское начало» (7).

К внешним характеристикам также можно отнести типично японскую фамилию автора: «Фамилия принадлежит старому самурайскому роду, помнящему себя с незапамятных времен, с самой глубокой древности» (5). В данном отрывке И. Хакамада подчеркивает уникальность своей фамилии, акцентируя свою принадлежность не просто к японской нации, но к старинному самурайскому роду. Однако в России И. Хакамада из-за своей фамилии сталкивалась с многочисленными трудностями на всех этапах своего жизненного пути:

«В детстве я воспринимала свою фамилию как тяжелый груз» (5); «Я мечтала работать в ТАССе. Но уже в момент распределения выяснилось, что со своей фамилией я никуда не прохожу» (6); «А вот фамилию можно сменить, и это нужно сделать

обязательно. Иначе ни о какой победе не может быть и речи» (7).

И вновь, рассуждая о своем происхождении, И. Хакамада предстает, в первую очередь, как политический деятель, для которого японская фамилия является препятствием на пути к успеху в российской политике. Однако И. Хакамада, несмотря на все трудности, сумела сделать так, чтобы ее фамилия не просто не помешала ей добиться успеха, а, напротив, способствовала этому: «...моя фамилия снова меня выручает. Уж если люди ее выучивают, то больше не забывают. В иные периоды моя известность намного превышает мой вес в реальной политике. Кому-то я нравлюсь, кому-то нет, но меня никогда, ни с кем не путают» (8). Таким образом, фамилия предстает не просто как атрибут, а как знак, символ успеха и избранности.

Свои японские корни И. Хакамада связывает также с различными внутренними качествами. Например, такое качество как обязательность является, по ее мнению, типично японской чертой: «Приливы настоящего родственного узнавания случаются, когда я сталкиваюсь с японской обязательностью во всем» (30). Обращая внимание читателя на свою обязательность, автор предстает как человек слова: «До тех пор, пока нет полной уверенности, я никому ничего не обещаю. Даже по мелочам, даже когда очень полезно было бы блефануть – я не умею. Это чисто японская черта» (30).

Еще одно качество, свойственное японской ментальности, дисциплинированность, также находит свое отражение в характере И. Хакамады:

«Я выполняла все, на сто процентов» (13); «Я никогда не поеду на красный свет, не превышу установленную скорость, даже если дорога пуста и ни одного милиционера в поле видимости. Партсобрания ненавидела до трясушки, но не пропустила ни одного. За всю достаточно долгую преподавательскую жизнь не сорвала ни одной лекции, ни одного семинара, не опоздала ни на минуту» (12).

Таким образом, выстраивается образ профессионального и дисциплинированного работника. В то же время данное качество, столь ценное в японской культуре, не всегда приживается в России: «При этом нельзя сказать, что таков был общий стиль. Большинство преподавателей, мужчины, естественно, не стеснялись ни опаздывать, ни звонить на кафедру с просьбой о срочной замене» (12-13). В данном примере можно наблюдать двойную оппозицию: И. Хакамада не просто противопоставляет себя основной массе преподавателей, но и позиционирует себя как женщина, которая, в отличие от мужчин, всегда выполняет свои обязанности. Таким образом, гендерный фактор также находит свое отражение в автобиографии.

Русское происхождение И. Хакамады проявляется, прежде всего, в общении с окружающими людьми: «Контакты устанавливаю очень быстро, легко отвечаю на любые вопросы – ну просто душа нарасташку» (15). В данном примере использование фразеологического оборота, а также позитивно окрашенных наречий «быстро» и «легко», направлено на формирование положительного образа автора – человека искреннего и легкого в общении. Такие черты несомненно свойственны русскому человеку.

Свои русские корни И. Хакамада связывает с женской линией:

«Главным человеком в семье мне представляется моя прабабушка Евдокия Антиповна. В ней было удивительное сочетание душевной силы, самоотверженности и безграничной доброты, от которой и мне перепало немножко» (184); «...то, что досталось от русской бабушки: женственность, влюбчивость, мягкость» (14); «Вероятно, интуиция у меня от мамы, ... своей интуиции я доверяю полностью» (17).

И. Хакамада указывает именно на те качества, которые в русской культуре ассоциируются исключительно с женским началом: интуиция, мягкость, самоотверженность, влюбчивость, женственность, доброта.

Лексическое наполнение слота «происхождение: национальный аспект», позволяет говорить о том, что качества, присущие И. Хакамаде как политическому деятелю, связаны с ее японским происхождением, а черты, характеризующие ее как женщину – с русскими корнями. Таким образом, Ирина Хакамада предстает перед читателем как женщина-политик, причем ни одна из этих ипостасей не является доминантной.

2) Слот «происхождение: социальный аспект». По своему социальному происхождению И. Хакамада является выходцем из интеллигентского сословия. В пользу этого факта свидетельствует как деятельность родителей И. Хакамады (ее отец был видным политическим деятелем, эмигрировавшим в СССР по политическим мотивам, а мать преподавала русский язык), так и прямые ссылки на это в тексте:

«Так уж мы были воспитаны, ...в среде российских интеллигентов» (87); «Сначала, как водится в нашем интеллигентском сословии, был долгий период разговоров...» (83).

Интеллигенция, в том понимании, в котором она существовала в советские времена, была классом без особых привилегий: «Все стандартные пути попадания в советскую политическую элиту были для них закрыты» (82). И. Хакамада подчеркивает, что ее социальное происхождение на начальном этапе мешало ее политической карьере: «...я вдруг двинулась в

политику, куда такие, как я, не идут – с улицы, без связей, без номенклатурной истории родителей, без средств» (75). Будучи выходцем из среды интеллигентов, И. Хакамада с самого начала имела мало шансов на успешную политическую карьеру.

В рассуждениях автора можно проследить, как постепенно происходит разрыв во взглядах И. Хакамады и представителей современной интеллигенции: «Интеллигенция, которая всегда считала себя совестью нации, ее нравственным барометром, которая претендует на это и поныне, в очередной раз показала, что она, может быть, и желает, но не умеет ничего организовывать» (215). В данном примере показана несостоятельность взглядов интеллигенции. Здесь отчетливо прослеживается коммуникативный посыл, в котором автор абстрагируется от тех людей, о которых идет речь: И. Хакамада уже не отождествляет себя с интеллигенцией, а говорит о ней в третьем лице.

И. Хакамада отходит от привычного понимания интеллигента как человека, чуждого материальных благ и признающего только духовные ценности: «Хорошо презирать то, что имеется у тебя в достатке, и совсем другое дело – вставать выше того, в чем хронически испытываешь нужду» (87). Так, характеризуя современную российскую интеллигенцию, И. Хакамада отмечает ее слабые стороны: «И интеллигенция ведет себя точно так же, как и все остальные сословия, не делающие фетиша из своей высокой духовности» (215). По мнению автора, интеллигенция перестает отличаться от остальных социальных слоев общества, поскольку теряет ту духовность, которой должна обладать по определению.

Итак, И. Хакамада, будучи выходцем из среды интеллигентов, постепенно теряет с ней связь и начинает смотреть на нее под другим углом зрения, отмечая, что духовные ценности постепенно сменяются материальными нуждами.

3) Слот «происхождение: региональный аспект». И. Хакамада родилась в Москве, однако в своих мемуарах она не уделяет этому факту никакого внимания, а место своего рождения понимает в широком смысле – как СССР. Описывая Советский Союз, И. Хакамада говорит преимущественно о людях, которым довелось жить в то время, причисляя, естественно, к таковым и себя: «Помню себя с детства, тем более – во взрослом состоянии. Абсолютно советский, т.е. забитый ребенок, абсолютно советский закомплексованный человек» (12). Несмотря на то, что Советский Союз был огромной и сильной державой, уровень жизни советских людей был очень низким: «...это было в логике той эпохи... По общим ее законам полагалось не жить, а влачить существование» (42); «Пусть зарплата нищенская, но

зато одинаковая у всех...» (53). При этом здесь не просто акцентируется бедность простых людей, а подчеркивается, что такое положение было скорее правилом, чем исключением.

Отношение Советского Союза к своим гражданам очень лаконично выражено в следующем примере: «Само собой разумелось: не государство для нас, а мы для государства» (182). В этой фразе заключена вся суть идеологии СССР в понимании автора, а именно второстепенное значение людей по отношению к государству. И конечно, в связи с этим возникает вопрос, ради чего государство приносит в жертву благосостояние своих граждан: «...не жалеть «человеческого материала» ради важной цели» (159). Так, в советские времена человек служил лишь «материалом», средством для достижения важной цели государственного масштаба. И. Хакамада не скрывает своего крайне негативного отношения к такой политике; она подвергает критике даже такое неоспоримое достижения СССР, как полет в космос: «Слетаем в космос – и пусть все хоть с голоду перемрут... Идеи величия страны, которому можно принести в жертву все» (193). Автором ставятся под сомнение достижения страны, завоеванные ценой человеческих бедствий.

В целом, Советский Союз представлен в тексте автобиографии, с одной стороны, как сильное государство, а с другой, как инструмент подавления своих граждан:

«Когда общество так долго находилось в рабстве...» (84); «...ассоциируется с режимом, который их унижал и угнетал, с репрессиями, с кровью невинных жертв» (205); «...империя, которая всех давила...» (166); «...после полного удушья брежневских времен, после чудовищной лжи и демагогии...» (239-240).

Таким образом, Советский Союз, в котором И. Хакамада родилась и провела значительную часть своей жизни, рассматривается сквозь призму отношения государства к своим гражданам. Так, отношение И. Хакамады к политике, проводимой в СССР, можно определить как резко негативное, что, несомненно, свойственно ей и как политику, который придерживается либеральных взглядов.

4) Слот «происхождение: семейный аспект». Описание своих семейных корней И. Хакамада начинает с истории непростых взаимоотношений своих родителей: «Невозможно представить себе двух таких разных, ни в чем не похожих, буквально несовместимых людей, как мои родители» (19). При этом И. Хакамада подчеркивает, что у ее родителей были не просто расхождения во мнении, как это часто бывает, а диаметрально противоположные взгляды на жизнь: «Семья у нас была очень странная. Родители жили каждый в своем мире... Слишком уж они были разные»

(20). Тот факт, что родители мало общались, не мог никак не отразиться на жизни внутри семьи, и, в первую очередь, на ребенке: *«Нормальное чувство: вот мои родители, они со мной, я могу на них опереться – полностью отсутствовало. Я сама решала все свои проблемы: в какую школу перейти, чему обучаться, куда поступать»* (25). Такие отношения в семье не являются естественными, родители, по мнению И. Хакамады, должны быть рядом, всячески помогать своим детям, быть им опорой по жизни.

Описывая своих родителей, И. Хакамада в основном рассказывает о своем отце, много внимания уделяя описанию того, как он вел себя в кругу семьи:

«Отец умел полностью отгораживаться от всех. Он уединялся в своей комнате, и его как бы и не было» (21); *«Мне в тот мир, который отец создал для себя, хода не было. Не помню, чтобы он меня приласкал»* (23).

Отец предстает перед читателем в образе человека, который не слишком приветлив и ласков со своими детьми, скорее это чужой человек, который просто живет по соседству.

Однако, несмотря ни на что, И. Хакамада неоднократно повторяет, что отец вызывал в ней сильнейшее уважение: *«Случалось, я обижалась на него, злилась, но это были эпизоды, а всегдашним, постоянным было сильнейшее, неосознанное, инстинктивное уважение. Он был для меня как Бог, недоступный, непознаваемый, поражающий своими поступками»* (24). В данном примере И. Хакамада неоднократно подчеркивает, что это уважение к отцу существовало на подсознательном уровне, это было «неосознанное», «инстинктивное» чувство, которое зачастую противоречило логике. И. Хакамада даже сравнивает отца с Богом, что свидетельствует о том, что это было скорее чувство, лежавшее за гранью разума.

Описанию своих взаимоотношений с матерью И. Хакамада уделяет значительно меньше внимания: *«Маме тоже было не до меня, хотя по-человечески она была полной противоположностью отцу. Добрейшее существо, сверхэмоциональное, любящее. Но все ее душевные силы уходили на другое. На борьбу за существование – и на переживание отцовской измены»* (25). И. Хакамада описывает мать, противопоставляя ее отцу по всем аспектам, как «полную противоположность отцу». И если мать предстает перед читателем «любящим» и «добрейшим» человеком, то отец был совсем другим.

Так, лексическое наполнение слота «происхождение: семейный аспект» свидетельствует о том, что на становление личности И. Хакамады, главным образом, повлияли ее родители и, в первую очередь, отец, который, несмотря на всю его холодность, оставил неизгладимые воспоминания в памяти И. Хакамады.

Таким образом, проанализировав фрейм «происхождение», можно сделать вывод о том, насколько важно, что она по национальности является наполовину японкой, наполовину русской; по социальному происхождению – выходцем из интеллигенции, местом своего рождения называет СССР, а ее семейные корни характеризуются, главным образом, взаимоотношениями с отцом. Все эти характеристики, несомненно, оказали значительное влияние на формирование личности И. Хакамады и ее политических убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 320 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер с англ. / Под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. 151 с.

Хакамада И.М. Особенности национального политика. – М: ОЛМА-ПРЕСС: Авантитул, 2002. 256 с.

© Данилова М. Б., 2009

Малышева Е. Г.
Омск, Россия

**КОНЦЕПТ 'ГУБЕРНАТОР' В РЕГИОНАЛЬНОМ
МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале текстов радиальных
и телевизионных СМИ Омской области)**

УДК 808.2

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена проблеме релевантного описания языковой репрезентации когнитивной доминанты регионального массово-информационного дискурса – концепта 'Губернатор', квалифицированного как «реактуализованная» и «новая» идеологема.

Автором предлагается методика составления и анализа формально-функционального тезауруса, объективирующего концепт в каком-либо типе дискурса, например, в массово-информационном.

Данные формально-функционального тезауруса позволяют сделать репрезентативные выводы не только относительно своеобразия лексико-семантической реализации концепта и его когнитивной структуры, но и относительно особенностей представлений о главе региональной власти, транслируемых в современных СМИ и отражающих явный возврат к «политической диглоссии» тоталитарного периода.

Исследование проведено на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области за 2003-2008 гг.

Ключевые слова: концепт; идеологема; массово-информационный дискурс; формально-функциональный тезаурус.

Сведения об авторе: Малышева Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант.

Место работы: Омский государственный университет.

Контактная информация: 644074, г. Омск, ул. Ватутина, д. 28. кв. 2.

E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Н.А. Купина в 2005 году писала о том, что «новые волны идеологизации пока не обладают достаточной силой влияния на языковое сознание» [Купина 2005: 98]. Однако языковое отражение современной российской идеологической ситуации позволяет сделать вывод о том, что реидеологизация, или вторичная идеологизация, языка является важнейшей характеристикой нынешнего периода: происходит возвращение и актуализация идеологем советской идеологической картины мира, появляются новые идеологемы» [см.: Малышева 2008: 153-154].

В лингвистической науке под идеологемой, как правило, понимается «слово, непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее в своем значении идеологический компонент [Чудинов 2007: 92].

Однако нам кажется более оправданным представление об идеологеме как об особом типе многоуровневого концепта, в структуре которого (в ядре или на периферии) выделяются идеологически маркированные концептуаль-

Malysheva E. G.
Omsk, Russia

**CONCEPT 'GOVERNOR' IN REGIONAL
MASS-INFORMATIONAL DISCOURSE
(based on the material of radio and TV texts
from the mass media of Omsk Region)**

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. This article is devoted to the problem of relevant description of the language representation of the cognitive dominant of the region mass informatics discourse – the concept 'Governor' qualified as reactualized and new ideologem.

The author offers the methodology of making and analyzing formal-functional thesaurus, objectivizing the concept in some type of discourse, for example mass-informational.

The data of formal- functional thesaurus allows to make representative conclusions not only concerning the peculiarity of lexical-semantic realization of the concept and its cognitive structure, but also concerning the peculiarities of the image of the Head of Regional Power broadcast in modern mass media and reflecting an obvious turning back to "political diglossy" of the totalitarian period.

This investigation is made on the texts of radio and TV mass media of Omsk Region 2003-2008.

Key words: concept; ideologem; mass-informational discourse; formal- functional thesaurus.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, candidate degree in philology, associate professor; doctoral student.

Place of employment: Omsk State University.

ные признаки, заключающие в себе коллективное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах. На наш взгляд, идеологема характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием репрезентации знаками разных семиотических систем, в том числе и языковой.

Думается, что исследуемый в данной статье концепт 'Губернатор' является идеологемой, поскольку в ядерной части поля этого концепта выделяется концептуальный признак 'субъект власти', маркированный идеологически.

Концепт-идеологема 'Губернатор', как кажется, относится к реактуализованным идеологемам (таким, как 'Дума'), ключевое положение которых в современном политическом и массово-информационном дискурсе связано, конечно, с изменением общественно-политической ситуации и структуры власти в России. При ином,

не противоречащем заявленному, подходе концепт 'Губернатор' может быть охарактеризован как идеологема «нового времени», в которой отражается «новая волна идеологизации языка СМИ» [Кузьмина 2007: 192, 197].

Кстати говоря, Н.А. Кузьмина отмечает, что ключевое слово исследуемого концепта – *губернатор* – относится к разряду «возрожденных историзмов», чье функционирование доказывает, что «смена речевых одежд» никоим образом не повлияла на глубинную тоталитарную идеологическую ориентацию российского общественного сознания» [там же: 193].

Языковая объективация названного концепта происходит прежде всего в рамках массово-информационного дискурса, который, как подчеркивают исследователи, часто пересекается, взаимодействует с политическим дискурсом в его широком понимании [см.: Шейгал 2004: 25, 32]. И поскольку именно журналисты являются «посредниками» между политиками, властью, в том числе региональной, и массовой аудиторией; «агентами влияния», способствующими формированию общественного мнения» [там же: 25], то весьма важным нам кажется ответ на вопрос, *какова степень объективности и ответственности реальной действительности репрезентируемых региональными (в частности омскими) СМИ представлений о губернаторе как субъекте власти и какими языковыми средствами* (прежде всего лексико-семантического и синтаксического уровня, в том числе клише, устойчивыми языковыми формулами, идиомами) оказывается влияние на массовое сознание, на формирование восприятия власти – в лице *губернатора* – массовой аудиторией.

Подчеркнем, что материалом для исследования послужили телевизионные и радиальные тексты так называемых «прогубернаторских» СМИ (новостные программы ГТРК «Омск» периода 2003-2008 г.): это обстоятельство во многом определяет специфику представленного в них фрагмента идеологической и политической картин мира.

Заметим также, что эти СМИ являются, по сути дела, «монополистами» новостного телевизионного и радиального вещания на территории Омской области. Именно ГТРК «Омск» располагает самыми современными техническими средствами связи, самым большим количеством эфирного времени и имеет самый широкий охват аудитории по сравнению с другими электронными СМИ, функционирующими в регионе.

Примечательно, что исследуемые нами тексты массово-информационного дискурса Е.В. Фролова относят к *медиа текстам* – разновидности PR-текстов, выполняющих имиджевую функцию по отношению к губернатору Л.К. Полежаеву.

Автор диссертационного исследования «Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных

СМИ» справедливо утверждает, что сегодня «так называемые «местные» СМИ становятся посредником для публичных коммуникаций, в частности для политических PR-текстов, поскольку именно они соответствуют основным задачам связей с общественностью: воздействуют на состояние общественного мнения» [Фролова 2007: 42].

Таким образом, новостные тексты, репрезентированные в массово-информационном дискурсе, становятся «инструментарием политического дискурса» [там же] и, кроме того, выполняют изначально несвойственную им PR-функцию.

Методика анализа репрезентированного в массово-информационном региональном дискурсе концепта 'Губернатор', которая предлагается нами, основывается на общем положении когнитивной лингвистики, согласно которому концепт имеет полевую структуру, где выделяется ядро, приядерная область, содержащая концептуальные признаки (концептуальные слои), менее и более абстрактные, и, наконец, периферия, «интерпретационное поле», включающее «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» и характеризующееся «слабой структурированностью» [Попова, Стернин 2003: 64].

Языковая объективация концепта в тексте и – шире – в дискурсе происходит прежде всего на лексико-семантическом уровне, и это обстоятельство позволяет нам утверждать, что элементы поля концепта (ядро, приядерная область и периферия) реализуются в разных группах лексем и словосочетаний (семантических группах), заданных семантикой концепта.

Можно предположить, что семантические группы, репрезентирующие ядро и приядерную область концепта, будут содержать так называемое «ключевое слово» концепта и его производные, а также лексем и сочетания лексем, узуально, непосредственно отражающие данный концепт в языке. Такие семантические группы и составят *формальный тезаурус*, в котором объективирован исследуемый концепт.

Функциональный тезаурус, репрезентирующий концепт, представлен семантическими группами, в которые входят лексем, устойчивые словосочетания, опосредованно, метафорически и метонимически, представляющие исследуемый концепт. Именно в функциональном тезаурусе, на наш взгляд, фиксируется специфика интерпретационного поля концепта, а значит, прагматические составляющие семантики исследуемого концепта, объективированного в определенном типе дискурса.

Формально-функциональный тезаурус, который является, по сути дела, системным отражением лексико-семантической репрезентации концепта в текстах того или иного дискурса, организуется по принципу *частеречной* при-

надлежности лексем: в словаре выделяются различные по семантике подгруппы *номинативов* (существительных и субстантивов), *атрибутивов* и *адъективов* (прилагательных и наречий), *предикатов* формального и функционального тезауруса.

Количество и качество выделяемых подгрупп, особенно в сфере номинативов, разумеется, подвержено изменениям, которые являются не только свидетельством степени детализации предпринятого описания, но и – в первую очередь – еще одним показателем специфики лексико-семантической реализации концепта-доминанты в дискурсе.

Однако вполне предсказуемым и логичным является практически константное выявление таких подгрупп, как *наименование субъектов*, различного рода *объектов и атрибутов*, непосредственно или опосредованно связанных с семантикой концепта, *предикатов*, прямо или метафорически репрезентирующих исследуемый концепт.

На наш взгляд, именно словарь знаменательных слов и словосочетаний, так или иначе манифестирующих концепт, позволяет судить о содержательной специфике концепта и – в конечном счете – дискурса, в котором концепт объективирован.

Объем и полнота формально-функционального тезауруса, представляющего концепт, а следовательно, и объективность выводов, сделанных на основе его анализа, определяются как объемом исследованного материала, так и его репрезентативностью.

Впрочем, подчеркнем, что такого рода словарь для большинства типов дискурса – принципиально открытая и динамическая система, в которой, с одной стороны, представлены синхронные характеристики дискурса с точки зрения базовых ментальных единиц и их лексико-семантической реализации, с другой – отражены изменения (или тенденции к изменению), объективно происходящие в структуре концепта, и, как следствие, в его языковой репрезентации.

Анализ формально-функционального тезауруса, отражающего специфику языковой реализации когнитивной доминанты дискурса, может рассматриваться и как отдельная, весьма репрезентативная методика исследования особенностей лексико-семантической и – отчасти – грамматической объективации концепта, и как первая ступень когнитивно-языкового описания, завершающим этапом которого может быть выявление и описание базовых метафорических или концептуальных моделей, где озаглаваемым является базовый концепт.

Нельзя не отметить, что важнейшим «толчком» для создания предлагаемой методики анализа базовых концептов дискурса – составления и описания формально-функционального тезауруса, репрезентирующего концепт, – стали для нас исследования в области лексической семантики и лингвопоэтики, в частности описа-

ние идиостиля поэта посредством создания формального и функционального словаря стихотворения или цикла стихотворений, предложенное М.Л. Гаспаровым [1988: 125-136].

Так, М.Л. Гаспаров, применительно к художественному дискурсу, писал, что если исходить из того, что каждое существительное (с определяющим его прилагательным) есть «потенциальный образ», а каждый глагол (с определяющим наречием) – «потенциальный мотив», то «описью художественного мира оказывается полный словарь знаменательных слов соответствующего текста [там же: 125].

Названная методика была переработана и применена автором этих строк при анализе базовых концептуальных моделей и макрообразов поэтической системы В.Ф. Ходасевича [см. подр.: Малышева 1997].

И хотя нам кажется очевидным принципиальный характер отличий художественного, с одной стороны, и – с другой – массово-информационного, политического или спортивного дискурсов, однако подчеркнем, что с учетом вышеизложенного предложенная методика анализа релевантна и при описании данных динамических систем.

Итак, анализ новостных текстов ГТРК «Омск» показывает, что доминирующим и – заметим – константным на протяжении почти десяти лет для регионального массово-информационного дискурса является «политический концепт 'Губернатор'», который характеризуется регулярностью, частотностью и специфичностью языкового представления.

То обстоятельство, что новостные тексты, помимо своей основной информационной функции, выполняют функцию формирования позитивного имиджа губернатора и – более того – создания «сакрального», по выражению Н.А. Кузьминой, образа губернатора, накладывает существенный отпечаток на лексико-семантическую репрезентацию анализируемого концепта.

Ключевое слово концепта – *губернатор* – в узусе понимается как «начальник какой-нибудь большой административно-территориальной федеративной единицы (напр., губернии в царской России, штата в США, колониальной области), а также (неофициально) глава исполнительной власти крупного города» [Ожегов, Шведова 1995: 144].

Заметим, что, согласно нашим наблюдениям, лексема *губернатор* употребляется в омском массово-информационном дискурсе в несколько ином значении, чем то, которое зафиксировано в словаре: это *официальная номинация* должности главы исполнительной власти не «крупного города», а целого региона (области), «большой административно-территориальной федеративной единицы» – сказанное подтверждает нашу уверенность том, что данный концепт относится к *реактуализованным идеологемам* современного исторического периода,

в структуре значения ключевого слова которого произошли изменения.

В исследуемом массово-информационном дискурсе содержание концепта 'Губернатор' не сводится к описанной нами семантике ключевого слова, хотя указанные элементы смысла – 'начальник', 'глава' – формируют ядро концепта. Итак, формально-функциональный тезаурус, репрезентирующий концепт 'Губернатор', представлен следующими семантическими группами и подгруппами:

1. Номинативы, репрезентирующие концепт 'Губернатор'.

1.1. Субъект

• **Наименования субъекта, непосредственно связанные с семантикой концепта (формальный тезаурус):** Глава исполнительной власти, глава областного правительства, глава региона, глава светской власти, губернатор, Леонид Константинович Полежаев, Леонид Полежаев, Председатель правительства Омской области, Председатель попечительского совета, руководитель (области, региона).

«Губернатор Омской области Леонид Полежаев отметил, что строительство этого храма – это, прежде всего, задел на будущее» (Радионовости. 7.01.2007);

«Слаженную работу депутатов и правительства отметил и глава исполнительной власти Леонид Полежаев, выразив надежду на продолжение диалога» (Радионовости. 22.02.2007);

«И главная задача сейчас, – уверен Леонид Полежаев, – сохранить это ценное качество. А слово «популизм» в таких случаях просто неуместно» (Радионовости. 21.02.2007).

• **Наименования субъекта, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус):** Гарант, зодчий, инициатор (областной программы), лауреат (премии), лидер (региональный), мужик (настоящий), победитель, строитель, хозяин (области).

«Стратегическое предвидение, точный расчет и политическая воля! Губернатор-зодчий, губернатор-строитель сказал: «Будет! Обязательно будет!» – и стал мост, и распростер свои крылья...» (Спецвыпуск телепрограммы «Час новостей». Прямой репортаж с открытия метромоста им. 60-летия Победы. 18.10.2005);

«А я вам вот что скажу: настоящий он хозяин в области, вот! Что пообещает, все сделает! Настоящий мужик!» (Избиратели Омской области о Л.К. Полежаеве. – Е.М.) («Час новостей». 8.09.2003).

1.2. Объекты, на которые направлена деятельность губернатора

1.2.1. Одушевленные объекты

• **Наименования одушевленных объектов, непосредственно связанных с семантикой концепта (формальный тезаурус):** Главы (муниципальных образований Омской области), группа (рабочая), заместители пред-

седателя правительства Омской области, комиссия (межведомственная), министры (Омской области), подрядчик (генеральный, строительства), правительство (региональное), совет (попечительский, при губернаторе), чиновники (министерств Омской области).

«В завершение рабочей поездки состоялось выездное заседание регионального правительства под председательством губернатора» (Радионовости. 10.03.2006).

• **Наименования одушевленных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус):** Ветераны, владыка (= Митрополит Омский и Тарский Феодосий), врачи, граждане (Омской области), депутаты (Законодательного собрания Омской области), мэр (Омска), дети (омского региона), жители (региона), льготники (региональные), пенсионеры, малоимущие (жители региона), молодежь (региона), общественность (Омской области), работники (культуры), работники (социальной сферы), семья (молодая), сотрудники (предприятий Омской области), спортсмены (омского региона), студенты, труженики (села), учащиеся (омских вузов), учителя, школьники.

«Леонид Полежаев вручил Владыке золотую медаль «За особые заслуги перед Омской областью». Митрополит Омский и Тарский Феодосий в знак уважения и благодарности преподнес главе региона святой образ Христа» (Радионовости. 7.01.2007);

«Губернатор Омской области подписал Указ «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан» («Час новостей». 12.03.2005);

«Проблемы, волнующие студенчество, обсудили сегодня лидер в списке от «Единой России» на выборы в Законодательное собрание области и учащиеся омских вузов» (Радионовости. 19.02.2007).

1.2.2. Неодушевленные объекты

• **Наименования неодушевленных материальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус):** Арена-Омск, больница (Областная клиническая), выставка (вооружений), Дворец правосудия, детский дом, дом (жилой), завод, комплекс (спортивный), котельная, коттедж, Левобережье, метромост, микрорайоны, мост, объекты (жизнедеятельности, социальные), площадка (строительная), Собор, сооружение (спортивное), стадион, стройки, сфера (социальная), Храм, центр (сухих питательных смесей), школы.

«Строительство нового спортивного комплекса «Арена-Омск» ведется под руководством губернатора и председателя правительства Омской области Л.К. Полежаева» («Час новостей». 1.02.2007).

«Глава региона Леонид Полежаев тогда принял решение построить на территории Омского фармацевтического завода **Центр сухих питательных смесей**» (Радионовости. 21.06.2006).

• **Наименования неодушевленных нематериальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус):** Ансамбль (губернаторский), будущее, духовность, здоровье (нации), медицина, проект, отрасль (экономики), рост (рождаемости), система (образования, здравоохранения), ситуация (демографическая), спорт, условия (проживания), учреждения (культуры), экономика.

«Повышение доходности всех отраслей омской экономики, по мнению главы региона Леонида Полежаева, ключевой вопрос в приоритетных направлениях работы областного правительства во втором полугодии» (Радионовости. 20.07.2006).

«Но, как отметил губернатор Леонид Полежаев, когда речь идет о здоровье нации, меньше всего стоит задумываться о деньгах» (Радионовости. 21.06.2006).

1.3. Наименования орудий

• **Непосредственно связанных с концептом 'Губернатор' (формальный тезаурус):** Бюджет (области), грант (губернаторский), договор, документ, обращение, план (действий), постановление (правительства, губернатора), программа (развития, областная целевая), решение (губернатора), соглашение (подписанное), указ.

«За десять лет выполнения областной программы газификации, инициатором которой выступил губернатор Омской области Леонид Полежаев, проложено более 3,7 тысяч километров газопроводов» («Час новостей». 21.05.2007).

«Губернатор Омской области подписал Указ «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан» («Час новостей». 12.03.2005).

«15 июля состоится торжественное открытие Успенского кафедрального собора в Омске. Такое решение было принято сегодня Председателем попечительского совета воссоздаваемого собора, губернатором Омской области Леонидом Полежаевым» («Час новостей». 11.05.2007).

1.4. Абстрактные наименования

1.4.1. Абстрактные наименования с семантикой действия, процесса

• **Опосредованно связанные с концептом 'Губернатор' (функциональный тезаурус):** Возведение (микрорайонов), встреча, выполнение (задачи), выступление, деятельность, задел (на будущее), инициатива, контроль, критика, мнение, награждение, обеспечение, одобрение, оценка, планирование, победа, поддержка, подписание, поездка, предвидение, прибытие, приемка (здания), признание, работа, развитие (экономики, региона), разго-

вор, расчет, реконструкция, решение, собрание, совет (дать), создание (условий), созидание, требование, улучшение, усилия, утверждение, участие, ход (строительства).

«Решение о создании нового творческого коллектива... было принято... на встрече с губернатором Омской области» (Радионовости. 10.01.2007).

«Стратегическое предвидение, точный расчет и политическая воля! Губернатор-зодчий, губернатор-строитель сказал: «Будет! Обязательно будет!» – и стал мост...» (Специальный выпуск телепрограммы «Час новостей»). Прямой репортаж с открытия метромоста им. 60-летия Победы. 18.10.2005).

«К концу января эти мероприятия, предельно конкретизированные, будут представлены для утверждения губернатору Омской области Леониду Полежаеву» («Час новостей». 21.12.2005).

1.4.2. Абстрактные наименования с семантикой результата действия

• **Опосредованно связанные с концептом 'Губернатор' (функциональный тезаурус):** Введение (в эксплуатацию), итоги (выборов, деятельности, работы), открытие (метромоста), получение, появление (научного центра), прирост (объемов производства), результат (деятельности), увеличение, улучшение, усиление, урожай.

«...с этим губернатор согласился, как и с тем, что появление такого научного центра укладывается в концепцию развития региона» (Радионовости. 16.02.2006).

«...власти нашего региона во главе с губернатором Леонидом Полежаевым четко выполняют задачи, обозначенные президентом. А хорошее выполнение своих обязанностей непременно приводит к положительным результатам» (Радионовости. 24.11.2005).

1.4.3. Абстрактные наименования с семантикой качества, свойства

• **Опосредованно связанные с концептом 'Губернатор' (функциональный тезаурус):** Вдумчивость, внимание, воля, заботливость, мудрость, настойчивость, опыт, ответственность, решительность, сила, требовательность.

«Благодаря настойчивости губернатора в село пришло такое благо, как природный газ» («Час новостей». 27.04.2006).

«Ведь это огромная ответственность – поставить собственную подпись под решением проблем, которые находятся в центре общественного внимания» (о губернаторе Л.К. Полежаеве. – Е.М.) («Час новостей». 15.09.2004).

2. Атрибутивные характеристики, презентующие концепт 'Губернатор'

2.1. Атрибутивы с семантикой принадлежности, отношения к субъекту

• **Непосредственно связанные с концептом 'Губернатор' (формальный тезаурус):** Губернаторская (программа, ансамбль),

областная (власть), Омский (регион), законодательное (собрание), региональное (правительство).

«Первые репетиции сегодня проводит детский губернаторский ансамбль. Напомню, решение о создании нового творческого коллектива ...было принято в октябре прошлого года на встрече с губернатором Омской области» (Радионовости. 10.01.2007).

2.2. Качественные характеристики субъекта и его деятельности

• **Опосредованно связанные с концептом 'Губернатор' (функциональный тезаурус):** Активная (работа), быстрое (строительство), верное (решение), дальновидная (политика губернатора), жесткая (критика со стороны губернатора, требования), настоящий (мужик, хозяин области), политическая (воля), правильная (инициатива), пристальное (внимание губернатора), проверенный (губернатор), религиозный, своевременные (действия, решения), соvestливый, стратегическое (предвидение), точный (расчет).

«Деткам потом помогает, сироткам, религиозный еще, значит, соvestливый, раз Храмы-то строит...» (о губернаторе Л.К. Полежаеве. – Е.М.) («Час новостей». 8.09.2003).

2.3. Атрибутивные характеристики объектов, абстрактных наименований

• **Опосредованно связанные с концептом 'Губернатор' (функциональный тезаурус):** Вместительное (спортивное сооружение), высококачественные (продукты), главные (стройки), долгосрочная (программа развития), достойный (представитель), доступное (жилье), значительная (роль), имиджевый (центр), качественное (строительство), ключевой (вопрос), комплексная (поддержка), комфортные (условия проживания), конкретные (задачи), крупный (центр), культурный (центр), новые (микрорайоны, Ледовый дворец), нужное (мероприятие), общественно полезные (программы), огромное (значение), основные (объекты жизнедеятельности), первостепенная (задача), перспективный (план), приоритетное (направление), пристальное (внимание), светлое (будущее), серьезное (явление), современные (трибуны, спортивное сооружение), стабильный (рост).

«Губернатором...было принято решение... начать строительство собственного Центра сухих питательных смесей. Высококачественные продукты будут производиться только из экологически чистого сырья» (Радионовости. 21.06.2006).

«Было принято решение создать рабочую комиссию, которая в течение недели представит губернатору перспективный план теплоснабжения по Кировскому округу» (Радионовости. 28.06.2006).

«Но первостепенная задача, по словам главы региона, в том, чтобы «Спартак» стал брендом...» (Радионовости. 12.07.2006).

3. Предикативные характеристики, репрезентирующие концепт 'Губернатор'

3.1. Предикаты с семантикой «инициативное действие субъекта или его участие в действии, процессе»

• **Формальный тезаурус:** Взять (под контроль), выделять (средства), выполнять (задачи), инспектировать, направить (обращение), нести (ответственность), подвести (итоги), подписать (указ, постановление, документ, соглашение), поручить, принимать (решение), принять (решение), проконтролировать (ход работы), пролонгировать (документ), утвердить (график работ).

«Губернатор Омской области принял решение продолжить программу «Городской двор» («Час новостей». 2.05.2004).

«Леонид Полежаев свою персональную ответственность за Омскую область несет с 1991 года» («Час новостей». 2.04.2003).

• **Функциональный тезаурус:** Акцентировать (внимание), возводить, возрождать (духовность), выделять (по решению губернатора), высказываться, высказаться, говорить, давать (оценку), инициировать, настаивать, одобрить, определять (план развития), оценивать, побывать, подвергать (критике), поддерживать, помогать, посещать, поставить (задачу), предлагать (стратегию), принять (участие), следить, совершить (плановую поездку), советовать, сохранить (массово-физкультурное движение), строить, удалось (договориться), уделять (внимание).

«Губернатору Леониду Полежаеву удалось договориться о стабильных поставках автотранспорта...» («Час новостей». 10.09.2002).

«Губернатор Леонид Полежаев высказался, чтобы самолет АН-3Т остался на Южном Полюсе как памятник беспримерному подвигу российских авиаторов и полярников» («Час новостей». 14.01.2003).

«Кадеты должны быть всесторонне развитыми личностями – на этом постоянно настаивает глава Попечительского совета корпуса губернатор Леонид Полежаев» («Час новостей». 25.05.2007).

Думается, что исходя из представленного нами формально-функционального тезауруса, репрезентирующего концепт 'Губернатор', во-первых, можно сделать некоторые выводы относительно специфики лексико-семантической реализации названной когнитивной доминанты в региональном массово-информационном дискурсе, а во-вторых, реконструировать фрагмент соответствующей картины мира, который этот дискурс создает.

Итак, в омском массово-информационном дискурсе последовательно репрезентируется представление о том, что власть в области (регионе) персонифицирована, сосредоточена в одном лице.

Поэтому естественно, что практически независимо от тематики новостей в том или ином контексте упоминается имя губернатора Омской области.

Формальный тезаурус семантической группы **субъект** представлен синонимическими номинациями, обозначающими должность субъекта власти с разной степенью официальности (*Губернатор – Председатель правительства Омской области – глава областного правительства – глава региона*).

Кроме того, специальные номинации существуют для обозначения многочисленных дополнительных функций, которые взял на себя губернатор. Так, в связи с некоторыми темами он именуется *Председателем Попечительского совета (Кадетского корпуса, Омского академического театра драмы, хоккейного клуба «Авангард» и т.д.)*.

Поскольку губернатор Омской области представлен в массово-информационном дискурсе и как человек, уделяющий большое внимание вопросам религии и веры и тесно сотрудничающий с церковной властью региона, то логична его номинация как *главы светской власти*:

«К началу службы (и это стало уже традицией) в храм прибыл губернатор Леонид Полежаев. На церковном пороге главу светской власти встретил глава власти церковной. На пути возрождения духовности они уже много лет идут рука об руку» (Радионовости. 7.01.2007).

Достаточно частотными являются и контексты, где глава региона назван только полным именем (*Леонид Константинович Полежаев*) или именем без отчества (*Леонид Полежаев*).

Заметим, что наименование чиновников по отчеству в массово-информационном дискурсе встречается нечасто. В омских СМИ, как правило, полным именем называют только губернатора или президента России, что имплицитно подчеркивает особую значимость этих политических фигур.

Любопытно, что нами не зафиксировано контекстов, где губернатор именуется исключительно по фамилии (ср., напр., частотность использования фамилии премьер-министра Путина или президента Медведева без названия имени в федеральном массово-информационном дискурсе). Думается, что обязательное использование имени главы региона является одним из способов показать близость губернатора к жителям области – адресатам новостей, его практически родственную связь с ними.

В состав функционального тезауруса, характеризующего номинацию субъекта, входят коннотативно окрашенные лексемы, в структуре значения которых выделяются семы с положительной прагматической оценкой.

Подчеркнем, что оцениваются как профессиональные, так и личностные качества губер-

натора, причем эти два вида оценки могут быть совмещены в одной лексеме.

Вообще специфика массово-информационного дискурса такова, что журналист в своем тексте не может «злоупотреблять» эмоционально-оценочной лексикой. Однако используемые в репортажах «синхроны» (мини-интервью на определенную тему) достаточно часто такую лексику содержат:

«А я вам вот что скажу: настоящий он хозяин в области...Вот. Что пообещает – все сделает! Настоящий мужик!» («Час новостей». 8.09.2003).

В процитированном контексте, прозвучавшем в выпуске новостей, подводившем итоги губернаторских выборов, на которых в очередной раз победил Л.К. Полежаев, лексемы *хозяин, мужик* выражают коннотативно окрашенные смыслы 'деятельный, рачительный, знающий, мудрый', а также 'работающий, честный, добросовестный'. Семантика названных номинаций поддерживается при этом контекстом в целом (*«Что пообещает – все сделает!»*).

Тем не менее нами зафиксированы контексты, где в рамках массово-информационного дискурса журналист «нарушает» жанровую новостную специфику и включает в свое высказывание прагматически чрезвычайно «нагруженную» эксплицитную оценку деятельности губернатора:

«Два года назад – вспомните – здесь не было ничего! Катил свои воды седой Иртыш да чайки летали. Город задыхался от транспортных потоков, а бездельники ворчали: «Так все и будет!» Стратегическое предвидение, точный расчет и политическая воля! Губернатор-зодчий, губернатор-строитель сказал: «Будет! Обязательно будет!» – и стал мост, и распростер свои крылья, утвердился опорами, зажегся ночными огнями, и корабли отдают ему салют!..» (Спецвыпуск телепрограммы «Час новостей»). Прямой репортаж с открытия метромоста им. 60-летия Победы. 18.10.2005).

Сложные существительные с приложениями-определениями к прямой номинации *губернатор (зодчий, строитель)* характеризуют не столько первоначальную профессию Л.К. Полежаева, сколько созидательность и масштаб его деятельности, причем характеризуют в превосходных степенях.

Образ Губернатора, создателя этого «чуда» – метромоста (о других создателях в этом репортаже не упоминается), наделен, как нам кажется, чертами эпического героя, богатыря, которому подвластно любое, самое сложное, дело: он *зодчий, строитель*, обладающий *стратегическим предвидением, точным расчетом и политической волей*.

Персонифицированность власти в регионе, ее безусловно положительная оценка, актуализированная в предыдущем контексте, репрезентирована и в других косвенных номинациях субъекта, входящих в данный функциональный

тезаурус. Так, именно губернатор является безусловным *региональным лидером, гарантом* выполнения в срок любых программ и проектов.

Более того, глава Омской области постоянно позиционируется как *лидер* и среди руководителей других областей Сибири, более *дальновидный и мудрый*:

«Омскому губернатору присуще быть победителем, ревностно следить за тем, как развиваются соседние регионы и всегда идти на шаг впереди» («Час новостей». 24.05.2007).

Победитель в данном контексте может трактоваться как широко (тот, кто побеждает всегда, всех и во всем), так и применительно к конкретной ситуации, когда оценивается развитие соседних регионов и Омской области.

Заметим, что конструируемая в массово-информационном дискурсе региона оптимистическая картина мира репрезентирует губернатора как безусловного *победителя* («*всегда... на шаг впереди*»), которому неведомы сомнения, поражения и неудачи. Кроме того, имплицитный смысл таких высказываний заключается, на наш взгляд, в том, что безусловным *победителем* является и весь возглавляемый Л.К. Полежаевым регион, т.е. все жители Омской области.

Таким образом, проанализировав семантическую группу наименований субъекта власти, можно сделать вывод о том, что в структуре концепта 'Губернатор', репрезентированного в изучаемом типе дискурса, актуализированы как семантические ядерные признаки 'единоличный лидер области', 'персонифицированная власть региона', так и элементы ассоциативного поля концепта 'рачительный хозяин', 'мудрый руководитель', 'безусловный победитель'.

Подчеркнем, что в косвенных номинациях губернатора особенно отчетливо эксплицируется уже выделенная нами черта регионального массово-информационного дискурса – *персонификация власти* в лице одного губернатора и – кроме того – *отождествление достижений всей области с достижениями конкретного человека*.

Чрезвычайно обширной и многоплановой оказалась семантическая группа *наименований объектов*, на которые направлена деятельность губернатора.

Примечательно, что нами выделены как подгруппа номинаций «одушевленных объектов» – людей, которыми впрямую или косвенно, опосредованно руководит губернатор, так и подгруппы номинаций «неодушевленных объектов», среди которых различаются материальные и нематериальные (идеальные) объекты.

Массово-информационный региональный дискурс репрезентирует следующий фрагмент соответствующей картины мира: в Омской области практически не существует людей, объектов жизнедеятельности и жизнеобеспечения,

а также сфер жизни человека, на которые не была бы направлена деятельность губернатора.

Думается, что названные номинации, по сути, репрезентируют в массово-информационном дискурсе именно *основные направления* всех областей жизни региона, попадающих в поле зрения его главы.

В этом смысле адресатов должен поразить широкий спектр выполняемых Л.К. Полежаевым обязанностей, обширный круг интересующих его вопросов.

Губернатор предстает как истинный и единственный *хозяин* региона, поскольку нет таких социально значимых объектов и тем, которыми бы он не занимался, и нет таких проблем, решение которых он бы не отслеживал *лично*.

В формальный тезаурус данной семантической группы, включающий наименования людей, которыми губернатор руководит, входят официальные номинации должностей чиновников регионального уровня (*главы муниципальных образований Омской области, министры Омской области*), определенных подконтрольных ему органов (*рабочая группа, межведомственная комиссия, попечительский совет*), а также работников, получивших право на выполнение регионально значимых проектов и отвечающих перед губернатором (*генеральный подрядчик строительства*).

Более показательной, на наш взгляд, является семантическая подгруппа, в которой представлены номинации людей, непосредственно губернатору не подчиняющихся, но о которых в массово-информационном региональном дискурсе говорится как о тех, на кого глава омского правительства направляет свою деятельность (*врачи, спортсмены, учителя, пенсионеры, труженики села*), сотрудничает с ними (*Митрополит Омский и Тарский Феодосий, главы соседних регионов и государств, общественность Омской области*) и ими фактически руководит (*депутаты Законодательного собрания Омской области*).

Примечательна низкая частотность упоминания в региональных новостных СМИ городских властей и мэра города Омска и, напротив, актуализация *личного* участия губернатора в решении проблем, связанных с мегаполисом:

«И только силами областных властей и лично губернатора Леонида Полежаева транспортного кризиса все-таки удалось избежать. По инициативе главы региона для городского автопарка было приобретено 450 новых автобусов большой вместимости, 37 троллейбусов и 2 трамвая» (РадионОВОСТИ. 3.03.2006).

Как уже подчеркивалось ранее, в массово-информационном региональном дискурсе высокая степень частотности характеризует использование номинаций разного рода неодушевленных объектов, на которые направлена

деятельность губернатора. Естественно, это социально значимые объекты строительства, экономики, культуры, спорта (*Арена-Омск, Успенский кафедральный собор, Метромост им.60-летия Победы, театр куклы, актера и маски «Арлекин»*), а также нематериальные объекты, связанные с ключевыми морально-нравственными духовными категориями (*рождаемость, спорт, духовность, медицина*).

Названные номинации отнесены нами к функциональному тезаурусу данного концепта, поскольку они не репрезентируют специфику понятия *губернатор* в узусе, хотя опосредованно могут быть связаны с деятельностью главы региона.

Подчеркнем, что в анализируемых семантических группах, по сути, эксплицирован «тематический репертуар имиджевых сюжетов о губернаторе...», которые, согласно традиционным представлениям, требуют особого внимания главы региона: промышленность и внешнеэкономическая деятельность, сельское хозяйство, экология, социальная защита населения, медицина, образование, молодежная политика, национальная политика и религия, культура, спорт» [Фролова 2007: 77].

Специфика омского массово-информационного дискурса относительно реализации изучаемого концепта состоит и в том, что *губернатор* характеризуется в нем не только как человек, в целом отвечающий за все, что происходит в Омской области, но и как абсолютно компетентный руководитель, способный вникнуть в практически любую мелочь:

«Инспектируя готовность спортивного комплекса к сдаче, губернатор Леонид Полежаев вникал во все детали строительства, он осмотрел душевые и прачечные...» (Радионовости. 20.08.2007).

Таким образом, на наш взгляд, происходит актуализация следующих семантических признаков в ядерной зоне концепта 'Губернатор': 'хозяин региона', 'компетентный руководитель'.

Следующая семантическая группа – **наименование орудий** – непосредственно связана с предыдущей, так как входящие в нее лексемы своим прямым значением (формальный тезаурус) номинируют те средства, с помощью которых губернатор выполняет обязанности по управлению регионом.

Омский массово-информационный дискурс ежедневно и подробно рассказывает обо всех принятых губернатором общих и частных решениях, программах, постановлениях и т.п., выделяя в этом ряду несколько основополагающих, базовых, важных. Освещение этих «губернаторских проектов и программ» является долгосрочным, поэтапным, обязательным, разноплановым. Им присваиваются специальные названия-маркеры, которые многократно повторяются в СМИ.

Результатом этой информационной политики является то, что каждый житель региона мо-

жет без труда назвать приоритетные направления работы губернатора: «*губернаторская программа по строительству доступного жилья в городе и области*», «*строительство метромоста*», «*строительство Омского метрополитена*», «*строительство Успенского собора*», «*газификация районов Омской области*» и т.д.

Для региональных прогубернаторских СМИ характерно, вслед за областными чиновниками, акцентировать внимание адресатов на том, что многие программы, реализуемые в нашей области, опережают общегосударственные инициативы. В свою очередь, другие регионы России и страна в целом часто опираются на «*омский опыт*». Итак, в структуре концепта 'Губернатор' посредством лексем, входящих в вышеназванную семантическую группу, актуализируются семантические признаки 'передовой', 'мудрый'.

Среди семантических групп, включающих **номинативы с абстрактными значениями**, нами выделены подгруппы, эксплицирующие семантику протекания действия или процесса, результата действия, а также семантику качества или свойства, характеризующего субъект.

Поскольку деятельность губернатора описывается в массово-информационном дискурсе подробно, детально и многопланово, то естественно наличие в нем большого количества номинаций опредмеченного действия (*встреча, контроль, предвидение, улучшение, усилия*). В отличие от производящих глаголов, такие существительные не имеют грамматического признака времени, что накладывает существенный отпечаток на специфику их значения: действие и процесс, выраженные с помощью существительных, мыслятся как константные, неизменные. С другой стороны, в них актуализирована семантика «действия как такового», сходная со значением инфинитивов. Заметим, что использование такого рода существительных – общая черта новостного дискурса вообще.

Часть существительных, входящих в данные подгруппы, совмещает функцию номинации действий субъекта и его характеристики: *предвидение, расчет, усилия, победа* и т.п.

Близкой по характеризующей функции субъекта оказывается семантическая подгруппа существительных со значением «качества, свойства», причем в составе этой подгруппы номинации только с позитивной, положительной оценочностью: *требовательность, мудрость, ответственность*.

Любопытно, что именно эти существительные позволяют эксплицировать и многократно подчеркивать в текстах электронных СМИ доминантные семантические признаки концепта 'Губернатор', с одной стороны, включенные в интерпретационное поле концепта, но с другой – и в этом специфика реализации данного концепта в омском массово-информационном дискурсе – уже входящие в ядерную область концепта.

Атрибутивные характеристики, репрезентирующие исследуемый концепт, делятся на три семантические подгруппы. Первая из них многочисленна, лексемы, входящие в нее, обозначают принадлежность, отношение к субъекту концепта и, естественно, непосредственно связаны с его семантикой (*губернаторская программа, региональное правительство*). Вторая – коррелирует с соответствующими подгруппами номинативов и эксплицирует качественные характеристики субъекта и его деятельности (ср.: *вдумчивость – верное решение, дальновидная политика; решительность, сила – настоящий мужик, политическая воля и т.п.*). Третья – характеризует не самого губернатора, но объекты и абстрактные номинации, связанные с его деятельностью и опосредованно соотносимые с анализируемым концептом: *значительная роль, доступное жилье, основные объекты жизнедеятельности, конкретные задачи*.

Заметим, что последняя подгруппа весьма разнородна и разнообразна по лексическому составу, однако объединяет эти характеристики однозначно положительная прагматическая оценка, имплицитно связанная с субъектом:

«Повышение доходности всех отраслей омской экономики, по мнению главы региона Леонида Полежаева, ключевой вопрос в приоритетных направлениях работы областного правительства во втором полугодии» (Радионовости. 20.07.2006).

Подчеркнем, что характеристика объектов, на которые направлена деятельность губернатора, может вербализоваться как адресантом высказывания, журналистом, так и самим субъектом:

«Я думаю, что это очень нужное мероприятие, потому что проведение Международной выставки вооружений в Омске – явление очень серьезное, имеющее огромное значение» («Час новостей». 15.04.2003).

Предикаты, входящие в формальный и функциональный тезаурус, характеризуются тем, что представляют собой, как правило, клишированные идиоматические глагольные сочетания, характеризующие либо инициативные действия субъекта власти – губернатора (*взять под контроль, принять решение, утвердить график работы и т.п.*), либо его непосредственное участие в каком-либо действии или процессе (*возрождать духовность, предлагать стратегию, совершить плановую поездку*).

Именно в предикатах репрезентируется коммуникативный ход «принимаю решение на месте», который, в свою очередь, реализует коммуникативную тактику «актуализация профессиональных качеств», являющуюся одной из базовых при создании положительного имиджа губернатора Л.К. Полежаева [Фролова

2007: 84-89].

Итак, предикаты обозначают наиболее частотные действия главы региона, отражаемые в омском массово-информационном дискурсе, и эксплицируют «фрейм «власть» во всем объеме ее функций» [там же: 89].

Кроме того, предикаты отражают такие ядерные семантические признаки концепта 'Губернатор', как 'жесткий, требовательный руководитель' (*подвергать критике, настаивать, давать оценку*), 'инициатор всех начинаний в регионе' (*принять решение, инициировать, определять план развития*), 'компетентный профессионал' (*акцентировать внимание, оценивать*), 'средоточие власти в регионе', 'хозяйин области' (*нести ответственность, подписать указ, выделять по решению губернатора*), 'мудрый человек' (*советовать, помогать, предлагать стратегию*).

Таким образом, в результате анализа составленного нами формально-функционального тезауруса, репрезентирующего концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе, можно сделать следующие выводы относительно содержательной специфики названного концепта.

Во фрагменте региональной политической (и идеологической) картин мира объективировано представление о губернаторе как о единичном хозяине всего региона, средоточии власти в городе и области, как о человеке, объектом деятельности которого становятся все социально важные сферы жизни населения Омской области. Губернатор в представлении омских СМИ – это знающий профессионал, разносторонне развитый и образованный человек, разбирающийся и в строительстве, и в экономике, и в сельском хозяйстве, и в культуре, и в искусстве, и в спорте. Кроме того, это инициатор практически всех социально значимых областных программ и проектов, лицо, определяющее стратегию развития региона.

Губернатор – это еще и успешный политик, значительная фигура не только в масштабах области, но и всей России, поскольку он успешен на фоне других региональных лидеров и, поддерживая политику федерального правительства, часто своими решениями опережает общероссийские тенденции.

Впрочем, для успешного позиционирования политика регионального уровня посредством дискурса СМИ, в том числе массово-информационного, чрезвычайно важно эксплицировать личностные качества лидера, его близость к аудитории и к ее каждодневным проблемам. Более того, согласно выводам ВЦИОМ, россиянами в целом на первое место среди качеств главы региона вынесены морально-психологические характеристики: честность, порядочность и ум [см. подр.: www.wciom.ru].

Именно поэтому, на наш взгляд, в текстах омских СМИ губернатор представлен как муд-

рый и опытный, совестливый и ответственный человек, обладающий высокими нравственными качествами.

Очень важным является и то обстоятельство, что ресурсы массово-информационного регионального дискурса направлены на убеждение аудитории в том, что «ее губернатор реально улучшает жизнь населения именно Омской области» [Фролова 2007: 40].

Массово-информационный региональный дискурс, как уже подчеркивалось нами ранее, помимо основной – информативной – функции, выполняет функцию воздействия на сознание аудитории, коррекции ее представлений о власти, а часто и манипулятивную и PR-функцию.

Важное место в ряду средств, направленных на достижение вышеперечисленных функций, на обеспечение «запланированного воздействия на адресата» [Кобозева 2003: 93], занимают языковые средства, в том числе лексико-семантическая специфика репрезентации ключевых концептов политической картины мира в дискурсе.

Н.И. Клушина подчеркивает, что среди способов создания оценки можно выделить имплицитную, т.е. заложенную в сему слова, и эксплицитную, присущую не конкретному слову, а его употреблению [Клушина 2000]. На наш взгляд, в омском массово-информационном дискурсе при языковой реализации концепта 'Губернатор' используются именно *эксплицитные* способы, в том числе *подбор фактов*, характеризующих губернатора и его деятельность, и *акцентирование* роли губернатора в жизни региона. Средством воплощения эксплицитных оценок, механизмом оценочности, является, прежде всего, использование определенных семантических групп лексики, прямо или косвенно отражающих доминирующий концепт дискурса, а также – и это одно из важнейших условий – *контекст*, в котором эти лексемы функционируют.

Таким образом, в результате частотного употребления в специфическом контексте лексем, входящих в разные семантические подгруппы формально-функционального тезауруса, объективирующего ключевой концепт, адресанты-журналисты регионального массово-информационного дискурса актуализируют и закрепляют в массовом сознании аудитории следующие когнитивные слои концепта 'Губернатор':

Ядро концепта: 1) 'хозяин области', 'средоточие власти в регионе'; 2) 'инициатор всех начинаний в регионе', 'профессионал'.

Приядерная область и интерпретационное поле концепта: 1) 'деятельный', 'компетентный', 'передовой'; 2) 'жесткий', 'требовательный'; 3) 'добросовестный', 'честный', 'работающий'; 4) 'знающий', 'рачительный', 'мудрый'; 5) 'совестливый', 'религиозный'.

Заметим, что и ядро концепта, и особенно его интерпретационное поле, в омском массово-информационном дискурсе обладают достаточно ярко выраженной спецификой и характеризуются повышенной положительной оценочностью. Очевидно, что выбор лексико-семантических средств реализации названного концепта в дискурсе «работает» на создание однозначно толкуемого образа Губернатора в восприятии адресатов.

Напомним, что концепт 'Губернатор' был отнесен нами к числу новых реактуализованных идеологем, семантическая структура которых претерпела значительные изменения. Думается, характер этих изменений дает основания сделать вывод о том, что такое представление о «первом лице» региональной власти коррелирует с соответствующим фрагментом идеологической картины мира тоталитарного периода.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М. Кузьмина, «Сети», ч. III) // Проблемы структурной лингвистики-1984. – М.: Наука, 1988. С. 125-136.

Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2000. С. 94-106.

Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М.: МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 24.05.08).

Кузьмина Н.А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации: Материалы Всеросс. конф. – М., 2007. С. 192-198.

Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2005. С. 90-104.

Малышева Е.Г. Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа): Дис. ...канд. филол. наук. – Омск, 1997.

Малышева Е.Г. Концепт СПОРТ как универсальная идеологема (на материале текстов электронных СМИ) // Язык. Человек. Ментальность. Культура: Материалы Всеросс. научн. конф. Ч. 1. – Омск: «Вариант-Омск», 2008. С. 153-159.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АЗЪ», 1995. 928 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

Фролова Е.В. Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных СМИ: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2007.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. 254 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

© Малышева Е.Г., 2009

Матыгина Е.Б.

Челябинск, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В АМЕРИКАНСКОМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

УДК 811.161.1(09)

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются типичные для американского внешнеполитического дискурса метафорические системы, выделенные ученым-когнитологом Дж. Лакоффом. Кроме того, указывается суть каждой метафоры, входящей в состав той или иной метафорической системы.

Ключевые слова: Джордж Лакофф, американский внешнеполитический дискурс, метафорическая система, когнитивная лингвистика, концептуальные метафоры, консервативный и прогрессивный (либеральный) подходы к политике.

Сведения об авторе: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 454048, г. Челябинск, ул. Образцова, д. 15, кв. 34.

E-mail: katerinamatygina@mail.ru.

Matygina E.B.

Chelyabinsk, Russia

**METAPHORICAL SYSTEMS
IN AMERICAN FOREIGN POLICY DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The article reviews the typical metaphorical systems of American foreign policy discourse distinguished by the cognitive scientist George Lakoff. In addition, the core of each metaphor which this or that metaphorical system comprises is given.

Key words: George Lakoff, American foreign policy discourse, metaphorical system, cognitive linguistics, conceptual metaphors, conservative and progressive (liberal) approaches to politics.

About the author: Matygina Ekaterina Borisovna, post-graduate student Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

По утверждению Джорджа Лакоффа, известного ученого-когнитолога, стратегический фрейминг имеет большое значение в международной политике как таковой и во внешней политике Соединенных Штатов, в частности. В своем исследовании «Метафорическое мышление» во внешней политике. Почему стратегический фрейминг имеет значение» Дж. Лакофф выделяет и характеризует наиболее типичные для американского внешнеполитического дискурса метафорические системы. Понимание данных метафорических систем, на наш взгляд, оказывается важным для анализа как институциональных, так и медийных текстов внешнеполитической проблематики.

Представляется целесообразным уделить внимание терминологическому аппарату, используемому в рамках данной статьи.

Под метафорической системой понимается совокупность метафорических употреблений. Метафорическая система, или «система метафорических моделей» – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией».

Поэтому упомянутые в работе метафорические системы служат ключом к пониманию закономерностей национального менталитета американцев, как обывателей, так и экспертов в сфере внешней политики, и к пониманию проводимой американским правительством международной политики.

Выделяя метафорические системы, на которых базируется внешнеполитический дискурс США, Дж. Лакофф опирается на постулаты когнитивной лингвистики и подчеркивает значимость данной науки для понимания процессов

построения американского внешнеполитического дискурса. «Когнитивная лингвистика – это систематический, научный подход к изучению процессов понимания. То, как мы ведем себя в ситуации, зависит от того, как мы понимаем ее. Механизмы нашего понимания в большинстве своем бессознательны; мы напрямую не осознаем, как происходит понимание нами вещей. Во-первых, мы обладаем системами концептуальных структур (называемых «фреймами» или «скриптами»), которые мы используем для понимания ситуаций в мире. Во-вторых, наше понимание, в большей степени, не является прямым или «буквальным», а скорее использует систему концептуальных метафор – пути понимания одних концептов на языке других концептов». Концептуальная метафора состоит из проекции между элементами сферы-источника и элементами сферы-магнита, в результате этого элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-магнит. Когда некий вывод делается из сферы-источника и накладывается на сферу-магнит, мы называем это «следствием» метафоры. Концептуальные метафоры становятся важны в ситуациях, когда у них есть следствия для действий.

Дж. Лакофф говорит о том, что язык напрямую связан с неосознаваемыми концептуальными системами и метафорами. «То, как мы говорим, имеет значение; можно многое узнать о том, как люди «категоризируют» ситуации, из того, как они говорят. Эффективный язык для выражения идей – чрезвычайно влиятелен. Простое восприятие языка вновь и вновь внедряет в мозг образ понимания. А если вы можете влиять на то, как другие понимают ситуации, вы можете также влиять на то, что они делают в таких си-

туациях». Именно поэтому извлечение существующих метафорических систем, концептуальных метафор из области бессознательного, четкое их структурирование и грамотное использование в «оформлении» тех или иных политических вопросов позволяет «завоевать» умы электората и получить поддержку общественности в продвижении того или иного внешнеполитического курса.

Итак, перейдем к рассмотрению глубинных концептуальных метафор, которые уже долгое время формируют внешнеполитический дискурс Соединенных Штатов:

I. Метафора «Нация – это Семья»: Метафора «Нация – это Семья» предполагает, что Государство – это Родитель, Уверенные в своих силах Граждане – Взрослые Дети, Неуверенные в себе Граждане – Зависимые Дети. Джордж Лакофф говорит о том, что и консерваторы, и либералы используют общую метафору «Нация – это семья», но с противоположными версиями того, что являет собой идеальная семья. Для консерваторов, «Нация – это семья Строгого отца», в то время как для либералов, «Нация – это семья Воспитывающего родителя».

1) Метафора «семья Строгого Отца» (*продвигается консерваторами; это точка зрения военных, многих специалистов в области внешней политики и администрации Буша*).

Суть метафоры такова. Отец – лидер в семье. Он несет ответственность за поддержку и защиту семьи. Он авторитет в вопросах морали, его работа в том, чтобы научить детей отличать хорошее от плохого, наказывая их (физически), когда они поступают неправильно. Только посредством физического наказания дети усвоят нравственные ценности и станут внутренне дисциплинированными. Поскольку мир опасен и труден, дети должны научиться надеяться на себя за счет самодисциплины и преследования личной выгоды.

Данную модель сопровождают важные метафоры нравственности, определяющие идею *Строгой Нравственности*:

- *Нравственная Сила*; (Нравственно держаться прямо. Нравственная слабость – сама по себе проявление безнравственности. Характер – это врожденная нравственная сила, если у вас есть характер, то вы будете совершать нравственные поступки. Нравственная сила формируется самодисциплиной и самоотречением. Соревнование необходимо для формирования характера, поскольку оно требует самодисциплины. Получение незаслуженного является безнравственным.)

- *Нравственный Авторитет*; (Нравственность – это подчинение нравственному авторитету и уважение его. Обладающие авторитетом должны быть нравственны, иначе они не смогут вызвать уважение и подчинение, что приведет к распространению безнравственности.)

- *Нравственный Собственный Интерес*; (Версия экономической метафоры Адама Смита:

если каждый стремится к своей собственной прибыли, то прибыль всех будет максимизирована. Согласно данной метафоре отказ от преследования личного интереса расстраивает систему и не увеличивает всеобщее благосостояние.)

- *Нравственный Порядок*; (В нравственном мире нравственен тот, кто обладает властью. Существует естественная иерархия нравственности, основанная на формах власти. Большинство консерваторов близка следующая иерархическая система:

Бог – над человеком.

Человек – над природой.

Взрослые – над детьми.

Америка – над другими странами.

Западная культура – над незападными культурами.

Граждане – над иммигрантами.)

- *Нравственное Здоровье* (Безнравственность – это заразное заболевание. Детей нельзя подвергать безнравственности.)

Величайшей ценностью в данной нравственной системе является поддержание нравственной системы как таковой.

Теоретики и стратеги-консерваторы в полной мере осознают роль модели семьи Строгого Отца и идеи Строгой Нравственности в консервативном подходе к политике. Посредством работы специальных научно-исследовательских институтов они помогли вывести данные концептуальные модели из области бессознательного в область осознаваемого и облекчить их в форму эффективных языковых выражений. Тем самым, по мнению Дж. Лакоффа, консерваторы обеспечили себе длительную поддержку избирателей.

2) Метафора «семья Воспитывающего Родителя» (*продвигается сторонниками прогрессивной партии*).

Смысл данной метафоры в следующем: оба родителя в одинаковой степени несут ответственность за сохранение и материальное обеспечение семьи. Работа родителей – воспитывать своих детей и обучать их быть воспитателями. Воспитание предполагает центральные ценности – эмпатию и ответственность, построение социальных связей и общины. Счастье и чувство удовлетворения жизнью – важный аспект как для родителя, так и для ребенка. Акцент – на сотрудничестве, а не на соревновании.

Модель семьи «Воспитывающего родителя» сопровождается идеей *Воспитывающей Нравственности*. Здесь центральными ценностями являются: эмпатия, забота, ответственность (как личная, так и социальная), открытое общение и честность, справедливость и защита беспомощных. Величайшая нравственная ценность – быть в ответе за тех, кто нуждается в заботе.

Но многие либералы настолько далеки от понимания своей ценностной системы, закрепленной в области бессознательного, что они признали правоту идей Строгой нравственности и модели консервативной семьи и зачастую оперируют ими. С этим Дж. Лакофф связывает про-

должительные неудачи прогрессивной партии на выборах в США.

II. Обычные метафоры для концептуализации отношений с другими странами, которые используются обычными людьми и средствами массовой информации, так же, как и законодателями:

1) метафора «Мировое сообщество».

В данной метафоре Нации концептуализируются как отдельные Люди, живущие в мировом сообществе. Территория нации-человека – это его Дом. У сообщества есть соседи, и Близлежащие Страны концептуализируются как Соседи. Международные отношения рассматриваются как Социальные взаимоотношения. Страна может быть Другом, Врагом или Негодяем.

2) метафора «Национальный интерес».

Личный интерес человека – быть здоровым и сильным, поэтому в результате метафорической проекции Здоровье Нации понимается как Экономическое Здоровье, а Сила как Военная сила. Отсюда Национальный Интерес – это Богатство и Хорошее Вооружение.

3) метафора «Зрелость – это Индустриализация».

Индустриальные Страны – это Взрослые, Неиндустриальные Страны – «неразвитые» страны, страны в процессе индустриализации, т.е. «развивающиеся» страны – «Отсталые» Дети.

В комбинации с моделью Строгого отца данная метафора предполагает, что индустриальные государства диктуют развивающимся и неиндустриальным странам, как правильно управлять своей экономикой; они прививают финансовую дисциплину, и они финансово наказывают развивающиеся и неиндустриальные страны, если последние не выполняют предписаний. Такие «Дети» не должны диктовать условия «Взрослым».

III. Экспертные метафоры:

1) метафоры Карла фон Клаузевица:

а) Война – это Политика иными средствами;

Каждая нация-государство имеет свои политические цели, война может наилучшим образом служить этим целям. Политические «доходы» должны быть уравновешены приемлемыми политическими «затратами». Когда затраты, связанные с войной, превышают политические доходы, война должна сойти на нет.

б) Политика – это Бизнес;

Политический менеджмент рассматривается как эффективный менеджмент в бизнесе. Как хорошо организованный бизнес хорошо действующее правительство должно следить за подсчетом затрат и доходов.

Данные метафоры представляют войну с точки зрения анализа затрат и выгод: определения выгодных «целей», подсчета затрат и решения того, стоит ли достижение целей произведенных затрат.

2) метафора «Рациональный деятель»:

а) система каузальной коммерции:

- *метафора каузального переноса* (важные действия концептуализируются как перенос объектов; объект переносится из ранга причины в ранг потерпевшей стороны);

- *метафора обмена для ценности* (ценность чего-либо определяется тем, на что вы готовы это что-либо обменять; так, например, мы используем эти две метафоры, когда мы решаем, стоит ли начинать войну для достижения какой-то цели);

- *благополучие – это богатство* (вещи, обеспечивающие ощущение благополучия, благосостояния, метафорически рассматриваются как формы богатства);

Вместе три метафоры представляют каузальные действия как коммерческие сделки, повышение в благосостоянии как доходы, а снижение в благосостоянии как затраты.

Системе Каузальной коммерции сопутствует **метафора «Риск – это азартная игра»** (в азартных играх для получения определенных «доходов» существуют «ставки», которые могут быть «проиграны»).

Данные метафоры используются для обсуждения того, что стоит «на кону» при вступлении в войну.

б) система рационального выбора (в социальных науках, особенно в экономике, типичным является представление о «рациональном» человеке как о субъекте, который действует в своих интересах, т.е. максимизирует свое благосостояние):

- *метафора «Рациональность – это максимальное увеличение прибыли»:*

- метафорическая интерпретация математических данных (набор символов и аксиом, характеризующих чисто математические данные);

- метафоры «*Разветвляющихся путей*» и «*Платы*» (проекция чисто математических символов на человека, передвигающегося из одного пункта в другой по разветвляющемуся пути и решающего, по какому ответвлению следует идти. Когда идущий достигает конца пути, он получает определенную плату, которая ассоциируется с этим пунктом);

- метафоры «*Структуры события*» и «*Благосостояние – это Богатство*» (проецируют пункты местоположения на государства, передвижения – на действия, выбор путей – на выбор действий, а полученную плату – на степень благосостояния; результат – это последовательность выбора, ведущая к степени благосостояния; последовательность действий, ведущая к наибольшей прибыли (или наименьшей потере), называется «рациональной»);

- особая метафора – проекция *Человека* в действии на нечто иное, например, на *Фирму*.

3) неореалистические метафоры Кеннета Уолца: Подобные метафоры вошли в сферу внешней политики во времена холодной войны, в период неореализма. Неореализм в политике делал акцент на выживании посредством военной и экономической мощи и избегании ядерной войны.

а) *метафора «Баланса сил».*

Государства – это физические объекты. Могущество – это физическая сила. Противоборствующие государства – это физические объекты, действующие с силой друг на друга. Стабильная международная система – это стабильная физическая система. Опасность войны – это нестабильность. Потеря суверенитета – это падение. Война – это разрушение стабильности системы.

б) *Биполярность (метафора Магнита – биполярная система с двумя противоположными силами).*

в) *метафора Ложного дарвинизма.*

Эволюция – это выживание сильнейшего. Государства – это животные. Жизнеспособная позиция в международной системе – это жизнеспособная экологическая ниша. Сохранение суверенности – это жизнь. Потеря суверенности – смерть. Следствия метафоры таковы:

- государствам присущ инстинкт выживания;
- государства должны конкурировать для того, чтобы сохранить суверенитет.

Ложный дарвинизм присущ взгляду на мир с точки зрения модели Строгого Отца, которая предполагает, что соревнование не только естественно, но и нравственно. Из этой метафоры возникает логика упреждающей войны. Упреждающая война связана с положением государства в международной системе. Если государство X увеличивает свое могущество, то государство Y может воспринимать X как угрозу своему положению. Y может принять решение о начале войны против X до того, как X станет чрезвычайно могущественным.

г) *метафора Национального интереса.*

Государство – это человек. Национальный интерес – это собственный интерес. Суверенность – это личная независимость. Экономическое здоровье – это физическое здоровье. Военная мощь – это физическая сила.

Предполагается, что государства должны соревноваться в максимизации собственной выгоды: экономического здоровья и военной мощи. Сохранение суверенитета – национальный интерес государства.

д) *метафора «Государства – это Фирмы»;*

Государства – это фирмы. Большие государства – это доминирующие фирмы. Международная система – это экономический рынок. Положение в международной системе – это доля рынка. Суверенность – это экономическая независимость. Власть – это ожидаемая прибыль. Войны – это ценовые войны.

Данная метафора имеет следствия:

- чем значительнее положение, занимаемое государством в международной системе, тем больше его возможность сохранять и увеличивать свое могущество;

- войны – это тактический ход для усиления положения, занимаемого государством в международной системе;

- крупные государства в международной системе знают как о самих играх, так и о правилах, по которым будут проходить данные игры;

- крупные государства, все масштабнее конкурирующие, становятся похожими друг на друга по мере конкуренции.

4) *метафора «Путь к демократии»;*

Идея, стоящая за этой метафорой, состоит в следующих предположениях: демократия – наиболее нравственная форма правления; демократии не воюют друг с другом; чем больше демократий – тем меньше войн.

В связи с этим возникают следующие вопросы: что представляют из себя демократии, и как страны становятся демократиями? Существуют определенные качества западных демократий: свободные выборы, свободная пресса, гражданские свободы, независимая судебная система, гражданский контроль вооруженных сил, свободные рынки и процветающие институты гражданского общества. Если страна находится на *демократическом пути*, то она продолжит свой путь и в итоге станет развитой демократией. Странам, в которых у власти в данный момент стоят диктаторы, но которые рассматриваются как «стоящие на пути демократии», должна быть оказана поддержка.

IV. Метафора «Сказка о справедливой войне». Справедливая война понимается метафорически в терминах сказки. Данная сказка представляет собой классический нарратив с двумя основными версиями для оправдания войны: сказка о спасении и сказка о самозащите. Действующие лица: злодей (и преступление), жертва и герой. В сказке присутствует некая асимметрия: герой храбр и благороден, в то время как злодей аморален и порочен. Герой разумен, а злодей, хотя и является существом хитрым и расчетливым, не поддается разумному убеждению. Поэтому герои не могут вести переговоры со злодеями; они должны свергнуть их.

Следствия данной метафоры таковы:

- враг – это демон;

- война окончена, но из виду упускается тот факт, что мирное население продолжает погибать.

V. Метафора «Международные социальные нормы». Данная метафора является продолжением метафоры «Международного сообщества». Поскольку люди следуют нормам поведения в обществе, то и нации-люди должны придерживаться международных норм поведения. Обсуждаемая метафора нашла свое отражение в договорах и международных конвенциях, а также в области вмешательств в сообщества. Так, существуют уровни жестокости, неприемлемые в стабильном, нравственно организованном мировом сообществе. Подобно тому, как ответственная общность людей должна вмешаться, когда отдельная личность проявляет недопустимую жестокость, так и ответственное мировое сообщество должно вмешаться, когда отдельное государство становится недопустимо жестоким. Национальный интерес государства – жить в мировом сообществе, где существуют социальные нормы приемлемого поведения.

Метафора «Международные социальные нормы» характерна для прогрессивного мировоззрения и прогрессивного внешнеполитического дискурса.

VI. Неолиберализм – это экономический неореализм: Неолиберализм рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных прежде всего на основе экономического роста. В основе данной политической концепции лежит рыночная интерпретация всех типов общественных связей: каждый человек рассматривается как свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие, а каждое социальное взаимодействие – как контракт, акт купли-продажи; нации и государства на мировом рынке также выступают в роли предприятий.

1) метафора «Рынок – это Сила природы»:

а) метафора Невидимой руки.

Несмотря на попытки ВТО ввести правила торговли для поддержания глобального рынка, рынок все еще рассматривается как природное явление. Суть данной метафоры в следующем: если каждый стремится к собственной выгоде, тогда всеобщая выгода будет максимизирована.

б) метафора Нравственного собственного интереса.

Эта метафора занимает существенное место в консервативном мировоззрении и подразумевает, что если каждый стремится к своему благосостоянию, то всеобщее благосостояние будет максимизировано. Безнравственно быть «благодетелем человечества» – стремиться к благосостоянию других – поскольку это будет вмешательством во всеобщую максимизацию благосостояния.

Союз этих метафор предполагает, что непрактично и безнравственно привносить неэкономические, этические вопросы в мировую экономическую систему.

2) метафора «Торговля – это Демократия». Согласно этой метафоре свободная торговля – это свобода. Достижение всемирной свободной торговли – это достижение всемирной демократии. Свобода продавать – это свобода баллотироваться. Свобода выбора в том, что приобрести – это свобода выбора в том, за кого голосовать. Отсюда мир со свободными рынками – это сообщество со свободными выборами. Демократизация состоит в создании нравственных государств, невоюющих государств со свободной торговлей.

Метафоры «Рынок – это Сила Природы» и «Торговля – это Демократия» связаны друг с другом. Мировая свободная торговля может рассматриваться как международная социальная норма: нравственная страна не накладывает высокие тарифы на товары другой страны; свободная торговля представляет собой демократию; мир, соблюдающий международные социальные нормы – это демократический мир.

По мнению Джорджа Лакоффа, внешнеполитический дискурс США насыщен метафорическими системами, отражающими консервативный подход в области политики, а сторонникам прогрессивной партии необходимо разработать свою нравственную систему и объединиться под своим «нравственным зонтом», а также проделать серьезную работу по рефреймингу, для того, чтобы новые метафорические системы получили шанс развенчать старые представления, сковывающие сознание американцев и направляющие политику американского правительства.

В заключении хотелось бы отметить, что представленное в статье разделение метафор, входящих в состав метафорических систем американского внешнеполитического дискурса, является отчасти условным (поскольку в условиях дискурса метафоры расширяют, дополняют друг друга, образуют комбинации друг с другом) и неполным. В то же время перечисленные метафорические системы, будучи систематически используемыми для «оформления» тех или иных идей во внешней политике США, оказываются достаточными для когнитивного анализа внешнеполитического дискурса США последних десятилетий: дискурса отдельных партий, дискурса отдельных политических деятелей и дискурса средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т., 2008. 248с.

Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. – Екатеринбург. 2007. С. 16-32.

Волкова М.А. Применение политического дискурс-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов): Автореф. дис. ... филол. наук. – Краснодар, 2007. 29с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер.с англ. [под ред. и с предисл. А.Н. Баранова] – М.:Едиториал УРСС, 2004. 256с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации II. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03b.html> (дата обращения: 26.12.2008).

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). URL: <http://www.durov.com/linguistics2/chudinov-01.html> (дата обращения: 15.01.2009).

Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy: Why Strategic Framing Matters. URL: http://www.frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphoricalthought.pdf (дата обращения: 01.08.2008).

Lakoff G. Simple Framing. An introduction to framing and its uses in politics. URL: http://www.rockridgeinstitute.org/projects/strategic/simple_framing/ (дата обращения: 30.01.2009).

The Metaphor Project – Framing Out Messages for Americans. URL: <http://www.metaphorproject.org/index.php> (дата обращения: 25.01.2009).

© Матыгина Е.Б., 2009

Таратынова Т.В.
Челябинск, Россия

КАНДИДАТЫ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2008:
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ
В НЕМЕЦКИХ МАСС-МЕДИА

УДК 81'373.612.2
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается метафорическое моделирование образов кандидатов на пост Президента Российской Федерации в немецких масс-медиа. Автор выявляет наиболее частотные метафорические модели и метафоры, посредством которых немецкие журналисты репрезентируют претендентов на пост главы государства.

Ключевые слова: кандидат на пост Президента РФ, метафорическая модель, метафора, немецкие масс медиа, Медведев, Жириновский, Зюганов, Богданов.

Сведения об авторе: Таратынова Татьяна Вячеславовна, аспирант кафедры общей лингвистики.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454119, г. Челябинск, ул. Антечная, д. 6, кв. 5.
E-mail: disserta@rambler.ru.

Второго марта 2008 года состоялись выборы Президента Российской Федерации. Данному событию предшествовала предвыборная кампания, продолжавшаяся около трёх месяцев и нашедшая самое непосредственное отражение в немецких средствах массовой информации. Поскольку Германия является одним из важнейших стратегических партнёров нашей страны в экономической сфере, избрание нового главы Российской Федерации стало одной из основных тем публикаций немецких журналистов. Выборы Президента – всегда «пик» политической активности, важнейшее событие в жизни страны; по этой причине избирательная кампания характеризуется активизацией языковых средств, используемых для ее репрезентации.

В задачи любого кандидата в президенты входит создание продуманной предвыборной программы (платформы), которая помогла бы ему привлечь на свою сторону часть населения страны. Участие в предвыборной кампании требует от каждого претендента на пост главы государства владения определенным политическим артистизмом, а именно, ораторским искусством, умением вести полемику, подать себя аудитории, что способствует завоеванию симпатий разных групп избирателей.

На пост Президента Российской Федерации претендовали четыре кандидата: Д.А. Медведев, Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский и А. Богданов. Ещё один претендент М. Касьянов был не допущен к выборам. Неудивительно, что будущи фаворитом президентской гонки, в центре внимания немецких СМИ находился преемник В.В. Путина – ныне действующий президент

Taratynova T.V.
Chelyabinsk, Russia

RUSSIAN PRESIDENTIAL CONTENDERS 2008:
METAPHORICAL PORTRAITS
IN THE GERMAN MASS MEDIA

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21
Код ВАК 10.02.19, 10.02.20

Abstract. The article focuses on the metaphorical modelling of the Russian presidential contenders' images in the German mass media. The author reveals the most frequent metaphorical models and metaphors that German journalists use for the representation of the presidential candidates in the Russian Federation.

Key words: Russian presidential contender, metaphorical model, metaphor, German mass media, Medvedev, Zhirinovsky, Zyuganov, Bogdanov.

About the author: Taratynova Tatiana Vyacheslavovna, post-graduate student of the chair of general linguistics.

Place of employment: South Ural State University.

Д.А. Медведев. Ведущей в метафорической репрезентации образа Медведева является модель «Д.А. МЕДВЕДЕВ – ЭТО НАСЛЕДНИК В.В. ПУТИНА».

Ср.: *Am 2. März wählt Russland einen neuen Staatschef, aller Voraussicht nach Putins Favoriten Dmitrij Medwedew. (Spiegel Online, 14.02.08.)*

Второго марта Россия выберет нового главу государства, судя по всему, путинского фаворита Дмитрия Медведева.

Putins Prinzregent (Medwedew). (FOCUS, 10.12.07).

Принц-регент Путина (Медведев).

Alle Umfragen prophezeien dem Thronfolger (Medwedew) einen haushohen Sieg. (Spiegel Online, 11.01.08.)

Все опросы пророчат престолонаследнику (Медведеву) безоговорочную победу.

Помимо монархической метафоры, активно тиражируется и педагогическая метафора, нашедшая отражение в параллели «наставник-воспитанник», где в роли наставника, приёмного отца, по мнению немецких журналистов, выступает В.В. Путин, а воспитанником, соответственно, является ныне действующий Президент Д.А. Медведев (примеры). Таким образом, в немецкой прессе актуализируется метафорическая модель «Д.А. МЕДВЕДЕВ – ЭТО ВОСПИТАННИК В.В. ПУТИНА».

Ср.: *Aufgestiegen als Zögling Wladimir Putins, wirbt er plötzlich für mehr Rechtsstaat, Markt und Medienfreiheit. (Der Spiegel, 9/2008).*

Продвинувшись, будучи воспитанником Владимира Путина, Медведев неожиданно агитирует за правовое государство, рынок и свободу СМИ.

Medwedjew folgt nun seinem Mentor ins höchste Staatsamt. (Die Zeit, 10/2008).

Теперь Медведев следует за своим наставником на высший государственный пост.

Nun bedankt der (Medwedew) sich bei seinem Zieh-vater und wünscht sich Putin als Ministerpräsidenten an seine Seite. (FOCUS, 11.12.07).

Теперь Медведев благодарит своего приёмного отца и хочет, чтобы Путин был на его стороне в качестве премьер-министра.

Подобная преемственность в передаче власти позволила немецким СМИ метафорически представить российские президентские выборы как фарс – наигранность и искусственность президентской гонки реализуется посредством театральной метафоры. Метафорическая модель «ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ЭТО ФАРС» является наиболее частотной в представлении немецкими масс-медиа российской предвыборной кампании.

Ср.: Natürlich war die russische Präsidentschaftswahl, die Dmitrij Medwedjew mit 70,2 Prozent gewonnen hat, eine Farce. (Die Zeit, 11/2008).

Конечно же, российские президентские выборы, которые Дмитрий Медведев выиграл, получил 70,2 % голосов, не что иное, как фарс.

Die Bühne für das Wahlspektakel am Sonntag ist bereitet. (Die Zeit, 49/2007).

Сцена для воскресного спектакля, именуемого выборами, подготовлена.

Но, несмотря на этот факт, немецкая пресса, тем не менее, положительно отзываясь о преемственности самого президентского курса и связывает с президентством Медведева определённые надежды на позитивные изменения на политической арене.

Ср.: Europäer buhlen um Medwedew. (Spiegel Online, 03.03.08.).

Европейцы ухаживают за Медведевым.

Die deutsche Wirtschaft setzt auf den kommenden Präsidenten (Medwedew) als Reformer. (Spiegel Online, 03.03.08.).

Немецкая экономика делает ставку на будущего президента (Медведева) как на реформатора.

Оставшиеся три кандидата на пост главы государства, по мнению немецких журналистов, не представляют серьёзной конкуренции для Д.А. Медведева, однако немецкие СМИ всё же уделяют им определённую долю внимания.

Ср.: Er (Medwedew) wird gewinnen, doch nachdem das Feld seiner Gegner bis auf drei harmlose Kandidaten gesäubert wurde, benötigt er – mehr noch als einen klaren Sieg – eine breite Zustimmung der 109 Millionen Wähler. (Spiegel Online, 02.03.08.).

Он (Медведев) выиграет, однако после того, как поле будет очищено от трёх безобидных кандидатов, ему потребуется – больше чем определённая победа – широкое одобрение 109 млн. избирателей.

Außer dem sicheren Sieger Dmitrij Medwedew gibt es drei Kandidaten. (Spiegel Online, 02.03.08.).

Помимо несомненного победителя Дмитрия Медведева есть ещё три кандидата.

Наибольшей популярностью у немецких журналистов пользуется В.В. Жириновский. Если в метафорической репрезентации претендента на пост главы государства Д.А. Медведева преобладают монархическая и педагогическая метафоры, то в представлении образа В.В. Жириновского немецкими СМИ активно тиражируются цирковая, зооморфная и милитарная метафоры. Доминирующей является метафорическая модель «ЖИРИНОВСКИЙ – ЭТО КЛОУН».

Ср.: Russlands erster Staatsclown (Schirinowski). (Spiegel Online, 20.11.07.).

Первый госклоун России (Жириновский).

Dabei ist er (Schirinowski) selbst einer dieser Hampelmänner, die der Kreml installiert hat um die Parteienlandschaft aufzuwirbeln. (Spiegel Online, 20.11.07.).

При этом он (Жириновский) сам является одним из шутов-марионеток, назначенных Кремлём для того, чтобы поднимать шум вокруг партийного ландшафта.

Жириновский агрессивен по отношению к своим оппонентам. Агрессию лидера ЛДПР немецкие масс-медиа актуализируют посредством разных метафор с агрессивным прагматическим потенциалом, складывающихся в метафорическую модель «ЖИРИНОВСКИЙ – ЭТО АГРЕССОР».

Ср.: Geifernd attackiert er (Schirinowski) die Kommunisten, die Demokraten, die Wirtschaftsliberalen. (Spiegel Online, 28.02.08.).

С пеной у рта Жириновский атакует коммунистов, демократов и экономических либералов.

Schirinowski keilt am liebsten gegen den Westen, die Demokraten und die Kommunisten, und nicht immer bleibt es bei rein verbalen Seitenhieben. (Spiegel Online, 11.01.08.).

Жириновский больше всего любит выступать против Запада, демократов и коммунистов и при этом не всегда ограничивается только лишь устными боковыми ударами.

Wenn Schirinowski in den Wahlkampf zieht, seine geballte Faust erhebt und mit Worten um sich schießt, ist jeder seiner Sätze eine Kampfansage. (Spiegel Online, 20.11.07.).

Если Жириновский вступает в предвыборную гонку, подняв сжатый кулак и стреляя вокруг себя словами, каждое его предложение – вызов на бой.

Милитарная метафора используется и в целях репрезентации тактики Кремля в отношении Жириновского, а также его партии: ЛДПР и её лидер служат Кремлю для прикрытия правого фланга.

Ср.: *Der Demagoge (Schirinowski) dient dem Kreml dazu, die rechte, nationale Flanke abzudecken.* (Spiegel Online, 02.03.08.).

Демагог (Жириновский) служит Кремлю в целях прикрытия правого национального фланга.

Für Putin sammelt der Polit-Clown (Schirinowski) heute beflissen Stimmen am rechten Rand. (Spiegel Online, 28.02.08.).

Сегодня политический клоун (Жириновский) ревностно собирает для Путина голоса на правом фланге.

Сущность Жириновского немецкие журналисты актуализируют с помощью зооморфной метафоры. Так, лидер ЛДПР предстаёт в образе питбуля, который лает, но не кусает.

Ср.: *Der Pitbull des Kreml (Schirinowski).* (Spiegel Online, 11.01.08.).

Кремлёвский питбуль (Жириновский).

Schirinowski bellt, aber er beißt nicht. (Spiegel Online, 11.01.08.).

Жириновский лает, но не кусает.

Der Politiker (Schirinowski) mit der gedrungenen Figur eines Kneipenschlägers hat sich unter Putin endgültig zum zahnlosen Pitbull des Kreml gewandelt. (Spiegel Online, 11.01.08.).

Политик (Жириновский) с приземистой фигурой трактирного драчуна окончательно превратился при Путине в беззубого кремлёвского питбуля.

Таким образом, немецкая пресса репрезентирует Жириновского как «своего» человека в Кремле, которого используют в целях устрашения. Кроме того, по мнению немецких журналистов, Жириновский – единственный из всех кандидатов, придающий определённую живость вяло протекающим выборам.

Ср.: *Im schalen russischen Wahlkampf ist es Schirinowski, der für mäßig unterhaltsame Slapstick-Einlagen sorgt.* (Spiegel Online, 28.02.08.).

В вялотекущей российской предвыборной кампании именно Жириновский заботится о посредственно-развлекательных фарсовых номерах.

Mit seinem aberwitzigen Programm mischt der Polit-Clown Wladimir Schirinowski den Wahlkampf auf. (Spiegel Online, 28.02.08.).

Своей абсурдной программой политический клоун Владимир Жириновский подзадоривает предвыборную кампанию.

Создавая метафорический образ Г.А. Зюганова, немецкие журналисты не отдают предпочтение каким-либо определённым метафорическим моделям, вследствие чего метафорический облик коммунистического лидера является дробным и фрагментарным. В представлении Зюганова наличествуют метафора родства, фито- и зооморфная метафора, театральная, морбиальная, артефактная и милитарная метафоры. Особый акцент немецкие СМИ делают на том, что Зюганов очень изменился со времени своей первой президентской гонки в 1996 году.

Ср.: *Doch während der Amtszeit hat sich «Onkel Sju» deutlich gewandelt: vom gefürchteten Genossen und gefährlichen Gegner zum behäbigen Staatsmann.* (Spiegel Online, 29.02.08.).

Однако за время пребывания в должности «Дядя Зю» заметно изменился: из внушающего страх товарища и опасного противника он превратился в респектабельного чиновника.

Vom Schreckgespenst zum behäbigen Staatsmann (Sjuganow). (Spiegel Online, 29.02.08.).

От чудовища до респектабельного чиновника (Зюганов).

Вместе с тем немецкая пресса акцентирует внимание на том, что компартия, по сути, не представляет собой реальной оппозиции и работает на руку Кремлю.

Ср.: *Der Kommunist Gennadi Sjuganow hat der Revolution schon lange abgeschworen und es sich mit seiner Partei bequem an den Futtertrögen des Parlaments eingerichtet.* (Spiegel Online, 02.03.08.).

Коммунист Геннадий Зюганов уже давно отказался от революции и вместе со своей партией удобно устроился у парламентской кормушки.

Der handzahme Kommunist Siuganow. (Der Spiegel, 21.01.08)

Ручной коммунист Зюганов.

Г.А. Зюганов в представлении немецких СМИ – политический анахронизм, пережиток прошлого, которому приходится нелегко в современной политической действительности.

Ср.: *Der plumpe KP Chef (Sjuganow) wirkt wie ein schwerfälliges Schlachtross aus einer vergangenen Zeit – gegen die Machtinhaber von heute ist er chancenlos.* (Spiegel Online, 11.01.08.).

Неуклюжий лидер компартии (Зюганов) производит впечатление неповоротливого боевого коня прошлых времён – против сегодняшних власть имущих у него нет шансов.

Wie ein Matrose an Bord eines schwankenden Schiffs stapft Sjuganow von Versammlung zu Versammlung – als trage er schwer an seinem ideologischen Marschgepäck.

Как матрос на борту качающегося корабля Зюганов тяжёло шагает от собрания к собранию – будто с трудом неся своё идеологическое походное снаряжение.

Репрезентируя образ лидера компартии, немецкие журналисты используют и заимствованную метафору родства, столь популярную в российской прессе.

Ср.: *«Onkel Sju» ist wie Balsam für die russische Seele.* (Spiegel Online, 29.02.08.).

«Дядя Зю» – бальзам на русскую душу.

Doch während der Amtszeit hat sich «Onkel Sju» deutlich gewandelt: vom gefürchteten Genossen und gefährlichen Gegner zum behäbigen Staatsmann. (Spiegel Online, 29.02.08.).

Однако за время пребывания в должности «Дядя Зю» заметно изменился: из внушающего страх

товарища и опасного противника он превратился в уважаемого чиновника.

Сам же лидер КПРФ, по мнению немецких масс-медиа, не считает себя беспомощным, и бездействовать не собирается.

Ср. *In einem inszenierten Wahlkampf lehnt es Sjuganow, Statist zu spielen.* (Spiegel Online, 29.02.08.).

Зюганов отказывается изображать статиста в инсценированной предвыборной кампании.

Anfang des Jahres rief Sjuganow Dmitrij Medwedew persönlich zum Teleduell. (Spiegel Online, 29.02.08.).

В начале года Зюганов лично вызвал Дмитрия Медведева на теледуэль.

Четвёртый кандидат на пост Президента, лидер ДПР А.Богданов пользуется наименьшей популярностью у немецких журналистов. Так же, как и в случае с Г.А. Зюгановым, метафорический образ А. Богданова дробен и фрагментарен; однако, выбор метафор ещё более ограничен – актуализируются в основном антропоморфная и артефактная метафоры, а также метафора природы. Немецкая пресса рисует образ А. Богданова как самого несерьёзного кандидата на пост главы государства – самовыдвиженца и псевдодемократа.

Ср.: *Allabendlich balgt sich der 61-Jährige (Schirinowski) mit dem Kommunistenführer Gennadij Sjuganow und dem blassen Pseudodemokraten Andrej Bogdanow.* (Spiegel Online, 28.02.08.).

Каждый вечер 61-летний Жириновский затевает потасовку с лидером коммунистов Геннадием Зюгановым и бледным псевдодемократом Андреем Богдановым.

Pseudodemokratischer Heckspoiler des Kreml (Bogdanow). (Spiegel Online, 24.02.08.).

Псевдодемократический задний спойлер Кремля (Богданов).

По мнению немецких журналистов, у лидера демократической партии отсутствуют умение и опыт в ведении теледебатов с другими претендентами на пост Президента РФ; при этом подчёркивается напряжённость Богданова перед телекамерой.

Ср.: *Den Nationalisten Schirinowski treibt es regelmäßig zur Weißglut, wenn Bogdanow die Fragestellung geflisstenlich ignoriert und mit eingefrorener Mimik seine Wahlslogans abspult.* (Spiegel Online, 04.03.08.).

Националиста Жириновского постоянно доводит до белого каления тот факт, что Богданов на

меренно не отвечает на заданные вопросы и с замороженным лицом бубнит свои предвыборные лозунги.

Kommt er (Bogdanow) bei den Rededuellen im russischen Fernsehen zu Wort, fixiert er mit stierem Blick die Kamera. (Spiegel Online, 24.02.08.).

Если же Богданов получает слово в словесных дуэлях на российском телевидении, он смотрит в камеру застывшим взглядом.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что, репрезентируя метафорические образы кандидатов на пост Президента Российской Федерации, немецкие журналисты используют самые разные метафоры, зачастую не складывающиеся в метафорические модели, но в употреблении которых можно проследить определённые тенденции. Так, в представлении немецкими СМИ Д.А. Медведева ведущими являются монархическая и педагогическая метафоры, что обусловлено преемственностью передачи власти в сложившейся политической ситуации. Характерные же для периода выборов милитарная и зооморфная метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом используются в основном для метафорического представления образа В.В. Жириновского. Образ лидера компартии создаёт метафора родства, зооморфная, театральная, морбиальная, артефактная и другие метафоры. Особый акцент немецкие масс-медиа делают на том, что Г.А. Зюганов очень изменился со времени своей первой президентской гонки. Создавая метафорический образ А. Богданова, немецкие журналисты пользуются антропоморфной, артефактной метафорами, а также метафорой природы. Тем не менее, эти метафоры так же, как и в случае с Зюгановым, не складываются в определённые метафорические модели.

ЛИТЕРАТУРА

Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. URL: http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_1htm#upper.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры. – Екатеринбург, 2001.

© Таратынова Т.В., 2009

Шарманова О.С.
Иркутск, Россия

ГРУЗИНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ВТОРИЧНОЙ
НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ

(на примере освещения военного конфликта
2008 в немецкоязычных СМИ)

УДК 811.1/9

ББК Ш 100.3

Аннотация. Война на Кавказе между Россией и Грузией стала одним из самых обсуждаемых событий 2008 как в отечественной прессе, так и в западных СМИ. Конфликт вышел за рамки вооруженного и превратился в информационную войну. Война и участники событий концептуализируются в западном сознании по средствам ментальных моделей. Одним из самых продуктивных способов концептуализации являются, на наш взгляд, метонимические модели, на основе которых строится некий метонимический образ грузино-российских отношений в немецкоязычном сознании. Выбор метонимий немецкоязычными авторами обусловлен, прежде всего, универсальностью использования функций метонимий, одна из которых – манипулированное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: политический дискурс, метонимический образ грузино-российских отношений, концептуальная метонимия, метонимические модели, функции метонимии.

Сведения об авторе: Шарманова Оксана Сергеевна, аспирант

Место работы: Иркутский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8, Иркутский государственный лингвистический университет, кафедра немецкого языка.

E-mail: oxana1709@mail.ru.

Sharmanova O.S.
Irkutsk, Russia

GEORGIA-RUSSIA RELATIONS
IN THE MIRROR OF THE SECONDARY
INDERECT NOMINATION

(by the example of the war conflict coverage
in German mass media)

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Kod BAK 10.02.20

Abstract. The war in the Caucasus between Russia and Georgia has become one of the basic events in 2008 under discussion both in the domestic and in the western mass media. The conflict grew out of the armed clash and turned into the information warfare. The war and event participants are conceptualized in the western consciousness with the help of mental models. One of the most frequent methods of conceptualization is metonymical models, on the basis of which some metonymical image of Georgia-Russian relations in German consciousness is founded. The reason the German authors prefer metonymy is its versatility and manipulating potential.

Key words: political discourse, metonymical image of Georgia-Russian relations, conceptual metonymy, metonymical models, metonymy functions.

About the author: Sharmanova Oxana, post-graduate student

Place of employment: Irkutsk State Linguistic University.

*Kriege werden nicht mehr auf dem Schlachtfeld gewonnen, sondern mit der Unterstützung der öffentlichen Meinung
Christiane Eilders, Universität Augsburg*

Исследование знаков вторичной номинации, в частности метафоры и метонимии, стало в последние годы одним из важных направлений когнитивной лингвистики. При этом метафора и метонимия рассматриваются не как тропы или образные стилистические средства, они рассматриваются в качестве важнейшего источника сведений об организации человеческого познания. Таким образом, исследование метафорических и метонимических образов – это один из способов изучения ментальных процессов, культурной специфики как индивидуального, так и национального самосознания.

Главным источником материала для данного исследования послужило одно из самых противоречивых событий 2008 года, активно отражаемого в прессе – августовский конфликт на Кавказе. Военный конфликт на территории Южной Осетии в первых сводках немецкоязычных СМИ о данном событии был однозначно представлен как конфликт между Россией и Грузией. Отличительной чертой так называемой «пя-

тидневной» войны на Кавказе стала информационная война, развернувшаяся против России на страницах западной прессы, где образ России предстал как образ могущественного агрессора. Объектом данного исследования является анализ языковых способов представления указанного события. Задачей данной статьи является анализ метонимических единиц в немецкоязычной прессе, освещающей грузино-российские отношения, с целью выявить, какие метонимические образы взаимоотношений двух государств возникают в немецкоязычном сознании при описании данного события.

«При любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, актуализируются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит схематизация реальной действительности» [Борщев, Партии 1999: 159] Однако «затушеванные» аспекты имплицитно присутствуют в контексте и связаны с актуализированными, акцентированными аспектами отношениями типа часть – це-

лое, причина – следствие, материал – изделие и т.д. И тут на первый план выходит понятие метонимии.

В традиционной лингвистике метонимия имеет множество определений, которые в большинстве случаев сводятся к одной дефиниции: метонимия – это троп или стилистическое средство номинации, сущность которого заключается в переносе имени одной вещи на имя другой по смежности понятий. Другими словами метонимию можно схематично представить как процесс «X вместо Y». В современной когнитивной лингвистике метонимия рассматривается в качестве важнейшего источника сведений об организации человеческого мышления, как «сложный ментальный механизм концептуального плана» [Рябцева 2005: 81], как одна из «базовых особенностей мышления» [Lakoff 1987: 19]. Ц. Тодоров, характеризуя метафору и метонимию, отмечает, что «единственной эмпирической реальностью является смысл, значение же локализуется на «глубинном», а не «поверхностном» уровне» [Тодоров 1998: 89], тем самым подчеркивая их концептуальный характер. Ключевое понятие в традиционном подходе к определению метонимии «отношение по смежности» в когнитивном поднимается на «концептуальный уровень». Переносы по смежности объединяются в единое целое не только в предметном, но и в концептуальном мире. В этом мире соотносятся между собой не только предметы и их части, но и явления, события и процессы, в которых они участвуют. «Метонимия – это не просто подстановка одного явления / имени вместо другого, а установление между ними новой сложной концептуальной связи: «X плюс Y» [Рябцева 2005: 82]. В результате этого формулу метонимического образа можно представить как «(X вместо Y) + (X + Y)», где «X вместо Y» – формула процесса образования языковой метонимии, а «X плюс Y» – концептуальной метонимии. Таким образом, вслед за Н.К. Рябцевой, под концептуальной метонимией мы понимаем «когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность, «средство», обеспечивает мысленный доступ к другой концептуальной сущности, «цели»» [Рябцева 2005: 82]. «Метонимические концепты являются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения» [Лакофф 2004: 63]. Так, *Кремль* – вместо *правительство* – это не только перенос имени на основе ассоциации по смежности: в метонимический образ входят правительство, располагающееся в здании Кремля и все события и действия, которые связаны с правительством.

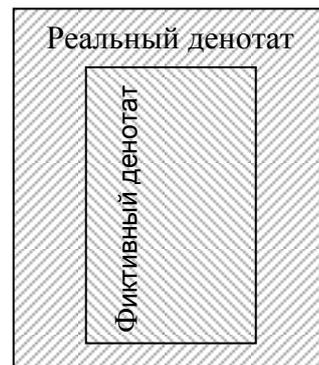
«Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в челове-

ском сознании, закрепленному значениями слов – между предметами, лицами, действиями, процессами, местом, временем и т.п.» [БЭС: 300]. Таким образом, метонимический перенос «заключается в мысленном восприятии одного концептуального явления через другое» [Рябцева 2005: 82]. Происходит наложение одного образа на другой в пределах одного денотативного пространства. При расшифровке созданного образа метонимия семантически насыщает его, делая его более «объемным», содержательным. Схематично, вслед за С.А. Хахаловой, формулу образования метонимии можно представить следующим образом (схема 1) [Хахалова 2008: 345]:

Схема 1

Схема 2

Реальный денотат остается всегда неизменным, а фиктивный может изменяться. При расшифровке метонимического образа границы между фиктивным и реальным денотатами стираются (схема 2), в результате чего возникает полный, семантически объемный образ, включающий в себя оба денотата.

Рассмотрим ряд примеров, в которых употребляются метонимии:

1. Während von georgischer Seite zunächst nur eher wirre Erklärungen zu hören waren, lieferte *Moskau* eine schlüssige Begründung für den Einmarsch seiner Truppen – georgische Soldaten hätten in der Nacht Südossetien angegriffen und dort auch die seit 1992 stationierten russischen Friedenstruppen attackiert «*Russland* verteidigt seine Landsleute». (BR // Focus. 11.08.2008) – В то время как с грузинской стороны

можно было услышать пока лишь скорее запутанные объяснения, *Москва* предъявила убедительные доказательства ввода своих войск: грузинские солдаты напали ночью на Южную Осетию и атаковали российские миротворческие силы, базирующиеся там с 1992 года.

2. *Russland* hat jahrelang nichts unversucht gelassen, um die Lage in dem kleinen Nachbarland Georgien zu destabilisieren. (BR // Focus. 11.08.2008) – *Россия* годами испытывала все средства, чтобы destabilизировать положение в небольшой соседней стране Грузии.

3. *Moskau* müsse «Leben und Würde der eigenen Staatsbürger beschützen, wo auch immer sie leben», so *der Kreml*. (BR // Focus. 11.08.2008) – *Москва* должна «оберегать жизнь и достоинство своих собственных граждан, где бы они ни жили», – заявил *Кремль*.

4. Weshalb *der Kreml* sein globales Machtspiel aufleben lassen und den Westen aus alten Einflussphären wieder hinausdrängen könne, argumentierte Schewzowa. (TDUKCNMSCS // Spiegel. 18.08.2008) – Отчего *Кремль* мог бы возобновить свою глобальную игру раздела власти и снова вытиснуть Запад из старых сфер влияния, делает выводы Шевцова.

5. Außerdem will *Moskau* den Beitritt Georgiens zur Nato verhindern. (BR // Focus. 11.08.2008) – Кроме того, *Москва* препятствует вступлению Грузии в НАТО.

6. *Drohung aus dem Kreml*: Russlands Präsident Medwedew hat angekündigt, Georgien bei «Provokationen» erneut anzugreifen – selbst wenn das Land auf dem Weg in die Nato sei. (AFP/AP // Spiegel. 08.09.2009) – *Угроза из Кремля*: Президент России Медведев заявил, что он готов вновь напасть на Грузию в случае новых «провокаций», даже если страна на пути в НАТО.

Как показал анализ эмпирического материала, наиболее активными являются метонимии *Moskau* и *der Kreml*. «Метонимические переносы легко создаются по ходу общения, понимаются без проблем благодаря фоновым знаниям» [Рябцева 2005: 83]. Так, метонимические переносы *Moskau* и *der Kreml* происходят на основе существования ассоциации по смежности между правительством России и его месторасположением – пространственный метонимический сдвиг, что в свою очередь находит выражение в оязыковленном отражении столицы Российской Федерации – слове *Moskau*, а также зданием, где оно располагается – *der Kreml*. Из метонимии извлекается свойство апелляции к руководству правительства России, которое представлено в освещении августовских военных событий между Россией и Грузией как агрессор, который напал на грузинскую территорию. При этом метонимии *Moskau* и *der Kreml* создают образ могущественного государства, которое готово раздавить маленькую кавказскую республику. Возникает визуальный образ: красный Кремль с пятиконечной звездой – символом СССР, а также вооружен-

ных сил Советского Союза. Согласно свободной энциклопедии «Википедия», «в странах Запада красная звезда как символ коммунизма иногда отождествлялась с пентаграммой (которая в одной из трактовок указывается, как символ сатанизма), из-за представлений о коммунизме как о вселенском зле» [wikipedia.org. 2009]. Символ «пятиконечная звезда» продолжает оставаться исходящей «красной» угрозой для западной демократии. Образ, который для западного (в том числе немецкого) обывателя несет до сих пор отрицательную коннотацию. Метонимия осуществляет преобразование на основании соположения двух вербальных образов, столицы России – *Moskau*, здания месторасположения правительства России – *der Kreml* и самого правительства во главе с премьер-министром Путиным, в пределах одного и того же денотативного пространства. Однако при расшифровке образ Москвы и Кремля дополняется и семантически расширяется образами людей, города или здания, которые не могут принимать политических решений, – их принимает руководство страны.

При освещении грузино-российских отношений большую функциональную нагрузку несут метонимии *Moskau*, *der Kreml*, *Russland*, так как они обобщают представления о России как о главном участнике событий в немецкоязычном сознании. Метонимии *Moskau*, *der Kreml*, *Russland* обобщают и одновременно упрощают целый ряд реальных лиц: президента России, главу правительства, само правительство, политических и военных деятелей. Метонимия «выражает сущность, экономит языковые средства. Сворачивает речь до главных элементов, заменяет детали главным или главной деталью весь контекст» [Рябцева 2005: 83]. В результате под метонимиями *Moskau*, *der Kreml*, *Russland*, а в контексте все лица, принимающие участие в описываемых событиях, свернуты до одного элемента, одного слова.

Соответственно возникает некий метонимический образ, который характеризует грузино-российские отношения. На наш взгляд, определение метафорического образа, предложенное С.А. Хахаловой, является инвариантным и для метонимического образа: «метафорический образ – это «квант» содержательной информации в его живости и непосредственности, переданный средствами вторичной косвенной номинации с минимальными языковыми затратами и максимальным коммуникативным и прагматическим эффектом» [Хахалова 1998: 144-145]. Метонимический образ является образным осмыслением картины мира, формируемым с учетом лингвокультурологических особенностей в сознании носителя языка с помощью единиц вторичной непрямой номинации – метонимий. Для того чтобы предположить, какой метонимический образ «грузино-российских отношений» формируется в немецкоязычных СМИ, представим его в качестве метонимиче-

ских моделей данной ситуации. Модель, согласно Х. Бусманн, – это основанное на абстракции и идеализации отражение структурных и функциональных свойств реального мира в рамках научных исследований [Hadumod Bußmann 2002: 440]. Модель – это некое ментальное идеальное абстрактное образование в сознании человека, имеющее свою структуру и функционирующее по законам логики. В настоящей работе при анализе метонимических моделей мы опираемся на методику моделирования концептуальных метафор, предложенную А.П. Чудиновым, а также на основы когнитивного моделирования Дж. Лакоффа. Формы знаний о мире организованы в виде ментальных структур, которые Дж. Лакофф называет идеализированными когнитивными моделями. Дж. Лакофф утверждает, что каждая идеализированная когнитивная модель – это сложное, структурированное целое, гештальт, которое использует 4 вида принципов структурирования [Lakoff 1987: 113-114]:

1) *Пропозициональные модели* определяют элементы, их отличительные особенности и отношения между ними (например, пропозициональная модель, характеризующая знания об огне будет включать в себя то, что огонь опасен);

2) *Схематические модели образов* определяют схематические образы, такие как траектории, длинные формы или сосуды (знания о волейбольной подаче включают ее траекторию, о свече – схему длинного тонкого объекта и т.д.);

3) *Метафорические модели*, представляющие собой проецирование из пропозициональной и образно-схематической модели одной сферы в соответствующую структуру другой сферы;

4) *Метонимические модели*, где в одной (или более) из вышеназванных моделей один элемент модели выполняет функцию другого. При этом Джорж Лакофф определяет метонимическую модель как «идеализированную когнитивную модель с дополнительным условием обладания отношений по смежности между двумя элементами модели *A* и *B*, при этом один элемент *B* может соответствовать другому элементу *A*.» [Lakoff 1987: 78].

По нашему мнению, инвариант метонимических моделей – это совокупность языковых и концептуальных метонимий, при этом концептуальные метонимии, как и концептуальные метафоры, включает в себя две понятийные области: включаемое (источник) или гипоним – слово, выражающее частный случай, объект или явление и включающее (мишень) или гипероним – слово общего понятия. Обе семантические области находятся «в отношениях смежности, они взаимопереходящи» [Хахалова 2008: 353].

Согласно А.П. Чудинову, метонимическая модель (как и модель концептуальной метафоры) – это «своего рода схемы человеческого

мышления» [Чудинов 2003: 32]. Исходя из этого, в нашем исследовании мы опираемся на методику анализа метафорических моделей, предложенную А.П. Чудиновым. Мы считаем, что основные признаки, характеризующие метафорические модели, типичны также и для метонимической модели, однако имеют свои особенности. Метонимическая модель функционирует за счет ассоциации по смежности, где составляющими элементами модели являются две смежные семантические области: включаемый (гипоним) и включающий (гипероним). В отличие от метафорической модели, в метонимической семантическая проекция одной области на другую протекает внутри одной общей сферы. Таким образом, для описания особенностей функционирования метонимической модели необходимо охарактеризовать: 1) общую сферу функционирования моделей; 2) составляющие элементы этой сферы, которые функционируют в виде двух смежных семантических областей: гипероним и гипоним; 3) типовые для данной модели сценарии; 4) семантическое пространство (признаки) гипонима; 5) семантическое пространство гиперонима; 6) концептуальное пространство – общее для двух смежных областей (т.е. общие семантические признаки, позволяющие гипониму (включаемому) входить в область гиперонима (включающего)).

При характеристике грузино-российских отношений выделяется общая сфера функционирования моделей – внешняя политика России и Грузии. Внутри сферы–политики взаимодействуют две семантические области, основанные на ассоциации по смежности: гипоним (включаемое) – это августовский конфликт на Кавказе и гипероним (включающее) – отношения правительств Грузии и России, которые в контексте имеют смежные отношения. Характерные сценарии августовского конфликта: политические провокации со стороны грузинской стороны, ввод войск на территорию Южной Осетии, бомбежка мирных жителей, ответная военная реакция России, вытеснение грузинских войск с территории Южной Осетии, политический накал между Россией и Грузией.

Метонимический образ может быть представлен при помощи разных моделей в общей сфере функционирования. При детальном рассмотрении метонимического образа "грузино-российские отношения – это августовский конфликт в Южной Осетии" регулярно выделяются следующие доминантные модели:

1. Модель «столицы конфликтующих государств вместо правительства»

В рамках данной модели происходит установление концептуальной связи между правительствами и президентами государств через местонахождения их столиц. Метонимия МЕСТО ВМЕСТО УЧРЕЖДЕНИЯ указывает на связь между людьми / руководством учрежде-

ния и его местонахождением:

Москва вместо российского правительства;
Тбилиси вместо грузинского правительства:

Kritische Stimmen auf beiden Seiten beklagen, dass sowohl *Tiflis* als auch *Moskau* den Konflikt für innenpolitische Zwecke nutzen. (BR // Focus. 11.08.2008) – Критика обвиняет обе стороны: как *Тбилиси*, так и *Москва* использует конфликт для своих внутривластных целей.

Moskau weist die Vorwürfe zurück und macht *Tiflis* seinerseits für Gewalt gegen nicht-georgische Volksgruppen verantwortlich. (AFP/AP // Spiegel. 08.09.2009) – *Москва* отвергает упреки и возлагает ответственность в свою очередь на *Тбилиси* за применение силы против негрузинского населения.

Семантический признак гипонима «правительство страны» – высший исполнительный орган государственной власти позволяет ему войти в семантическое пространство гиперонима «столица» по признаку местопребывания.

2. Модель «название государства вместо правительства»

Происходит подстановка названий государств вместо органов власти, метонимия при этом обеспечивает мысленный доступ к концептуальной сущности (МЕСТО ВМЕСТО ОТВЕТСТВЕННЫХ ЛИЦ):

Россия вместо российского правительства:

«*Russland* hat die Eröffnungsfeier der Olympischen Spiele in Peking genutzt, um beim Einmarsch die Welt abgelenkt zu wissen». (BR // Focus. 11.08.2008) – *Россия* воспользовалась торжественным открытием олимпийских игр в Пекине, чтобы отвлечь внимание мира от ввода войск.

Er (Saakaschwili) forderte *Russland* auf, sich aus dem Konflikt herauszuhalten. (R // Focus. 08.08.2008) – Он (Саакашвили) призывает *Россию* не впутываться в конфликт.

Грузия вместо грузинского правительства:

Falls *Georgien* beim Angriff auf Südossetien eine Strategie hatte, baute die Regierung vielleicht auf der Hoffnung, *Moskau* werde angesichts der zu erwartenden internationalen Kritik kein massives militärisches Eingreifen wagen. Oder *Georgien* wollte eine heftige Reaktion *Russlands* provozieren. (AP // Focus. 12.08.2008) – Если бы *Грузия* при нападении на Южную Осетию имела какую-нибудь стратегию. Возможно, правительство надеялось на то, что *Москва* не отважится на массированные военные меры ввиду ожидаемой международной критики. Или *Грузия* хотела спровоцировать резкую реакцию *России*.

Georgien will die Provinz Südossetien militärisch zurückerobern. (R // Focus. 08.08.2008) – *Грузия* хочет отвоевать провинцию Южную Осетию с помощью вооруженных сил.

Гипероним «государство» содержит в своей структуре сему «основной орган власти, управляющий обществом», на основе чего он включает «правительство» в свое семантическое

пространство.

3. Модель «национальная принадлежность вместо политического и / или военного руководства»

Метонимические единицы «национальность» идентифицируют и характеризуют не народ, а выступают заместителями при номинации руководителей политических и военных сил двух конфликтующих государств (перенос с ЦЕЛОГО НА ЧАСТЬ – синекдоха):

Русские вместо российского правительства и российских военных:

Die Russen verteilten jenseits ihrer Grenze großzügig russische Pässe an die Bewohner der beiden Minirepubliken. (BR // Focus. 11.08.2008) – *Русские* великодушно раздавали по ту сторону своей границы российские паспорта жителям обеих миниреспублик.

Vielleicht war es ja gerade die ablehnende Haltung der Europäer gegenüber Georgien, die *den Russen* das fatale politische Signal gesendet hat: Macht nur, wir mischen uns dort nicht ein. (MS // Der Tagesspiegel. 11.08.2008) – Возможно это была отрицательная позиция, занятая европейцами по отношению к Грузии, которая передала *русским* фатальный политический сигнал: продолжайте в том же духе, мы не будем вмешиваться.

Грузины вместо грузинского правительства и грузинских военных сил:

Umgekehrt gingen auch *die Georgier* mit ihrem *heißblütigen* Präsidenten Micheil Saakaschwili keinem Konflikt aus dem Weg. (BR // Focus. 11.08.2008) – И наоборот, *грузины со своим вспыльчивым президентом* Михаилом Саакашвили не увернутся ни от одного конфликта.

Die Georgier standen kaum ein paar Stunden in Zchinwali, als die russischen Truppen mit gewaltiger Übermacht sie wieder rausdrängten. (MT // Zeit. 14.08.2008) – *Грузины* едва ли пробыли в Цхинвале пару часов, как российские войска с преимущественным перевесом снова их оттуда вытеснили.

Понятие «национальность» используется в наше время для обозначения государственной принадлежности людей. Таким образом, можно определить следующую семантическую цепочку «национальность – государство – правительство», где «государство» выполняет одновременно функции гипонима и гиперонима: открывает свое семантическое пространство для гипонима «правительство» и вступает в семантическое пространство «национальность» ввиду общих признаков принадлежности, так как, по нашему мнению, гипероним «национальность» семантически шире и включает в себя не только политическую и географическую принадлежность, но и социально-экономическую, культурную, языковую общность.

4. Модель «географическое расположение государства вместо его названия»

Метонимии реферируют органы власти государства, не называя его, а описывая его месторасположения по отношению к другому го-

сударству:

Сосед России вместо Грузии:

Der Krieg um die abtrünnige georgische Teilrepublik Südossetien ist mehr als nur ein Konflikt zwischen *Russland* und *seinem Nachbarn*. (BR // Focus. 11.08.2008) – Война за мятежную, входящую в состав Грузии республику Южную Осетию – это больше чем только конфликт между Россией и её *cocedom*.

Сосед с севера вместо России:

Regelmäßig provozierten sie *den überlegenen Nachbarn im Norden*, führten gefangene russische Offiziere in demütigender Weise vor. (BR // Focus. 11.08.2008) – Они регулярно провоцировали *coceda с севера*, унижительным образом демонстрируя пленных русских офицеров.

Wie schutzlos Georgien gegen den *übermächtigen Nachbarn im Norden* ist, zeigt sich nun, da Russland seine Kriegsmaschinerie in Gang gesetzt hat. (SSSt // Tagesschau. 10.08.2008) – Как беззащитна Грузия перед *могущественным соседом с севера*, проявляется сейчас, когда Россия пустила вход свою военную машину.

Die Georgier sehen vor allem eins: Eine Aggression *des 100 Mal größeren Nachbarn im Norden*. (SSSt // Tagesschau. 10.08.2008) – Грузины рассматривают это однозначно: агрессия *в 100 раз превышающего coceda с севера*.

Данную модель можно представить как идеализированную метонимическую модель, так как семантическое пространство «сосед» первоначально содержит признак по смежности – смежности существования, раположения поблизости. Оно открывает свое семантическое пространство для всех гипонимов-государств.

Данная модель наиболее близка модели концептуальных метафор «Дом», так как страны представлены как соседи бывшего большого дома СССР, после разрушения которого жители вступают друг с другом в различные конфликты, в том числе при разделе имущества (т.е. спорных территорий).

5. Модель «имя собственное вместо правительства»

Метонимии идентифицируют органы политической власти или правительства стран через одного его представителя (его главы) (КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО). При этом выбор метонимии в качестве имен собственных и фамилий обусловлен, прежде всего, «большой потребностью человека в точных и экономных средствах именовании людей и связанных с ними ситуаций» [Рябцева 2005: 83]:

Путин вместо России, Путин вместо российского правительства:

Der Krieg ist so gut wie vorbei, *Kriegsherr Putin* zieht sich zurück. (TDUKNMSCS // Spiegel. 18.08.2008) – Война закончилась, *главнокомандую-*

щий Путин отступает.

Ohne *Putin*, den Protagonisten einer gelenkten, autoritären Demokratie und eines Petro-Staates, geht vieles nicht. (TDUKCNMSCS // Spiegel. 18.08.2008) – Если бы не *Путин*, глава управляемой авторитарной демократии и нефтяного государства, многое было бы невозможным.

Саакашвили вместо Грузии, вместо грузинского правительства:

Saakaschwili hat sein Land in ein waghalsiges Kriegsabenteuer gestürzt – und sich dabei kräftig verkalkuliert. (IS // Wiener zeitung. 12.08.2008) – *Саакашвили* бросил свою страну в отчаянную военную авантюру – и при этом сильно ошибся в расчете.

US-Präsident George W. Bush ließ *seinen Freund Saakaschwili* gewähren; vielleicht wiegte sich der deshalb in Sicherheit. (BR // Focus.11.08.2008) – Президент США Джорж Буш предоставил *своему другу Саакашвили* свободу действий; возможно поэтому он чувствует себя в полной безопасности.

Politisch aber haben die Amerikaner jetzt alle Hände voll zu tun, um das internationale Ansehen *ihres georgischen Verbündeten Saakaschwili* zu wahren; gleich nach dem Ende ihrer Militäraktion forderten die Russen seinen Kopf. (TDUKCNMSCS // Spiegel. 18.08.2008) – В политическом отношении американцы сейчас очень заняты, чтобы оберегать международный престиж *своего грузинского союзника Саакашвили*; сразу же после завершения военной операции русские потребовали его головы.

Так, благодаря метонимии «КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО» во фразе *Kriegsherr Putin* zieht sich zurück «главнокомандующий Путин отступает» подразумевается, что не сам Путин отступает, а российская армия, возможно, по его приказу. Но у читателя складывается мнение, что именно Путин несет ответственность за все действия силовых структур. Таким образом, семантическое пространство гиперонима «Путин» включает в себя дополнительные семантические области – русский народ, российская армия, правительство РФ и даже саму страну Россия. Активизируется метонимическое отношение «КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО», которое фокусирует внимание читателя на ответственности за действие. Семантический признак «ответственность» заложен в двух денотатах: в российской армии, которая несет ответственность за все боевые действия, и в Путине как «главнокомандующем», отдающим приказы армии, и от лица которого она выполняет какие-либо действия. В результате этого, метонимия Путин обладает «удвоенным» семантическим признаком ответственности в сознании обывателя Германии: за свои поступки и за военную деятельность российской армии на территории Южной Осетии.

Модель «имя собственное вместо правительства» имеет свою специфику: конфликт между Россией и Грузией предстает в немец-

коязычном сознании как противостояние двух представителей политической власти этих государств – Путина и Саакашвили. Однако, как видно из анализируемых примеров, Путин ассоциируется у немецкоязычного читателя только с Россией и российским правительством. Образ Саакашвили, напротив, предстает как образ друга Джорджа Буша, или как образ американского союзника. Анализ метонимических единиц показывает, что августовский конфликт между Россией и Грузией есть конфликт между Россией и США, что доказывает следующий пример:

Nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion ist der Südkaukasus zu einem Spielball Russlands und der USA geworden. (R2 // Spiegel. 08.08.2008) – После распада Советского Союза Южный Кавказ стал игрушкой в руках России и США.

Особого внимания заслуживает вопрос, какие функции выполняет метонимия в дискурсе СМИ, описывающим реальные политические процессы. К числу основных функций, на наш взгляд, относятся коммуникативная, эвфемистическая, когнитивная, функции языковой экономии и манипулирования сознанием. Рассмотрим подробнее специфику функций метонимии:

Коммуникативная функция метонимии заключается в том, что она служит средством для передачи информации адресату. Так, например, *So gesehen ist Putin nicht neue Welt, sondern alte Welt* – не новый мир, а старый, для немецкоязычного читателя означает, что Путин ведет политику, как и в советские времена. Деньги, полученные за продажу на запад газа и нефти, вкладываются в развитие военной промышленности, а не инвестируются на экономическое развитие страны. Путин во фразе *Putin ist alte Welt* ассоциируется с советским временем.

Следующая функция, которую выполняет метонимия – функция языковой экономии. Она состоит в том, что минимальное количество языковых средств передают максимально семантически насыщенную информацию. Метонимия – «это своего рода эллипсис, «аббревиатура», упрощающая ситуацию до прототипической» [Рябцева 2005: 83]. Так, во фразе, *Europa wird eher am Kaukasus verteidigt als in Afghanistan am Hindukusch* (PSL // Bild. 14.08.2008) – Европа скорее будет защищаться на Кавказе, чем в Афганистане в Гиндукуше. Под словом *Europa* подразумевается целый ряд европейских политических деятелей, а также европейские военные структуры, готовые защищать скорее свои интересы на Кавказе, чем в географически далеком для Европы Афганистане, где военная операция под руководством США провалена, и немецкие граждане не понимают, чьи интересы в Афганистане защищают военные Бундесвера. В то время как Кавказ стратегически важен для Европы из-за

поставок энергетического топлива на Запад.

Третья функция метонимии – эвфемистическая – заключается в том, что автор воздерживается от употребления названия предметов, явлений или лиц описываемых событий, т.к. в данной обстановке это неудобно, неприлично, не принято, в результате чего прибегает к индизонимным выражениям. При этом даже некоторые имена собственные заменяются условными обозначениями. Так, метонимия *der große Bruder in Moskau* однозначно вызывает в сознании ассоциацию с российским (или даже всемогущим советским) правительством, которое продолжает оказывать влияние на бывшие республики СССР. Автор с персуазивным, т.е. воздействующим на аудиторию, намерением, не считает нужным давать открытую номинацию российскому правительству.

Четвертая – когнитивная – функция обработки и переосмысления информации. Метонимия помогает формировать у реципиента новые понятия и представления о мире, выявляя сходство по смежности между предметами, живыми существами или идеями и объединяя их в абстрактные категории. Например, встретив в тексте однажды метонимию *Moskau*, адресант выстраивает логическую цепочку на основе ассоциации, понимая, что речь идет о правительстве России, которое располагается в столице страны – Москве. В дальнейшем, метонимии *Tiflis*, *Washington* так же будут ассоциироваться в сознании у реципиента, в первую очередь, с правительствами этих стран.

Пятая – функция манипулирования сознанием. «Использование потенциала метонимии – один из эффективных способов прагматического воздействия, ведущего к преобразованию существующей в сознании адресата политической картины мира» [Чудинов 2003: 32]. Мы живем в эпоху постоянного манипулирования сознанием, и метонимия является одним из наиболее употребительных языковых средств скрытого воздействия на адресата, главным образом, благодаря функциям коммуникативной и языковой экономии. Она может вызывать у читателя к описываемым событиям или лицам определенное отношение, имплицитно навязанное автором, т.к. СМИ являются одним из основных «ретрансляторов» авторского мнения, воспринимаемого реципиентом как естественное и свое собственное.

Таким образом, метонимическое моделирование позволяет создать метонимический образ грузино-российских отношений в дискурсе немецкоязычных СМИ при помощи пяти доминантных моделей. Грузино-российские отношения – это августовский военный конфликт России и Грузии, двух соседей, Москвы и Тбилиси, русских и грузин, Путина и Саакашвили из-за спорной территории – Южной Осетии. При этом в сознании немецкоязычного обывателя возникают однозначные модели: Путин – это Москва, Россия, предводитель русских, российское пра-

вительство; Саакашвили – это друг Буша, союзник Америки. Следовательно, августовский конфликт – это не только вооруженное столкновение, не только между Россией и Грузией, но и информационная война между Россией и США. Анализ функций метонимии показал, что она с большой частотностью используется авторами немецкоязычных СМИ как информационное оружие в борьбе за внимание читателя к внешним политическим проблемам, а также является средством навязывания определенно-го политического мнения широким массам читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Борщев В.Б., Парти Б.Х. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации. // Типология и теория языка: От описания к объяснению: К 60-летию А.Е. Кибрика / Под ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 159-172.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. 640 с.
- Тодоров Ц. Теория символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 89.
- Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления, культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. 249 с.
- Хахалова С.А.. Личность и мораль: между метафорой и метонимией // Личность и модусы ее реализации в языке: Коллективная монография. – М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 353.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. 248 с.
- Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: БРЭ, 1998. (БЭС).
- Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press. – Chicago, 1987. 614 p.
- Красная звезда. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Красная звезда](http://ru.wikipedia.org/wiki/Красная_звезда) (дата обращения: 03.03.2009).
- Boris Reitschuster. Schlacht im Kaukasus. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/suedossetien-schlacht-im-kaukasus_aid_323724.html (дата обращения: 11.08.2008).
- Reuters. Georgien mobilisiert alle Streitkräfte. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/kaukasus-konflikt-georgien-mobilisiert-alle-streitkraefte_aid_323255.html (дата обращения: 12.08.2008).
- AP. Hintergründe zum Krieg zwischen Russland und Georgien. URL: http://www.focus.de/politik/diverses/georgien-konflikt-hintergruende-zum-krieg-zwischen-russland-und-georgien_aid_324258.html (дата обращения: 20.08.2008).
- Thomas Darnstädt, Uwe Klußmann, Christian Neef, Matthias Schepp und Gabor Steingart. Putins Kalter Krieg. URL: <http://wissen.spiegel.de/wissen/dokument/dokument.html?id=59099365&top=SPIEGEL> (дата обращения: 18.08.2008).
- Reuters. Konflikt mit Georgien. Medwedew vergleicht Kaukasus-Krieg mit 9/11. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,577927,00.html> (дата обращения: 08.08.2008).
- Reuters. Tausende fliehen vor Gefechten in Südossetien. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,570974,00.html> (дата обращения: 08.08.2008).
- Michael Thumann. Europas Kleinmut. URL: <http://www.zeit.de/online/2008/33/georgien-krieg-im-kaukasus-schuld> (дата обращения: 14.08.2008).
- Peter Scholl-Latour. Krieg am Kaukasus. Darum schlagen die Russen so hart zurück. URL: <http://www.bild.de/BILD/news/politik/2008/08/11/darum-schlaegt-russland/so-hart-zurueck-hg.html> (дата обращения: 11.08.2008).
- Ines Scholz. Analyse: Saakaschwili hat sich schwer verrechnet – zur Freude Moskaus. URL: <http://www.wienerzeitung.at/DesktopDefault.aspx?TabID=4957&Alias=Dossiers&cob=365410&DosCob=365538> (дата обращения: 20.08.2008).
- Moritz Schuller. Wie angekündigt. URL: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/kommentare/Russland-Georgien-Nato-EU;art141,2590266> (дата обращения: 20.08.2008).
- Silvia Stöber. Die Lunte am Pulverfass hat Feuer gefangen. URL: <http://www.tagesschau.de/ausland/georgien280.html> (дата обращения: 01.09.2008).

© Шарманова О. С., 2009

Щипицына А. А.
Уфа, Россия

**ГАЗОВЫЙ КОНФЛИКТ РОССИИ И УКРАИНЫ:
ОБЪЕКТЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ
В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИА-ДИСКУРСЕ¹**

УДК 81'37

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются словосочетания типа «атрибутивное оценочное прилагательное + существительное» в немецком политическом медиа-дискурсе на тему газового конфликта России и Украины в 2008-2009 гг. В работе определены объекты отрицательной оценки и охарактеризованы сходства и различия в выборе объектов оценки в различных немецких качественных он-лайн газетах.

Ключевые слова: оценка, политический дискурс, оценочные прилагательные, атрибутивная функция, немецкие СМИ, он-лайн газеты.

Сведения об авторе: Щипицына Анна Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: Уфимский государственный нефтяной технический университет.

Контактная информация: 450062, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1, УГНТУ, кафедра иностранных языков.

E-mail: abez2000@mail.ru.

Shchipitsyna A. A.
Ufa, Russia

**GAS CONFLICT OF RUSSIA AND UKRAINE:
OBJECTS OF NEGATIVE EVALUATION
IN GERMAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

Код ВАК 10.02.04

Abstract. The paper focuses on word combinations of the type "attributive evaluative adjective + noun" in German political media discourse on gas conflict of Russia and Ukraine in 2008-09. The author delineates objects of negative evaluation and discusses similarities and differences in the choice of these objects in various German online quality newspapers.

Key words: evaluation, political discourse, evaluative adjectives, attributive function, German media, online newspapers.

About the author: Anna Shchipitsyna, candidate of philology, lecturer at the chair of foreign languages.

Place of employment: Ufa State Petroleum Technological University.

О необходимости исследований языка масс-медиа и языка политики можно судить по тезисам, которые выдвигают исследователи взаимодействия общества, СМИ и других институтов. Так, А.Ю. Горчева пишет, что «в мире, и в какой-то степени в России, живёт <...> массовое общество, которое зависит от средств массовой коммуникации, усваивает нормы и ценности, создаваемые политической элитой. <...> Воздействие средств массовой информации, политической рекламы очень эффективно, тем более, что человек постоянно погружён в рекламное поле и получает определённое число стереотипных сообщений, которые в дальнейшем должны мотивировать его политическое поведение» [Горчева 2002: 99-100]. В этой связи интерес представляет изучение категории оценки и особенностей её функционирования в политическом медиа-дискурсе, поскольку это позволяет определить, что выступает объектом оценки и как именно тот или иной объект оценивается. В настоящей работе была предпринята попытка определить объекты отрицательной оценки, выраженной атрибутивными прилагательными, в немецком медиатизированном политическом дискурсе. Мы разделяем точку зрения профессора Нормана Фэарклафа, который полагает, что медиатизированный политический дискурс состоит из смешения элементов дискурса политической системы –

обычной жизни, общественно-политических движений, разнообразных областей теоретического и научного опыта и др. – и журналистского дискурса [Fairclough 2003: 148]. Мы также придерживаемся позиции профессора Е.И. Шейгал, которая пишет, что в настоящее время массмедийный дискурс является основным каналом осуществления политической коммуникации [Шейгал 2000: 11].

В рамках проведённого исследования материалом для анализа послужили новостные тексты из раздела «Политика» («Politik») он-лайн изданий немецких национальных газет качественного типа «Welt Online» (www.welt.de) и «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (www.faz.net) за период с декабря 2008 года по январь 2009 года о конфликте, связанном с приостановкой транспортировки газа Россией через Украину европейским потребителям. Для проведения анализа были отобраны тексты общим объёмом в 72 тысячи знаков (по 36 тысяч знаков из каждого издания); подсчёт знаков осуществлялся с помощью компьютерной программы «Microsoft Office Word». Объектом исследования являлись оценочные прилагательные в атрибутивной функции. Прилагательное классифицировалось как отрицательнооценочное или положительнооценочное, если его дефиниция в толковом одноязычном словаре содержала компонент отрицательной (например, *schlecht, unangenehm, negativ*) или положительной (например, *gut, richtig, wunderbar*) оценки соответственно. Во внимание принимались также такие

¹ Исследование подготовлено при поддержке в форме гранта Германской службы академических обменов и Министерства образования и науки РФ в рамках программы «Иммануил Кант».

словарные пометы, как, например, (*abwert.*), т.е. *abwertend* («пейоративный», «отрицательно-оценочный»).

Результаты анализа показали, что в политическом медиа-дискурсе об указанном газовом конфликте содержится значительно больше прилагательных отрицательной, чем положительной оценки. В Интернет-издании «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (www.faz.net) было обнаружено в 2,6 раза больше прилагательных отрицательной, чем положительной оценки; в «Welt Online» (www.welt.de) – в 6 раз больше. Обратимся к некоторым примерам использования атрибутивных прилагательных для выражения отрицательной оценки в данном политическом медиа-дискурсе и рассмотрим их более подробно.

Атрибутивные прилагательные используются в рассматриваемом политическом медиа-дискурсе на тему газового конфликта для определения и характеристики различных объектов. Так, в онлайн-издании «Frankfurter Allgemeine Zeitung» были обнаружены прилагательные отрицательной оценки, которые характеризовали политические силы Украины (см. пример 1) и характер действий Украины (см. пример 2) в ходе газового конфликта (здесь и далее жирным шрифтом и подчёркиванием выделены оценочные прилагательные-атрибуты):

(1) Frau Timoschenko schrieb das Scheitern den Versuchen zu, die Stellung von Zwischenhändlern wie RosUkrEnergо entgegen den Absprachen mit Putin wieder zu etablieren. Am Mittwoch wurde sie konkreter. Der Preis, den die Ukraine den Russen künftig bezahlen sollte, sei schon bei annehmbaren 235 Dollar je 1000 Kubikmeter Gas so gut wie festgezurrт gewesen – bis die Verhandlungen von jenen **korrupten** politischen Kräften in der Ukraine zum Scheitern gebracht worden seien, die die Tätigkeit von RosUkrEnergо für sich nutzen würden [Michael Ludwig. Der Fanclub von RosUkrEnergо // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 15. Januar 2009].

Дефиниция прилагательного *korrupt* представлена в словаре следующим образом: Adj. (*abwert.*) 1. (≈bestechlich) [PONS 2004: 775]. Помета (*abwert.*), т.е. *abwertend* (пейоративный, отрицательнооценочный), указывает на то, что данное прилагательное используется для выражения отрицательной оценки. В примере 1 прилагательное *korrupt* (*продажный, коррумпированный*) характеризует те политические силы на Украине, что сорвали переговоры между Россией и Украиной относительно продолжения поставок газа.

В следующем примере (см. пример 2) из политического дискурса на данную тему содержится оценка характера действий Украины:

(2) Präsident Dimitrij Medwedjew ließ mitteilen, die Ukraine habe durch «Handlungen» mit «provokativem und **destruktivem** Charakter» das gerade geschlossene Abkommen «zerstört»: «Ich weise die Regierung

daher an, das Dokument, welches gestern unterzeichnet worden ist, nicht anzuwenden». [Konrad Schuller. Der Kern des Streits im Anhang // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12. Januar 2009].

В рассматриваемом случае для отрицательной оценки используется атрибутивное прилагательное *destruktiv* («деструктивный, разрушительный»), словарную дефиницию которого приводим ниже: Adj; *geschr*; <mst eine Kritik> so, dass sie nur negativ ist u. keine Vorschläge zur Verbesserung o.Ä. enthält [LGDF 2003: 219]. Действия Украины представлены как «провокационные и деструктивные», а Украина – как нарушитель достигнутого соглашения. Обращает на себя внимание выбранный журналистом способ цитирования высказывания, содержащего оценочную единицу, при котором закавычиваются только отдельные слова и фразы: в данном случае – это существительное «действия» («Handlungen») и причастие II глагола «нарушать» («zerstört»), а также словосочетание «провокационного и деструктивного характера» (mit «provokativem und destruktivem Charakter»). С одной стороны, журналист таким образом дистанцируется от высказывания оценки от своего имени, но с другой – исследование показывают, что чем меньше передаваемая с помощью прямой речи единица дискурса, тем больше функция кавычек сдвигается от «функции достоверности» («reliability function») к «функции отношения» («attitude function») [Weizman 1984]. На основе примера 2 сложно установить, что действительно было сказано в прямой речи, и можно лишь догадываться, не приобретает ли слово «действия» («Handlungen») оценочную окраску в данном контексте и при данном способе цитирования.

В связи с недавним газовым кризисом в немецкой прессе высказывались подозрения, что в ходе посреднической сделки крупные суммы денег были присвоены украинскими и российскими частными лицами. Согласно достигнутой в октябре 2008 года договорённости между премьер-министром Украины Юлией Тимошенко и премьер-министром России Владимиром Путиным, фирма «РосУкрЭнерго» должна была быть ликвидирована. В немецкой прессе в период с декабря 2008 года по январь 2009 года сообщалось, что премьер-министры обеих стран полагают, что срыв переговоров накануне 2009 года между Россией и Украиной был связан с позицией фирм-посредников.

В немецких онлайн-изданиях качественных национальных газет встречаются случаи отрицательной оценки посреднической фирмы «РосУкрЭнерго». Так, «Frankfurter Allgemeine Zeitung» характеризует этого посредника как «подозрительного» (*zweifelhaftig*):

(3) Die – mutmaßlich von einigen Personen in der Umgebung von Präsident Juschtschenko unterstützte – Rückkehr von RosUkrEnergо in das große Geschäft

wurde auch als Sieg der alten Kräfte interpretiert, zumal der **zweilichtige** Zwischenhändler immer wieder auch mit der Geheimdienstfraktion im Kreml in Verbindung gebracht wurde [Reinhard Vesper. Die Ungereimtheiten des Gasstreits // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1. Januar 2009].

Согласно словарной дефиниции и словарной помете (abwert.), прилагательное *zweilichtig* используется для отрицательной оценки явлений и лиц: *zweilichtig* Adj. (abwert.) von zweifelhaftem Ruf [PONS 2004: 1667]. Примечательно, что в данном случае журналист не цитирует ни экспертов, ни политиков, ни других лиц, и, следовательно, можно полагать, что оценка фирме-посреднику звучит от имени автора материала в данном Интернет-издании.

Согласно автору материала «Die Ungereimtheiten des Gasstreits» в Интернет-издании «Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 1-го января 2009 года, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко называет «РосУкрЭнерго» «бессоветной теневой компанией»:

(4) Ministerpräsidentin Julija Timoschenko bezeichnet RosUkrEnergо als «**skrupellose** Schattenfirma». [Reinhard Vesper. Die Ungereimtheiten des Gasstreits // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1. Januar 2009]

Поскольку в используемых нами словарях не зафиксировано отдельное значение прилагательного *skrupellos* («бессовестный, беззастенчивый»), но это прилагательное приведено в одной словарной статье с существительным *Skrupel* («угрызения совести»), от которого оно образовано, представляется возможным вывести значение первого из значения второго и заключить, что прилагательное *skrupellos* является отрицательнооценочным (ср.: *Skrupel der*; -s; *mst Pl*; die Gedanken u. Gefühle, die einen daran hindern, etw. Böses zu tun [LGDF 2003: 904]).

Отрицательную оценку комментарию российского премьера Владимира Путина даёт корреспондент «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Михаэль Людвиг:

(5) Die ukrainische Schlammschlacht bot dem russischen Ministerpräsidenten Putin wieder einmal Gelegenheit zu einem genüsslich-**herablassenden** Kommentar aus der Sicht des «älteren Bruders». Die orangenen Kräfte seien in Clan-Kämpfe und Streit um den Zugang zum lukrativen Handel mit russischem Gas verwickelt, sagte Putin in einem Gespräch mit dem ARD-Fernsehen [Michael Ludwig. Der Fanclub von RosUkrEnergо // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 15. Januar 2009].

В этом примере оценочный компонент содержит в своём значении прилагательное *herablassend*, которое переводится на русский язык как «снихождительный, покровительственный; надменный» и здесь используется журналистом для характеристики комментария российского премьер-министра (ср. дефиницию:

Adj. (abwert.) so, dass man seinen höheren Rang deutlich herausstreicht [PONS 2004: 607]).

В следующем примере сообщается, что в ранее опубликованном заявлении «Нафтогаз Украины» потребовал от «Газпрома» возобновления равномерных поставок по всем трубопроводам. Согласно газетному материалу, «Газпром» не согласовал своевременно объёмы и направления для поставок газа, что является «грубым нарушением» общепринятой практики.

(6) In einer schon zuvor veröffentlichten Erklärung hatte Naftogas Ukrainy von Gasprom gefordert, sofort gleichmäßige Lieferungen auf allen Pipelines wiederaufzunehmen. Gasprom habe nicht rechtzeitig die Mengen und Lieferrichtungen für das Gas vereinbart; das sei eine «**grobe** Verletzung» der üblichen Praxis [Reinhard Vesper. EU-Beobachter: Es strömt kaum Gas // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13. Januar 2009].

Действия «Газпром» описаны в данном случае как «грубое нарушение» и в словосочетании, построенном по типу «прилагательное + существительное», фигурирует прилагательное отрицательной оценки «грубый» (ср. дефиницию: *grob* Adj *7 mst attr*; mit möglichen (schlimmen) Folgen <ein Irrtum, Unfug, ein Verstoß; g. fahrlässig handeln> [LGDF 2003: 429]). Необходимо отметить, что закавычено только словосочетание «грубое нарушение» («*grobe Verletzung*») и источник цитаты не указан, хотя предложение построено согласно правилам построения предложений с косвенной речью. Таким образом, идентификация источника цитаты затруднена и представляется затруднительным установить, так ли действительно были охарактеризованы действия «Газпром» в заявлении «Нафтогаз Украины».

Корреспондент Райнхард Везер пишет в своём материале о том, что в начале 2006 года в течение нескольких месяцев было неясно, кому принадлежит вторая половина акций «РосУкрЭнерго» наряду с «Газпромом», и это обстоятельство породило ряд догадок относительно криминального происхождения фирмы-посредника. Затем, пишет автор материала, стали известны имена обоих украинских бизнесменов из «РосУкрЭнерго», которые и ранее были заняты торговлей газом между Украиной и Россией. По словам немецкого корреспондента, для этой газовой торговли была характерна непрозрачная сеть фирм неясным происхождением, в которой в большом количестве исчезали и газ, и денежные средства:

(7) Wer neben Gasprom die andere Hälfte von RosUkrEnergо besitzt, blieb damals über Monate unklar. Das führte zu wilden Spekulationen über einen kriminellen Hintergrund der in der Schweiz registrierten Firma – und viele Beobachter sahen diese Spekulationen bestätigt, als die Namen der beiden beteiligten ukrainischen Geschäftsleute schließlich bekannt wurden. Beide waren schon zuvor im russisch-ukrainischen Gas-

geschäft tätig, das von einem **undurchsichtigen** Netz von Firmen mit unklarem Hintergrund geprägt war, in dem große Mengen Gas und Geld versickerten [Reinhard Vesper. Die Ungereimtheiten des Gasstreits // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1. Januar 2009].

Сеть фирм, участвующих в российско-украинской торговле газом, характеризуется журналистом газеты как «непрозрачная» (*undurchsichtig*) и, таким образом, оценивается отрицательно, поскольку словарная дефиниция данного прилагательного содержит помету «пейоративный, отрицательнооценочный»: Adj. 2. (abwert.) so, dass es nicht zu durchschauen und deshalb verdächtig ist [PONS 2004: 1402].

Обратимся к анализу примеров выражения отрицательной оценки с помощью атрибутивных прилагательных во втором Интернет-издании, послужившем источником материала для анализа в настоящем исследовании, – к немецкой национальной газете качественного типа «Welt Online». Корреспондент Герхард Гнаук в своём материале, как и его коллега из «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (см. примеры 3 и 4), отрицательно оценивает посредническую фирму «РосУкрЭнерго»:

(8) Der Kiewer Vizepremier Hryhoriy Nemyria forderte die Beseitigung des **undurchsichtigen** Zwischenhändlers RosUkrEnergo im russisch-ukrainischen Gaseschäft: Das wäre «ein Beitrag zur Energiesicherheit der Ukraine und ganz Europas» [Gerhard Gnauck. Ukraine: Präsident gegen Premierministerin // Welt Online, 17. Januar 2009].

Согласно приведённому выше отрывку из газетного материала, вице-премьер Украины Григорий Немыря потребовал устранения фирмы-посредника при проведении сделок с газом между Россией и Украиной. В данном примере атрибутивное прилагательное *undurchsichtig* («сомнительный») используется для отрицательной оценки фирмы «РосУкрЭнерго» (ср. дефиницию: *undurchsichtig* Adj. 2. (abwert.) so, dass es nicht zu durchschauen und deshalb verdächtig ist [PONS 2004: 1402]).

В материале о завершении газового конфликта в начале 2009 года корреспондент Эдуард Штайнер пишет, что после десятичасового «переговорного марафона» премьер-министр Украины Юлия Тимошенко была бледна, а российский премьер был лишь в немного более приподнятом настроении. По словам госпожи Тимошенко, которые приводит автор статьи, «марафон» был очень трудным. Лишь глубоко за полночь премьер-министры обеих стран предстали перед прессой и сообщили о разрешении газового конфликта:

(9) Und schließlich war es in Moskau schon weit nach Mitternacht, als beide im Gleichschritt vor die Presse traten und die Lösung des **leidigen** Gaskonfliktes bekannt gaben [Eduard Steiner. Moskau und Kiew beenden Gasstreit // Welt Online, 19. Januar 2009].

В представленном отрывке слово «конфликт» сопровождается прилагательным «злосчастный, неприятный» (*leidig*), дефиниция которого содержит оценочные элементы «неприятный» (*unangenehm*) и «обременительный, тягостный» (*lästig*) и, следовательно, относится к прилагательным отрицательной оценки в рамках настоящего исследования (ср. дефиницию: *leidig* <nicht steig.> (nur attr.) Adj. so, dass etwas zwar eher harmlos, aber unangenehm und lästig ist [PONS 2004: 841]).

В связи с приостановкой транзита российского газа европейскому потребителю через территорию Украины, согласно автору новостного материала в Интернет-издании «Welt Online» Томасу Розеру, город Панчево в Сербии остался на второй день православного Рождества без газового отопления. В этой связи резко возросли объёмы продаж различных электрообогревателей, и продавцам совсем не нужно было прибегать к утончённым способам убеждения покупателей приобрести то или иное устройство для обогрева их квартир:

(10) Ungeduldig mahnt der **bullige** Verkäufer im Elektrogeschäft Coin in der Zarko-Zrenjanin-Straße die unschlüssige Kundin zur Eile an. «Überlegen Sie nicht so lange! Wer weiß, wie lange es die Dinger noch gibt», drückt er der betagten Frau kurz entschlossen ein Heißluftgerät in die Hand [Thomas Roser. Kalte Grüße vom großen Bruder – Serbien ist im Winter ohne Gas // Welt Online, 9. Januar 2009].

В примере (10) продавец в одном из магазинов электротоваров в этом сербском городе охарактеризован журналистом с помощью отрицательнооценочного прилагательного *bullig* («здорovýй и неуклюжий»), что в сочетании с описанием образа действий продавца (*ungeduldig* – т.е. «нетерпеливо») хорошо передаёт атмосферу данной ситуации (ср. дефиницию: *bullig* Adj; oft pej; kräftig u. massig <ein Mann> [LGDF 2003: 193]).

В этом же материале корреспондент «Welt Online» сообщает со слов диктора сербского радио, что государственная валюта рухнула до предельно низкого уровня, а 180 тысяч сербов вынуждены были трястись от холода из-за остывших батарей отопления:

(11) Der Dinar sei auf einen historischen Tiefststand gesackt, und 180 000 Serben müssten vor erkalteten Heizkörpern bibbern, vermeldet der Sprecher im serbischen Radio mit tonloser Stimme die **trostlosen** Morgennachrichten [Thomas Roser. Kalte Grüße vom großen Bruder – Serbien ist im Winter ohne Gas // Welt Online, 9. Januar 2009].

Новости, которые диктор сообщает «глухим голосом» (*mit tonloser Stimme*), описаны журналистом как «безотрадные» (с помощью прилагательного *trostlos*; ср. дефиницию: Adj. 1. (*≈hoffnungslos*) so, dass eine Situation schlecht u. bedrückend ist u. es kaum Hoffnung auf Besse-

rung gibt [PONS 2004: 1353]). Поскольку в дефиниции прилагательного *trostlos* есть компонент отрицательной оценки (*schlecht*), полагаем, что оно относится к отрицательнооценочным прилагательным в соответствии с принятой нами классификацией.

Корреспондент немецкого издания Томас Розер пишет в своём материале, что из-за российско-украинского газового конфликта и связанного с ним отключения отопления пострадали люди, проживающие в доме для престарелых. По словам одного из них, 78-летнего г-на Мрловича, он любит тепло, однако неожиданный шок от холода пришёлся как нарочно на православное Рождество в «очень неподходящее время». Журналист цитирует слова этого пожилого человека о том, что мы живём в глобализованном мире:

(12) Er liebe die Wärme – und der unerwartete Kälteschock komme ausgerechnet am orthodoxen Weihnachtsfest zu einer «sehr **unpassenden** Zeit», sagt der 78-jährige Gojko Mrlovic: «Aber wir leben in einer globalisierten Welt – und bekommen das nun eben zu spüren» [Thomas Roser. Kalte Grüße vom großen Bruder – Serbien ist im Winter ohne Gas // Welt Online, 9. Januar 2009].

Определением слова *Zeit* в вышеприведённом примере выступает прилагательное *unpassend*, которое в соответствии со своей дефиницией и пометой «пейоративный» относится к прилагательным отрицательной оценки (ср. дефиницию: *unpassend Adj. 1. (abwert.) so, dass etwas in einer Situation nicht angebracht ist* [PONS 2004: 1413]).

Таким образом, проведенный анализ показал, что для выражения отрицательной оценки в рамках политического медиа-дискурса на тему газового конфликта России и Украины использовались различные атрибутивные прилагательные, содержащие в своём значении отрицательнооценочный компонент. Несмотря на то, что жанр новости считается лишённым субъективности, оценочные прилагательные всё же встречаются в материалах из разделов политических новостей и в «Welt Online», и во «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

Необходимо отметить, что в проанализированном в рамках настоящего исследования дискурсе на тему газового конфликта России и Украины были обнаружены сходства и различия в выборе объекта отрицательной оценки, выраженной с помощью атрибутивных прилагательных. В обоих изданиях, послуживших источником материала для анализа, фирма

«РосУкрЭнерго» являлась объектом отрицательной оценки (см. примеры 3, 4, 8). Однако только в Интернет-издании качественной немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» объектом оценки, выраженной атрибутивными прилагательными, выступали политические силы Украины (см. пример 1), характер действий Украины (см. пример 2) или комментарий премьер-министра России Владимира Путина (см. пример 5: *herablassend*). На страницах Интернет-издания качественной немецкой газеты «Die Welt» объектами отрицательной оценки выступали «утренние новости», «время» или «газовый конфликт» (см. примеры: 11, 12, 9). Следует оговориться, что поскольку оценочные прилагательные-атрибуты являются лишь одним из лингвистических способов выражения оценки в дискурсе, сделать вывод о большей склонности того или иного издания к публикации критики действий представителей обоих государств не представляется возможным, но некоторые тенденции в выборе объектов оценки и в характере оценок анализ позволил обнаружить.

ЛИТЕРАТУРА

Горчева А.Ю. Основы манипулирования людьми в избирательном процессе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 1. С. 91-103.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. ... д. филол. н. – Волгоград, 2000. 32 с.

Fairclough N. Political Discourse in the Media: An Analytical Framework // Approaches to Media Discourse [ed. by A. Bell and P. Garrett] – Oxford UK and Malden, Mass. USA: Blackwell Publishers, 2003. P. 142-162.

Weizman E. Some register characteristics of journalistic language: Are they universals? // Applied linguistics. 1984. Vol. 5 (1). P. 39-50.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

Большой немецко-русский словарь / К. Лейн, Д.Г. Мальцева, А.Н. Зуев и др. 9-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. 1040 с.

Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen / Hrsg. Dieter Götz... In Zusammenarbeit mit der Langenscheidt-Red. 5. Auflage. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt, 2003. XXVI, 1217 S. : III.

PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / [bearb. von: Susanne Balhar... Projektleitung: Andreas Cyffka]. 1. Aufl. – Barcelona; Budapest; Ljubljana; London; Posen; Sofia; Stuttgart: Klett Sprachen, 2004. 1700 S. : III.

© Шипицына А. А., 2009

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Бушев А.Б.
Тверь, Россия

Bushev A.B.
Tver, Russia

МАСС-МЕДИА В ИНТЕРНЕТ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 659.1

ББК Ш 100.3

Аннотация. Новые информационные технологии позволяют использовать огромные массивы информации. Доступ к информационным ресурсам поверх национальных барьеров меняет деятельность образовательных систем. Коммуникативная революция предполагает информационную культуру, т.е. способность осуществлять поиск необходимой информации, и информационную рефлексивность, т.е. возможность оценивать полученную информацию. Демократизирующее влияние Интернет на социальные институты активно исследуется и нередко переоценивается. В этой связи говорят о социальном солипсизме – специфическом типе коммуникации, характерном для Интернет. Широко обсуждаются проблемы демократии и Интернет, развлекающей и информативной функции всемирной паутины, политических кампаний в виртуальной реальности. Исследования электронной коммуникации и коммуникации компьютера и человека позволяют понять роль новых информационных технологий в формировании ментальности эпохи глобализации. Аспекты информационной глобализации тесно связаны с социальными и этническими стереотипами идентичности.

Ключевые слова: СМИ, межцивилизационная коммуникация, Интернет, кросскультурная коммуникация, информационная культура.

Сведения об авторе: Бушев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Контактная информация: 170037, г. Тверь, ул. Орджоникидзе, д. 25"В".
E-mail: alex.bouchev@list.ru.

MASS MEDIA IN THE INTERNET AND COMMUNICATION BETWEEN CIVILIZATIONS

ГЧТИИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

Abstract. The new information technologies present vast massive of data at one's fingertips. The access to information resources beyond national barriers changes the activities of educational systems. The communicative revolution presupposes information culture – the ability to maintain search for information one needs and information reflectivity – the ability to judge the accessed information. The democratizing effects of Internet on social institutions is under study and is somewhat overestimated. The political communication over the Internet has its own characteristics. One speaks about specific forms of social involvement, typical of world wide web presentations – e. g. social solipsism. Widely discussed are the problems of democracy and Internet, entertainment and informative function in the world wide web, political campaigns in virtual reality. The studies of electronic communication and person-computer-person communication help perceive the role of new information technologies in forming mentality of globalized epoch. Aspects of information globalization are intrinsically connected with ethnic and social identity stereotypes.

Key words: mass media, communication between civilizations, internet, cross-cultural communication, information culture.

About the author: Bushev Alexander Borisovich, candidate of philology, associate professor.

Place of employment: The Branch of Saint-Petersburg State Engineering and Economy University in Tver.

В статье в связи с тематикой открытого общества и открытого образования обсуждаются наметившиеся междисциплинарные стремления российских исследователей осмыслить социальные и межкультурные эффекты интернетизации масс-медиа. Эти эффекты значимы при обсуждении мировых событий, а главное, при полученном людьми самостоятельном доступе к океану знаний, накопленных во всем мире

Интернет появился в нашей жизни, и электронные ресурсы мира оказались в буквальном и переносном смысле «на кончиках пальцев» – «at one's fingertips». Информационные ресурсы – это серьезный феномен, качественным образом сказывающийся на обществе. Налицо их необозримость в Интернет, отсюда возникает необходимость вести поиск, потребность ориентации в ресурсах. Стали появляться работы, осмысляющие отдельные социальные аспекты

и последствия новых информационных технологий, в том числе и для открытости общества. Сформировалось мнение, что важен, как никогда, свободный, интуитивно понятный, а главное, самостоятельный доступ к океану знаний, накопленных во всем мире. В формировании общества XXI века общепризнанна роль информационного ресурса, обеспечивающего движение поверх национальных барьеров [Новые университеты 2003]. Происходит универсализация знания. Так, старая идея о ноосфере приобретает новое звучание. Есть в такой глобализации и отрицательные факты: совсем не обязательно рассматривать всю свою деятельность исключительно имеющей цель интеграции в мировое сообщество.

Формируется философия открытого образования. Оно связано с пониманием, мышлением, постоянным обновлением знания, технологиями

дистанционного обучения, самостоятельным поиском знания. Такая философия подготовлена в России педагогическими инновациями. Значимыми в такой работе оказываются проблемное, деятельностное обучение, мотивация, творческий потенциал, диверсификация и мультипликация источников образования. Обучаемый постоянно самообучается. Дистанционные технологии при этом обеспечивают эффективную информационно-образовательную среду. Очевидно, что такое образование не представляет собой конечный процесс. Значительны изменения возникают в связке «открытое образование – общество – инфокоммуникационная революция».

Гипернет – гипермедийная инфокоммуникационная инфраструктура становления качественно нового мира, определяющей характеристикой которого является универсализация принципов международных взаимодействий в различных сферах человеческого общежития – в экономике, в политике, в праве, в науке, в образовании, культурной и социальной сфере. Это имеет свои плюсы и минусы. Важным в таких условиях становится обучение технике интеллектуальной работы. При этом оказывается, что творчество заключается не только в изменении и последовательном преобразовании объекта творчества, но (и это главное) – субъекта творчества (человека). Происходит понимание того, что творчество, как и культура, должно пронизывать всю жизнь человека и, безусловно, всю систему образования.

Что особенно важно подчеркнуть, информатизация – процесс преобразования информации, знаний в один из наиболее важных ресурсов общества – все более определяет и уровень развития, и направление прогресса общества, его структур, систем, институтов. Так, имеются публикации, осмысляющие электронную демократию как компьютерно-опосредованную форму политической коммуникации [Вершинин 2002]. Изучается влияние Интернет на демократические институты и процессы, проблематика «открытое общество» традиционно увязывается со свободным доступом информации к Интернет.

Исследуется «демократизирующий» эффект Интернет: возможности и угрозы, которые несет данная коммуникация. В связи с Интернет поставлена открытость и прозрачность политического процесса в России. Здесь наблюдается увеличение участия граждан в общественной жизни, увеличение числа политических акторов, плюрализация интересов в политическом процессе; элементы предвыборных кампаний, опросов общественного мнения, партийная жизнь появляются на страницах сети (Вершинин 2002, Раскладкина 2002). Этот феномен социологи называют символической политикой, которая представляет заинтересованное наблюдение за масс-медиа. Это лишь потребление образов политической сферы, симуляция

политической ответственности, стремление превратить власть в политический сервис, а политическое участие – в форму развлечения. Однако демократизирующее влияние Интернет переоценивается. Нет оснований говорить о взаимосвязи между информированностью и политической вовлеченностью.

Сегодня мы наблюдаем и процесс превращения Интернет в СМИ и в связи с этим резкое снижение образовательного, возрастного, профессионального, материального, культурного уровня аудитории Интернет. Осознается перспектива поглощения Интернет (вслед за радио и ТВ) транснациональной индустрией развлечений.

Исследователями обсуждается и информационное общество и его характеристики – открытость, технологичность, интеллектуальность, электронизация производства, качество, надежность и достаточность систем связи (особенно спутниковой), доступ к мировым информационным ресурсам, высокая степень обеспечения безопасности, гибкость и самоорганизация вышеуказанных систем. В широком смысле информатизация представляет собой развитие аппарата мышления, разработку новых понятий, нового знания.

Эффективное использование возможностей электронной коммуникационной среды невозможно без лингвистических, социологических, психологических исследований компьютерно-опосредованной коммуникации, ее специфических особенностей как нового средства общения. E-communication вызывает изменения в менталитете, формах представления информации, восприятии и понимании известных явлений.

Явственна в современных условиях тенденция к интеракции людей и культур. Важным аспектом коммуникации в Интернет является взаимодействие между культурами, постижение причинно-следственных связей различных социокультурных явлений в динамике социализации личности. Суть Интернет – это общение, общение между отдельными людьми и нациями без чьего-либо вмешательства. Существуют исследования вопросов социализации личности, повышения образовательного уровня, инноваций и Интернет. Проблематика этнической идентичности в Сети важна [Соколов 2002]: на первый взгляд, тут правит балом глобализация и опыт взаимодействия в Сети будет вести к ослаблению этнической идентичности. Предписываемые социальные категории (пол, возраст, этнос) по идее неприложимы к участникам виртуальных интеракций, поскольку нет такой силы, которая могла бы что-то предписывать. Говорили даже о возникновении эгалитарных сообществ нового типа. Однако исследования показывают, что и этническая, и политическая позиция являются частью представления себя в Сети и за ее пределами. При этом общеизвестен факт, что анонимность часто гарантирует безнаказанность.

Понимание при кросс-культурной коммуникации интерпретируется как вопрос о конфликте ценностей. Естественным образом возникающая ситуация непонимания между представителями разных культур – национальных, религиозных, профессиональных или организационных, основывается на различиях в матрицах соотнесенности коммуникантов с социальными образованиями, с которыми они себя отождествляют. Ставя вопрос об оптимизации понимания, необходимо, помимо переводческих вопросов, связанных с проблемой соотнесения грамматических и лексических средств языков, учитывать и проблемы различия символических средств, поведения и ролевых моделей, ценностей, присущих разным сообществам. Истоки коммуникативной идентичности следует искать в организации сообществ, которые являются средой для социальной жизни человека [Ярмахов 2002]. Коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей. Коммуникация служит задаче поддержания того порядка вещей, который для большинства членов общества является незыблемой реальностью, институционализации его элементов.

Более других обсуждается существенный социальный аспект применения ИИТ в образовании: повышение качества знаний учащихся при ограниченных финансовых возможностях, дефиците социально свободного времени, недостаточном доступе к имеющейся литературе и источникам. В дело вступает *www*. Исследователи затрагивают различные факторы использования Интернет – фактор времени, фактор выбора источника, фактор выбора способов получения оперативной информации, фактор выбора материала, эффект айсберга, эффект присутствия, иллюзия свободы информации. На деле создание и поддержка *on-line* ресурса требует больших финансовых затрат, осуществить которые имеют возможности круги, заинтересованные в распространении определенной информации [Раскладкина 2002].

Сеть Интернет добавляет некие новые обстоятельства и переменные в наши представления о социальном конструировании. Создается сфера специфической интерсубъективности, и такая специфика неизбежно оказывает свое воздействие на социальную реальность в целом. Интересны стратегии и способы самопрезентации, на которые накладывает свой отпечаток сама форма сетевого общения, его специфическая опосредованность техникой и др. обстоятельствами. Личные домашние страницы – дополнительная особая форма вовлечения в социальное конструирование, новый тип самопрезентации в коммуникации. В этой связи говорится о социальном солипсизме – доминировании специфического типа коммуникации, демонстративности [Таратута 2002]. Все

эти вопросы важны в кругу вопросов «Интернет и социальная идентичность».

В содержательном направлении информатизации выделяются: а) Информационная культура. Информационно культурным считается человек, который в состоянии определять свои потребности в информации, искать ее, оценивать и эффективно использовать; б) Развитая информационная рефлексия. Оба эти умения подчеркивают потребность решения проблемы информационного кризиса, который проявился в неуклонном экспоненциальном росте документальной информации. Человеку XXI века необходимо уметь ориентироваться в обрушивающемся на него информационном потоке, находить и использовать нужную информацию для получения новых знаний.

Получает развитие преподавание наук коммуникативного цикла – теории коммуникации, герменевтики, теории переговоров, конфликтологии, семиотики, теории спора и аргументации [Почепцов 2000, 2003]. В этой связи хочется напомнить о риторике, так как она является безусловным ядром речемыслительных действий и гуманитарного знания. Сегодня довольно остро стоит задача массового обучения наиболее эффективным речевым действиям всех видов. Знание видов словесности, их смысловых возможностей, отношения к другим видам культуры представляются составляющими риторической грамотности [Рождественский 1997]. Риторика – учение о развитии мысли в слове – получает новое гражданство в нашем обществе.

В этой связи внимание обращается на общую риторику, которая разрабатывает проблематику речевого воздействия «в рамках работы по массовому обучению наиболее эффективным видам речевым действиям всех видов: построению и восприятию устной речи в разных ситуациях, построению письменной речи и искусству чтения, умению пользоваться массовой коммуникацией» [Рождественский 1997: 7]. Риторика решает две основные задачи: «Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давая себя увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции» [Рождественский 1997: 10]. Знание видов словесности, их смысловых возможностей, отношения к другим видам семиозиса представляются составляющими риторической грамотности.

Сегодня активно расширяется проблематика неориторики, имеющей в качестве своего предмета описание принципов построения лю-

бых словесных произведений; проблемы устной интерпретации литературы, нацеленной на понимание художественного произведения, речевой педагогики, дебатирования. Явственно отмечается вторжение в неориторику новой терминологии из теории коммуникации, психологии, социологии, семантики. Неориторика ставит и проблему речевого существования человека и народа; изучает эффективность речи в контексте подготовки современного речедеятеля; дает рекомендации речедеятелям, принадлежащим к разным профессиям. Современные функции риторики, которые могут быть поняты и как ее задачи, мыслятся как общественное управление, формирование морали, нравственности и этики, формирование стиля, исследование психологии речетворчества. Задача речевого поступка (выбор слов, выбор риторических фигур) состоит в производстве уместной, правильной и эффективной речи, приводящей к действию. Трактую глубину понимания как меру свободы человека, риторика ставит своей задачей и включение человека (организованное или стихийное, не организованное обучением) в речевые отношения.

Сегодня отсутствует адекватное академическое представление о виртуальной действительности, мало философских работ, анализирующих виртуальную действительность. Однако явственен интерес к форме информации, понятно, что оперативность, доступность, открытость коммуникации – несомненные достоинства НИТ.

Представленными в Интернет оказываются многочисленные документы общественно-политического, дипломатического, экономического, военного характера. Существует возможность посетить сайты ООН, НАТО, ОБСЕ, ЕС, других региональных международных организаций, неправительственных международных организаций, правительств и представительных органов разных государств. Прекрасно представлен законодательный процесс США (веб-сайт THOMAS). Ведется обсуждение европейской интеграции и тематики на веб-сайтах Института США и Канады РАН, международных организаций ученых, исследующих европейскую интеграцию. Серверы права Чикагского и Пенсильванского университетов посвящают ряд ресурсов пониманию и трактовке институтов международного права. Сервер www.fas.org представляет информацию открытого доступа о вооруженных силах всех государств мира.

Информационный жанр в западных англоязычных средствах масс-медиа – новостной рассказ (news story) – основная масса информационных потоков, осуществляющих мониторинг событий. Современные коммуникативные технологии обеспечивают ежедневное чтение основных газет, издаваемых в мире, и сообщений новостных агентств (см., например, ресурс www.yahoo.com). Риторическая компетенция

коммуникатора требует различения разных жанров в пределах данной группы.

В сфере переводческой и коммуникативной культуры поднимается вопрос о научении рефлексивным техникам комментирования публицистических материалов, в том числе полученных нами с помощью Интернет. В анализе публичного речетворчества проявляется вся сила аналитического аппарата риторики (герменевтики), которому, безусловно, предстоит учиться и учиться. Необходимо в любой, а особенно в аналитической, руководящей профессиональной деятельности уметь направлять внимание аудитории на важные новые факты, оценивать их, связывать комментируемое явление в связи с другими событиями, выявлять причины этого события, формулировать прогноз развития комментируемого события, обосновывать с помощью примеров необходимые способы поведения и решения задач.

Важно приобретение рефлексивной культуры, осмысление проявления стереотипизации материала и мнений. Это важная аналитическая аксиологическая техника приобретает только при осмыслении достаточного количества систематизированного материала, тематически подобранного, что, опять-таки, прекрасно предоставляется системами поиска и системами отсылок в глобальной сети Интернет.

Наряду с использованием материалов в лингводидактических целях предстоит осмысление использования возможностей самой технологии. Характерной чертой коммуникативных технологий является их влияние на массовое сознание, что отличает их от других видов коммуникации, межличностного взаимодействия [Делягин 2003: 5].

При анализе значительного количества информации в данном информационном потоке вырабатываются техники выделения главного и стандартного, техники анализа нового, комментирования, контент-анализа, выявления импликаций и проч.

Рассмотрим роль интернетизации для развития навыков межкультурной коммуникации. Для сегодняшнего дня характерно накопление критической массы работ в области теории и практики перевода, коммуникативистики, культурной антропологии, этнологии, дидактики преподавания иностранных языков, лингвокультурологии и социологии, кросс-культурных исследований, появление практической необходимости находить корни проблем, возникающих во время общения представителей различных культур, институционализация дисциплины «межкультурная коммуникация» в вузах.

В широком философском плане мультикультурные контакты представляются одним из наиболее важных следствий безграничных экономических, политических и коммуникативных сетей, охвативших сегодня весь земной шар. Немаловажно, что сегодня явственны культурные корни многих современных конфликтов, что

также способствует рефлексии над тем, что есть культура, диалог культур, мультикультурализм.

Межкультурная коммуникация привлекает все большее количество исследователей. Работы обсуждают важность кросс-культурного подхода в исследованиях, в дидактике, в социальной работе, в менеджменте. Интерес к данной проблематике вызвал и появление принципиально новых учебных пособий, обобщающих тот путь кросс-культурных исследований, какой она проделала на Западе. Выросшая из наблюдений лингвистов, этнопсихологов, историков, теория межкультурной коммуникации поднялась до осознания своей цельности и своей объяснительной и прикладной роли. В ее истоках – философские теории национального духа, исследование национально-специфической картины мира, теории Гердера, Гумбольдта, Потебни, Сепира и Уорфа, Мид, Малиновского.

Первоначально интерес к межкультурной коммуникации возникает именно в связи с ее субстратом – сопоставительным изучением языков – в дидактике преподавания языков, в прагматике. С лингвострановедением связано изучение так называемых реалий, создание лингвострановедческих словарей, изучение лингвокультуры в целом и становления кредо интеркультурных исследований. Потребности реальной практики общения поначалу в международном, а затем и в мультикультурном контексте способствуют дальнейшему развитию теории межкультурной коммуникации. Создается представление о компонентах культуры, несущих национально-специфическую окраску. Этому способствуют и достижения социолингвистики, создание теории лингвострановедения, изучение страноведения и мира изучаемого языка.

Исследованиям «язык и межкультурная коммуникация» способствовали изучение этнонимов, ксенонимов, концептов в художественной публицистике и художественной литературе, успехи сопоставительного изучения языков, создание переводоведческих теорий, опирающихся на понимание подлинника, успехи этнолингвистики и этнопсихолингвистики. Плюс понимание того, что язык влияет на человека, и человек, и общество отражаются в языке, развитие социоконструктивистских и социоконструкционистских подходов. Культурная картина мира, языковая картина мир воплощаются в языке.

Предмет межкультурной коммуникации представляется как коммуникация между индивидуумами из разных культур либо как коммуникативные процессы, происходящие в культурно-вариативном окружении. При этом межкультурная коммуникация – частный случай межличностной коммуникации. Исследованию в этой связи подвергаются собственные система кодировки, нормы, установки формы поведения, приятые в родной и чужой культуре, субъ-

ективно-эмоциональные ощущения чужеродности ценностей.

В философском плане приходит осознание того, что современные культуры представляют собой динамичные открытые системы. Межкультурное взаимодействие рассматривается сегодня не только как взаимодействие между представителями разных государств, но и этнических группировок, профессий или фирм. Межкультурное обучение направлено на воспитание межкультурной компетентности. Под этим понимается комплекс социальных навыков и способностей, при помощи которых индивидуум успешно осуществляет общение с партнерами из других культур как в бытовом, так и в профессиональном контексте.

Феномен глобальной сети способствует осознанию и преодолению коммуникативных барьеров. Приведем, например, тот факт, что в сегментах сети, выстроенных в рамках евроцентризма, обсуждаются проблемы этнической и национальной идентичности, проблемы культурной идентичности и культурных оснований конфликтов. Поисковая работа в сети, представление научных исследований значительно способствуют межкультурному диалогу. Широко обсуждается фактор влияния Интернет на дидактику образования, на состояние материальной базы вузов, преодоление изоляции вузов и стране.

Эффекты Интернет на межкультурную компетенцию анализируются нами с момента появления Интернет в практике работы вуза со второй половины 1990-х годов. Интернет-коммуникация справедливо воспринимается как фактор глобализации информационного пространства. Чрезвычайно показателен феномен экспоненциального роста представления знаний разнообразных культурных сообществ в Интернет.

Феномен виртуального общения (он-лайновое, в конференциях, в дистанционном обучении, феномен нетикета, рефлексия над лингвокультурами и т.д.), увеличение контактов в международном и межкультурном контексте, тенденция к представлению максимального числа дискурсов в Интернет (в том числе и весьма маргинальных), расширение интернациональных проектов и создание единых стандартов ЕС, изобилие материалов по дидактике языка, учитывающей именно реальный контекст международного общения, наличие дистанционного обучения, наряду с некоторыми социальными факторами (рост миграции, рост мобильности и виртуальных контактов) находят отражение в размышлениях о влиянии интернетизации на межкультурную коммуникацию и межкультурной коммуникации на интернетизацию. Появляются и работы по социологии межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством НИТ: например, о специфике контактов по электронной почте между европейцами и китайцами, специфике организации сайтов.

На важность языковых факторов, языковых феноменов в структуре дискурса обращают внимание и представители герменевтики (Хайдеггер, Гадамер), и представители социального конструктивизма. При желании можно проследить истоки этих взглядов в философии Платона, Гумбольдта, немецких романтиков, Вайсгербера. Ряд работ сегодня поднимают вопрос о важности глобальных информационных технологий и информационной элиты в конструировании социальных представлений. В этой связи на основе изучения многочисленных публикаций информационно-пропагандистского плана мы можем выделить некоторые частотные риторические техники таких выступлений:

- ◆ использование клише (*праведная борьба, угроза существованию*), штампов (*агрессор-террорист, угрожающий миру*), стереотипов (*арабские террористические организации*);
- ◆ оценочная лексика (*повстанец, преступник, наемник, трагедия, жертва чудовищные пытки*);
- ◆ лексика с эмоциональными и экспрессивными коннотациями (*недочеловек, очень серьезный исход*);
- ◆ многократные повторы и перепевание не разные лады одного и того же (*антитеррористическая коалиция*);
- ◆ использование эвфемизмов и перифраз (*антиглобализм, (анти) террористические действия; миротворчество, бомбардировщик доставил груз, осуществлена зачистка*);
- ◆ сложность дефинитивности терминов (*права человека, демократический режим*);
- ◆ демонизация противника (*коварный и опытный враг, расчетливый террорист, склонный ударить внезапно, не жалеющий никого, даже женщин и детей*);
- ◆ утверждение собственного благородства (*принести демократию народу Ирака*);
- ◆ ссылки на авторитеты (*по сообщению временной администрации*);
- ◆ манипулирование фактической информацией;
- ◆ демонизация противника (*cowardly terrorists, very dangerous people, a real threat to our existence*

В знаменитой «доктрине Буша» выделим несколько пассажей стандартного модуля предложения по отношению к внешнеполитическим событиям.

The civilized world faces unprecedented dangers.

We captured, arrested and rid the world of thousands of **terrorists** and freed a country from **brutal oppression**.

America and Afganistan are now allies against terror.

We will be **partners in rebuilding that country**.

The last time we met in this chamber, **the mothers and daughters of Afghanistan** were **captives** in their

own homes, forbidden from working or going to school. **Today women are free.**

The men and women of our armed forces **have delivered a message now clear to every enemy of the United States:** Even 7000 miles away, across oceans and continents, on mountaintops and in caves, **you will not escape the justice of this nation.**

What we have found in Afghanistan confirms that far from ending there – **our war against terror is only beginning.**

Thousands of dangerous killers schooled in the methods of murder often supported by **outlaw regimes**, are now spread throughout the world like **ticking time bombs** set to go off without warning.

Ten of thousands trained terrorists are still at large. These enemies view the entire world as the **bat-tlefield**, and we must pursue them wherever they are.

Необходим аналитический инструментарий, через призму которого можно было бы рассматривать сказанное выше. Выделенные в тексте жирным шрифтом и подчеркиванием номинативные словосочетания четко задают стереотип отношения к сторонам операции, а все другие глагольные словосочетания представляют собой стандарт предложений в этой и подобной ситуациях.

Актуальная тема – риторические особенности текстов средств массовой коммуникации и их воздействие на разные слои населения (стиль общественных выступлений, пропаганды, рекламы) – заставляет вновь обратиться к языковедческой проблеме «язык и идеология». «Идеология, как и наука, – это форма общественного сознания, форма отражения действительности... Идеология же – это отражение общественного бытия человека через призму классовых, социально-групповых интересов. Идеология ориентирована не столько на объект познания, сколько на интересы субъекта, взятого на социально-групповом уровне. Назначение идеологии – выработка системы ценностей, на которую ориентируется определенная социальная группа, которая их стремится реализовать, претворить в действительность, сформировать эту действительность в соответствии с признанной системой ценностей. Идеология говорит о том, что должно быть и чего не должно быть в социальном мире (обществе)» [Черданцев 1998: 23-24]. Идеология с точки зрения субъектной принадлежности может быть религиозной, национальной, националистической, классовой, групповой. Все основные идеологии в современных условиях так или иначе апеллируют к общечеловеческим ценностям, правам и свободам граждан, справедливости, демократии. Изучение и выявление идеологем в коммуникации – важная тема социолингвистических исследований. Язык не только отражает мир реальный, но и воздействует на него. Отсюда следует, что сама природа социального регулирования неизбежно требует знания логики и языка. Во многих языковых феноменах соци-

ального регулирования (нормах, индивидуальных решениях, принципах, оценках и т.д.) проявляется прагматическая функция языка, заключающаяся в том, чтобы вызывать у адресатов, к которым они обращены, определенные реакции, склонить их к определенному поведению. Такие исследования смыкаются с изучением интеллектуальных функций языка. Тем более это важно в отношении публичных рилейшнз и пропаганды, т.к. они демонстрируют то, что от административных структур сегодня требуется реагировать не административно, а интеллектуально. Информационные механизмы стали составной частью современной политики.

На уровне политических масс исследовались такие вопросы, как **восприятие себя и других народов, установки, ценности, представления**, существующие в обществе. Представляет интерес формирование восприятия в условиях конфликта. Все многообразие действительности укладывается в рамки **полярных понятий – «победа – смерть», «свой – чужой», «мы – они», «хороший – плохой»**. Существуют зеркальные образы, приписывающее искажение. R. White пишет о **дьявольском образе врага**.

Все это находит отражение в дискурсе СМИ Ю.В. Рождественский (1997) писал о **риторической специфике конструирования социальных представлений в СМИ**: журнальная литература и массовая информация построены на просеивании фактов и ряде уловок, связанных с разрывом отношений («сам дурак», «мы с тобой чужие», конструировании подозрений, игрой гиперболы и литоты, «навязанным следствием», «чтением в сердцах» и многими другими). Эти виды словесности эристичны по природе. **Эристика** хранит в себе пафос убеждения при отсутствии строгих аргументов, тогда как диалектика требует строгой аргументации. Журнальная и массовая информация относятся к видам словесности, где эристика входит в конструкцию текста, являются одновременно по своему складу и ориентирующими для перехода к действию. Поэтому без знания законов построения этих текстов получатель безоружен перед эристикой. Риторическая подготовка заключается не только в воспитании хорошего оратора, но и сознательного слушателя. Широкая аудитория не должна быть лишена возможности оценить спекулятивность применяемых средств.

Социолингвистика – наука о закономерностях функционирования языка в обществе – обогатилась за последние годы новыми достижениями. Стремительно меняется общество. Научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык, ролью языка в жизни общества, продолжает оставаться актуальной и востребованной.

Возникают новые направления социальной мысли – социоконструкционизм, социоконструктивизм, представляющие собой старые платоновские идеи. При обсуждении философских истоков социоконструктивизма должны быть упомянуты научное творчество Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского. Все большую актуальность приобретает такой аспект социопсихологии, как речевое воздействие и смысловое восприятие текстов в массовой коммуникации и пропаганде. В СССР основы подобных исследований были заложены Е.А. Ножиным, Ю.А. Шерковиным. Психолингвистические проблемы социального общения продолжают интересовать исследователей, особенно как прикладные.

Свидетельство тому – публикации, осмысляющие информационную цивилизацию (Деягин 2003, Вершинин 2002), выделяющие специфику коммуникативной технологии (Почепцов 2000, Раскладкина 2002), речевых тактик воздействия в политической психологии и политическом PR (Ольшанский 2003), символизм и мифологию в коммуникации, бурное развитие теорий связей с общественностью, имиджмейкерства, осмысление коммуникативных и когнитивных механизмов в условиях кризисных ситуаций (Почепцов 2003), обсуждение дебатирования, аргументации, пропаганды (Леонов 2002). Понимание связи языка с социальными процессами, социальной (социализирующей) роли литературного языка позволяет преодолеть ограниченность имманентного подхода к языку и глубже проникнуть в природу языка как общественного явления.

Агрессию – на Кубу, в Ирак, в Чехословакию, в Афганистан – традиционно оправдывали вселенскими морально-этическими идеалами, делали соперника врагом человечества и исчадием ада. Целью своей внешней политики и Восток, и Запад выставляли не прагматичные национальные интересы, а «счастье человечества», «демократию» или «пролетарский интернационализм». Подобное «обожествление» политических проектов сегодня характерно для США. Как остроумно замечает Н.А. Нарочницкая: «Обратите внимание, что Кондолиза Райс для обличения «изгоев» заимствует тезисы из хрущевского агитпропа 1960-х годов: «По мере того, как история уверенной поступью движется к торжеству рынка и демократии, некоторые страны остаются на обочине этой столбовой дороги». Запад взял на вооружение доктрину Брежнева, которую тот применял для ввода войск в Чехословакию. Теперь защита демократии, как раньше – социализма – общее дело «свободного мира». Теперь международное право распространяется не на всех. Сегодня «мировые демократии» делят государства на страны первого и второго сорта. И «лучшим» разрешается примерно наказывать «худших» [Нарочницкая 2003].

Понимание работы коммуникативных техник в данной сфере способствует разработке оптики, позволяющей отделить истинное от мнимого в социальной и массовой коммуникации. Это существенная интеллектуальная техника. Большое значение приобретает резонансная коммуникация. Мы опираемся на уже внесенные ранее представления. Существенным фактором является «инерционность» человеческого мышления. Практически мы все время в сильной степени заданы действиями, которые уже имели место в прошлом. Выход на новую программу чрезвычайно затруднен. Резонансная технология свою основную силу видит не в новизне вводимой информации, а в соответствии уже имеющимся в массовом сознании представлений: моделью резонанса можно считать ситуацию, где информационный вход намного меньше информационного выхода.

С этой целью работают когнитивные схемы – сами слова «заложники», «освободители», «бандформирования» – опираются на сценарии (фреймы) = стереотипы, отражающие наше структурирование действий.

Важным в такой коммуникации становится этнический фактор. Роль этнической психологии (противника, союзника, отдельных групп внутри вышеозначенных), практически важная, нуждается в более полном осмыслении в коммуникации. Появились отдельные работы такого рода (Соколов 2002, Этническая психология 2003, Ярмахов 2002).

Любая психологическая операция строится на **преувеличении**, чтобы опередить последующие действия (*страшный диктатор с нечеловеческим лицом, арабо-говорящий Гитлер, головорезы*). Даются оценки, проводится высмеивание противника.

Интернет позволяет в деталях проследить социальные представления, формируемые глобальными масс-медиа по разным вопросам. Приведем пример с использованием материалов сайта BBC. «Русский вопрос» не является центральным в англоязычных масс-медиа западных стран. Например, постоянный просмотр программ спутникового телевидения BBC показывает, что информация о России редка, однобока, грешит извечными стереотипами. Традиционна подача исключительно негативной информации или клишированной протокольной информации. Мала и сомнительна аналитическая часть. Тяжело оценить постоянно возникающие стереотипы как искренние заблуждения и суждения о положении дел или как пропагандистский прием в силу извечных многовековых представлений Запада о России (феномен ангажированности).

Изменились методы представлений и хранения информации. Информация систематизируется на сайтах, рубрицируется. Доступ к записям на электронных носителях свободен. Тем самым тексты СМИ перестают быть однодневными, эфемерными, сиюминутными. Их доступ-

ность для анализа позволяет исследовать смену социальных представлений, тематики и пропагандистских клише.

Тем не менее качественные СМИ (ведущие англоязычные качественные каналы и газеты) подают информацию о России. Сегодняшний Интернет-формат позволяет проследить ее в динамике, в сопоставлении, проводить критический анализ подаваемой информации.

В последнее время предметом нашего анализа становится и точка зрения блоггеров, ибо гиперссылки на эти материалы присутствуют в качественных источниках. Эти материалы более субъективны, но репрезентируют определенные социальные настроения.

В конце эры Ельцина западные газеты открыто писали о том, что новому руководству придется поднимать страну, измученную десятилетием упадка и коррупции. Посмотрим, как за прошедшие восемь лет сменились тематизм (контент), основные клише и стереотипы.

Фактические материалы посвящены президентской кампании в России, однопартийности в России, специфике парламентаризма (*a rubber stamp for Putin*), ответственности депутата при отсутствии голосования в округах, помехам оппозиционерам. Здесь может встретиться даже по-русски метафоризированная оценка «*Potemkin democracy*».

Посмотрим на заголовки об аресте Каспарова: *Chess Champ Jailed Over Anti-Putin Protest*.

Первые после создания веб-страницы, рассылки, чата, форума, иная возможность публичной интеракции есть на блогговых сайтах. Это новая возможность интерактивной коммуникации. На это хочется остановиться особо. Это возможность действительно политического дискурса в виртуальной форме – не коммуникации строго упорядоченной и ограниченной (разрешили, о чем и как сказать), а вполне понятного существования в дискурсивном пространстве и высказыванию *впечатлений от политики = политическому дискурсу*. Комментарии блоггеров более свободны, однако, необходимо учитывать маргинальность блоггеров, причудливость их политических воззрений.

by [Aminion \(896851\)](#) on Saturday November, 24.

I hope that you are right, but if the world hasn't been able to do anything about Russia's **horrible crimes** against the people of Chechnya, how big are the chances that Kasparov can make a difference? Also, don't forget that Putin's approval ratings are pretty high even if you disbelieve the official statistics from the Kremlin, i.e. the Russians themselves **might not even care about** this and that is what's really required here. You can't force changes like this from the outside (are you going to sanction Russia? Use military force? Hardly), it has to come from the people of Russia.

Оценочная избитая метафора, модальность предположения, специфика построения фразы в блоге (имитация спонтанной устной речи в

беседе) – обращающие на себя внимание характерные черты данного рода сообщений.

В сообщении блоггера ниже обращают на себя внимание все те же особенности (имитация разговорности, модальность суппозиции, клишированность и стереотипичность вокабуляра):

by [einhverfr \(238914\) <ctravers@ieee.org>](mailto:ctravers@ieee.org) on Saturday November 24, (<http://www.metatronech.com/> | Last Journal: [Sunday November 25, @06:15PM](#)).

I am not so sure about this. Kasparov's "**fear-mongering**" about **the end of democracy** in Russia seem more fact based than one might otherwise think.

Look, I am not saying that Russia doesn't have the right to choose a system which trades central control over infrastructure development and management of the country instead of one which safeguards individual liberty. This is a choice for Russians alone and I don't think we should interfere with that part itself. However, when **Putin starts assassinating dissidents** outside of Russia, then he crosses a line which makes him pretty clearly a problem everyone in the world has to face. We **should** have done this when Litvinenko was assassinated with polonium from a Russian nuclear reactor. Maybe this will help people start to **realize the danger that Putin poses outside Russia**.

Аналитические материалы исследуют состояние политических, социальных и экономических проблем в России, представляют расхожие оценки. Стандартна оценка дефолта:

In 1998, an economic crisis led to a big devaluation of the rouble which had **a beneficial effect and led to the start of a recovery**.

Оценка механизмов выплаты долга, набранного советскими и демократическими правительствами, представляется также незыблемой:

Since 2000, **soaring oil and gas revenues** have boosted state coffers and helped Russia pay off its international debts.

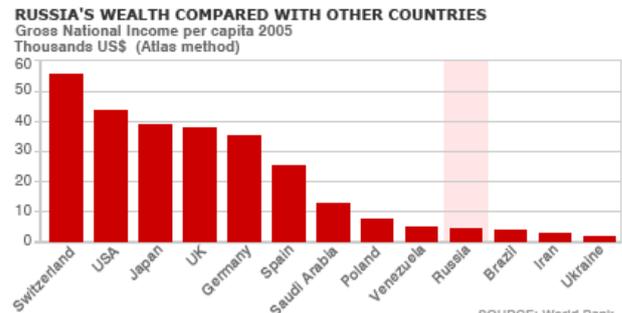
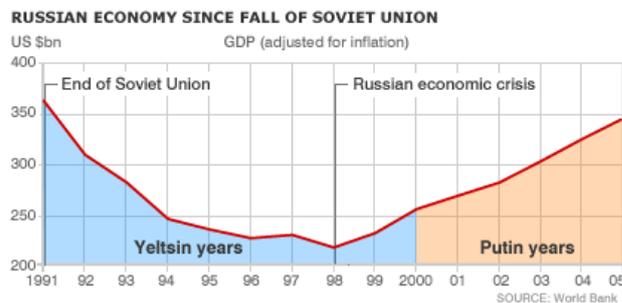
Yet he strikes a chord with those who remember the **chaos of the 1990s**, when basic machinery of state such as the welfare system virtually seized up and the security forces looked inept.

Investor confidence has climbed back since the nadir of the 1998 rouble devaluation, and **economic recovery, buoyed by high prices for oil and gas exports**, has helped restore a sense of stability not known since communist times.

Оценки «рыночности» экономики представляются одним из существенных вопросов обсуждаемых в связи с экономическими проблемами и перспективами России. На основании большого количества публикаций можно утверждать, что само понятие «рыночность» выступает извечным стереотипом отношения к экономическому развитию того или иного государства, позывным, стереотипом дискурса:

The US and Europe **designated** Russia a market economy in 2002, **but** the state **still** exerts considerable control over business.

В наш век возрастает роль креолизованности и визуальной презентации основных тезисов. Визуальная информация представлена в типичном виде:

Gas and oil revenues helped lift the economy out of crisis

Комментарии и оценки по политическим и социальным вопросам оперируют клише дискурса либерализма: *транзИция – transition, гос-контроль – state control и т.д.*

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенную структуру на реальность, задает способ видения объекта.

Так, мы отмечаем, что в экономической теории **мелиоративная оценка** присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие, совершенная конкуренция*). «*Естественный уровень инфляции*» – сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «неизбежный, желательный, оптимальный прирост».

Многие оперативные термины представляют собой **убеждающие метафоры**, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «*невидимая рука*», «*ночной сторож*», «*психология laissez-faire*» (тут в семантике термина участвует и компонент «офранцуживания»: согласимся, что это понимается не так, как буквальный перевод «*делайте, что хотите*»). Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок, открытый рынок, открытое общество*. В ут-

верждении «*переходный период*» кроется признание ситуации приемлимой в силу временно-го характера.

За многим кроется **неопределенность семантики социальных терминов**. Это нестрогие понятия, объем которых различается для говорящего и слушающего (сказываются разный образовательный уровень, возраст, идеологическая платформа). О том, что перед спором надо определиться с семантикой, писали Платон, Бэкон, крупные философы Нового времени

Экономический дискурс изобилует своими **стертыми и явными метафорами**. Простое перечисление существующих феноменов не проливает света на функции метафор в экономическом дискурсе. Из них явственно видятся оценочная, персуазивная, экспрессивная, образная, информационная.

Эвфемизация тоже создает стереотипы: *пересмотреть тарифы, дестабилизация, депрессия, стагнация, перестройка, ускорение, дефляция, рыночная экономика, инфляция, бездефицитный бюджет*. Иногда в массовом сознании некоторые «безобидные» слова и фразы становятся сигналами опасных действий, грозящих благополучию масс: *реформа ЖКХ, страхование автогражданской ответственности, пенсионная реформа*.

Выявленная языковая специфика характеризует явления, характерные для дискурса с воздействующей установкой, и влияет на категории профессионального мышления.

Временность современной ситуации России отмечается масс-медиа:

Russia has been **striving to find its new place in the world** since the Soviet Union ceased to be in 1991.

Постоянно встречаются оценки ресурса роста экономики:

State-run gas monopoly Gazprom is the world's largest gas producer and exporter, with enormous reserves at its disposal. It supplies around a quarter of Europe's gas needs and has ambitions on the Asian and US markets. Russia is also one of the world's largest oil exporters.

Представлена фактическая информация о ключевых событиях прошлого, моделирующих настоящее. Так, дело Ходорковского получает следующий комментарий:

One of them, Mikhail Khodorkovsky, the former head of the Yukos oil company, is now serving eight years in a Siberian penal colony having been convicted on tax and fraud charges.

He had not confined his activities to business but had let his support for liberal politics be known. Yukos's assets were later acquired by the state owned oil giant, Rosneft.

Боевые действия в Чечне, их оценка и переоценка по-прежнему в фокусе внимания. Отметим мелиоративность штампов:

Chechnya remains **prominent in the headlines**. Many thousands have died since Russian troops were first sent in to put down a **separatist rebellion** in 1994 and **guerrilla fighters** continue to mount attacks. However, the Kremlin faced less criticism from the West over its actions in Chechnya in the aftermath of the 11 September attacks on the US.

Since then, Moscow **has presented its war against Chechen separatism as part of the global war against international terrorism**. It insists that its hard-line policies there are working and that peace is returning.

Отношения России и НАТО, США и выступления по внешнеполитическим вопросам получают освещение:

Russia's support for the US-led **campaign against international terrorism** also had an impact on relations with Nato. The two sides agreed in 2002 to set up the Nato-Russia Council, **giving Russia a say in counter-terrorism policies**.

Nevertheless, Russia firmly opposed the US-led military action against Iraq in 2003, insisting that UN weapons inspectors be given as much time as they needed to do their work.

Despite US concerns, Moscow agreed in 2005 to supply fuel for Iran's Bushehr nuclear reactor. Amid **global concern over Iran's nuclear programme**, Russia opposed **sanctions** and only backed a UN resolution imposing them after the proposals had been watered down.

It has consistently shown that its desire to build new international relationships **will not deter it from going its own way on key issues**.

Внутренние политические проблемы – опасности в отношении свободы слова и прессы, установления однопартийности и т.д. – в центре обсуждения в связи с сегодняшней Россией:

Concerns about Mr Putin's attitude to the media are not new. They came to the fore when private TV stations critical of the Kremlin were forced off the air in his first term. Not everyone was convinced by his insistence that this was business, not politics.

TV-6 was replaced by TV5, which soldiered on as Russia's only private national network **until the authorities pulled the plug in 2003, officially** for financial reasons.

Reporters investigating the affairs of the political and corporate elite are said to be particularly **at risk**.

After the hungry, often desperate years of the Yeltsin era, it is a prosperity few Russians may stop to question. But his critics believe that it has come **at the cost of some post-communist democratic freedoms**.

Media rights organisation Reporters Without Borders has expressed concern at **«mounting press freedom violations»** in Vladimir Putin's Russia, including «the absence of pluralism in news and information, an **intensifying crackdown against journalists... and the drastic state of press freedom in Chechnya»**.

Представление президентства В.В. Путина использует негативные и неоднозначные факты российской истории:

2000: Putin elected president in first round; Kursk submarine disaster; restoration of Soviet national anthem with different words.

2003: General election gives Putin allies control over parliament.

2004: Putin re-elected by landslide in February; a year of Chechen attacks on civilian targets culminates in Beslan.

2005: Mikhail Khodorkovsky, Russia's richest man, jailed for tax evasion.

2006: Russia briefly cuts gas supplies to Ukraine in January; St Petersburg hosts G8 events.

2007: Putin likens US foreign policy to Nazi Germany's and threatens to target missiles at EU states in response to US anti-missile plans.

Отмечается контролируемость страны В.В. Путиным:

After the bloodbath which ended the Beslan school siege in September 2004, Mr Putin controversially took over control of the appointment of regional governors who had been directly elected for the previous decade. He said the move was intended to tighten the Kremlin's **grip on the regions**. Critics saw it as undermining democracy.

Характерна значимость проблем демографии и необходимости модернизации:

Mr Putin has said he wants **to modernise Russia** and has been credited with introducing economic reforms which have balanced the budget and cut inflation. As the **birth rate falls and health problems persist across the country**, he promises to seek ways of stemming a rapid decline in the population.

Проблемы внутренней и международной преступности (дело Литвиненко) – в постоянном фокусе прессы.

Состояние российской деревни, жизнь простых людей, разговоры простых людей – техники показа разительных социальных контрастов в российском социуме:

Some wooden houses have collapsed in on themselves. Others are sloping dangerously, and many have neither roof nor glass in the windows. In the distance, we see two old people lugging plastic buckets to a well: clearly **there is no running water**. After two hours, I arrive at the small timber-processing settlement of Krasny Baki. It is a small cluster of **grim grey buildings** around two timber plants that have closed down. Only a few smaller businesses are still operating. Snaking round the buildings are bright yellow gas central heating pipes, newly installed. But one lady I meet tells me they are useless: the authorities charge so much for the gas that no-one can afford it, so the pipes remain unconnected. «**There's no work here, – she says, – All that's left are tramps and alcoholics**».

Дикий рынок и социальная цена реформ явно видятся в следующем типичном дискурсе:

A man comes up and tries to sell me his rabbits. Big, black, velvety creatures with twitchy noses, they look completely terrified. He explains he needs to sell them because his wife is ill and **he can't afford to buy her medicine**. Another man tries to persuade me to buy his honey. He and his brother have a hundred hives in a nearby village. It turns out none of these men started out as market traders. One had a good job at a secret military factory. Another worked on the river boats.

But when the Soviet Union disappeared, their jobs also vanished. They moved out into the countryside, where life is cheaper. **This is what rural Russia is turning into: a bolthole for those with nowhere else to go**.

Исторические оценки – источник поддержания стереотипов:

In the privatisation years of the 1990s Russia provided entrepreneurs with the potential for rich pickings. A small number of them, often referred to as oligarchs, acquired vast interests in the energy and media sectors.

Оценки контроля идеологической сферы подчеркиваются транслитерациями наиболее зловещих реалий прошлого:

They still lived in dread of **stukachi** (informers), the Komsomol and the **gebeshniki (KGB)** but showed none of the ideological mistrust of the West and West-erners associated with previous Soviet generations.

Instead, I remember our mutual enthusiasm for getting to know people from a country, a political system, which had seemed for decades as remote as a different planet.

Отмечается борьба двух идеологий:

Prof Light, who began visiting the USSR in 1967, found «great suspicion of foreigners and a great suspicion within the Soviet Union that anyone associated with foreigners was capable of treachery».

Дискурс о конце холодной войны демонстрируется качественными масс медиа в нескольких расхожих разновидностях.

Margot Light also believes there cannot be another Cold War.

«You only have to look at how the supply of oil and gas has divided Europe to understand that there isn't that same kind of solidarity on the Western side while Russia has no real allies», – she says.

Распад СССР и рост национализма выражаются в следующем типичном дискурсе качественной прессы:

Mr Putin's patriotic rhetoric and evident nostalgia for the USSR – he once famously called its collapse «the greatest geopolitical catastrophe» of the 20th Century – play well with much of the public.

But the flip side may be a disturbing rise in nationalism, taking its most sinister form in hate crimes directed at ethnic minorities such as African foreign students.

Сам тематизм СМИ о России зачастую негативен. В противовес ему складывается тема-

тизм бодрящих и бодрящихся отечественным масс-медиа (благо отечественная история хорошо научила помнить состояние «без лести предан»).

С риторической и языковой точек зрения актуальны в вышеприведенных стандартных текстах качественных английских и американских масс-медиа оценочность и ее разновидности, клишированность, стереотипии, размытость семантики терминов социально-политической сферы. Феномен оценки и точки зрения как индивидуальной, так и расхожей – главное в семантике таких текстов – нуждается в пристальном изучении языковедов и риториков.

Результаты нашей работы релевантны для теоретических исследований в области теории языка, социолингвистики, психологии речевого воздействия, общей теории коммуникации, семиотики, герменевтики. В исследовании впервые в теории наук коммуникативного и семиотического цикла сформирована концепция связи речедеятельности и новых информационных технологий, дано панорамное представление о языковых средствах пропаганды в публицистических материалах и материалах пресс-службы, продемонстрированы схемы и методики анализа исследуемых произведений, лингвистический аппарат анализа. Новизна полученных результатов обязана и новизне исследуемого объекта. Комплексный коммуникативный курс, охватывающий жанроведческие теории, практику публичных выступлений, искусство убеждать, проблемы взаимоотношений между людьми и информацией, прикладной психологии, проблемы языкового представления знаний особенно актуален сегодня. Этот курс представляется синтезом старой и новой риторики с акцентом на использование новых коммуникативных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

Бушев А.Б. Дискурс мультикультурализма и беспорядки во Франции 2005 года: некоторые языковые и социально-психологические аспекты // Языковой дискурс в социальной практике. – Тверь, 2006. С. 48-52.

Вершинин М.С. Электронная демократия как компьютерно-посредованная форма политической коммуникации // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 135-138.

Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. – М., 2003.

Кольцова О. СМК, войны и терроризм в электронном обществе // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 135-138.

Кулик А.Н. Информатизация и «интернетизация» социально-гуманитарных наук и образования в России, год 2002: некоторые проблемы // Новые инфокоммуникативные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: Материалы междунар. интернет-конф. – М., 2003. С. 9-27.

Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991-2000. – М., 2002.

Нарочницкая Н.А. Россия не должна опоздать // «АиФ». № 49. 2003.

Новые университеты: роль информационных технологий в становлении гуманитарного образования. – Челябинск: ЮУрГУ, 2003.

Ольшанский Д.В. Политический PR. – СПб., 2003.

Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – М., 2000.

Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М., 2003.

Рождественский Ю.В. Теория риторики – М., 1997.

Раскладкина М.К. Моделирование информационно-пространства пользователя Интернета: факторы влияния // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 171-173.

Соколов М. Влияние общения в Интернет на динамику этнической идентичности // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 173-174.

Таратута К. Демонстративная коммуникация и социальный «солипсизм»: саморепрезентация в сети Интернет // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 177-178.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М.: Юрайт. 1998. 432 с.

Этническая психология и современные реалии: Материалы научно-практической конференции – Якутск, 2003.

Ярмахов Б.Б. Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. – Пятигорск, 2002. С. 183-185.

© Бушев А.Б., 2009

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия
**СОВЕТСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
В ДИСКУРСЕ РУССКОГО РОКА:
«ДЕТИ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Настоящая статья открывает цикл работ, посвященных проблеме советского прецедентного текста в дискурсе русского рока. В ходе исследования автор предлагает отказаться от традиционного метода анализа и опирается на разработанную им классификацию политической символики. В качестве примера такого анализа автор представляет исследование образа красной звезды в текстах русского рока.

Ключевые слова: прецедентный текст, дискурс, рок-культура, политическая символика.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, каб. 285, кафедра риторики и межкультурной коммуникации.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Voroshilova M. B.
Ekaterinburg, Russia
**SOVIET PRECEDENT TEXT
IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN ROCK:
«CHILDREN OF THE RED STAR»**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article opens a series of works devoted to the issue of Soviet precedent texts in the discourse of Russian rock. During the analysis the author suggests abandoning the traditional method of analysis and relies on her own classification of political symbolism. As an example of such analysis the author presents a study of the image of the red star in the texts of Russian rock.

Key words: precedent text, discourse, rock culture, political symbolism.

About the author: Voroshilova Mariya Borisovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Настоящая статья открывает цикл работ, посвященных проблеме советского прецедентного текста в дискурсе русского рока. Не секрет, что зачастую рок культура воспринимается как некое яркое контркультурное явление, возникшее и развившееся в России на волне протеста советскому политическому строю. Несомненно, что рок-искусство, зародившееся во второй половине XX века, в переломное время смены культурных и исторических эпох, выступило в пику, однако не только существующему общественно-политическому строю, но и культурно-ценностным основам современности. Обращение русских рок-авторов к советскому прецедентному тексту послужило скорее одним из способов постижения действительности, столь характерному искусству постмодернизма, в русле которого рок-искусство развивается [ср.: Давыдов 2001; Доманский 2000; Толоконникова 1999 и др.].

Ключевым понятием постмодернизма, его «отличительным знаком» является интертекстуальность (Ильин 1999; Кузьмина 1999; Можейко 2001 и др.) или, используя терминологию современной когнитивной лингвистики, прецедентность. Мы сознательно выбираем второй термин для нашего исследования по целому ряду причин:

– во-первых, прецедентный текст всегда ориентирован на массового читателя, что не является обязательным для интертекста, нередко требующего у реципиента наличие значительного «багажа знаний»;

– во-вторых, понятие прецедентности трактуется значительно шире интертекстуальности, так как прецедентными могут быть не только

тексты, а информация о прецедентном феномене не всегда вербально выражена;

– в-третьих, понятие прецедентности связано с выявлением национально-культурной специфики, столь актуальной для исследователей русской рок-культуры.

Традиционно в ходе анализа прецедентности ученые (Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.) обращаются к таким ее единицам, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. Мы же, опираясь на тот факт, что прецедентность нередко реализуется через обращение к связанными с ней символами, предлагаем в основу настоящего исследования положить классификацию политической символики, что позволит, по нашему мнению, в наиболее полном объеме и более структурно описать предложенное нами понятие советского прецедентного текста, функционирующего в дискурсе русского рока.

Политическая символика занимает особое место, являясь подчас основным выражением государственной и национальной идеологии и культуры того или иного общества, своего рода «олицетворением» страны. Любое сообщество с богатой историей очень дорожит своими отличительными знаками, которые, как и товарные знаки, можно назвать своеобразным политическим и экономическим капиталом всего государства, всей нации. Итак, политический символизм, как отмечают исследователи, – это неотъемлемая часть идеологии, политики и культуры общества [Мисюров [http](http://)]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что политическая символика является одной из важнейших составных частей национальной культуры.

В России система государственных политических символов всегда была очень четкой и выражала официальную идеологию государства. В советское время гербы, флаги, гимны и иные политические символы не просто олицетворяли «нерушимый союз народов», союз пролетариата и крестьянства, но были символом победы над империализмом и капитализмом, олицетворением советского образа жизни, мощи социалистической державы. Советская Россия как классическая страна-«отрицание» отбрасывала вековые традиции и провозглашала построение нового общества, живущего по иным этическим, нравственным и социальным законам, что и обусловило резкую смену системы общественных ценностей, а следовательно и изменение, скорее создание новых государственных политических символов.

Политическая символика крайне разнообразна и при детальном ближайшем рассмотрении может быть представлена следующими классами, группами. В ходе настоящего исследования нами была использована классификация политических символов представленная в работах Мисюрова Д. А. [см. подр: Мисюров <http>], но адаптированная к предлагаемому материалу исследования и унифицированная по названиям классов символов:

1. Государственная (или официальная) политическая символика (герб, гимн, флаг).

2. Архитектурная символика представлена архитектурными комплексами, играющими значительную роль в обществе в тот или иной исторический период или связанными с определенными историческими событиями в жизни страны (Зимний Дворец, Белый Дом, мавзолей и т.п.)

3. Мемориальная символика представлена памятниками политическим деятелям и мемориалами, посвященными историческим событиям (Памятники Ленину и Неизвестному солдату – неотъемлемая часть любого советского города.)

4. Фалеристические символы, например, знаки отличия, ордена, медали, значки и пр. (знак ГТО, октябрятская звездочка, красная звезда и т.д.)

5. Ритуально-процессуальная символика: несомненно, что любые политические мероприятия – это, как правило, некий ритуал, предусматривающий соблюдение определенных процедур, будь то собрания, заседания или проведение национального, государственного праздника и т.д.

6. Наглядно-агитационная символика включает все виды наглядной агитации, относящиеся к политической рекламе (лозунги, плакаты, флаги, портреты и т.д.)

7. Политико-музыкальная символика: в определенные моменты истории символическими могут быть народные, революционные песни, популярные мелодии, которые одобряются или напротив запрещаются государством.

8. Бытовая символика представлена предметами обихода простого советского человека

(например, хрущевка, журнал «Работница», пачка индийского чая и др.), нередко очень точно характеризующими реальные идеологические установки правительства, значительные отличающиеся от представленных в агитационных речах.

9. Идеологическая символика, как правило, сознательно созданная и нередко грубо навязанная, позволяет описать основные идеологические установки государства, в советский период – это такие яркие образы, как образ врага, который на различных этапах был представлен в лице лентяя, тунеядца или же целого государства (США), особую зловещую символическую роль в советской идеологии несомненно играет ядерное оружие.

10. Персональная символика: люди как политические символы (политические лидеры – Ленин, Сталин и др.; легендарные герои – особая распространенная группа в советском сознании, это и герои войны, и герои-пионеры, и герои труда – стахановцы и др.)

11. Условно-графическая символика, включает такие геральдические знаки, как всевозможные звезды, кресты, серп и молот и т.д.

12. Языковая символика представлена специальной терминологией или особыми языковыми конструкциями, применяющимися в политической практике: товарищ, «Ура». Кроме того, в контексте, это может быть любое написанное или произнесенное, как особый символ, слово.

13. Хронотопическая символика – это символы места и времени: нередко в эту группу включают такие символы, как границы, столицы, национальные праздники (так например, в советское время самым символическим месяцем несомненно является октябрь, в определенную эпоху зарождается и такой яркий символ, как целина).

Настоящая классификация требует несомненного уточнения и наполнения, наиболее полный ее анализ мы планируем представить в завершающей статье настоящего цикла, что по нашему мнению, и послужит логическим его завершением. В данной статье представленная нами классификация политических символов носит отчасти условный характер и выполняет функцию плана, ориентира для дальнейших исследований.

В качестве примера анализа прецедентного образа, политического символа в нашей первой статье мы решили представить исследование наиболее яркого, популярного и узнаваемого символа советской эпохи, прочно вошедшего в знаковую систему СССР прежде всего как знака, связанного с воинской и гражданской доблестью – символ красной звезды.

Пятиконечная звезда несомненно политический символ именно Советской России. «Если вернуться к нашим корням и перенестись на крыльях времени на много веков назад, – как отмечают исследователи [см. напр. Воинская символика России: <http>], – мы не найдем там упоминаний о пятиконечной звезде. Подобный

символ отсутствует в повседневной жизни, в быту и мифологии древних славян. Он абсолютно чужд и русской культуре, а если и встречался где-либо в России до 1917 года, только чисто спорадически, в качестве наворачия на новогодних елках или украшений на оберточной бумаге для подарков, а также исключительно в качестве знака различия по чинам (воинским званиям)...

Но прежде чем приступить к анализу данного прецедентного образа в дискурсе русского рока, мы считаем необходимым обратиться к его истории. Звезда – один из древнейших символов человечества, принятый в символике всех народов, история возникновения которого уходит в глубь веков. Тысячелетиями наблюдал человек на темном небосводе таинственно мерцающие звезды, притягивающие своей загадочностью и недостижимостью. Неудивительно, что их изображения стали одним из древнейших символических знаков, олицетворявших в разное время тайну и судьбу, вечность и вселенную, красоту и совершенство, путеводность и истину.

Пятиконечная звезда или пентаграмма представлена в мировой истории множеством вариантов, нам же интересуют символ звезды, повернутой «главой», т.е. одним из лучей вверх. Этот древнейший символ защиты, охраны, безопасности возник в восточной мифологии. В западноевропейских магических трактатах такая пентаграмма почиталась как фигура, изображающая человеческое тело: две ноги есть символ земли и воды, две руки – воздуха и огня, а голова (один луч, смотрящий вверх) – объединяющая все члены сила эфира.

Красная пятиконечная звезда как политический символ советской России возникла в качестве воинской эмблемы, точнее как знак отличия, воинский знак принадлежности к Красной армии. Добавим также, что в государственной военной символике звезду впервые начали употреблять солдаты французской армии – после Великой французской революции: геральдисты республики при выборе новой символики обратились к античной мифологии, где пятиконечная звезда символизировала бога войны Марса. По преданию родившегося из лилии, бутон которой представляет собой пятиконечную звезду (так называемая «лилия мартагон», т.е. Марса родившая). С тех пор пятиконечная звезда получила название Марсовой звезды и была «взята на вооружение» армиями многих государств мира, в том числе и красной армией.

Справедливости ради отметим, что в русской армии звезда пришла на волне военных реформ императора Николая I – с 1 января 1827 года кованые пятиконечные звездочки были введены для обозначения чинов на генеральских и офицерских эполетах, а с 29 апреля 1854 года уже шитые звезды появились и на вновь учрежденных погонах. Звезда стала и традиционным элементом высших наград Российской Империи – это были восьмиконечные

звезды ордена Святого Андрея Первозванного, ордена Святой Екатерины, ордена Святого Александра Невского и другие.

А весной 1918 года звезду как отличительную эмблему военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии ввела Советская власть. Впервые о ней упоминается в газете «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов» 19 апреля 1918 года. Небольшая заметка в разделе «Хроника» рассказывала, что Комиссариатом по военным делам утверждён чертёж нагрудного знака для воинов Красной Армии в виде красной звезды с золотистым изображением плуга и молота в центре.

Согласно официальной трактовке, красная звезда олицетворяла борьбу трудящихся за освобождение «от голода..., войны, нищеты и рабства», являлась символом «рабоче-крестьянской Советской власти, защитницы бедноты и равенства всех трудящихся». [Гражданская война ... 1987: 304].

С 1923 года символ пятиконечной звезды стал использоваться в гербе СССР в качестве бэджа (вид фигурного девиза, обозначающий некую индивидуальность; знак, присущий только индивидуальному объекту – области, династии, лицу) – как фигурное дополнение к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», потому такая красная звезда стала считаться эмблемой международной солидарности трудящихся. Пять лучей звезды, помещенной в верхней части герба СССР, объяснились, как пять континентов, где идет борьба между трудом и капиталом.

Таким образом, красная пятиконечная звезда вошла в историю советской России как марсова звезда, но уже в 1940 годы этот символ «равенства всех трудящихся» вошел в жизнь каждого советского человека, будь то октябрятская звездочка или пионерский значок, знак ГТО или орден Красной звезды. Красная звезда не только вытиснула Вифлеемскую шестиконечную звезду с вершины новогодней елки, но и покорила главную высоту советской страны, воссияв на самом Кремле.

Итак, образ красной пятиконечной звезды прочно вошел в историю советского государства, и, создавая свой собственный художественный мир, русские рок-авторы несомненно обратились к этому яркому символу. Справедливости ради отметим, что частотность использования данного политического символа в дискурсе русского рока низка, нами было отмечено только 8 ярких примеров, но все они были объединены неким единым оценочным и семантическим потенциалом, что бесспорно говорит о его значимости в анализируемом дискурсе.

Во всех выделенных примерах политический символ красной звезды соседствует с военными и религиозными образами. При этом все военные образы наполнены не только традиционной семантикой разрушения, жестокости,

боли, но так или иначе связаны с семантикой поражения, гибели.

Мы вскормлены **пеплом великих побед**.
Нас крестили **звездой**, нас растили в режиме нуля.
Красные кони серпами подков топтали рассвет,
Когда всходило солнце, Солнцу говорили: «Нельзя...».
(Алиса. Солнце встает)

Так например, в тексте песни группы «Алиса» «Солнце встает» мы отмечаем такой двоякий метафорический образ, как **пепел великих побед**, где пепел с одной стороны символизирует разрушения, но ведь он разрушает и саму победу, ее ценность и значимость. Отметим, что в данном примере автор не случайно использует и такой языковой символ советской эпохи, как эпитет «великий» (см. напр. Великая октябрьская революция, Великая отечественная война, Великая наша держава и т.д.): тем самым автор только усиливает семантику разрушения, разрушает сам миф о великих победах, а значит и о великой стране.

Апокалиптическую картину мира создает и М. Пушкина в стихотворении «Смутное время»:

Воины света
Павших сжигают на кострах,
Воины тьмы – мир – взяли в кольцо,
Тысячи птиц вниз **рухнут** дождем.
Мы не знаем, кто мы –
Дети красной звезды,
Дети черной звезды
Или новых **могил**.
... В крепости нашей гасит свет,
Сорванный флаг – знак – к сдаче врагам...
(Король и шут. Смутное время)

Таким образом, мы можем сделать заключение, что рок авторы обращаясь к образу красной звезды, марсовой звезды, символизирующему советское государство и его военную мощь, наполняют его окружение семантикой разрушения, гибели, которые по авторскому замыслу несет советский строй, который сам обречен на разрушение.

Но наиболее значимым в дискурсе русского рока для прецедентного образа звезды, по нашему мнению, стало соседство с религиозными образами (например, «нас **крестили звездой**» (Алиса. Солнце встает)), которое было отмечено абсолютно во всех примерах и в большинстве данный символ вновь наполнен семантикой разрушения.

Попав в сии священные места,
Какой-то зек соорудил **звезду**
На месте православного креста.
Как он забрался – знает только Бог:
Погнал ли страх, не подвела ль рука –
Но он залез, ему скостили срок,
А нам осталась память на века.
(Машина времени. Соловки)

При этом мы должны отметить, что герои в текстах русского рока, не просто разрушают, а

скорее подменяют понятия, что наиболее ярко представлено в последнем примере. Не случайно красная звезда каждый раз возникает на месте христианского креста, т.е., по мнению авторов, советское государство не строит новое, а подстраивает по себя старое, заменяет старых богов на новых.

Тешится люд – бьют старых богов,
Молится люд – ждут праведных снов.
(Король и шут. Смутное время)

Итак, в заключении мы можем отметить, что, обращаясь к такому прецедентному образу советской эпохи, как красная звезда, рок-авторы создают свой миф о религии, о «государственной» религии советской России, которая подменяет старых богов своими идолами, пропагандирующими и несущими разрушения и гибель.

ЛИТЕРАТУРА

- Болмасов А. Символы войны – звезда. URL: <http://www.taday.ru/text/113856.html> (дата обращения 8.05.09).
- Болмасов А. Символы революции. Ч.1. URL: <http://www.taday.ru/text/143049.html> (дата обращения 8.05.09).
- Борисов В.А. Нагрудные знаки советских вооруженных сил. 1918-1991. – СПб: Фарн, 1994.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987.
- Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1999.
- Давыдов Д.М. Русская рок-культура и концептуализм // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. Вып.4. С. 12-217.
- Доманский Ю.В. Вместо заключения: О культурном статусе русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. Вып.3. С. 215-266.
- Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М., 2002.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург; Омск, 1999.
- Кулаков В.И. Символика Нового мира. URL: http://www.simvolika.org/article_003.htm (дата обращения 8.05.09).
- Мазелло Р. История магии и колдовства – М.:ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.
- Мисюров Д.А. Политическая символика URL: <http://openweb.shpl.ru/politsymbol/article.htm>. (дата обращения 8.05.09).
- Можейко М.А. Интертекстуальность // Постмодернизм. Энциклопедия. – М., 2001. С. 333–335.
- Толоконникова С.Ю. Русская рок-поэзия в зеркале неомифологизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. научных тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. Вып. 2.

© Ворошилова М.Б., 2009

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша
Червински А.
Иерусалим, Израиль

**МЕСТО УГОЛОВНОГО ЖАРГОНА
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(ШКАЛА ЦЕННОСТЕЙ)**

УДК 81'371
ББК Ш 141.2-7

Аннотация. В статье рассматривается место уголовно-лагерного жаргона в контексте русской ментальности. Феномен пересечения дискурсов политического и массовой поп-культуры, отражением которых служат, в частности, клипы дуэта «Тату». Рассматривается шкала субкультурных ценностей. Представлены в перспективе фонды словарей лексики данного типа.

Ключевые слова: русская ментальность; политический дискурс; уголовная психология и картина мира; жаргонная лексика; поп-культура.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска Маргарита, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института восточнославянской филологии.

Место работы: Силезский университет.

Сведения об авторе: Червинская (Червински) Аурика, магистр психологии, доктор, директор Центра лингвопсихологии, NICOMANT, издатель.

Место работы: Научно-исследовательский центр лингвопсихологии NICOMANT (Иерусалим, Израиль).

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5. 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com, m.onishchenko@mail.ru (для Надель-Червиньска М.);
tab6570@gmail.com; nicomant@gmail.com (для Червиньски А.)

Nadel-Chervinsky M.
Katowice, Poland
Chervinsky Aurika
Jerusalem, Israel

**THE PLACE OF THE CRIMINAL JARGON
IN THE RUSSIAN IMAGE
OF THE WORLD (SCALE OF VALUES)**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. In the article the place of criminal jargon in the context of Russian mentality is considered. The phenomenon when political discourse and mass pop-culture discourse overlap, the reflection of which are, in particular, the clips of the «Tatu» duet. The scale of sub-cultural values is considered. Funds of dictionaries of lexicon of the given type are presented in the long term.

Key words: Russian mentality; the political discourse; criminal psychology and picture of the world; slangy lexicon; the priest-culture.

About the author: Nadel-Czerwińska Margarita, candidate of filological sciences, associate professor of the Chair of Russian Language of the Institute of East Philology.

Place of employment: University of Silesia.

About the author: Chervinsky Aurika, magister of psychology, doctor, director of the virtual Center of Linguopsychology NICOMANT, editor.

Place of employment: Science Research Center of Linguopsychology NICOMANT (Jerusalem, Israel).

Русскоязычный уголовный жаргон XX столетия уже полвека привлекает к себе серьезное внимание исследователей-лингвистов как на территориях бывшего СССР, так и за его пределами. Это закономерно, потому что огромный лексический и фразеологический жаргонный материал отражает специфику большой тоталитарной державы, называемой на том же субкультурном языковом уровне *большая зона коммунизма* [Балдаев 1992: 407]. Правильнее данный лексикон будет называть *тюремно-лагерный жаргон*, поскольку годы сталинских репрессий, а затем период так называемого брежневского *застоя* значительно разбавили в тюрьмах и лагерях традиционный уголовный контингент качественно иным – политическими заключенными. И это специфическое явление значительно пополнило и расширило субкультурный язык *зон заключения*.

Одновременно с тем этот язык своеобразно отразил специфическую картину мира, свойственную личности несвободной, искусственно изолированной от внешнего мира сначала *собственно колючей проволокой*, а затем сознанием того, что данное лицо *побывало в местах заключения*. Курсивом в нашей статье здесь и

далее выделяем единицы *жаргонные*, а также те лексемы и выражения, которые в русском языке советской и постсоветской эпохи маркируют отношение к *принудительной изоляции*. К примеру, в разряд таковых попадают языковые единицы официальной речи – *находиться под следствием, отбывать срок, без права переписки, высшая мера, либо единицы просторечного характера – отсидка, лишенец (в правах), доноситель, писать куда следует*.

Кроме того, что тюрьмы и лагеря принимали потоки *политических*, уже сам *железный занавес* превращал всю страну в место вынужденной *принудительной изоляции* граждан. Поэтому элементы этого языка органически и прочно вошли в разные сферы коммуникативного взаимодействия.

И нужно подчеркнуть, что два последних десятилетия еще более обнажили проникновение элементов данного жаргона как в живую разговорную речь, так и в различные стилистические слои современного русского языка: «Да, общение происходит без переводчика. Лагерная *феня* давно и основательно освоена разговорным русским языком, просторечьем. А с лагерной литературой жаргон зоны активно про-

никает в литературную норму. (Это до жаргона каких-нибудь программистов ему, просторечью, нет дела. Ну в самом деле, сколько их, этих программистов? Да и до *всеобщей компьютеризации* стране вчерашней *всеобщей лагеризации* семь верст до небес...)» [там же: 6].

Именно поэтому лингвисты все чаще и чаще вынуждены обращаться к проблеме описания субкультурной лексики, в частности – описания *лагерного советского новояза* [там же: 7], ее функциям в речи, экспрессивной окраске и т.д.

Уголовный жаргон как явление субкультурное. Все то, что сказал в приводимой ниже цитате В. Елистратов об *арго*, в полной мере приложимо, на наш взгляд, также и к русскоязычному *уголовному жаргону*, а если брать шире – то к *тюремно-лагерному* в целом. Об *арго* же у Елистратова говорится следующее: «...арго является одним из самых «синкретических» феноменов языка. Для объяснения его природы недостаточны ни узко-лингвистические, ни узко-социолингвистические, ни какие бы то ни было иные специализированные исследования. В арго в один пучок собраны язык (со всей экстралингвистической семиотической палитрой средств), быт, социальные отношения, социальная и индивидуальная психология и культура в самом широком понимании этого слова» [Елистратов 2000, 574, 582].

Как различные подсистемы культуры имеют свою специфику развития, так и жаргоны (а в монографии Елистратова – *различные арго*) развиваются по-разному, отражая, однако, при этом черты общей эволюции национального языка. *Арготизм*, а в нашем случае – *жаргонизм*, всегда выглядит случайной аномалией, противостоящей *нормативному* языку. Поэтому В. Елистратов характеризует арготический материал как своеобразное собрание массы частных, кажущихся, на первый взгляд, неважными [там же]. То же можно сказать и о *жаргонизмах* в целом.

Поскольку нас интересует в данном случае вполне конкретная жаргонная лексика (русскоязычной тюремно-лагерной субкультуры), то не будем останавливаться здесь на сложном, весьма размытом терминологическом вопросе, что есть *арго*, что *жаргон*, а что *сленг*, поскольку в российском языкознании на этот счет, как известно, мнения существуют самые разные. С нашей точки зрения, речь в любом случае идет о различных *жаргонах*.

В свою очередь, термины *арго*, французского, и *сленг*, английского происхождения, параллельно называвшие первоначально то же самое языковое явление, в современном русском языковедении переосмыслились и стали приложимы теперь к определенным, более узким, формам жаргона. Первый – к *городским* (мос-

ковское, питерское, одесское), второй – к *молодежным* (студенческий, школьный, наркоманский, пограничный к двум последним – фановский, или, что звучит немного лучше, фанатский) и *молодежно-профессиональным* (музыкантов, художников, рокеров и т.д.).

Былое пристрастие к *молодежному жаргону*, если оно активно проявляется в более зрелом возрасте, предполагает некоторую ювенильную незрелость личности или же стремление выглядеть значительно моложе своих лет. Проявляется это на коммуникативном уровне в стремлении разговаривать на равных с молодежью (что называется *говорить на ее языке*) и тем самым как бы приравнять себя к ней. Владение лексиконом молодых позволяет как бы приобщиться к их образу жизни (принимая чужой стереотип мышления и поведения), словно бы увидеть их глазами окружающий мир (используя заимствованные клише мироощущения). И то и другое находит проявление в речи.

Такое пристрастие к молодежному лексикону и эффектным жаргонным словечкам уже стало как бы традиционным в средах артистических: человек художественной природы должен быть молод душой. В последнее время увлечение молодежным жаргоном все чаще является коммуникативным проявлением совсем иной речевой среды, а именно – лиц педофильной ориентации, для которых важно получить доверие и расположение тех, кто намного их младше. Склонность «молодиться» на уровне речевого взаимодействия характерно также для людей в возрасте, избирающих сексуальными объектами и партнерами, в том числе для супружества, лиц, моложе себя более чем на десяток лет.

О необходимости новых подходов к описанию жаргонной лексики. Полностью соглашаясь с положениями В. Елистратова по поводу того, что *жаргон* (добавим от себя – пожалуй, любой субкультурный), по сути своей, явление *синкретическое* и что описание его, и жаргона и явления в целом, с позиций какой-либо одной научной дисциплины всегда оказывается неполным, недостаточным, авторы данной статьи, со своей стороны, уже 15 лет разрабатывают собственный комплексный подход к изучению этого обширного и многообразного языкового материала.

В основе такого подхода, названного нами *лингвопсихологическим*, – широкое сочетание принципов и методов, используемых смежными науками в аналитических целях. В работе по описанию лексического материала применяются также некоторые элементы психоанализа, что уже дало определенные положительные результаты не только в описании *уголовного жаргона*, но и в описании других специфиче-

ских проявлений речевого узуса [См.: Chervinsky 1998; 1999; *Метафоры русского сексуального EGO* 2001]. Данная же статья является еще одним, пусть незначительным, шагом на пути систематизации разнородного жаргонного материала в процессе нашей многолетней работы – работы по составлению *электронных баз русского и польского жаргонов маргинальных сред* и составлению *словарных фондов* разноцелевой направленности.

Итак, по академическому определению Л. Скворцова, *жаргон* – это некая «социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств» [Скворцов 1997]. Не останавливаясь специально на *профессиональных жаргонах*, описание которых не входит в наши задачи, читаем там же далее следующее: «В нестрогом терминологическом смысле *жаргон* употребляется для обозначения искаженной, вульгарной, неправильной речи [то же, что *арго*], но с пейоративной, уничижительной, оценкой». Как считают В. Мокиенко и Т. Никитина, *жаргон* – это «дефиниция, как представляется, довольно точно очерчивает круг лексем и фразем, оставшихся за пределами литературного языка и региональных диалектов и являющихся объектом *жаргонографии*» [Мокиенко 2000].

Как русскоязычные *словари жаргонизмов* [Балдаев 1997], так и польскоязычные [Stkpniaк 1993], включают в себя лексемы и фраземы не одного, а целого ряда жаргонов. В частности, они обычно включают в себя элементы жаргонов *уголовного*, в том числе *тюремно-лагерного*, *молодежного*, в том числе *школьного*, *рыночного*, а также жаргонов *наркоманов*, *проституток*, *музыкантов* (гибрид *профессионального* и *наркоманского*), *номенклатурного* (смесь *административно-партийного* и лексикона *карательных органов* – от *ЧК* до *ФСБ*, для России) и некоторых других субкультурных групп. Примером последнего может служить *жаргон гомосексуалистов*, как лиц искусственно поставленных в стране вне закона и десятилетиями преследуемых в уголовном порядке – по специальной статье Уголовного Кодекса СССР – за их сексуальную ориентацию.

Необходимо при этом отметить, что за пределами современных *словарей жаргонизмов*, включая также иные, не жаргонные, издания *словарей ненормативной лексики*, остается современный *административно-партийный лексикон*, который, кстати сказать, активно используется в средствах массовой информации, публицистических изданиях и на уровне высших и средних коммуникативных контактов. Тем

самым эта новая форма *жаргона*, или, как теперь говорят, *новояз*, используется сегодня на тех уровнях общения, на которых должно использовать язык, соответствующий литературной норме.

О концепции словарей жаргонной лексики как словарей нового типа. Разграничение жаргонных языковых единиц внутри словарных фондов, по сферам их бытования и путям заимствования, в рамках настоящей работы в наши задачи не входит. В контексте же составления упомянутых выше *компьютерных словарных баз* эта задача крайне важна и обязательна для авторов, а потому в рабочем порядке уже решена.

Проделанная за 15 лет работа стала основой научного проекта *Номинации предметного мира маргинальных сред*, с последующим уточнением – *Лексика подстандарта в сопоставительном (конфронтативном) русско-польском аспекте*. Предварительная часть проекта состоит из следующих этапов:

1) Составление компьютерного *банка данных* (словарные *базы данных* разных источников). Русскоязычный материал в настоящее время обработан на 85 %, польский – на 50 %.

2) Разграничение жаргонных языковых единиц внутри словарных фондов по сферам их бытования (1) и путям заимствования (2). В плане 2.1 русский материал обработан на 100 %, польский – на 80 %. В плане 2.2, этимологическом, русскоязычный материал обработан приблизительно на 25 %, с польскоязычным ведется работа, для чего в дальнейшем будут также широко привлекаться для экспертизы, что вполне естественно, носители языка.

3) Составление *сводного словаря русской подстандартной лексики*. Составление электронного *банка данных* разных источников уже является подготовительной частью этой большой работы. Однако сам *сводный словарь*, на наш взгляд, станет завершающим и результативным этапом всего проекта (При этом идея типологизации материала, а также структуры словаря принадлежит А. Червински (A. Chervinsky), структура словарной статьи на данном, рабочем, этапе – М. Надель-Червиньской (M. Nadel-Czerwicska)). На данном этапе, в частности, еще только вырабатывается общая концепция такого итогового словаря, варьируются формы наглядного представления в нем лингвистического материала (акценты дефиниций, система помет, графическое оформление, возможный максимальный и минимальный информативный объем словарной статьи).

4) Разграничение в электронной *базе данных уголовного жаргона* языковых единиц *условно нейтрального характера* (вошедших в обиход разговорной речи и отчасти утративших в сознании носителей языка связь с уголовным

менталитетом) и единиц выраженного *садического характера* (употребляющихся в речи с целью нивелирования личности объекта речи) [см.: Барт 1992]. Барт разделяет понятия *са'довский* (имеющий отношение к маркизу, ему принадлежащий, свойственный) и *садический* (по контексту имеющий отношение и принадлежащий к садистскому мировоззрению, а также к садистской форме сообщения с внешним миром) [См. также: Червински 1998: 243-256; Chervinsky 1999: 97-99]. Разграничено приблизительно 90% русскоязычного материала. Соответственно, как следующий этап работы, – составление *лингвопсихологического словаря садического языка русского уголовного жаргона*. Концепция словаря принадлежит А. Червински, проект 1992 года. Отбор и составление словарного материала продолжалось до 1995 года. Лингвистическое и графическое оформление чернового варианта издания в дальнейшем осуществлено М. Надель-Червиньской. Словарь практически готов, впереди осталась техническая работа – подготовка его материалов к публикации.

5) Следующий этап работы, к которому также уже приступили, – это составление *семи тематических словарей* под общим названием: *Иерархия ценностей в уголовном жаргоне* [Червиньская 2003: 284-289]. Фонды этих словарей в черновом варианте уже готовы и в настоящее время проходят техническую и редакторскую обработку материала, готовящегося к изданию. Тематическое разграничение лексики уголовного жаргона, как русского, так и польского, позволяет с различных сторон и наиболее полно описать примитивную картину мира, свойственную языковому сознанию криминальной субкультуры.

6) Как возможный и желательный в будущем окончательный выход проекта – составление *двуязычных словарей уголовного жаргона* (русско-польского, русско-испанского и, возможно, русско-немецкого). К работе над первым из них, русско-польским, авторы уже приступили. Однако в этом направлении сделаны еще только первые шаги.

Так, 1 – уже сделан сопоставительный анализ употребления *имен собственных* [Czerwinska 2004: 179-188] в том и другом жаргонах; в плане изучения и описания материала русскоязычного жаргона, *уголовного либо к нему пограничного*, 2 – с разных точек зрения проанализирован топонимический жаргонный материал (микротопонимия Ленинграда-Петербурга); 3 – в рабочем порядке рассмотрены некоторые лингвопсихологические аспекты отношений *лицо, от которого зависят, – лицо, которое зависит* (в контексте а) *административного* и б) *армейского жаргонов*); 4 – продолжается разносторонний сопоставительный

анализ русских и польских лексиконов в) *наркоманов* и г) *алкоголиков*; заметим при этом, что суицидальный синдром, или тенденция личности к самодеструкции, является одним из главных аспектов *садического языка*; 5 – в определенной степени уже описан *эвфемистический принцип* маргинальных жаргонов, или так называемого д) *обратного языка* (как определяется он в наших работах (Термин заимствован у Дж. Родари, из его политического памфлета сказки, где все в стране пользовались, по указанию короля, *обратным языком*, чтобы только не называть вещи прямо – своими именами. [См.: Родари 1961])); интересно прослеживаются проекции данного пограничного коммуникативного явления в языке ретроспективной и современной российской политики; а также 6 – проанализированы некоторые аспекты употребления в речи *обсценичной лексики*, что свойственно, в первую очередь, представителям криминальных маргинальных сред.

7) В контексте проводимого нами с 1992 года лингвопсихологического исследования *примитивной картины мира криминальных сред* и ее языковых проекций в смежных жаргонах разного типа, каковыми являются лексиконы уголовников, лагерных заключенных, жертв репрессий, а также алкоголиков, наркоманов, проституток, представителей теневого бизнеса, гомосексуальных сред и т.д., представилось возможным составление *семи тематических словарей жаргона* криминальной и пограничных к ней сред. Первый из них в настоящее время готовится к печати. Материал остальных шести отобран, но еще нуждается в технической обработке – в ходе создания предварительной, компьютерной, версии этих словарей.

Иерархия ценностей уголовного сознания как основание выделения лексического круга для каждого тематического словаря

Как известно, коммуникативные отношения в криминальной среде упорядочены и ограничены жесткими схематическими правилами, нарушать которые строго запрещается самой субкультурной средой. Правила эти накладывают неизбежный отпечаток и на языковую картину мира – такую, какой она представляется субкультурному мироощущению. При этом представители маргинальных групп на речекommunikативном уровне постоянно воссоздают эту картину жаргонными средствами. Примитивность языковых средств естественным образом определяет примитивность картины мира, а жесткость схематических правил – ограниченное пространство такой картины. А также определяет, что мотивировано в языке объективными обстоятельствами данных коммуникативных моделей, узость кругозора носителя жаргона (камера, тюремный двор, окруженное провололочным ограждением лагерное пространство).

В литературном языке жесткие правила уголовного мира издавна назывались метафорически и описывались в языке опосредованно. Их называли *звериными*, или *волчьими*, *законами*, а также *законом стаи*. В публицистике встречаем им несколько иное определение – *тюремные*, либо *лагерные*, *правила*. На *блатном жаргоне*, или *на языке блатарей*, как фиксируют словари ненормативной лексики, это называется *воровской закон* или же более обобщенно, широко – просто *закон*. Отсюда жаргонные лексемы *законник*, *законный* называют «вора, соблюдающего закон» (см. также: *авторитет* и *вор в законе*).

Сравним со словарными определениями Д. Балдаева: «*Вор в законе* – авторитетный, опытный вор, с мнением которого в воровской среде нельзя не считаться. Наречение вора *вором в законе* происходит на *сходках*. Одно из условий перевода в этот «ранг» – несомненное соблюдение *воровского закона*. *Вор в законе* – заключенный-вор, вынужденный работать в ИТУ (исправительно-трудовом учреждении) наравне с другими заключенными» [Балдаев 1992: 47,84]. Тем самым, во втором случае, уголовник, он же *законник*, как бы не соответствует своему высокому статусу, определяемому его принадлежностью к криминальной субкультуре, где *закон* всеми строго соблюдается. В современной обстановке *воровской закон* уступил первенство *законам мафии*, т.е. еще более жестким, жестоким правилам игры в среде своих, принадлежащих ей и от нее зависящих.

Иерархия воров

Такие законы устанавливают также и иерархические отношения в криминальном сообществе. Так, наверху этой лестницы оказывается главарь преступной группы – *бондарь*, *волк*, *заказчик*, *иван иванович*, *князь*, *пахан*. Имеют свои названия также *авторитеты*, или *воры в законе*: *автоматчик*, *безлошадный*, *блатняк*, *бугор*, *джага*, *утюг*. Опытный пожилой вор либо воровка называются *аристократ(ка)*, *бобёр*, *большой человек*, *мамура*, *маханша*, *уркаган*, *уркач*; молодой и неопытный – *баклан*, *брус шпановый*, *жиган*, *камса*, *обезьян(к)а*, *пацан(ка)* с прибавлением *зелёный* либо *золотой*.

Вору-наставнику (*гувернёр*, *козлятник*, *маз*) в воровском жаргоне противопоставляется мелкий вор (*вшиварь*, *гусиносик*, *жулик*, *опарыш*, *пачкун*), а вору-одиночке (*единоличник*, *кустарь*, *лях*, *польский вор*, *поляк*, *сыроед*) помощник вора (*агент*, *наводчик зячий*, *поддужный*, *подпасок*, *подхват*) и человек на побегушках, воровская прислуга (*алёшка*, *бой*, *вайс*, *василёк*, *гарсон*, *прошка*, *халдей*, *холоп*, *шестёрка*, *шнурок*, *яшка*). Свое место в этой иерархии занимают также человек, стоящий на страже (*атасник*, *кукушка*, *рында*, *семафор*), и скупщик, сбывающий краденное (*барахольщик*, *ба-*

рыга, *золотарь*, *каин*, *мешок*, *паук*, *тёща*, *толкач*, *шмоткин*, *ямник*).

Однако наиболее дифференцированную иерархию на языке бандитской *фени* имеют профессионалы-специалисты (воры, грабители, убийцы). Они делятся на группы по месту кражи – *буфетник*, *майданник*, *поездушник*, *транспортник*, *рыночник*, *чердачник*; по способу кражи и взлома – *верхолаз*, *карманник*, *избач*, *стекольщик*, *фортач*, *щипач*, *удильщик*; по цели кражи и взлома – *торбохват*, *медвежатник*, *могильщик*, *кассир*, *скотник*; по времени совершения преступления – *сонник*, *утренник*; по уровню мастерства – *громщик*, *писатель*, *скачок*, *халтурник*, *художник*, *ювелир* и так далее. Осбые названия имеет и убийца – *коцап*, *кошатница* (*кожатница*), *мокрушник*, *мокрытник*, *мясник*, *пол-пота*, *роялист*, *сериал*, последний как серийный убийца, *хомутник*.

Соответственно глаголы и существительные, называющие смерть, а также тело покойника, труп дифференцируются в жаргоне

1) по способу и причине смерти (*дубаря секануть*, *задубеть*, *накрыться мокрой*, *нарезать дубаря*, *окочуриться*, *отемнить*, *путёвку получить*; *амсба*, *загиб петрович*, *кранты*, *крест*, *крышка*, *курносая*);

2) по форме смерти и по виду после смерти (*доплыть*, *досрочно освободиться*, *коньки откинуть*, *надеть деревянный бушлат*, *перекинуться*, *скопытиться*, *сыграть в ящик*, *увянуть*; *жмурик*, *крантик*, *красивый дубарь*, *околеванец*, *подснежник*, *потемнённый*, *с биркой на левой (ноге)*, *стерва*, *чёрный цветок*, *шлак*, *шмур*).

Человеческая личность в головном менталитете никакой, как видим, собственной ценности не имеет. Ценность представляют

- а) место в иерархической лестнице;
- б) профессиональные навыки и мастерство;
- в) сила и опыт, подчиняющие себе окружающих, стоящих ниже на той же лестнице; а также

г) то, каким представляешься в глазах других, признающих или не признающих в тебе *авторитета*.

При этом основным правилом всех, весьма, надо отметить, варварских, законов уголовного общежития является своеобразная главная заповедь, звучащая так: *Не верь. Не бойся. Не проси* [Подр.: Chervinsky 1998]. Обратим внимание на то, что этот речевой оборот, или *триада-запрет*, заложена в основу текста первого нашумевшего шлягера российской группы *Тату* – и именно эта песня сделала исполнительниц ее популярными. Собственно, текст песни и состоит только из этой фразы уголовного содержания, многократно повторяемой несовершеннолетними девочками на все лады.

В этом и состоит, по мнению создателей скандального имиджа поп-группы, ее пикантность. Это подчеркнутое сочетание на невербальном знаковом уровне детскости (узнаваемая пионерская форма, огромные школьные банты, ранцы, тетрадки) и развратности (томные взгляды, сексуальные объятия, двусмысленные взаимные поцелуи). И, тем самым, подчеркнутое сочетание невинности и опытности, что используется в рекламных целях, прежде всего, в проституции (как сфере криминального бизнеса). Здесь также узнаваем специфический фрагмент уголовной картины мира, весьма дифференцировано описанной средствами жаргона.

Иерархия женщин и проституток

Семантическая дифференциация лексических единиц наблюдается, в частности, в контексте иерархической шкалы номинант, выраженных именами существительными, прилагательными либо причастиями и называющих

1) девушек (как сексуальный объект – *целка, тёлка, серячка, цыпа* и объект насилия – *телятина, сейф мохнатый*);

2) женщин (то же самое – *синеглазка, слаба на передок, тигрица* и *корова, рыба, скотобаза, мясокомбинат* + пригодность / непригодность сексуального объекта – *подстилка, сирена, пробу негде поставить, бессемянка, метла без палки, щенная сука, колода, корзина, деревяшка, бревно*);

3) женщин легкого поведения (по профессиональным признакам – *зажигалка, соска, сатана, дырявое войско, многостаночница*; по внешним признакам – *аида, сирена, королева, красючка, минога, мымра, свиноматка*; по возрастным признакам – *юя, эми, эстер, коза, рогожа трёпаная, стелька, клюка, кляча*; по стоимости услуг – *дешёка, камелия, мочалка, путана*; по месту услуг – *раскладушка, майданная бикса, шалашовка, шоферская бикса*; по способу услуг – *наездница, скрипка, двустволка, солистка, простодырка*; по отношению к милиции – *рокшана, шавка, падло, крыса, активистка* и так далее).

Иерархической лестнице подчинены в уголовном жаргоне также многочисленные глаголы, связанные с подчинением женского начала мужской силе и власти, с подчинением различными средствами, способами и физическими (избиение – *буксовать, венчать, веселить*; изнасилование – *жмокнуть, отшампурить, помыть крылышки*; убийство – *заткнуть, оборвать струну, перекрыть кислород*), а также психическими (унижение – *расцеловать*, т.е. плюнуть в лицо, *рогатку сделать, отдрючить, сделать бульдога*; оскорбление – *(по)ставить раком, открыть мохнатку, оприходовать, обломить*; презрение – *форшмак заделать, проветрить мозги, уделать,*

умыть; отвержение – *посадить на парашу, рассольчик слить*; издевательства – *долбать, дрынить, ломать рога, линчевать, остеклить, подковать козу*; групповые формы – *отхарить паровозом, протянуть кутком, пустить под трамвай*).

Женщина, как и гомосексуальный объект насилия (*козёл, петух, опущенный, голубой, говномес*), как нельзя лучше вписывается в контекст уголовных отношений. Здесь субъекту насилия (*агрессор, амурик, вампир, вурдалак, мохнорылый, шелкоматке, шерстяной вор*) и орудию насилия (*бадяга, инструмент, кочерга, машина, хлопущка, дунька, жало, финка, косарь, матка, сажало; вафля, дуло, затейник, монтировка, палка, паяльник*) всегда противопоставлена жертва (*барашек, живой товар, зайчик, курка, пуфик, хомячок*). Жертва хорошо вписывается в пространство насилия – тоталитарное бытие (широкое пространство) и существование в тюрьме, зоне (узкое).

Уголовная психология в дискурсе поп-культуры

Позволим себе еще раз обратить внимание на видеоклипы поп-группы *Tatu*, которые весьма в контексте нашей работы показательны. Выпущенный российском шоу-бизнесом для *Запада*, или как это называется на жаргоне за *бугор*, он разворачивается на фоне элементов лагерного быта – колючей проволоки, шарящих по земле прожекторов, наблюдательных вышек для *вохров* (внутренней охраны *зоны*). Такие же элементы антуража *зоны заключения*, в данном случае как элементы спекулятивного характера, присутствуют и в другом клипе дуэта *Tatu* – клипа песни *Нас не догонят*.

А клип песни *Белый плащ* инсценирует циничную в откровенной жестокости казнь полудетой беременной, практически на сносках, девочки в тюремном застенке, где отечественный антураж и стилизованная форма исполнителей становятся как бы «фривольным» намеком на времена культа личности (и не только на них). За этим, легко читаемым знаковым антуражем, отходит на второй план даже основная, с точки зрения уголовной психологии, заложенной в основу данного музыкального манифеста, идея: конфликт двух девочек, в результате которого один полуробенек (советско-набоковская *нимфетка*) предаёт мучительной казни другого полуробенка – за неверность, измену, предательство, демонстративно и преднамеренно совершая при этом двойное убийство. Садический контекст такой манифестации очевиден.

Тем самым, вербальный уровень текстов песен, будучи сознательной проекцией уголовных стереотипов советского мироощущения, преднамеренно подкреплён на невербальном, предметно-знаковом, уровне клипа визуальными образами, которые, по замыслу режиссуры

видеоманифестации, должны усиливать всячески подчеркиваемую ассоциацию: СССР, а затем Россия в целом – лишь *зона принудительного заключения*. Оттуда не дают сбежать, но маленькие слабые девочки пытаются это сделать, их преследуют за любовь друг к другу – специфическую форму отношений, характерных для женских лагерных барачков (впрочем, как и для женских учебных заведений закрытого типа, изолированных от мира монастырей, а также для этнических локусов, в которых весьма ослаблено по каким-либо причинам мужское начало).

Описание того, как массовая уголовная психология постсоветской *зоны* отражается в шлягерной поп-культуре, насквозь пронизывает последнюю во всех ее проявлениях (темы и образы, тексты и музыка), представляет в дальнейшем немалый исследовательский интерес.

Принцип неверия

Тот, кто в тюремно-лагерной среде *верит на слово*, проявляет свой *страх* или пытается что-либо *попросить*, становится, по неписаным жестоким законам, жертвой тех, в зависимости от которых он оказался – т.е. либо от *уголовника-рецидивиста*, либо от *начальника, начальничка*, надзирателя в тюрьме, лагере. Характерно, что на том же жаргоне *начальник лагеря социализма* – это И. Сталин. От него зависело все и вся, а потому и его тоже не следовало ни *бояться*, ни *просить*. И ему тоже не следовало *верить*. Таким образом, именно уголовным сознанием внутренне мотивированы в маргинальных средах общения модели коммуникативного недоверия – как на вербальном, так и на поведенческом уровнях межличностных отношений.

Поведенческие модели недоверия логически порождают речевые модели лжи. Кстати, на последних моделях, в частности, основаны, с одной стороны, 1) проверка в криминальной среде нового человека на *свой / чужой* (истинность / ложность его слов и поведения, знание *воровской фени*, знание и соблюдение законов группы, ориентация в иерархических отношениях ее членов), с другой, 2) инициация новичков (в преступной группе, тюремной камере, лагерном бараке, *зоне* в целом).

Поскольку в сообществе тоталитарного типа, к каковому до сих пор, к сожалению, приходится относить современную Россию, уголовные модели коммуникативных отношений приложимы в той или иной мере к любой области общественных отношений, а также, часто, ко многим сферам межличностных, то они, такие коммуникативно-поведенческие и речевые модели привносятся также в область даже официальных контактов. Только этим, к примеру, можно объяснить то, что по российскому международному каналу телевидения, с самой вы-

сокой государственной трибуны, звучали в 2005 году такие чисто *уголовные выражения-угрозы* лагерного происхождения периода сталинских репрессий, как то: адресатно направленное *они у нас будут землю жрать!* или же вроде бы полубезличное, в котором, однако, конкретные адресаты также подразумеваются и узнаваемы, – ...*(кого надо) заставим лагерную пыль лизать!* Тем самым специфические выражения *тюремно-лагерного жаргона* становятся в российском *новоязе* риторическими фигурами *языка политики* – причем как в крайне левом ее крыле, так и в официозном правом.

Примитивная картина мира, описанная жаргонными средствами

Языковые средства уголовного жаргона в сущности своей крайне бедны [См.: Лихачев 1992: 354-405; Chervinsky 2004]. Бедны они уже потому, что крайне ограничен круг понятий, которые этими средствами описаны и названы прямо либо опосредованно – узок круг субъектно-объектных отношений, действий, предметной атрибутивности преступного, а затем лагерного мира. Узок мировоззренческий кругозор, который, в силу тех или иных обстоятельств, оказывается доступен носителю этого жаргона.

С одной стороны, узость кругозора, а потому и узость видимой носителем жаргона картины мира порождает примитивность языковых единиц, средств, при помощи которых она воссоздается и описывается в субкультурной ментальности. С другой стороны, примитивность средств описания приводит к примитивному воссозданию самой картины и, как следствие, порождает примитивность такой картины.

Итак, уголовный мир примитивен. Примитивны тюремная жизнь и лагерное существование. И это естественным образом находит свое отражение в составляемых нами семи *тематических словарях уголовного жаргона*.

Так, первый из них, подготавливаемый сегодня к печати, называется *Материальные потребности уголовного и лагерного мира (тематический словарь)*. Лексика в нем подразделяется на следующие группы:

1. *Тепло / холод* (мир ощущений).
2. *Жилье / убежище* (мир предметов).
3. *Одежда / обувь* (мир предметов, первая необходимость).
4. *Питье / еда* (первая необходимость).
5. *Голод / жажда* (мир ощущений, первая необходимость).

В каждую группу, соответственно, объединяются лексемы, относящиеся к разным частям речи, а также устойчивые выражения, характерные для данного жаргона.

Второй жаргонный словарный фонд называется *Статусные отношения преступного и тюремно-лагерного мира (тематический сло-*

варь). Третий – *Статусные отношения в преступной группе, тюрьме и зоне заключения (тематический словарь)*. Четвертый – *Интеллектуальные запросы носителей уголовного жаргона (тематический словарь)*. Пятый – *Эмоциональные отношения носителей уголовного жаргона (тематический словарь)*. Шестой – *Акциональные отношения в уголовном жаргоне (тематический словарь)*. Седьмой – *Половые отношения в уголовном жаргоне (тематический словарь)*.

К сожалению, наметившаяся сегодня повсеместно тенденция экономить на развитии гуманитарных направлений международной науки, особенно на филологии, не способствует оперативной реализации проекта, в котором, еще несколько лет назад, были заинтересованы лингвисты ряда европейских университетов. Однако уже выполнена работа по составлению компьютерных баз данных и тематические корпусы жаргонной лексики находятся в стадии обработки, соответственно выработанной концепции словарной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Chervinsky A. «Садический язык» тоталитарного государства: новый термин и языковая действительность. // *Терминология: изучение и обучение*. – Минск, 1999. С. 97-99.

Chervinsky A. Лингвopsихологическая модель мира в русскоязычной криминогенной среде // *III Jornadas Andaluzas de Eslavística*. – Granada, 2004.

Chervinsky A. Психология зоны. Примитивный садизм. // *Creativity & Communication Process*. Вып. 1. Прил. III: Социопатия. – Jerusalem, 1998. 175 с. URL: <http://www.nicomant.org>.

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M. Номинации национальной и религиозной принадлежности в русском и польском уголовных жаргонах. // *Cudernos de Rusistika Espacola*. Nr 1. [Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla] – Granada, 2004. S. 179-188.

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M. Номенклатура и фея. Уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны» // *Slavica*

Electronica Erfordiensis. – Erfurt, 1999. 155 с. URL: <http://www.slavica.ph-erfurt.de>.

Stkpnia K. *Siownik tajemnych gwar przestkczych*. – London. 1993.

Балдаев Д.С. Краткий каталог блатных татуировок (прил. 7). Рисунки осужденных за уголовные преступления (прил. 8). // *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов*. – М., 1992.

Балдаев Д.С. *Словарь блатного воровского жаргона*. Т. 1-2. – М., 1997.

Барт П. Сад-И. [В:] *Ad Marginem*. Маркиз де Сад и XX век. – М., 1992.

Елистратов В.С. *Арго и культура*. // *Словарь русского арго* – М., 2000.

Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. // *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов*. – М., 1992.

Czerwinsky A., Czerwinski P., Nadel-Czerwinska M. *Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Worterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs*. / Herausg. und eingel. von J. Hartung, Buchshtabe A. – VERLAG DR. KOVAC in Gamburg, 2001. 342 s.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Предисловие. // *Большой словарь русского жаргона*. – М., 2000.

Родари Дж. *Джельсамино в стране лжецов*. – М., 1961.

Скворцов Л.Н. *Жаргон*. // *Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов*. 2-е изд. – М., 1997.

Червински А. Садический язык тоталитарного государства: лексический состав и специфика словоупотребления. // *Slavica Quinqueecclesiensia IV. Linguistica. Translatologia. Cutura*. – Pecz, 1998. S. 243-256.

Червиньская А. Иерархия потребностей: лингвopsихологический анализ русских арготизмов. // *Новое в теории и практики описания и преподавания русского языка* – Warszawa, 2003. S. 284-289.

© Надель-Червиньска М.,
Червиньски А., 2009

Прохоров А.В.
Тамбов, Россия

МЕТАФОРИКА СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

УДК 659.1

ББК Ш 141.2-7

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации таких метафорических моделей как ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК, ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ и ЛЕЧЕНИЕ – это БОРЬБА на материале русско- и англоязычных рекламных текстов.

Ключевые слова: концептуальная метафора, понятийная область, рекламный текст, объект рекламы.

Сведения об авторе: Прохоров Андрей Васильевич, зам. начальника управления международных связей, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры дизайна, сервиса и рекламы.

Место работы: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

Контактная информация: 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 54, кв. 233.

E-mail: prokhorov@tsu.tmb.ru, proh_and@rambler.ru.

Prokhorov A.V.
Tambov, Russia

METAPHORICS OF A CONTEMPORARY ADVERTISING TEXT

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article studies the peculiarities of realization of such conceptual metaphors as OBJECT of ADVERTISING is HUMAN BEING, OBJECT of ADVERTISING is ANIMAL, and TREATMENT is STRUGGLE on the material of Russian and English advertising texts.

Key words: conceptual metaphor, conceptual domain, advertising text, advertising object.

About the author: Prokhorov Andrey Vasilievich, Deputy-Head of the International Relations Department, candidate of philology, senior lecturer at the Chair of Design, Service and Advertising.

Place of employment: Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

392036, Tambov, ul. Internationalnaya, d. 54, kv. 233.

E-mail: prokhorov@tsu.tmb.ru, proh_and@rambler.ru.

Основоположники теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют концептуальную метафору как понимание одних сущностей в терминах других [Lakoff, Johnson 1980: 5]. В русле современной когнитивной лингвистики метафора рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.В. Петров, А.П. Чудинов и др.).

Концептуальными метафорами принято называть устойчивые соответствия между исходной понятийной областью и новой понятийной областью, которые нашли отражение в культурной и языковой традиции данного общества. Так, для европейской культуры концептуальными метафорами выступают такие устойчивые соответствия как ВРЕМЯ – это ДЕНЬГИ, СПОР – это ВОЙНА, ЖИЗНЬ – это ПУТЕШЕСТВИЕ и др. [Lakoff, Johnson 1980].

По мнению А.Н. Баранова, «основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом» [Баранов 2004: 9].

Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и измерять несоизмеримое посредством концептуальной метафоры. Данное устройство, по утверждению Н.Д. Арутюновой, действует постоянно в любых видах дискурса. Попадая в повседневную речь, метафоры стираются и входят в словарный состав языка [Арутюнова 1990: 9].

Специфика реализации концептуальных метафор исследуются на материале различных типов дискурса, например, **политического** (Дж. Лакофф, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, О.А. Шаова, Е.О. Шибанова и др.), **экономического** (Н.Ю. Бородулина, Е.В. Колотнина, Е.О. Шибанова), **рекламного** (С. Lundmark), **публицистического** (О.Г. Орлова), **медицинского** (С.Г. Дудецкая, В.Ф. Новодранова), **политического** (Е.Б. Рябых) и т.д.

Особая роль концептуальной метафоре отводится в **рекламном дискурсе**. К концептуальной метафоре прибегают при представлении рекламируемого объекта и его характеристик, которые могут рассматриваться как значимые для адресатов рекламного текста. Кроме того, концептуальная метафора предоставляет возможность передавать наряду с эксплицитными (явно представленными) имплицитные смыслы. Концептуальная метафора обладает значительным манипулятивным потенциалом, а также может служить средством формирования оценочных смыслов в сознании рекламной аудитории.

Анализ русско- и англоязычных рекламных текстов позволил выделить метафорическую модель ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК. В процессе реализации данной модели оказываются задействованными и переосмысленными различные участки концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК. Данная модель особенно частотна в текстах рекламы автомобилей. Автомобиль может описываться как существо, обладающее, например, сердцем, характером:

Сердце Continental Flying Spur – феноменальный 560-сильный 6-литровый двигатель с двойным турбонаддувом, самый мощный в мире серийный автомобильный мотор. <...> (Top Gear, октябрь 2008);

Успех в его характере. Новый Audi A6 (Top Gear, октябрь 2008).

Процесс образования концептуальных метафор по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК заключается в определении сходств, аналогий между двумя понятийными областями, в актуализации различных концептуальных характеристик исходной понятийной области ЧЕЛОВЕК и их переносе на рекламируемый объект, в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ [см. подр.: Прохоров 2006, 2007].

Основываясь на широком круге знаний человека о самом себе, собственном опыте, создатели рекламного текста приписывают объекту рекламы характеристики, обычно используемые при описании человека, его внешних и внутренних качеств и т.д.

С целью выделения основных концептуальных характеристик понятийной области ЧЕЛОВЕК мы обратились к словарным толкованиям существительных *человек* и *man, person, human being*, репрезентирующих концепт «человек» соответственно в русском и английском языках. На основании словарных толкований данных существительных были выделены следующие концептуальные характеристики понятийной области ЧЕЛОВЕК:

- ✓ наличие интеллекта;
- ✓ характеристик внешнего вида;
- ✓ физическая сила;
- ✓ деление по половому признаку: мужчина, женщина;
- ✓ характер как совокупность свойств и качеств человека;
- ✓ определенное социальное положение, принадлежность к социальной группе;
- ✓ род занятий, профессиональная принадлежность.

Проиллюстрируем метафорическое переосмысление некоторых из перечисленных выше концептуальных характеристик понятийной области ЧЕЛОВЕК.

В следующем примере метафорическому переносу в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ подвергается концептуальная характеристика «интеллект» исходной понятийной области ЧЕЛОВЕК, которая актуализируется за счет использования следующих лексических единиц: существительных (*гений*), прилагательных (*умнее других*) и глаголов (*знает, что делает*):

Гений чистоты. Пылесос De'Longi Aqualang WF 1500E. Техника, которая знает, что делает. Некоторые вещи умнее других. Например, стильный пылесос Aqualang WF 1500E от Де Лонги, который не только чистит ковер и пол, но – внимание! – очищает воздух с помощью двух HEPA-фильтров, при необходимости он соберет даже разлитую воду. Экологично и быстро. Всем бы так работать (Вокруг света, февраль 2003, № 2 – реклама пылесоса De'Longi Aqualang WF 1500E).

В других примерах мы встречаем следующие метафорические описания объекта рекламы: *умный макияж* (о крем-пудре), *привилегия интеллекта*. *Audi наделен мощным интеллектом* (об автомобиле Ауди), *привилегия умного автомобиля* (об автомобиле Volkswagen) и т.д.

Метафорическое описание объектов рекламы может базироваться на переосмыслении концептуальной характеристики «внешний вид» понятийной области ЧЕЛОВЕК и ее переносе в понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ. На языковом уровне данная метафора реализуется за счет следующих лексических единиц: *внешность; эталон безупречного вкуса; синоним стиля; превосходное чувство стиля; совершенство формы; неординарная; элегантный*, которые обычно используются для описания внешности человека:

Всегда и везде в центре внимания новый Colt. Неординарная, яркая внешность... Совершенство формы и содержания... Это новый Mitsubishi Colt, эталон безупречного вкуса и новый синоним стиля <...> (Cosmopolitan, октябрь 2004 – реклама автомобиля Mitsubishi Colt);

Ford Mondeo. Совершенство в форме. Уверенность в характере <...> Мощь двигателей нового поколения и исключительная динамика заявляют об уверенном характере, а безупречные линии подчеркивают совершенство формы и превосходное чувство стиля. Элегантный, стремительный, великолепно управляемый Ford Mondeo: стоит увидеть однажды, и Вы уже не сможете отвести взгляд (Клаксон, июль-август 2006, № 15).

На аналогии между силой человека и мощностью автомобиля базируется концептуальная метафора в следующем рекламном тексте:

The new Infinity M45. The muscle car with brain. 340-horsepower V8 0-60 in 6.1 seconds (Scientific American, November 2002, № 11 – реклама автомобиля Infinity M45).

В данном примере метафорическое переосмысление получает характеристика «физическая сила» понятийной области ЧЕЛОВЕК. На языковом уровне концептуальная метафора реализуется посредством сочетания *muscle car*.

В следующих примерах актуализируется концептуальная характеристика «пол» понятийной области ЧЕЛОВЕК:

Новый RAV 4. Стиль – свободный! Новый RAV 4. За его мужественной внешностью стоят универсальные возможности. <...> (Клаксон, июнь 2006, №11 – реклама Toyota Rav 4);

Плавные линии, легкий характер... Ее легко заметить в потоке, она притягивает взгляд. С ней хорошо днем и увлекательно ночью. Она всегда рядом и готова поддержать в любую минуту. Город не может отвести от нее глаз. <...> Она создана для города, а город создан для нее. LADA Kalina. Наш город, кажется, влюбился (Тюнинг, октябрь 2005, № 10 – реклама автомобиля Лада Калина).

В основе метафорического переосмысления характеристики **«социальное положение»** лежат знания о возможной принадлежности человека к определенной социальной группе. В следующем примере объект рекламы (автомобиль) осмысливается как принадлежащий к высшему привилегированному слою общества:

Rover 75. Рожденный аристократом (Клаксон, август-сентябрь 2002, № 16 – реклама автомобиля Rover 75).

Лексическая единица «аристократ» выступает основанием для получения вывода том, что рекламируемый автомобиль принадлежит к автомобилям самого престижного класса и предназначен для людей высокого социального статуса.

При метафорическом переносе оказывается задействованным элемент **«объединение людей по общности интересов»** понятийной области ЧЕЛОВЕК. Данная концептуальная метафора реализуется в тексте рекламы за счет использования следующих сочетаний: *верный, надежный друг; надежный помощник; лучший компаньон; попутчик; работает за троих* и т.д.:

UAZ Patriot. Бывает, что в одиночку – никак не справиться... когда нужно проявить характер, быстро принять верное решение... когда взаимопонимание – на вес золота... поможет он – верный, надежный друг (Авто мир, 15 октября 2005, № 42);

Надежный помощник с отличным резюме. Многофункциональное устройство Panasonic KX-MB263RU – это Ваш надежный помощник в офисе и дома. Он возьмет на себя всю бумажную работу – распечатает текст, отсканирует документ, сделает качественные копии и всегда доведет начатое дело до конца. Работая за троих, он экономит Ваше время и не занимает много места. Вы и сами не заметите, когда в первый раз скажете ему спасибо! А он будет помогать, помогать и помогать (За рулем, декабрь 2007, № 12 – реклама многофункционального устройства Panasonic);

Suzuki Ignis. Плавный ход, высокий дорожный просвет, практичность, лучшее соотношение цена-качество – Suzuki Ignis создан для города и создан для вас. Компактный и маневренный Suzuki Ignis – лучший компаньон для поездок на работу и за покупками <...> (Клаксон, март-апрель 2006, № 6 – реклама автомобиля Suzuki Ignis);

Mutlu – попутчик, которому стоит доверять (За рулем, октябрь 2004, № 10 – аккумуляторы Mutlu).

В приведенных примерах объекты рекламы рассматриваются как люди, которые объединены с адресатом общностью интересов, дружбой и т.д. Языковые средства, за счет которых реализуется данная концептуальная метафора, призваны сформировать в сознании адресата мысль о том, что к рекламируемому объекту (автомобилю, лекарственному средству, аккумулятору, многофункциональному устройству и т.д.) можно относиться с доверием.

Образование концептуальных метафор ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК в следующих примерах происходит за счет переосмысления концептуальной характеристики **«род занятий»**, а объект рекламы описывается как спортсмен (*чемпион в тяжелом весе*), футболист (*игрок премьер-лиги*), косметолог (*персональный косметолог*):

(1) *Hyundai NF. Новый игрок премьер-лиги. Он амбициозен и уверен в себе. Он знает, чего хочет. Он знает, цену победе. Потому что, начиная игру в премьер-лиге, по-другому не может быть* [Изображение футбольного поля] (Клаксон, сентябрь 2005, № 16 – реклама автомобиля Hyundai NF);

(2) *HD 700. Чемпион в тяжелом весе* (Автомобили и цены, 19-25 сентября 2005, № 37 – реклама грузового автомобиля Hyundai HD 700);

(3) *Персональный косметолог вашей обуви. Collonil. Waterstop spray 200ml, 400 ml нейтральный. <...>* (Семь дней, 17-23 октября 2005, № 42 – реклама спрея для обуви Collonil).

В примерах (1-3) посредством концептуальной метафоры ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК передаются различные имплицитные смыслы. В примерах (1) и (2) рекламируемые автомобили характеризуются как престижные и лучшие за счет их описания как игрока футбольной премьер-лиги (1) и чемпиона в тяжелом весе (2). Концептуальная метафора (1) базируется на знании о том, что футбольная премьер-лига объединяет сильнейшие команды и, следовательно, лучших игроков, быть игроком премьер-лиги считается престижным. В примере (2) проводятся параллели между объектом рекламы и чемпионом в единоборстве (возможно, в боксе). В данном случае происходит метафорический перенос, основанием для которого выступают следующие характеристики: большой автомобиль (... в тяжелом весе), лучший в своем классе (чемпион), тяжелая весовая категория считается наиболее престижной и зрелищной в единоборствах, например в боксе.

В тексте рекламы могут подвергаться метафорическому переосмыслению сразу несколько концептуальных характеристик понятийной области человек:

Время героев прошло? Он может это оспорить. Audi S4. Он из породы одиночек: ведь на вершине нет места для многих. Он представитель могущественного клана. Клана героев, меняющих представления о возможном. Audi S4. Внешность аристократа, характер первооткрывателя и сила воина. Двигатель V8 мощностью 344 л.с., разгон до 100 км/ч за 5,8 секунды. Он выбирает свой путь, пройти который под силу лишь подобным (За рулем, февраль 2007, № 2 – реклама автомобиля Audi S4).

В данном примере актуализируются, в частности, такие характеристики понятийной области ЧЕЛОВЕК как *внешний вид* (внешность ари-

стократа), *физическая сила* (сила воина), *характер* (характер первооткрывателя) и т.д.

В случаях, когда создатели рекламы хотят сделать акцент на отдельных характеристиках объекта рекламы, они нередко обращаются к понятийной области ЖИВОТНОЕ. Образование концептуальных метафор по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ основывается на актуализации и переносе концептуальных характеристик из исходной понятийной области ЖИВОТНОЕ в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ.

Словарные толкования лексем *животное*, *зверь*, *animal*, *beast* позволили выделить следующие концептуальные характеристики понятийной области ЖИВОТНОЕ:

- ✓ живое существо;
- ✓ внешний вид;
- ✓ обладает способностью к передвижению;
- ✓ животные подразделяются в зависимости от среды обитания (домашние – дикие).

Как показывает анализ фактического материала, формирование концептуальных метафор по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ происходит за счет актуализации наиболее типичных концептуальных характеристик исходной понятийной области ЖИВОТНОЕ и их метафорического проецирования в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ. Обратимся к тексту рекламы, в котором рассматриваемая концептуальная метафора базируется на актуализации и переосмыслении концептуальной характеристики «**внешний вид**» понятийной области ЖИВОТНОЕ. Объективация концептуальной характеристики «внешний вид» происходит за счет используемых существительных *beauty* и *beast*:

Now 390 horsepower. Same beauty. More beast (Motor Trend, January 2005, vol. 57, No. 1- реклама автомобиля Chevrolet SSR).

В данном случае концептуальная метафора ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ базируется на ассоциативной связи между внешним видом дикого животного и внешним видом автомобиля. Посредством данной концептуальной метафоры передаются внешние характеристики автомобиля: «красивый автомобиль», «резкие, стремительные черты кузова», которые выводятся адресатом рекламного текста посредством семантического вывода – инференции.

В следующих примерах концептуальная метафора является средством передачи следующих имплицитных смыслов (импликатур): «для рекламируемого автомобиля не существует преград» (1), «рекламируемый автомобиль приспособлен к езде по городу» (2):

(1) *Volvo S 60 AWD. Приручи вольного зверя.* [Изображение рыси] (Клаксон, ноябрь 2001, № 22 – реклама автомобиля Volvo S 60 AWD); (2) *Городские джунгли – его стихия.* Максимум возможно-

стей. Максимум свободы [На картинке изображена городская улица, в воде ползают черепахи] (Вокруг света, ноябрь 2004, № 11- реклама автомобиля Toyota Rav 4).

Единицами рекламных текстов, указывающими адресату на содержание в них данных импликатур, являются **вербальные** (*приручи вольного зверя; городские джунгли – его стихия*) и **иконические** (*изображение воды и ползающих черепах на улицах города*) компоненты рекламных текстов. Вывод указанных выше импликатур осуществляется на основании выделенных вербальных и иконических элементов рекламных текстов.

В рекламе автомобиля FIAT основанием для метафорического переноса выступает ассоциация между породой животного и моделью автомобиля (*breed of Panda*):

Bring the whole family to see a new breed of Panda this weekend. A new breed of Panda. [На рисунке – автомобиль и несколько слонов, раскрашенных как панда] (News of the World, January 18, 2004 – реклама автомобиля FIAT Panda).

Наряду с использованием концептуальной метафоры при описании рекламируемого автомобиля на вербальном (*Panda*) и иконическом (*изображение автомобиля, раскрашенного как панда*) уровнях происходит обыгрывание названия модели автомобиля. За счет метафорического описания автомобиля, а также используемой характеристики *leopard*, происходит формирование в сознании адресата следующего смысла: объектом рекламы является новая модель автомобиля FIAT, которая отличается от предыдущих моделей.

Концептуальная характеристика «**способность издавать звуки**» понятийной области ЖИВОТНОЕ подвергается метафорическому переосмыслению в случаях, когда усматривается некоторое сходство, аналогия между звуками, издаваемыми животными, и звуками, которые издаются механическими объектами. Так, в следующих примерах звук холодильника компрессора описывается как тихое мурлыканье котика (1), а звук двигателя автомобиля как хриплое рычание животного (*throaty growl*) (2):

(1) *Они мурлычат так тихо...Бесшумный компрессор по технологии BONO (Италия) + новый эффективный хладагент. Тишина и надежность* (КП, 1-8 октября 2004, № 185/40 – реклама холодильников Nord);

(2) *The all-new 200-hp Acura RSX Type-S. <...> The throaty growl of a revolutionary i-VTEC engine paired with a brand-new 6-speed manual transmission. You might just want to roll down the windows and take a good listen <...>* (Rolling Stones, September 19, 2002, issue 905 – реклама автомобиля Acura).

В следующем рекламном тексте рекламируемый автомобиль описывается как представитель животного мира:

Jeep Grand Cherokee. Out here Jeep Grand Cherokee is a recognizable sight. Because of its legendary four-wheel drive capability. And, with its aggressive performance and handling, Grand Cherokee is more agile than some of the mountain's residents – causing jealousy in some and admiration in others. It's no wonder many creatures come to think of Grand Cherokee as one of their own (Sports Illustrated, December 4, 2000 – реклама автомобиля Jeep Grand Cherokee).

Основанием для метафорического переноса в приведенном рекламном тексте является аналогия между диким животным и рекламируемым автомобилем, которая базируется на их способности к передвижению в сложных условиях (например, в горах). Способность автомобиля к передвижению в сложных условиях (в горах) характеризуется прилагательным *agile*, которое обычно используется для описания животных.

Метафорика текстов рекламы не ограничивается метафорами ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК и ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ. Интерес представляет, например, метафора ЛЕЧЕНИЕ – это БОРЬБА, которая получает реализацию в рекламе лекарственных средств (Прохоров 2005). В границах указанных понятийных областей реализуются более частные метафорические проекции (соответствия). Построение концептуальных метафор по модели ЛЕЧЕНИЕ – это БОРЬБА основывается на усматриваемых аналогиях между лечением и борьбой.

И болезнь, и противник нарушают нормальное течение жизни человека, что находит отражение в частной модели БОЛЕЗНЬ – это ПРОТИВНИК:

Пенталгин-Н. В 5 раз сильнее боли! 5 активных компонентов быстро и эффективно справятся с любой болью (Добрые советы, июнь 2004, № 6); *Дикловит. Победи боль одним ударом!* (Здоровье, январь 2002, № 1).

Болезнь, также как и противник, может ограничивать свободу действий человека (БОЛЕЗНЬ – это ПЛЕН):

Лорагексал. Свобода от аллергии (Здоровье, апрель 2004, № 4); *Ношпа-форте. Спасение от спазмов и боли. Быстро и эффективно* (Здоровье, сентябрь 2002, № 9).

В борьбе с болезнью, как и в борьбе с противником, человек использует определенные средства противодействия – оружие (ЛЕКАРСТВО – это ОРУЖИЕ):

Солпадеин. Мощное оружие против боли, бьющее точно в цель.

Полное избавление от болезни (выздоровление) в текстах рекламы представляется как победа (ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ – это ПОБЕДА):

Стрепсилс. Победа анестетика над сильной болью в горле (Караван историй, январь 2005, № 1).

Использование метафоры ЛЕЧЕНИЕ – это БОРЬБА, а также частных метафор, отражающих перенос из понятийно области БОРЬБА в понятийную область ЛЕЧЕНИЕ, объясняется стремлением наиболее доступно охарактеризовать эффективность рекламируемых лекарственных средств. Именно поэтому рекламируемые средства выступают «оружием», позволяя «победить», «получить свободу» и т.д.

Рассмотренные метафорические модели (ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЧЕЛОВЕК, ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ, ЛЕЧЕНИЕ – это БОРЬБА) позволяют создателям рекламных текстов (копирайтерам) в оригинальной и доступной форме представить объект рекламы, его свойства и характеристики, значимые для потребителей. По замыслу копирайтеров, используемые концептуальные метафоры призваны стать эффективным средством воздействия на представление и мнение в отношении рекламируемого объекта.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 7-21.

Прохоров А.В. Концептуальная метафора как средство передачи имплицитной информации в рекламном дискурсе (на материале рекламы лекарственных средств) // Материалы 5-й международной научной конференции (19-21 октября 2005 г.). – Тамбов: ТГУ, 2005. С. 159-161.

Прохоров А.В. Обусловленность процессов интерференции импликациями рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006.

Прохоров А.В. Актуализация понятийной области ЧЕЛОВЕК при метафорическом описании объекта рекламы // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. статей [отв. ред. Н.Н. Болдырев] – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 222-231.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1980.

© Прохоров А. В., 2009

Чистова С.С.

Нижний Тагил, Россия

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМЕ**

УДК 821.161.1

ББК Ш 141.2-7

Аннотация. В статье рассматривается проблема национальных источников precedentных феноменов в рекламе бытовой техники и транспортных средств. Классификация и анализ национальных источников precedentных феноменов имеет целью определить ориентированность культуры («культура-донор» или «культура-акцептор»), степень отождествления ее представителей с собственной культурой и степень знания реалий других культур.

Ключевые слова: реклама, precedentные феномены, национальные истоки, культура.

Сведения об авторе: Чистова Софья Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com.

Chistova S.S.

Nizhny Tagil, Russia

**NATIONAL SOURCES OF PRECEDENT
PHENOMENA IN ADVERTISEMENTS**

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The article touches upon the problem of the national sources of precedent phenomena in Russian and American advertisements of home appliances and cars. The classification and analysis of the national sources of precedent phenomena have the aim of determining the culture orientation (the donor- or acceptor-culture), the degree of cultural identification of its representatives and the degree of knowing foreign cultures.

Key words: advertisement, precedent phenomena, national sources, culture.

About the author: Chistova Sophia Sergeevna, candidate of philology, teacher of the chair of English philology of the faculty of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil Socio-Pedagogical Academy.

Классификации precedentных феноменов по отношению к национальным истокам стали уже традиционными в исследованиях, посвященных данной проблеме (Боярских 2008, Ворожцова 2007, Илюшкина 2008, Кушнерук 2006). Как основу своих классификаций указанные авторы предлагают дихотомию «свое» – «чужое», которая является одной из базовых в человеческом сознании [Гуревич 2005: 235]. С.Л. Кушнерук отмечает, что классификация precedentных имен по отношению к национальным истокам позволит решить три задачи: «во-первых, описать ту часть «своего» для каждой лингвокультуры фонда знаний и представлений, которая регулярно актуализируется; во-вторых, выявить этническую принадлежность эталонов, востребованных рекламистами и, в-

третьих, сделать выводы относительно типов precedentных имён, апелляция к которым характерна для исследуемых рекламных дискурсов» [Кушнерук 2006: 93].

Классификация precedentных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств выполнена на материале 2000 рекламных текстов и имеет целью определить ориентированность культуры («культура-донор» или «культура-акцептор», ориентацию на «своего» или на «чужого»), степень отождествления ее представителей с собственной культурой и степень знания реалий других культур.

Обобщенные результаты анализа precedentных феноменов по национальным истокам представлены в Таблице 1:

Таблица 1

Национальные истоки, отсылка к которым обнаружена в текстах американской (1) и российской (2) рекламы, %

Страна	(1)	(2)	Страна	(1)	(2)
США	71,0	26,8	Болгария	0,0	0,1
Россия	0,3	35,4	Бельгия	0,0	0,1
Канада	1,1	0,4	Азия	2,1	2,6
Европа	22,9	29,5	Япония	1,4	1,5
Великобритания	15,8	8,9	Китай	0,5	0,5
Италия	1,8	4,8	Ирак	0,1	0,0
Германия	1,7	3,7	Гонг-Конг	0,1	0,0
Франция	1,5	4,2	Индия	0,0	0,4
Ирландия	0,8	0,7	Саудовская Аравия	0,0	0,1
Греция	0,7	2,2	Израиль	0,0	0,1
Дания	0,2	0,0	Африка	0,1	0,3

Страна	(1)	(2)	Страна	(1)	(2)
Испания	0,2	1,5	Египет	0,1	0,1
Португалия	0,1	0,0	Зеленый Мыс	0,0	0,1
Швейцария	0,1	0,2	Тунис	0,0	0,1
Нидерланды	0,0	0,6	Австралия и Океа-	0,8	0,6
Швеция	0,0	0,6	Австралия	0,4	0,2
Австрия	0,0	0,5	Новая Зеландия	0,3	0,4
Македония	0,0	0,4	Фиджи	0,1	0,0
Украина	0,0	0,4	Латинская Америка	1,2	1,3
Норвегия	0,0	0,4	Международные	0,5	3,1
Чехия	0,0	0,2	<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Анализ собранного материала показал, что подавляющее большинство прецедентных феноменов, используемых в текстах американской рекламы, принадлежат американской культуре (71,0%), что в очередной раз доказывает принцип национального детерминизма при отборе прецедентных феноменов (Ворожцова 2007, Кушнерук 2006). К культуре США относятся прецедентные феномены всех сфер-источников и их подгрупп за исключением «Балета», «Классической музыки», «Басен» и «Науки» (подгруппы «Философия», «Физика» и «Биология»). Вероятно, американская культура не обладает настолько сильными текстами указанных сфер-источников, чтобы они приобрели статус прецедентных.

Сфера-источник «Кинематограф», подгруппа «Мультфильмы»:

DVD плеер Panasonic DVD-LS50. «*There are two headphone jacks so you can share, and there's a dialog enhancer so you can better understand what Meatwad says on Aqua Teen Hunger Force*» [www.maximonline.com]. Meatwad – персонаж мультфильма *Aqua Teen Hunger Force*.

Сфера-источник «Музыка», подгруппа «Эстрадная музыка»:

Цифровой плеер Samsung Napster YP-910GS. «*Roll Over Beethoven. The new Samsung Napster YP-910GS. The YP-910GS is about to change the way you get and play music*» [Rolling Stone 2003, 23 Nov.]. *Roll Over Beethoven* – композиция группы the Beatles (1963 г.).

Сфера-источник «Телевидение», подгруппа «Новости»:

Телевизор Sony KDL-32S2010 HD ready LCD TV. «*Lookwise, it's more Sophie Raworth than Christina Aguilera – attractive in a rather flat way, but pleasingly compact*» [www.t3.com]. Sophie Raworth – телеведущая и диктор программы новостей «BBC News at One».

На втором по частотности месте находятся прецедентные феномены европейской культуры (22,9%), наиболее частотными из которых являются прецедентные феномены культуры Великобритании, включая Шотландию (15,8%).

Наиболее частотны прецедентные феномены сфер-источников «Музыка» (подгруппа «Эстрадная музыка»), «Спорт» и «Телевидение» (подгруппы «Сериалы» и «Телепрограммы»).

Телефон Samsung F210. «*Looks wise, it's a stonker, in blue, purple or pink. With Posh Spice-esque dimensions of 72 g and a mere 9cm tall it's a little beauty*» [www.t3.com]. Posh Spice – сценический псевдоним британской певицы Виктории Бэкхэм.

Мяч Adidas Teimegeist II. «*It uses a magnetic field to track the location of the ball on the field at any given time, so will be able to tell referees – definitively and beyond doubt – whether or not the ball has crossed the line. Chances of you getting one of these for Christmas? Was Sir Geoff Hurst's '66 World Cup final 'goal' a goal?*» [www.flm.com].

В данном рекламном тексте осуществляется отсылка к ситуации в матче между Великобританией и Германией 1966 г., когда Джефф Хёрст забил мяч, который англичане посчитали голом, но немцы заявили, что такового не было. Ситуация остается спорной до сих пор.

Netgem iPlayer+Freeview box. «*More extras than a Ricky Gervais comedy. Freeview boxes have generally become cheaper rather than better over the last year. So it's a surprise to find Netgem swimming against the tide by stuffing this box with more features than you'll find at your local multiplex*» [Men's Health 2007, Nr12]. Ricky Gervais – британский комедийный актер, ставший популярным после сериала «Extras» (2005).

Прецедентные феномены, имеющие своим источником итальянскую культуру (1,8%), представлены сферами-источниками «Архитектура» (Коллизей, Пизанская башня), «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино»), «Спорт» и «Мода».

Maserati Gran Turismo. «*With supercar weight-distribution stats, a silky 6-speed hybrid transmission, Brembo brakes, and a Bose sound system to drown out inevitable police sirens, the GT can instill even a grocery run with the white-knuckle drama of a Mille Miglia. But like a cigarette-toting Mastroianni, it will always retain its elegant poise*» [www.mensvogue.com]. Mille Miglia – название автомобильной гонки,

которая проходила в Италии (1927–1957). *Marcello Mastroianni* (1924–1996) – итальянский актер.

Телефон Samsung SGH-P520 *Armani*. «*The market wins again: This upstart, due in November, ends the LG Prada's monopoly on fashion-branded, Korean-made, Europe-only touchscreen phones*» [www.details.com].

Немецкая культура в американской рекламе (1,7%) представлена прецедентными феноменами следующих сфер-источников: «**Музыка**» (подгруппы «*Эстрадная музыка*» и «*Классическая музыка*») и «**Кинематограф**» (подгруппа «*Художественное и документальное кино*»).

Apple iPod Photo. «*The iPod Photo boasts a sharp full-color screen, and does for your digital pictures what the original iPod did for your beloved Milli Vanilli tracks*» [www.maximonline.com]. *Milli Vanilli* – подгруппа, возникшая в Германии в 1988 году.

iPod dock Bose SoundDock. «*Its lack of heft translates to a bit of lightness in the low end, so all you Miami Bass fans may want to look elsewhere. But, if you're more into the Brandenburg No. 2 than Two Live Crew, you won't be disappointed*» [www.details.com]. *Brandenburg No. 2* – один из Бранденбургских концертов И.С. Баха (1721 г.).

Проектор Epson EMP-TW200. «*It's the sultry temptress of the projector world. What's your definition of sexy? Troy's Diane Kruger, Abi Titmuss perhaps or – maybe, at a push – an iPod? But sexy is just the word to describe Epson's new widescreen cinema projector, as it's an absolute stunner, complete with supermodel curves and a glowing – albeit large – exterior*» [www.t3.com]. *Diane Kruger* – (1976 –) – немецкая актриса, ставшая популярной после фильма «Троя» (2004 г.).

Французская культура как источник прецедентности для США (1,5%) представлена прецедентными феноменами из сфер-источников «**Спорт**», «**Музыка**» (подгруппа «*Эстрадная музыка*»), «**Фольклор**» (подгруппа «*Сказки и легенды*»).

Телевизор Panasonic TX-32LXD60 HD ready LCD TV. «*The LCD equivalent of Thierry Henry – great to watch and bursting with va-va-voom!*» [www.t3.com]. *Thierry Henry* (1977 –) – французский футболист.

Apple iPod 30GB. «*The resolution is only 320 x 240, but we tried Daft Punk's Da Funk video and it looked very impressive – the detail was pin-sharp and even the challenging dark street scenes looked great*» [www.t3.com]. *Daft Punk* – французский дуэт, работающий в жанре электронной музыки.

Телевизор LG Wide-Screen Plasma HDTV. «*Beauty and the Beast. Take the hottest model home. Our 42" Wide-Screen Plasma HDTV is a true star. Just try to take your eyes off the dazzling display and you'll see why its sleek profile captures the gaze of all who enter the room*» [Rolling Stone 2005, 21 Apr.]. *Beauty and the Beast* – французская народная сказка.

Культура остальных европейских стран (Ирландия, Греция, Дания, Испания, Португалия, Швейцария) характеризуется представленностью в текстах американской рекламы менее 1,0%.

Из азиатских стран (2,1%) в американской рекламе наиболее широко представлена культура Японии (1,4%). Прецедентные феномены, имеющие своим источником культуру данной страны, принадлежат сферам-источникам «**Игры**», «**Кинематограф**» (подгруппа «*Мультфильмы*») и «**Фольклор**» (подгруппа «*Традиции*»).

Nokia N-Gage. «*Meet the Swiss Army knife of handheld gaming systems – the Nokia N-Gage. It doesn't just play addictive games such Virtua Tennis and Tomb Raider, it's also a top-end global telephone that operates in 170 countries*» [Rolling Stone 2 Oct. 2003].

Honda Puyo. «*This seamless boxlike creature has a luminescent soft-gel body developed to feel like skin prime for heavy petting. With UFO lights, double-winged front opening doors, a floating instrument panel, and a 360-degree turning mode, the cutesy PUYO is like the Hello Kitty of concept cars*» [www.complex.com]. *Hello Kitty* – японский мультипликационный персонаж.

Гриль Big Green Egg Mini Heavy Duty. «*No backyard, no problem. City dwellers should cop this Kamado-style ceramic charcoal grill (15" tall, 30 lbs.), which is a perfect smoker due to its heat-holding shell*» [www.complex.com]. *Kamado* – вид традиционной японской печи.

Культуры Китая, Ирака и Гонг-Конга характеризуются представленностью менее 1,0%.

Африканские страны (0,1%) представлены только культурой Египта как наиболее частотным источником прецедентности в американской рекламе (0,1%).

BMW H2R. «*The BMW H2R is a speed demon hell-bent on being eco-friendly. (Just ignore all the squished squirrels it leaves in its path.) Pooh-poohing gasoline, its six-liter V-12 engine has been reconfigured to rock the casbah solely on hydrogen. (Sharif is rumored not to like it)*» [www.maximonline.com]. *Omar Sharif* (1932–) – египетский актер.

Группа стран, входящих в Австралию и Океанию (0,8%), представлена отсылками к культурам Австралии (0,4%), Новой Зеландии (0,3%) и Фиджи (0,1%).

Апелляции к австралийской культуре (0,4%) представлены единичными прецедентными феноменами из сфер-источников «**Музыка**» (подгруппа «*Эстрадная музыка*» (композиция *Music is in the Air*), «**Кинематограф**» (подгруппа «*Детское кино*» (фильм *Babe*) и «**Мультфильмы**» (мультипликационный персонаж *Fat Cat*) и «**Телевидение**» (подгруппа «*Телесериалы*» – телесериал *Bobby Dazzler*).

MP3 плеер Cowon iAudio X5. «*The PMP that's desperately searching for an identity. Like the pig from*

Babe, this music box seems to be suffering from an identity crisis. Initially it strikes you as a straightforward hard-disk MP3 player, but when you delve into its features list you find it also shows photos and plays back movie file» [www.t3.com]. *Babe* – детский фильм (1995).

Культура Новой Зеландии представлена тремя прецедентными феноменами (0,3%) из сфер-источников «Наука» (подгруппа «История» – покоритель Эвереста *Sir Edmund Hillary*) и «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино» – актер *Russell Crowe*).

MP3 плеер Creative Zen Sleek. «Creative attempts to overthrow the Emperor. Stomping into the gladiatorial MP3 arena like *Russell Crowe* (before that embarrassing phone incident) comes this streamlined fighter» [www.t3.com].

В текстах американской рекламы также встретились прецедентные феномены, имеющие своим источником культуру стран Латинской Америки (1,2%) – Мексика (музыкант *Carlos Santana*), Бразилия (футболист *Ronaldo*), Куба (бейсболист *Jose Canseco*), Колумбия (певица *Shakira*), Пуэрто-Рико (певец *Ricky Martin*) и Аргентина (спортсмен *Juan Manuel Fangio*).

Саунд-система JBL S38 Studio Series. «Pro Sound comes home. *Carlos Santana* listens to Miles Davies on JBL monitors at Sound City Studio, Van Nuys, CA. Liz Kelly listens to *Santana* through 3-way JBL S38 Studio Series speakers in her Ann Arbor dorm room» [Rolling Stone 2001, 6–13 Dec.].

Канадская культура (1,1%) представлена прецедентными феноменами сфер-источников «Музыка» (подгруппа «Эстрадная музыка») и «Литература» (подгруппа «Художественная литература»).

Mazda 3. «We feel like miniature people with a remote control Mazda 3.» – *Chuck Comeau*, *Simple Plan*. Finally, the genre-defying band meets the genre-defying car» [Rolling Stone 2006, 15 June]. *Simple Plan* – канадская попгруппа.

Телефон Blackberry Pearl. «*Douglas Coupland's* life. Cultural Commentator. Author of *Generation X*, *Microserfs*, *Jpod*. Two-fingered typist. Writes 2 hours a day and fills the rest with design work, sculpture, TV and film projects. Avid beachcomber on search of artifacts of man and nature. Douglas Coupland's life on a Blackberry Pearl» [Forbes 2006, 13 Nov.]. *Douglas Coupland* (1961 –) – канадский писатель и публицист.

Российская культура представлена только тремя прецедентными феноменами (0,3%) из сфер-источников «Балет» (Большой Театр), «Архитектура» (Собор Василия Блаженного) и «Спорт» (теннисистка *Мария Шарапова*).

Камера Canon PowerShot SD630. «Make every shot a powershot. Powershot is packed with things that make pictures powerful <...> Substance and style. Re-

mind you of any particular 6'2'' female tennis star?» На фото: *Мария Шарапова* [Rolling Stone 2006, № 12].

Статус «международных» мы присвоили тем прецедентным феноменам, национальные истоки которых определить невозможно по причине их принадлежности к культурам целого ряда стран – это прецедентные феномены из сферы-источника «Религия и мифология», подгруппа «Религия» (0,5%), к числу которых принадлежат пословицы (*a wolf in sheep's clothing*) и имена святых (*Moses* и *Jesus*).

Прецедентные феномены в текстах российской рекламы имеют гораздо большую географию национальных истоков и принадлежат культурам 31 страны, что отражено в Таблице 1. Как и в американской рекламе, в текстах российской рекламы большинство прецедентных феноменов (35,4%) имеет своим источником отечественную культуру. Российские прецедентные феномены охватывают весь спектр сфер-источников, кроме таких сфер-источников как «Религия и Мифология», «Мода», «Наука» и «Игры».

Проигрыватель LG Duo. «Теперь, при покупке DVD + VHS проигрывателя Дуэт от LG, в качестве презента вы получаете настоящее созвездие – коллекцию из 5 великолепных музыкальных DVD диска. Гранды мирового музыкального Олимпа: *Карлос Сантана*, группа «*Би Джиз*», *Джанет Джексон*, *Ринго Стар* и *Пол Маккартни* – поют для Вас!» [Maxim 2003, № 08].

Душ Hot Jugs. «*Душ, который всегда с тобой*. Да-да, Hot Jugs – это именно портативный душ, который можно взять с собой в машину» [Вокруг Света 2007, № 11]. В данном случае осуществляется отсылка к произведению Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой».

Samsung i780, i710, i560, i550. «Смартфоны для бизнеса. Команда профессионалов. В бизнесе – как в спорте! Побеждает тот, кто умеет держать ситуацию под контролем и способен активно действовать в любых условиях. ... Смартфоны Samsung – успех в деле гарантирован». На фото: *Гус Хиддинк* [Forbes 2008, № 06]. *Гус Хиддинк* – тренер сборной России по футболу.

Культура США достаточно широко представлена в текстах российской рекламы (26,8%), по количеству отсылок она приближается к российской культуре. Наибольшее количество американских прецедентных феноменов принадлежит сферам-источникам «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино»), «Музыка» (подгруппа «Эстрадная музыка»), «Литература» (подгруппа «Художественная литература»), «Политика» и «Экономика».

Mini Cooper S. «*Мистер и миссис Mini*. Уникальный, универсальный, унисекс. «Женский автомобиль, поразивший мужчин прямо в сердце» – так говорят о нем его создатели» [Автомобили 2006,

№ 12]. Данная фраза является квазицитатой названия фильма «Мистер и миссис Смит» (2005 г.).

Телефон Samsung Ultra Music F300. «Представь ... ты спешишь на важную встречу, предстоят тяжелые переговоры. Но все заботы отступают, ведь в наушниках звучит любимая мелодия. Ты слушаешь Бейонс» [Maxim 2007, № 06]. Бейонс Ноулз – солистка американской группы «Destiny's Child», ее сольная карьера началась в 2003 г.

Lexus RX 400h. «Полноприводный автомобиль, который изменил мир» [Автопанорама 2005, № 11]. Данная фраза является квазицитатой названия книги американского писателя Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир» (1918 г.).

Lincoln МХК. «Был такой президент. «Если вам удалось поймать за ногу слона, а он вырывается, то лучше его отпустить», говорил некогда Авраам Линкольн. Он вошел в историю, как оригинальный политический мыслитель и завидный оратор. Было бы просто удивительно, если бы американские автомобилестроители не догадались использовать имя этого незаурядного человека в своих целях. Автомобили Lincoln всегда являлись олицетворением успеха и силы»» [Автопанорама 2008, № 05].

Mini Bisazza. «Мини-дизайн. Как ты, безусловно, знаешь, современные марки постоянно двигаются в сторону скречивания друг с другом – Time и Warner, Disney и Miramax, Yamamoto и Adidas. Последнее эффектное слияние двух знаменитых марок ты можешь наблюдать на фотографии выше. Конкретнее, ты можешь наблюдать на ней автомобиль Mini, украшенный дизайнерами легендарной фирмы Bisazza»» [Maxim 2005, № 08].

Европейская культура (29,5%) представлена такими странами как Великобритания, Италия, Германия, Франция, Греция и Испания.

Наиболее частотными сферами-источниками прецедентных феноменов британской культуры являются «Музыка» (подгруппа «Эстрадная музыка»), «Литература» (подгруппы «Художественная литература» и «Драматургия») и «Спорт».

Jaguar ALC. «Англичанин в Нью-Йорке. Его называют концептом, но все мы знаем, что Jaguar ALC – это новый ХК. Совершенно потрясающий автомобиль, что стало особенно очевидно, когда прямо со стенда Детройтского автосалона он попал на улицы Нью-Йорка» [Автопанорама 2005, № 06]. «Englishman in New York» (1987 г.) – композиция английского певца Стинга.

Мотоцикл Victory. «Новый Американец. Самый мощный, самый передовой, самый надежный, самый американский мотоцикл!» [Автомобили 2007, № 06]. Данная фраза является квазицитатой названия романа английского писателя Грэма Грина «Тихий американец» – «The Quiet American» (1955 г.).

Dodge Hornet. «“Укрощение Европы”. Коренастый, мускулистый, агрессивный... Конечно, эти эпитеты стали журналистскими штампами. Но как без них охарактеризовать стилистику концепта «Додж-Хорнет?»» [За Рулем 2006, № 06]. Ук-

рощение Европы является трансформированным названием пьесы У. Шекспира «Укрощение строптивой» (1623 г.).

Электробритва Philips WF1 HQ7290. «Чистый обгон. Ты можешь ощущать скорость и болеть за команду Williams Formula 1, глядя не только в телевизор, но и в зеркало. Да-да. Это мы тебе говорим, а не Фрэнку Уильямсу. Включаешь электробритву Philips WF1 HQ7290 – и у тебя в руках скоростной послушный болид» [Maxim 2006, № 11]. Фрэнк Уильямс (1942 –) – основатель и руководитель британской команды Формулы-1 WilliamsF1.

Прецедентные феномены, имеющие своим источником культуру Италии (4,8%), в основном представлены сферами-источниками «Музыка» (подгруппа «Классическая музыка»), «Изобразительное искусство» (подгруппа «Живопись»), «Архитектура» и «Мода».

Ванна Jacuzzi LaScala. «Чтобы качественно повысить уровень музыки, не обязательно приглашать Лучано Паваротти для принятия совместного душа. Лучшие вытисни из той же Италии комплект ванной LaScala от Jacuzzi. Помимо непосредственно гидромассажной ванны в него входит 42-дюймовый водонепроницаемый плазменный телевизор, DVD/CD-плеер и AM/FM-радиотюнер, а по периметру встроены акустические системы» [Men's Health 2003, №09]. Лучано Паваротти (1935–2007) – знаменитый итальянский тенор.

Телефон Samsung Lafleur SGH-E500 Versus. «Если она попросит тебя подарить ей такой, то исключительно из-за узора на корпусе, выполненного по мотивам «Рождения Венеры» Боттичелли, и кожаного чехольчика с ремешком» [Men's Health 2007, №03]. Рождение Венеры (1484 г.) – картина Сандро Боттичелли.

Сфера-источник «Архитектура» представлена архитектурными памятниками Италии – Колизеем и Пизанской башней, а сфера-источник «Мода» – такими модными брендами как «Guicci», «Armani» и «Dolce&Gabbana».

Nissan Micra. «Nissan Micra поможет тебе справиться с любыми проявлениями городской стихии. Контролируемый объем багажника (Париж – фото Эйфелевой башни), датчик дождя (Лондон – фото Биг Бен), лучшая маневренность в своем классе (Рим – фото Колизея)» [Elle 2005, № 03].

Утюг Oliso Touch & Glide. «If fear of ironing is your main argument for monogamy, this thing will have you cheating in no time. Let go of the handle and two robotic legs pop out from the bottom, lifting the scalding iron away from your Armani shirt» [Men's Health 2006, № 07].

Франция как национальный источник прецедентных феноменов представлена употреблением прецедентных феноменов (4,2%) сфер-источников «Музыка» (подгруппа «Эстрадная музыка»), «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино»), «Политика» и «Архитектура».

Citroen С6. «*Квинтэссенция стиля. Даже если включить диск с Джо Дассеном не на всю громкость, вы начнете смотреть на мир сквозь розовые очки – все умиротворяет, агрессивный стиль езды забыт*» [Автомобили 2006, № 11]. Джо Дассен – французский певец, наиболее популярный в 70-х гг. XX в.

Rolls Royce Phantom Drophead Coupe. «*Большая прогулка. За рулем Ferrari вы похожи на преуспевающего клерка. Человека в Bentley можно принять за футболиста британской премьер-лиги. Но нет никого круче путешественника на Rolls Royce Phantom Drophead Coupe*» [Автопанорама 2007, № 09]. *Большая прогулка* – французский фильм 1966 г.

В сфере-источнике «Политика» наиболее частотны отсылки к Французской революции (1789–1799).

Peugeot 308. «*Великая французская революция. Peugeot 308: баланс эмоционального и рационального*» [Автомобили 2008, № 01].

Телевизор Samsung R7. «*Жан-Мишель Вильмотт – ведущий французский архитектор и специалист в области градостроительства, имя которого известно во всем мире. В число выполненных им работ входит: проектирование Елисейских полей в Париже, перепланировка интерьера церкви Сан-Доминико в городе Форли (Италия), музея Чиадо в Лиссабоне, а также различных залов парижского Лувра. Представьте... ваш телевизор – произведение искусства*» [AudioVideo 2006, № 12].

Наиболее частотными отсылками к немецкой культуре (3,7%) стали прецедентные феномены сфер-источников «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино») и «Спорт».

Телевизор Samsung R7. «*Вим Вендерс. Уже более трех десятилетий Вим Вендерс создает художественные фильмы, которые получают широкое признание за необычные сюжеты и великолепный видеоряд. На Каннском фестивале он был удостоен Золотой Пальмовой Ветви за лучший фильм («Париж, Техас») и за лучшую режиссерскую работу («Небо над Берлином»). Вим Вендерс был также номинирован на премию «Оскар» за новаторский документальный фильм «Клуб Бүэна Виста». <...> Представьте... телевизор, достойный творчества великого кинорежиссера*» [AudioVideo 2007, № 01]. Вим Вендерс (1945 –) – немецкий кинорежиссёр, сценарист и продюсер.

Проектор Infocus Screenplay 777. «*Знакомься: это один из самых заслуженных, авторитетных и элитных проекторов для домашних кинотеатров, его можно даже не включать – и так хороши. По количеству наград и призов, которые он получил в разных странах, обставит Шумахера*» Men's Health 2005, № 09]. Михаэль Шумахер (1969 –) – немецкий раллист «Формулы-1», семикратный чемпион мира.

Культура Греции как национального источника прецедентных феноменов в российской

рекламе (2,2%) представлена сферами-источниками «Наука» (подгруппа «Философия») и «Религия и мифология» (подгруппа «Мифология»).

Superformance Brock Le Mans Coupe. «*40 лет спустя. Нельзя войти в одну реку дважды. Superformance Brock Le Mans Coupe – попытка повторить эту истину*» [Автопанорама 2006, № 06].

Первоисточник данного прецедентного высказывания – слова древнегреческого философа Гераклита (554-483 до н.э.), которые для истории сохранил философ Платон: «Гераклит говорит, что всё движется и ничего не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, прибавляет, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно».

Volkswagen Eos. «*Богиня утренней зари*» [Автопанорама, 2006, № 09]. Эос или Богиня утренней зари, или Аврора – греческая богиня.

Культура Испании (1,5%) представлена прецедентными феноменами сфер-источников «Наука» (подгруппа «История»), «Изобразительное искусство» (подгруппа «Живопись»), «Кинематограф» (подгруппа «Художественное и документальное кино») и «Спорт».

BMW X5. «*Представьте себе Колумба, открывающего новый континент. Представьте, что вы за рулем нового BMW X5. Новый BMW X5. Икона своей эпохи*» [GEO 2007, № 06].

Кондиционер LG ArtCool. «*Разумеется, он охлаждает твоё жилище, но при этом является приятным глазу арт-объектом, которые ты к тому же сможешь персонализировать по своему вкусу. Просто приподняв рамку, ты легко засунешь в своей вентилятор любое изображение: фото ребенка, картину Сальвадора Дали или обложку нашего журнала*» [Maxim 2006, № 05].

Телевизор Kuro Pioneer. «*Забудьте о привычном восприятии изображений и звуков. Вас ждет новый мир, где увиденное можно удержать, перебирая аккорды услышанных мелодий. Цвета осязаемы, звуки тают во рту. А их сочетание – настоящее произведение искусства*» На картинке – кадр из фильма Лабиринт Фавна (2006 г.) [AudioVideo 2007, № 10].

Lamborghini Reventon. «*Инферно-уполномоченный. Тираж Lamborghini Reventon – два десятка экземпляров. Лишь двадцать человек, потратив всего 1 миллион евро, смогут «влезть в шкуру» одного из самых известных в мире быков по имени Reventon, убившего в 1943 году легендарного матadora Феликса Гусмана*» [Автопанорама 2007, № 11].

Культуры остальных европейских стран (Ирландии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Австрии, Македонии и пр.) характеризуются представленностью менее 1,0%.

Среди стран Азии (2,6%) необходимо отметить Японию, Китай и Индию как страны, культуры которых наиболее часто являются источ-

ником прецедентных феноменов в российской рекламе бытовой техники и транспортных средств.

Культура Японии представлена прецедентными феноменами (1,5%) сферы-источника «**Кинематограф**» (подгруппы «*Мультфильмы*» и «*Художественное и документальное кино*»).

Nissan Micra. «Он обаятелен, как Пикачу, маленький, трогательный и смешной и способен растопить самое суровое сердце» [Автомобили 2005, № 05]. *Пикачу* – персонаж японского мультсериала «Pokemons».

Телевизор Panasonic VIERA TH-50PY700R. «Иногда слова не нужны. Изображение скажет Вам больше. (Такеши Китано (кинорежиссер). Истинная красота не просто вызывает восхищение. Она вдохновляет. Именно таким качеством изображения обладают телевизоры высокой четкости VIERA». На изображении кадр из фильма «Куклы» Т. Китано [Вокруг Света 2007, № 07]. *Такеши Китано* (1947 –) – японский актер, комик, поэт и кинорежиссер.

Культура Китая как источник прецедентности (0,5%) представлена в основном сферой-источником «**Наука**» (подгруппа «*Философия*»).

Mercedes E-класс. «Просвещенный, мудрый человек всегда старается помочь проявлению лучших свойств у других людей; темный человек поступает наоборот» Конфуций» [Happy 2004, № 10].

Большинство прецедентных феноменов индийской культуры (0,4%) относятся к такому спорту как шахматы, которые, как известно, появились в Индии в 810 г. н.э.

Porsche Cayenne. «С 2007 года Рублево-Успенское шоссе будет поделено на тех, у кого старый Cayenne и на тех, у кого новый. Новые начинают и выигрывают – как во внешности, лишенной прежней аморфности, так и в динамике» [Maxim 2007, № 02].

Страны Африки (0,3%) как национальные источники прецедентных феноменов в российской рекламе представлены единичными отсылками к культурам Зеленого Мыса (певица Сезария Ивора), Египта (король Фарух), Туниса (композиция «*Le Pas Du Chat Noir*», исполнитель Anouar Brahem).

Страны Австралии и Океании как источник прецедентных феноменов представлены отсылками к национальным культурам Австралии и Новой Зеландии.

Два прецедентных феномена австралийской культуры используются в текстах российской рекламы (0,2%). Они принадлежат сферам-источникам «**Музыка**» (подгруппа «*Эстрадная музыка*»: композиция группы Bodyrockers «*I Like the Way You Move*») и «**Кинематограф**» (подгруппа «*Художественное и документальное кино*»: фильм *Крокодил Данди* (1988 г.)).

Vauxhall VXR8. «Крокодил Данди. Перед вами Vauxhall VXR8, пришедший на смену облаканному Monaro: еще злее, еще практичнее» [Автопанорама 2007, № 11].

Культура Новой Зеландии стала источником прецедентных феноменов (0,4%) из таких сфер культурного знания как «**Наука**» (подгруппа «*История*»: покоритель Эвереста Эдмунд Хиллари), «**Литература**» (подгруппа «*Пресса*»: журнал *Autocar Magazine*) и «**Спорт**» (команда регби *All Blacks*).

Iveco. «Iveco играет в регби. Люди в черном танцуют боевой танец: бьют ногами в землю, хлопают себя по разным частям тела, кричат и ни у кого не возникает сомнения, что враг устрешен и раздавлен еще до начала схватки <...>. Это танец многократных чемпионов мира по регби – команды All Blacks. Причем здесь Iveco? Оказывается, у них есть много общего» [Автомобили 2007, № 02].

В текстах российской рекламы также употребляются прецедентные феномены, имеющие своим источником культуру стран Латинской Америки (1,3%) – Мексики (сериал *Богатые тоже плачут*), Бразилии (модели Алессандра Амброзио и Жизель Бундхен, футболист Рональдо, статуя Иисуса Христа в Рио-де-Жанейро), Колумбии (песня группы *Juanes* «*Ra-ra Tu Amor*»).

Фен Rowenta for Elite Style 8. «Компания Rowenta в партнерстве с модельным агентством Elite выпустила новую серию для укладки волос Rowenta for Elite. С такими помощниками легко выглядеть так же неотразимо, как супермодель агентства Elite Жизель Бундхен» [Cosmopolitan 2006, № 11].

К международным относятся прецедентные феномены сфер-источников «**Спорт**» (это прежде всего соревнования *Формулы 1*, ралли *Париж-Дакар*) и «**Религия и мифология**» (подгруппа «*Религия*»).

Citroen C3. «Создан соблазнять. Возможно, Ева забыла бы о яблоке соблазна, если бы Citroen C3 появился немного раньше». На картинке: Адам и Ева у дерева познания со Змеем [Cosmopolitan 2007, № 11].

Проведенный анализ позволит сделать следующие выводы относительно национальной специфики употребления прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств. Прежде всего, необходимо отметить более широкое знание реалий других культур у представителей российского лингво-культурного сообщества, чем у американского – в российской рекламе обнаружены отсылки к культуре тридцать одной страны, в то время как в американской – к двадцати четырем. Средний американец способен опознать апелляции к феноменам преимущественно своей культуры, крайне

слабо зная культуру других стран. Это еще раз подтверждает выдвинутый рядом исследователей тезис о самодостаточности американской культуры, ее закрытости. У американцев есть определенное знание европейской культуры, в частности культур Великобритании, Италии, Франции и Германии, из которых наиболее частотными являются прецедентные феномены культуры Великобритании, что объясняется общностью языка и общими историческими корнями. В список азиатских стран, апелляции к культуре которых наиболее часто встречаются в американской рекламе, входит Япония, которая является одним из основных производителей бытовой техники и транспортных средств, а также компьютерных игр и мультфильмов. Частотны отсылки к культуре Канады, которая объединена с США общностью языка, и культуре стран Латинской Америки, географическая близость и постоянные контакты которых с США также обусловили знание американцев их национальной культуры.

В российской рекламе распределение прецедентных феноменов по национальным источникам носит более равномерный характер. Наиболее частотными являются отсылки к отечественной культуре, но апелляции к ней в несколько раз менее частотны, чем аналогичные в американской рекламе. Данный факт позволяет предположить, что российская культура менее «закрыта», чем американская, а по отношению к американской является «культурой-акцептором», заимствуя прецедентные феномены американской культуры, количество которых приближается к количеству прецедентных феноменов своей культуры. Это может быть обусловлено тем фактом, что «в сознании россиян Запад присутствует как некий психологический фактор, ментальный феномен, предстающий в трех аспектах: Запад как мода, Запад как престиж и Запад как пропаганда... в последние десятилетия США стали для русских символом богатства и успеха» [Леонтович 2007: 83]. Российский потребитель хорошо знает не только свою культуру, но культуру Запада, отдавая предпочтение американским фильмам, музыке, спортивным соревнованиям и пр. Также как и американский потребитель, российский потребитель неплохо знаком с европейской

культурой, в частности с культурой Великобритании, Франции, Италии, Германии, Испании и Греции, т.е. можно отметить, что «европоцентризм» является чертой, общей для культур двух стран. Знание японской культуры обусловлено теми же причинами, по которым культуру этой страны знает американец. Прецедентные феномены, имеющие своим национальным источником культуру стран Латинской Америки, являются по большей части универсально-прецедентными, что и обуславливает их вхождение в когнитивную базу среднего представителя российского лингво-культурного общества.

Таким образом, можно отметить, что американская культура в большей степени ориентирована на себя, и степень отождествления ее представителей со своей культурой максимальна в ущерб знанию реалий других стран и их культур. В противоположность этому, российская культура более «открыта», но является «акцептором» по отношению к американской культуре, что обуславливает более широкую географию прецедентных для россиян-потребителей реалий других культур с акцентом на американской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): Дис. ... канд. филол. наук – Нижний Тагил, 2008. 230 с.

Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: Дис. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2007. 215 с.

Гуревич П.С. Психология рекламы – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 287 с.

Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: Дис. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2008. 272 с.

Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: Дис. ... канд. филол. наук – Челябинск, 2006. 213 с.

Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – М.: Гнозис, 2007. 368 с.

© Чистова С.С., 2009

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В., Филатова К.Л., Чудинов А.П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
У ИСТОКОВ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ:
АНДРЕ МАЗОН О ЯЗЫКЕ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

УДК 81'371
ББК Ш 141.2-7

Аннотация. Сведения о научной биографии французского слависта профессора Андре Мазона.

Ключевые слова: политическая лингвистика, французский славист, Андре Мазон.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

E-mail: aedw@rambler.ru.

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет; Орлеанский университет (Франция).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 482.

E-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф.219.

E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Budaev E.V., Filatova X.L., Chudinov A.P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
AT THE BEGINNINGS
OF LINGUISTIC SOVIETOLOGY:
ANDRÉ MAZON ABOUT THE LANGUAGE
OF THE RUSSIAN REVOLUTION

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. Information about the academic biography of the French slavist, professor Andre Mazon.

Key words: political linguistics, French slavist Andre Mazon.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

About the author: Filatova Xeniya Leonidovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, University of Orleans.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, University of Orleans.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, doctor of filological sciences, professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Андре Мазон (André Mazon) (Мазон Андрей Альбинович) (1881–1967) – русско-французский славист, профессор, автор трудов по русской литературе, русскому, македонскому и чешскому языкам, славянскому фольклору, один из основоположников лингвистической советологии.

Учился в Сорбонне и в Пражском университете. Ученик А.Мейе в Школе высших исследований (дипломная работа по морфологии русского глагола).

Преподавал французский язык в Харьковском университете (1905–1908). Учёный секретарь Института живых восточных языков в Париже (1909–1914), профессор Страсбургского университета (1919–1923) и Коллеж де Франс (1924–52). Руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937), вице-президент Международного комитета славистов (1958–1967). Один из основателей и член редколлегии парижского славистического журнала «Revue des études slaves» (1921 – 1928 г.), которые считался несколько более правым, чем журнал «Le monde slave», многие авторы которого симпатизировали русской революции и Советскому Союзу.

Среди лингвистических исследований известен очерк о видовых формах русского глагола («Emplos des aspects du verbe russe», 1914), где он «освободил изучение глагольного вида от смешения несовершенного вида с итеративностью и обосновал его на прочной морфологической основе» (Andre Vaillant). Создал краткие грамматики чешского (1921) и русского (1943) языков.

Как литературовед занимался описанием фольклора балканских славян и, в основном, русской классической литературой XIX в. Защитил диссертацию о творчестве И.А. Гончарова («Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov», Париж, 1914). Известна полемика А. Мазона и Р. Якобсона по поводу аутентичности «Слова о полку Игореве», в процессе которой французский славист документировал, что «Слово...» является фальсификацией конца XVIII века, а «Задонщина» послужила для автора «Слова...» источником для подражания. Как известно, Р. Якобсон придерживался противоположной точки зрения о соотношении «Слова...» и «Задонщины».

Во время первой мировой войны А. Мазон служил во французской военной миссии на Балканах, где изучал македонский язык и пришел к выводу о том, что он «является болгаро-македонским диалектом, отличающимся как от

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность профессору университета Лозанны (Швейцария) Патрику Серно за ценные сведения о научной биографии Андре Мазона.

болгарского, так и от сербского языков».

Позднее служил во французской военной миссии в России. Для политической лингвистики представляет особый интерес книга А. Мазона «*Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*» [Mazon 1920]. В этой работе автор рассматривает аббревиатуры, заимствования, имена собственные, особенности деривации, семантико-стилистические новообразования в русском языке периода Первой мировой войны и революции.

Впоследствии многие другие исследователи обратили внимание на первые этапы советизации русского языка (С. Карцевский, Э. Мендрас, Е.Д. Поливанов, И.Ф. Протченко, А.М. Селищев, А. и Т. Фесенко, Р.О. Якобсон, Л.П. Якубинский и др.), а лингвистическая советология сформировалась в отдельное направление научных изысканий [Будаев, Чудинов 2009], но именно работа А. Мазона стала первой монографией, в которой была предпринята попытка зафиксировать и осмыслить изменения в русском языке в годы Первой мировой войны и русской революции.

Как известно, среди публикаций зарубежных ученых отчетливо выделяются два направления: советофобское и советофильское. Андре Мазон не относится ни к тому, ни к другому направлению. Особенность его книги заключается еще и в том, что ее нельзя считать отправной точкой цикла «буржуазных» работ по исследованию русско-советского языка, в которых собственно лингвистические размышления сочетались с антисоветскими высказываниями и пророчествами. Одновременно Андре Мазон совершенно чужд восхвалению «пролетарского преобразования» русского языка, что было характерно для исследований этой тематики в советской науке, а также для некоторых зарубежных «советофилов». Многие высказывания Мазона о русской революции носят вполне критический характер.

В настоящем издании вниманию читателей предлагается перевод главы «Словоупотребление: семантика и стилистика» и раздела об именах собственных из книги А. Мазона «*Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*». – Paris, 1920. В настоящее время идет работа над полным переводом названной книги.

Среди наиболее заметных инноваций Мазон отмечает такие явления, как активизация аббревиации, экспансия нелитературной лексики (жаргонизмы, диалектизмы, просторечные слова), значительное иноязычное воздействие, а также стремление к созданию новых обозначений (милиция вместо полиции, народный комиссар вместо министра, советский служащий вместо чиновника), к переименованию городов и изобретению новых личных имен.

В разделе, посвященном стилистическим и семантическим преобразованиям, которые происходили под воздействием войны и револю-

ции, Мазон выделяет слова, у которых появились новые значения: *брататься*, *братанье* (раньше эти слова обозначали крестьянский обычай), *мешочник* (ранее – производитель или продавец мешков), *шкурник* (ранее – человек торгующий шкурами), *шкурный интерес*.

Среди слов, вернувшихся в активное словоупотребление с обновленным значением, А. Мазон называет существительное *беженец* (по мнению автора, оно возникло в период русско-турецкой войны для обозначения славян, спасающихся от турок), а также существительное *фронтвик* (исследователь пишет, что в мирные времена это слово обозначало «красующегося карьерного военного, строго и неукоснительно соблюдающего правила, как, например, Скалозуб у А.С. Грибоедова»). Автор отмечает, что слово *инструктор* большевики стали использовать в значении *пропагандист* (прежнее значение – человек, который обучал военному или морскому делу).

Можно заметить, что некоторые из отмеченных А. Мазоном неологизмов оказались крайне недолговечными. Это относится, в частности, к слову *сестрит*, которое в революционные годы обозначало венерическую болезнь, полученную от медсестры, а также к слову *федеративная*, которое в те годы обозначало проститутку, общедоступную женщину.

Автор отмечает также «политическую смерть» и дискредитацию многих слов, обозначающих прежние реалии, и замену их новыми обозначениями: *городовой* – *милиционер*, *чиновник* – *советский служащий*, *правительство* – *советская власть*.

Андре Мазон пишет также о своего рода языковой игре, особом «черном юморе», который получил широкое распространение в те годы: *совдеп твою мать* (новое ругательство), *совет кретинских и собачьих депутатов* (совет крестьянских и солдатских депутатов), антисемитские намеки при искаженном произношении слов *центрождид*, *Шмольный* (Смольный институт), *преждиум* и др.

С некоторыми утверждениями французского специалиста трудно в полной мере согласиться. В частности, он пишет: «Сами лозунги, которые организаторы торжеств по поводу юбилея Октябрьской революции написали большими буквами на московских стенах, выдают отсутствие у авторов уверенного языкового чутья: «Религия – опиум для народа» (вместо Религия – народу опиум») и «Революция – локомотив истории» (вместо Революция – паровоз истории), ибо слово локомотив, наверняка, непонятно русскому крестьянину».

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. – Екатеринбург, 2009.

Mazon A. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*. – Paris, 1920.

© Будаев Э.В., Филатова К.Л., Чудинов А.П., 2009

**А. Мазон
(1917-1984)**

Париж, Франция

Перевод К.Л. Филатовой

**СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ:
СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА**

УДК 81'371

ББК Ш 107

Аннотация. Перевод на русский язык одной из глав знаменитой книги французского слависта Андре Мазона «Лексика войны и революции в России», которая была опубликована в Париже в 1920 году.

Ключевые слова: Словоупотребление; лексика; семантика; стилистика; лингвистическая советология.

Сведения об авторе: Андре Мазон (André Mazon) (Мазон Андрей Альбинович) (1881–1967) – французский славист, профессор, руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937), вице-президент Международного комитета славистов (1958-1967).

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет; Орлеанский университет (Франция).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 482.

E-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

С точки зрения семантики, наиболее удивительными феноменами являются: обновление значения некоторых слов, либо ввиду обстоятельств, либо посредством специализации значения; замена некоторых слов другими в соответствии с общественными или политическими условиями; образование новых сочетаний слов.

Так, война 1914 года вернула в обращение слово *беженец*, которое обозначало укрывающихся от движения войск на западе империи (большей частью польского происхождения, они часто ставили ударение на предпоследнем слоге, бежэнцы, как в польском слове); это существительное сравнительно недавно входит в употребление: в 1876 году оно обозначает славянских беженцев из христианских провинций старой Турции (Словарь русского языка, изданный 2-м отделением Императорской Академии Наук, Сиб., 1891, том 1, кол. 315). Война также возродила и распространила такие забытые или, по крайней мере, заброшенные со времен русско-японской войны термины, как *чемодан* и *воронка*, обычные слова для траншейного арго.

Подобным образом украинское движение возродило старое наименование *сечевики*, Запорожские казаки.

С другой стороны, некоторые старые слова омолодились, получив новое значение. *Брататься*, *братание*, или, с ударением на корень, *брáтаться*, *брáтание*, что обозначало в прямом смысле слова старый крестьянский обычай, означает с начала 1917 года «братание» на фронте между солдатами двух враждующих армий; несомненно, это происходит

**A. Mazon
(1917-1984)**

Paris, France

Translated by X.L. Filatova

**WORD USAGE:
SEMANTICS AND STYLISTICS**

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.04

Abstract. Translation into Russian of one of the chapters from the famous book “Lexis of the War and Revolution in Russia” by the French Slavist Andre Mazon which was published in Paris in 1920.

Key words: Word usage; lexis; semantics; stylistics; linguistic sovietology.

About the author: André Mazon (Mazon Andrey Albinovich) (1881–1967) – a French slavist, professor, head of the Institute of Slavic studies in Paris (since 1937), vice-president of the International Slavistic Committee (1958-1967).

About the author: Filatova Xeniya Leonidovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, University of Orleans.

под влиянием немецкого слова *sich brüdern*, *Brüderschaft*. Слово *фронтовик*, которое в мирные времена обозначало красующегося карьерного военного, строго и неукоснительно соблюдающего правила, как, например, Скалозуб у А.С. Грибоедова, становится почётным наименованием для всех «людей фронта», в противопоставлении тем, кто «остался позади», *тыловикам*. Использование в жаргоне военных слова *летучка* «записка, которая передаётся по эстафете, по летучей почте», с появлением телеграфа и военного телефона если не прекращается совсем, то сокращается, но это слово возрождается с политическим оттенком в значении «листовка, прокламация, краткий текст пропаганды». Слово *почтарь*, ранее означавшее «почтальона на лошади, верхового почтальона», обретает новую молодость в выражении *живые почтари*, «те, кто развозит пропагандистскую литературу по деревням». Слово *шкурник*, которое в прямом значении является названием профессии «торговец необработанными шкурами», становится, наравне со словами *саботажник* и *спекулянт*, одним из самых модных оскорблений революционной эпохи; частотным являлось также устойчивое выражение *шкурный вопрос*. Слово *мешочник*, в прошлом означавшее производителя или продавца мешков, со времени установления большевистского режима обозначает в основном «того, кто незаконно перевозит в мешках продовольственные товары». Слово *самокач*, как говорят, изобретённое императором Александром III и означавшее «велосипедиста»

приобретает значение «расстрельщик», «палач», в силу того что отряд велосипедистов в течение некоторого времени задействовался в исполнении смертной казни.

Революция обрекает некоторые слова на политическую смерть, или, по крайней мере, на дискредитацию. Например, она заменяет словом *милиционер* слово *городовой*, несущее отпечаток одиозности старого режима. По той же причине слово *чиновник* большевики заменяют на *советский служащий*. Они склоняются к тому, чтобы заменить слово *правительство*, которое они, несмотря ни на что, использовали и используют до сих пор (ср.: *рабоче-крестьянское правительство*), на обозначение *советская власть*. Такое словоупотребление не без причины кажется им более престижным. Большевики предпочитают обращение *товарищ* (мужской и женский род), которое потеснило обращения *гражданин* и *гражданка*, унаследованные от февральской революции. Прежние обращения, использовавшиеся в административном языке полиции, трибуналов, официальных актов, стали восприниматься как пренебрежительные, почти оскорбительные: «... что касается слова *гражданин*, то хотя т. Стеклов и является довольно молодым членом нашей партии, ему надо знать, что такое обращение недопустимо в дискуссии с советскими журналистами» (Пр., 5 декабря 1918). Слова *интеллигент*, *интеллигентный*, *интеллигенция* также приобретают в устах большевика некоторый оттенок презрения и оскорбления. То же самое происходит и в лагере противников большевиков: *интеллигентны* не произносят слово *товарищ* без иронически маркированной интонации, они охотно пишут это слово только в кавычках, чтобы подчеркнуть свою недоброжелательность; этот прием отмечал Ал. Блок (Россия и интеллигенция, М., 1918, с. 39). Они же применяют к публичной девке эпитет *федеративная*, который заимствуют из самого названия рабоче-крестьянской Республики Советов: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (Р.С.Ф.С.Р.). Установление института большевистских комиссаров, которых отправляли в деревни, чтобы грубо продемонстрировать там силу центральной власти, смешивается для крестьян с неприятными воспоминаниями, оставшимися в памяти деревни от *земских комиссаров*, фискальных агентов времен Петра Великого, и слово комиссар, как и слово фискал, превращается в пугало, страшилку для детей, в ругательство: во время ссоры говорят: «чтоб у тебя комиссар горло перегрыз!» (статья Евг. Лякого в российском журнале, изданном в Гельсингфорсе, Русская жизнь, № 7, 10 марта 1919).

Новые сочетания слов встречаются часто. Приведём несколько примеров: *громкая читальня* «комната для чтения, где отец читает вслух» (Е.А. Звягинцев, Словарь внешкольного образования, М., 1918, с. 26); *домовый коми-*

тет (в разговорной речи – *домовой комитет*), «комитет по дому», установленный при большевистском режиме; *литературный поезд* – поезд-библиотека с пропагандистской литературой, и *литературно-инструкторский поезд/агитпоезд*, «поезд-библиотека, в котором работают пропагандисты»; *делегатский поезд* – «поезд линии Москва – Петроград, к которому крепятся вагоны, зарезервированные для переезжающих чиновников центрального правительства», и *делегатский вагон*, «вагон, зарезервированный для переезжающих чиновников центрального правительства»; *уплотнять дом, квартиру и уплотнение дома, квартиры* – «увеличить плотность жильцов дома, квартиры, разместив там по приказу правительства новых жильцов, вопреки воле собственника или квартиросъемщиков»; *продовольственный диктатор*, «большевистский чиновник по вопросам продовольственных поставок, наделённый исключительной властью»; *власть на местах*, «местные власти» и, чаще всего, «произвол власти на местах».

С точки зрения стилистики, следует отметить изобретение перифразов, отражающее политические условия эпохи; характерное и тенденциозное обозначение некоторых особенностей произношения; формирование нескольких наборов устойчивых клише, которые адаптируются к различным стилистическим регистрам; фиксация определённых формул исторического значения; и наконец, иностранное влияние, которое проявляется в расхожей фразеологии, использующейся в определённых кругах.

Всеобщее воодушевление так обильно подпитало запасы перифразов в русском языке, что вопрос о составлении даже приблизительного их инвентаря не ставится. Достаточно процитировать здесь самые часто используемые эвфемизмы. Фронтовые храбрецы изобрели выражение *сыграть в ящик* (буквально jouer à la boîte, т.е., *рисковать гробом, рисковать жизнью). Тыловики с самого начала войны вежливо назывались *герои тыла*, затем, как было указано выше, *земгусары* и *земгусарики*, «гусары, маленькие гусары из земства». (Немецкий: Drückeberger и Blindgänger; чешский: dekunkuř (от немецкого sich decken) и ulejvák (от глагола ulívati se, вульгарно произносимое как ulejvati se, «прятаться, укрываться»); сербский: забушаит (от глагола забушити).) К концу Временного правительства, в эпоху Учредительного собрания, «социалисты-соглашатели» охотно называют представителей буржуазии очаровательным именем *цензовые элементы* («... цензовые элементы, как начали выражаться в Совете, для того чтобы не употреблять обидного имени буржуазии», Л. Троцкий, Октябрьская революция. М., 1918, с. 50). Этих самых буржуа большевики отдают во власть ярости рабочих под наименованием *каракулевые воротники* и *крахмальные воротнички* (на за-

воде: инженеры, бригадиры, служащие). Бывшая императорская кокарда, которую срывают с фуражек военных, отныне всего лишь *николаевский глазок*. Чешские солдаты австрийской армии также издевательски окрестили свои императорские кокарды *frantík*, «маленький Франц», при старом императоре, *karlík* «маленький Карл», после прихода к власти последнего из Габсбургов.

Новые сторонники партии социалистов-революционеров, которые стали членами партии только после февральской революции, обозначаются прозвищем *мартовские социалисты-революционеры*, а латышские мелкие собственники – кличкой *серые бароны* («... в борьбе против революционного пролетариата объединяются и сливаются непримиримые враги, как, например, немецкие бароны и латышские крестьяне-собственники, так называемые *серые бароны*», Пр., 17 декабря 1918). Крайности революционных обычаев скрываются под прозрачными формулами, такими, как *отправить на митинг* (на языке матросов, топить офицеров), *отправить в штаб Духонина* (т.е. отправить на тот свет, расстрелять), *в конверт и на почту* (т.е. сначала посадить в тюрьму, потом расстрелять), отдавать деньги в земельный банк (буквально: прятать деньги в земле). Названия улиц, где располагается Чрезвычайная комиссия (Чрезвычайка) в Петрограде и в Москве, отныне символически относятся к понятиям тюремного заключения и произвола: «он на Гороховой» или «он на Лубянке» означает, что он является пленником Чрезвычайной комиссии в Петрограде или в Москве. И какие только зверства общественное воображение не приписывает этой самой комиссии, в вежливых терминах: *вырезывать эпoletы*, на живом теле жертв, и *ставить Георгия* – вырезать, в тех же условиях, крест Святого Георгия! Большевики окрестили регион Поволжья, Урала и Сибири *царством учредителей* (Из., 15 декабря 1918).

С другой стороны, общественное злословие, как во времена войны, так и во времена революции, безжалостно интерпретирует двусмысленные аббревиатуры: В.З.С. (всероссийский земский союз): военнообязанные заведомо скрывающиеся (ср. *земгаусар*, *земгаусарик* и *герой тыла*, указанные выше); или Н.С. партия (народная социалистическая партия): несуществующая партия (известно, что народная социалистическая партия малочисленна); или, в ультраправых кругах (камарилья старого режима), сов. кр. и с. деп. (совет крестьянских и солдатских депутатов) – совет крестинских и собачьих депутатов; или ещё Ч.К. (чрезвычайная комиссия) – чортова коробка; или, наконец, Ц.И.К. (центральный исполнительный комитет), переделанный в И.Ц.К. и произносимый как Ицик, т.е., *Itzig*, Исаак на идиш (ср. центрожид, для обозначения Смольного, с.41, и там же, *прежидиум*).

Особенности произношения, указывая на социальный круг, образование, национальность, создают условия для иронии и тенденциозного переосмысления. Антисемитский юмор проявляется в игре слов: это еврейское произношение слова президиум – *прежидиум* (где звучит слово *жид*); произношение на еврейский манер Шмольный (Смольный Институт). Интернационалистский юмор отмечает вульгарное произношение слова *патриотизм* как *потреотизм* (уже отмеченное в пикантной статье Бодуэна де Куртэне, в Словаре Даля, 3^е издание, III том, кол. 56). По обе стороны баррикад, как в лагере революционеров, так и у контр-революционеров, радостно подхватывают простонародное произношение: Россия – Расея, комиссар – комессар, социалист – сыциалист и особенно совдеп – совдép, из которого контр-революционеры не преминут сделать простонародное ругательство, добавив два слова, чтобы напомнить о самой известной непристойности (совдеп «твою мать»). Также охотно повторяются шуточные искажения слов коммунист и мародёр – камунир (уже упоминавшееся на с. 16) и миродёр (давно уже зафиксированное в Словаре Даля, 3^е издание, III том, кол. 782).

Среди устойчивых клише те, которые относятся к военной эпохе, не представляют большого интереса, потому что они имеют свои эквиваленты в стиле официальных коммюнике и обычной прессы всех воюющих стран: наши храбрые войска, наши славные союзники – эта формула впоследствии иронически подхватывается большевиками и т.д.

В революцию, напротив, последовательно сложились несколько наборов клише, каждое из которых живо знаменует период, к которому относится.

К периоду Временного правительства относятся формулы: вести войну до победного конца (девиз российских сторонников продолжения войны); без аннексий и контрибуций; демократический мир; петроградский гарнизон – краса и гордость нашей революции; Миллюков Дарданельский; углублять революцию. Показательно построение фразы с уравниванием постольку... поскольку, столь характерное для лицемерно тиранической политики Петроградских Советов по отношению к правительству Керенского.

Большевистская пресса с первого же дня Февральской революции широко распространила демагогические клише: *магнаты капитала*, *всемирная бойня*, *вся власть Советам* и *немедленный мир*, *ненасытная свора банкиров*, *помещиков и буржуа* и т.д. Став официальной прессой, она не оставила свой оскорбительный полемический тон, умножив без каких-либо изменений изысканные образцы любезности, будь то в адрес оппозиционных социалистов – *иванушки соглашательства*, *лакеи мирового империализма*, будь то в адрес союзников и их

сторонников: *парижская, лондонская биржа; агенты, наймиты англо-французского капитала* (с сентября 1918 большевики заменяют англо-французский капитал англо-американским капиталом); *величайший из мошенников мирового капитализма Вудро Вильсон; империалистический грабительский мир*.

Именно большевистский режим дал дорогу смягчающим формулам: *стоящие на советской платформе; партийные и сочувствующие; суд масс* (некоторые шедевры официального большевистского искусства были «представлены на суд масс» 1 мая 1918; к тому же, успех формы множественного числа *массы* – это один самых выразительных языковых фактов большевистской демагогии).

Среди этих новых клише некоторые сразу же устанавливаются в статусе исторических слов. Например, наименование Брестского мира, которое ему дал Ленин, – *тяжкий, архи-тяжкий мир*, а с другой стороны, определение, которое дали ему кадеты, – *похабный мир, мужицкий мир*. Сюда же относятся призыв, брошенный Лениным толпе, – *грабь награбленное*; некоторые определения, данные Лениным, как, например, для программы коммунистической партии – *организация насилия*, или для мирного периода, последовавшего за подписанием Брестского соглашения – *передышка*, или для режима Республики Советов, определяемой как *оазис*, или для внешней политики этой республики – *лавировать и ориентироваться на международную революцию*. Показательны обозначения политических тенденций, которые проявились в буржуазных партиях после Брестского мира – *союзная ориентация и германская ориентация*.

Лексикологические объяснения, приведённые выше (с. 16-17), уже продемонстрировали иноязычное воздействие, которое характерно для современной фразеологии, вбирающей со времен войны и особенно в пору революции жаргон бывших политических эмигрантов. Можно отметить такие признаки этого влияния, как, например, тенденция заменять русские выражения *учреждение действует, войти в сношения, говорить лично с кем-нибудь на организация функционирует, вступить в контакт, говорить персонально с кем-нибудь*. Вторжение иностранных элементов особенно чувствуется после октябрьской революции. Слово *секция*, например, широко распространяется в языке муниципальной торговли, так же как и в языке административном: *секция перчаток в магазине, издательская секция В.С.Н.Х., секция*

благородных металлов. Такой публицист как Стеклов, не моргнув глазом, переводит или, верней, транскрибирует на русский *un baiser Lamourette* – ламуреттовский поцелуй (Из., 18 ноября 1918). Провинция наблюдает, как из Москвы приезжают *товарищи с мандатом*, мандатом зачастую совершенно мифическим. Некоторые чиновники Советов пересыпают свои речи германизмами, например: «В каком локале будет сегодня собрание?» (немецкое Lokal), «пройдёт пара дней» или «пара недель» (немецкое ein Paar Tage, Wochen); «я хочу свистеть на это» (ich will darauf pfeifen). Сами лозунги, которые организаторы торжеств по поводу юбилея октябрьской революции написали большими буквами на стенах московских домов, выдают отсутствие у авторов уверенного чутья на русский язык: «религия опиум для народа» (вместо *религия – народу опиум*) и «революция – локомотив истории» (вместо *революция – паровоз истории*, ибо слово *локомотив*, наверняка, непонятно русскому крестьянину). Такое начало большевистской прокламации, вывешенное в Москве – «Не забыл ли ты чего-нибудь?» – как бы безупречно оно ни было с точки зрения русского языка, является всего лишь калькой выражения берлинского или венского лавочника (*Haben Sie nicht etwas vergessen?*).

Если подобные привнесения из-за границы и придают цвет эпохе или обществу, как целый рой галлицизмов, вторжение которых характеризует конец XVIII века, они не становятся ни широко распространёнными, ни устойчивыми. Они достигают лишь совсем небольшой части населения и только на время, ограниченное влиянием моды или режима. Конечно, они оставят относительно немного следов.

Совсем другое дело – некоторые инновации, кажется, внутреннего порядка, ареал распространения которых более широк: всё более и более частое использование «извиняюсь» вместо «извините», возможно, под влиянием польского *przepraszam*; принятие административным языком и официальной прессой неправильной конструкции с родительным падежом («согласно чего...») [Ориенко 1915: 174]; и использование *выявить, выявиться* вместо *проявить себя*: «он выявился» вместо «он обнаружил себя».

ЛИТЕРАТУРА

Ориенко И.И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов и выражений в русской речи. Изд. 4-е. – Киев, 1915.

© Филатова К.Л. (перевод), 2009

**А. Мазон
(1917-1984)**

Париж, Франция
Перевод К.Л. Филатовой

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

УДК 81'371
ББК Ш 107

Аннотация. Перевод на русский язык одной из глав знаменитой книги французского слависта Андре Мазона «Лексика войны и революции в России», которая была опубликована в Париже в 1920 году.

Ключевые слова: словоупотребление; лексика; семантика; стилистика; лингвистическая советология.

Сведения об авторе: Андре Мазон (André Mazon) (Мазон Андрей Альбинович) (1881–1967) – французский славист, профессор, руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937), вице-президент Международного комитета славистов (1958-1967).

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет; Орлеанский университет (Франция).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 482.
E-mail: kseniya.filatova@gmail.com.

**A. Mazon
(1917-1984)**

Paris, France
Translated by X.L. Filatova

PROPER NAMES

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Abstract. Translation into Russian of one of the chapters from the famous book "Lexis of the War and Revolution in Russia" by the French Slavist Andre Mazon which was published in Paris in 1920.

Key words: word usage; lexis; semantics; stylistics; linguistic sovietology.

About the author: André Mazon (Mazon Andrey Albinovich) (1881–1967) – a French slavist, professor, head of the Institute of Slavic studies in Paris (since 1937), vice-president of the International Slavistic Committee (1958-1967).

About the author: Filatova Xeniya Leonidovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, University of Orleans.

Все сколько-нибудь значимые имена русской революции могут использоваться в "типизирующем" значении, как некое подобие имени нарицательному. При этом может использоваться как единственное (*Керенский*), так и множественное число (*Керенские*). Конечно, в этих употреблении следует усматривать стилистический феномен, общий для всех языков, но, тем не менее, его необходимо отметить, так как в русском он знаменует отправную точку достаточно богатой номинативной и глагольной деривации, механизм которой будет указан далее.

Это произошло с такими именами собственными, как *Керенский*, *Глеханов*, *Корнилов*, *Каледин*, *Алексеев*, *Дутов*, *Деникин*, *Краснов*, *Скоропадский*, *Петлюра* и др. Особенно показательны в этом отношении имена лидеров меньшевиков *Либер* и *Дан*, которые полемисты из большевистской прессы сплывали в одно целое – *либердан*. Это уже настоящее существовательное, к которому иногда приставочным способом добавлялось имя одного из лидеров эсеров-центристов Гоца, в результате чего возникло слово *Гоцлибердан*. Это символическое обозначение социалистов – сторонников "соглашательской политики", компромисса с буржуазией, а именно, меньшевиков, эсеров-центристов и правых эсеров. Например:

«... сейчас обманутый либерданами фронтовик придёт и перережет питерских рабочих» (В. Зиновьев. Н. Ленин. Очерки жизни и деятельности. Петроград, 1918, с. 57).

Несомненно, *либердан* не может не вызвать некоторую комическую переключку с Гоголем: сушеная треска (*лабардан*) из «Ревизора» (акт III, сцена 5). С другой стороны, фантазия поэта-сатирика Демьяна Бедного делает из этого

слова нечто вроде бурлескного танца ([Демьян Бедный 1918: 109] произведение называется «Либердан, подхалимный танец»):

Танцовали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
Либердан! Либердан!
Счёту нет коленцам...

Кроме того, следует вспомнить, что во время войны русские войска привыкли называть *максим*, *максимка* нескорый поезд, составленный из вагонов 4 класса или из оборудованных товарных вагонов (теплушек). Возможно, что это на изобретение народ вдохновила популярность Максима Горького, но более вероятно, что речь здесь идёт о выбранном наугад имени, которому воображение солдата совершенно произвольно придало комический оттенок.

Наконец, следует отметить, что в первые дни Февральской революции, когда министр Протопопов разместил агентов полиции на крышах домов в Петрограде, широко распространилось арготическое прозвище «фараон», издавна даваемое «полицаям». Изначально, без сомнения, это прозвище имело иронический смысл «мощный, величественный» (Люди полиции на тюремном арго называются «фараоново племя» [Трахтенберг 1908: 3]), однако в современном состоянии народное злорадство не обращается к истокам и просто веселится по поводу экзотического слова, которое кажется русскому уху равно приятным и странным.

ЛИТЕРАТУРА

Демьян Бедный. Про землю, про волю, про рабочую долю, повесть в 3-х частях – СПб., 1918.

Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка – СПб., 1908.

© Филатова К.Л. (перевод), 2009

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО ДИСКУРС-АНАЛИЗА: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ Т. ВАН ДЕЙКА¹

УДК 81-119

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на книгу Van Dijk T.A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach.* – New York: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

Ключевые слова: контекст, контекстуальная модель, социокогнитивный дискурс-анализ, ван Дейк, критический дискурс-анализ.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru.

Budaev E. V.

Nizhny Tagil, Russia

THE MISSING LINK IN DISCOURSE-ANALYSIS: T. VAN DIJK'S CONTEXTUAL MODELS

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19, 10.02.20

Abstract. Book review: Van Dijk, T. A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach.* – New York: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

Key words: context, contextual model, sociocognitive discourse-analysis, van Dijk, critical discourse-analysis.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Профессор Тойн ван Дейк в представлении отечественным лингвистам не нуждается. Его изыскания в области прагматики текста публиковались в Советском Союзе еще в 1970-х гг. Новая книга Т. ван Дейка «Discourse and Context. A Sociocognitive Approach» (Дискурс и контекст. Социокогнитивный подход) развивает исследовательскую концепцию ученого в сторону усиления когнитивистской составляющей его теории. Основной вопрос, который Т. ван Дейк ставит в книге, сформулирован следующим образом: как социальные ситуации влияют на использование языка и дискурса?

Книга состоит из пяти глав: «К теории контекста» (Towards a theory of context), «Контекст и язык» (Context and language), «Контекст и когниция» (Context and cognition), «Контекст и дискурс» (Context and discourse) и «Выводы» (Conclusions).

В первой главе Т. Ван Дейк задается вопросом о значении термина контекст. Традиционно контекст определялся как «объективные» социальные переменные (такие как гендер, возраст коммуниканта и т.п.). Т. Ван Дейк утверждает, что не социальная ситуация сама по себе оказывает влияние на структуры текста и речи, а определение релевантных свойств коммуникативных ситуаций участниками дискурса. Для объяснения этих субъективных ментальных конструкторов Т. ван Дейк вводит понятие контекстуальной модели (КМ), которой он отводит важную роль в производстве и понимании дискурса. Контекстуальные модели – недостающее звено между дискурсом, коммуникативной ситуацией и общественными процессами. В книге Ван Дейка эти модели рассматриваются в социолингвистическом и когнитивном ключе (психологические и антропологические аспекты теории контекста Т. ван Дейк

рассматривает в отдельной книге [van Dijk (in press)]).

Обзор истории дискурс-анализа показывает, что генезис этого направления связан с переходом от формалистских, структуралистских и трансформационных подходов к контекстуализации дискурса. Однако на заре дискурс-анализа под контекстом понимался вербальный контекст, включающий в себя слова, предложения, пропозиции, высказывания и коммуникативные ходы. И только в начале 1980-х гг. дискурсивные структуры стали систематически изучаться в их социальном, историческом и культурном контексте. Наиболее активно в этом направлении развивался критический дискурс-анализ, но в этом течении до сих пор не было выработано своей теории контекста и контекстно-дискурсивных взаимоотношений. Лингвистика оказалась не единственной наукой, в которой контекстуализация все активнее входила в исследовательскую практику. Т. ван Дейк прослеживает подобные изменения и на примере других наук, в частности, психологии, антропологии, семиотики, социологии, кибернетики, этнологии. Эти наблюдения позволяют говорить о «контекстуализме» (contectualism) как направлении в современных науках, которое сменяет предшествующую тенденцию к формализму. Однако до сих пор не было монографии, в которой была бы предложена комплексная теория контекста.

Т. ван Дейк предлагает несколько постулатов для определения контекста. Во-первых, предлагается рассматривать контексты в качестве субъективных конструкторов в противовес большинству теорий, приписывающих контекстам объективные свойства социальных, политических или культурных ситуаций. Это не означает, что у контекстов не может быть объективных свойств (например, пространство и время). Имеется в виду, что любые социальные ситуации могут влиять на дискурс только после их субъективной интерпретации участниками дискурсивного процесса.

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Следующий постулат закономерно вытекает из предыдущего: контексты – это ментальные модели особого рода, называемые контекстуальными моделями. Эти модели отражают релевантные свойства коммуникативного окружения в эпизодической (автобиографической) памяти и контролируют производство и понимание дискурса. КМ содержат набор общих для определенной культуры категорий и универсальных данных (пространственно-временная модель, цели, участники, действия), без которых участники коммуникации не смогли бы в доли секунд понимать сложные социальные ситуации. Таким образом, то, что было принято называть объективным влиянием общества на дискурс, предлагается заменить влиянием во многом субъективных контекстуальных моделей. Вместе с тем контексты социально обусловлены, т.е. имеют вполне конвенциональное основание в идеологиях, знаниях, грамматике, правилах, нормах, ценностях и других компонентах когниции определенного дискурсивного сообщества. Это дает возможность выявить структуры контекста в межсубъектном измерении, которое в коммуникации априори имеет приоритет по отношению к субъективному фактору.

Объединив социальный и личностный факторы, Т. ван Дейк включает в рассмотрение диахронический аспект, постулируя динамический характер контекстов. КМ каждый раз создаются для определенной коммуникативной ситуации и претерпевают постоянные преобразования, адаптируются к меняющимся условиям коммуникативной ситуации. КМ динамически контролируют, как использование языка и дискурса адаптируется к социальному окружению и определяют, при каких условиях они уместны.

Автор отрицает возможность сведения контекстов как ментальных моделей к тексту или речи, как это имеет место в конструктивистских и дискурсивно-психологических подходах. КМ и их свойства остаются преимущественно имплицитными и подразумеваемыми. К примеру, Т. Блэру необязательно говорить о том, что он – премьер-министр, потому что члены парламента, перед которыми он выступал, обладали этим знанием. Вместе с тем имплицитная природа контекстов не исключает их дискурсивной объективации, что обычно происходит при разрешении проблем, непонимании, ошибках.

В бытовой речи и институциональных дискурсах имплицитная или эксплицитная референция может осуществляться на предыдущие тексты. Этот тип отношений, именуемый «текстовыми траекториями» или интертекстуальностью, является важным условием осмысленности и уместности дискурса, но перед исследователями стоит важная теоретическая задача, которая заключается в том, чтобы определить, являются ли в предшествующие элементы дискурса частью контекста. Другими словами, вопрос состоит в том, становятся ли данные, вводимые в дискурсе, частью общего знания коммуникантов.

Дискурс и его особенности отражают свойства контекста различными способами, например с помощью индексалов. Однако важно разграничивать прагматику и семантику таких единиц. Если

семантика связана с референцией, то прагматика ориентируется на уместность высказывания в определенной ситуации. Ван Дейк сосредотачивает внимание на прагматике. В его концепции, КМ – не семантическая, а прагматическая модель, которая контролирует способ адаптации высказывания к коммуникативной ситуации, но не в детерминистическом смысле, а через субъективную интерпретацию социального окружения коммуникантами.

Так как участники коммуникации могут репрезентировать не только эпизодические аспекты коммуникативных событий, но и социальные структуры (групповые, этнические, институциональные), понятие КМ позволяет проводить многоаспектный и более адекватный анализ дискурса. КМ мало чем отличаются от других структур, репрезентирующих личный опыт в эпизодической памяти, для них характерны такие категории как время, пространство, участники, роли, идентичности, отношения. КМ не детерминируют структуры дискурса, а только контролируют их, что означает не прямую каузацию, а ограничение набора возможных вариантов. Так как КМ контролируют дискурс, они должны быть все время активизированы в памяти, что требует от них относительной простоты и ограниченного числа категорий и субкатегорий.

Определение контекста в понятиях ментальных моделей не означает редуцирования социальных факторов до ментальных репрезентаций. Наоборот, это перспективный путь объяснения того, как социальные ситуации воздействуют на дискурс. Существуют теории о социальных структурах и лингвистические теории о структурах языка и дискурса, но отношения между этими двумя типами дискурса не могут быть эксплицитно выявлены, даже если дискурс признается социальным действием. Поэтому социальная теория дискурса не может обойтись без когнитивных компонентов, а именно общих знаний, идеологий, норм, ценностей, а также уникальных ментальных моделей отдельных людей. Стремление интегрировать социальные и когнитивные подходы в единой теории обуславливает название концепции Т. ван Дейка: социокогнитивный дискурс-анализ. Автор однозначно указывает на то, что недостаточное внимание к когнитивной проблематике дискурс-анализа заметно тормозит развитие социолингвистики и критического дискурс-анализа.

Любопытна трактовка исследователем взаимодействия контекста и жанров. Хотя жанры и связаны с определенными грамматическими структурами, «их характеристики в большей степени контекстуальны, чем текстуальны» (р. 222). Например, парламентские дебаты определяются в первую очередь не столько темой (которую можно обсуждать и в других видах публичного дискурса), формальным стилем (характерным для других институтов) или ограничениями в дискурсивных ходах (присущими многим другим формальным встречам), а ролями и идентичностями участников (членов парламента), их отношениями (например, сторонники правящей партии против оппозиции), их целями и действиями.

Стратегическая цель исследования заключается в том, чтобы показать, как социокогнитивная

теория контекста может внести большую определенность во многие направления дискурсивных исследований. К примеру, очень популярные гендерные исследования редко дают стабильные и прозрачные результаты, применимые ко многим ситуациям. Одна из причин состоит в том, что гендер – это социальный конструкт, который для каждого человека обладает различной степенью релевантности. Гендер никогда не является единственным фактором, а всегда сопровождается такими факторами как возраст, национальность, социальный класс, власть, вовлеченность в определенные социальные практики, цели, знания, идеологии, т.е. анализу подвергается сложный контекстуальный конструкт, исследование которого дает более стабильные и адекватные результаты.

Книга завершается иллюстрацией теории контекста с помощью анализа парламентских дебатов по поводу необходимости войны в Ираке. На примере выступления Т. Блэра в поддержку войны в Ираке, ван Дейк показывает, что понимание этого выступления невозможно, если опираться только на знания грамматики, дискурсивных правил и знания о мире. Для осмысления политической значимости речи необходимо учитывать КМ, включающие знание о том, кто говорит, в какой роли выступает оратор и с какими интенциями.

Рассматривая отрывок из выступления Т. Блэра, Т. ван Дейк отмечает, что контекстом дискурса премьер-министра можно считать «Парламентские дебаты в Великобритании 18 марта 2003 г.», а можно и «Дебаты о войне в Ираке» или даже «Внешняя политика Великобритании». Т.е. контексты представляют собой совокупность концентрических кругов, каждый из которых отражает определенную степень приближения. Текст является не только конституентом дискурса, но конституирует дискурс, потому что выступление британского премьера не только осуществляется в определенном внешнеполитическом контексте, но и определяет внешнеполитическую позицию Соединенного королевства по данному вопросу.

Важное значение для понимания социокогнитивной концепции имеет различие терминов контекст / контекстуальная модель (context/contextual model) и ситуация (situation). Контекст – это ментальная модель, субъективная интерпретация релевантных свойств социальной (интеракциональной, коммуникативной) ситуации, в которой действуют коммуниканты. Т.е. там, где многие используют термин контекст, Т. ван Дейк использует термин ситуация. Однако здесь существует проблема определения ситуации, потому что последовательное применение социокогнитивного подхода требует признать ее такой же ментальной моделью как и контекст. Т. ван Дейк так и поступает, предлагая понятие «коммуникативной модели ситуации» (communicative situation model), которая шире контекста, потому что включает в себя те признаки, которые зачастую нерелевантны в КМ (например, цвет одежды выступающего или его рост). В этом смысле КМ есть выборка свойств из коммуникативной модели си-

туации. Сама же ситуация рассматривается как «ограниченные во времени и пространстве фрагменты возможных (социальных) миров».

Постулат о неизбежности когнитивной трактовки контекста восполняет недостающее звено в эвристиках наук, стремящихся анализировать взаимосвязи дискурса и общества. Вместе с тем остаются невыясненными процедуры взаимодействия коммуникативных моделей ситуаций и самих ситуаций, которые являются частью объективно существующего мира. Контекстуальные модели связаны с объективными ограничениями, такими как восприятие свойств физических существ, пространства и др. Как пишет исследователь, «субъективность ментальных моделей не означает, что они полностью субъективны, также как и уникальность каждого личного дискурса не значит, что он совершенно оригинален» (р. 63). Однако упоминание о том, что модели не являются исключительно «верованиями» и коммуниканты действуют в конкретных ситуациях, не заменяет детализированного объяснения их взаимодействия.

На практике исследователь должен сравнить коммуникативную модель ситуации и собственно ситуацию объективной действительности, но последовательное следование теории ставит перед нами вопрос: а разве не является то, что исследователь будет считать собственно ситуацией, такой же ментальной моделью? Другими словами, субъект исследования должен оперировать коммуникативной моделью ситуации (и связанной с ней контекстуальной моделью) и некой лишенной предубеждений «моделью объективной ситуации». В чем тогда заключается различие между «моделью объективной ситуации» и коммуникативной моделью ситуации?

В данном вопросе невозможно до бесконечности оставаться на субъективистских позициях и множить количество моделей, заменяя ими сущности, ранее считавшимися исключительно онтологическими константами действительности. Если исследователь оперирует только репрезентациями, последовательно совмещать анализ социальной действительности, ее когнитивной репрезентации и дискурсивной объективации когнитивных конструктов очень сложно. Вместе с тем такой подход имеет большую гносеологическую ценность, чем видение дискурса как непосредственного отражения социальной действительности. Книга Т. ван Дейка представляет собой значимый шаг в данном направлении. Являясь первым опытом междисциплинарной теории контекста, она предлагает более достоверный взгляд на рассматриваемый феномен, включая в анализ большее число переменных, чем это было принято прежде.

ЛИТЕРАТУРА

Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach – New York: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Van Dijk T. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk – New York: Cambridge University Press (in press).

© Будаев Э. В., 2009

Карасик В.И.
Волгоград, Россия

АФРОАМЕРИКАНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ

УДК 81'371
ВВК Ш 143.21

Аннотация. Рецензия на книгу Е.В. Шустровой «Афроамериканский английский» – В 2 т. – Т. 1. Лексика и текст. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 640 с. – Т. 2. Семантические переносы и сдвиги. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 648 с.

Ключевые слова: афроамериканский английский; лексика; концептуальная метафора; афроамериканский художественный дискурс; рецензия.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27.
E-mail: ewganik_chel@mail.ru.

Английский язык сегодня является языком международного общения, и в силу этого обстоятельства различные региональные и социальные варианты английского языка привлекают к себе пристальное внимание лингвистов. Афроамериканский английский представляет собой уникальное явление в современной англоязычной культуре. Его влияние на сознание граждан США и на все мировое сообщество – через кинематографию и средства массовой информации – очень велико. Вместе с тем статус этого языкового явления и его характеристики еще не определены, в США вышло несколько книг на эту тему, а в отечественной науке о языке афроамериканский английский изучен явно недостаточно. В этом плане монография Е.В. Шустровой очень своевременна и актуальна.

Книга состоит из пяти глав, посвященных истории развития лексики в афроамериканском английском, сопоставительному исследованию лексики в этом специфическом социолекте, полевой организации лексики в нем, метафорическому моделированию афроамериканского художественного дискурса VIII – начала XX веков, особенностям концептуальной метафоры в этом дискурсе середины и конца XX века. Читатель получает целостное впечатление об истории возникновения афроамериканского варианта английского языка, о наиболее характерных смысловых особенностях в лексике этого социолекта. В монографии детально характеризуются семантические поля, специфичные для афроамериканцев – гендерные, половые и расовые признаки человека, опьянение, физическая и символическая агрессия и т.д. Очень интересны разделы, посвященные отражению афроамериканской ментальности в художественной литературе США. Автор анализирует произведения американских поэтов и писателей, хорошо известных и мало известных в России. Таким образом, можно сделать вывод об информативной насыщенности рассматриваемой монографии. И монография в

Karasik V.I.
Volgograd, Russia

AFRICAN AMERICAN ENGLISH

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19, 10.02.20

Abstract. Book review: E.V. Shustrova «African American English» – in 2 v. – V. 1. – Vocabulary and Text. – Moscow, 2007. – 640 p. – V. 2. – Semantic Shifts and Transformations. – Moscow, 2008. – 648 p.

Key words: African American English; vocabulary; conceptual metaphor; African American literary discourse; book review.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, doctor of philological sciences, professor, Head of the Chair of English Philology.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

целом, и ее отдельные положения характеризуются научной новизной.

Сильной стороной рассматриваемой работы является удачное применение достижений когнитивной лингвистики по отношению к материалу, который ранее анализировался с позиций социолингвистики. Автор раскрывает основные когнитивные метафоры, типичные для афроамериканской ментальности в целом и для индивидуально-стиля отдельных афроамериканских писателей.

В монографии предложена новая модель периодизации афроамериканской литературы, при этом каждый период рассматривается как своеобразная маска. Следует отметить, что рецензируемая монография в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к работам подобного жанра: она выполнена на высоком научном уровне, она познавательна, она синтезирует различные точки зрения и подходы к изучаемой проблеме и, наконец, в ней четко видна позиция автора. В научный оборот вводится множество интересных наблюдений, дается интерпретация новейшим явлениям лингвокультуры США.

Эта книга будет полезна преподавателям английского языка, ученым-филологам и всем тем, кто интересуется проблемами современной языковой реальности.

Уверен в том, что монография Е.В. Шустровой «Афроамериканский английский» будет востребована широким кругом читателей.

Р.С. В июле 2008 года диссертационный совет Воронежского государственного университета единогласно проголосовал за присуждение Е.В. Шустровой ученой степени доктора филологических наук на основе защиты диссертации «Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира».

Высшая аттестационная комиссия РФ в ноябре 2008 года постановила выдать Е.В. Шустровой диплом доктора филологических наук.

© Карасик В.И., 2009

Пирогов Н. А.
Екатеринбург, Россия
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ
ДИССЕРТАЦИЙ Д 212.283.02
В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2009 ГОДА

УДК 378.245
ББК 4216

Аннотация. Информация о работе совета по присуждению ученых степеней кандидата и доктора наук по лингвистике.

Ключевые слова: лингвистика; ученая степень; диссертационный совет.

Сведения об авторе: Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620149, г. Екатеринбург, ул. Громова, д. 140, кв. 73.

E-mail: pirogov@r66.ru.

Pirogov N. A.
Ekaterinburg, Russia
DISSERTATION COUNCIL D 212.283.02
IN THE 1ST HALF-YEAR OF 2009

ГСНТИ 16.01.21
Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Abstract. The presented data is the information about the work of Dissertation Council for the conferment of academic degrees of candidate and doctor in linguistics

Key words: linguistics, Academic degree, Dissertation Council.

About the author: Pirogov Nikolay Alexandrovich, candidate of philology, professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Код совета	Д 212.283.02
Год открытия совета	1994
Специальности совета	10.02.01 – Русский язык (по филологическим наукам) 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)
Председатель	Чудинов А.П., д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Томашпольский В.И., д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Пирогов Н.А., канд. филол. наук, проф.

8 мая 2009 года

1. **Ольховикова Юлия Александровна** (Уральский государственный педагогический университет). Метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» в американском и немецком политическом дискурсе. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А.П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. Н.Б. Руженцева, к.филол.н., проф. Н.А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., доц. Е.В. Шустрова, к.филол.н., доц. Э.В. Будаев. Ведущая организация – Пермский государственный университет.

2. **Фомина Юлия Алексеевна** (Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия). Функциональный потенциал номинативных оценочных высказываний в современном русском языке. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В.П. Конева. Эксперты – д.филол.н., проф. Т.А. Гридина, д.филол.н., проф. Н.Б. Руженцева. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н.Б. Руженцева, к.филол.н., доц. М.Ю. Мухин. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет (УГТУ-УПИ).

22 мая 2009 года

3. **Чащина Софья Сергеевна** (Уральский государственный педагогический университет). Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе транспортных средств и бытовой техники. Спе-

циальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А.П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. Н.Б. Руженцева, к.филол.н., проф. Н.А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., доц. Е.В. Шустрова, к.филол.н., доцент Е.В. Колотнина. Ведущая организация – Пермский Уральский государственный технический университет.

5 июня 2009 года

4. **Филатова Ксения Леонидовна** (Уральский государственный педагогический университет). Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском языке в сопоставлении с русским. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А.П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. З.И. Комарова, к.филол.н., проф. Н.А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., доц. Н.Н. Лыкова, к.филол.н., доцент И.Д. Белеева. Ведущая организация – Южно-Уральский государственный университет.

5. **Иванова Екатерина Анатольевна** (Уральский государственный педагогический университет). Videологическая перспектива и ее лингвистический статус в поэтических текстах Райнера Марии Рильке и их переводах на русский язык. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. Н.Д. Марова. Эксперты – д.филол.н., проф. Н.В. Пестова, к.филол.н., проф. Н.А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. А.И. Жеребин, к.филол.н.,

доцент М.В. Боровкова. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет (УГТУ-УПИ).

26 июня 2009 года

6. *Ваганова Ирина Юрьевна* (Уральский государственный педагогический университет). Языковая игра в ментальных пространствах произведений художественной фантастики (на материале творчества А. и Б. Стругацких. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Т.А. Гридина. Эксперты – д.филол.н., проф. Э.А. Лазарева, д.филол.н., проф. К.И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э.А. Лазарева, к.филол.н., доцент С.А. Еремина. Ведущая организация – Московский государственный областной университет.

7. *Журавская Ольга Сергеевна* (Уральский государственный педагогический университет). Лексика, репрезентирующая домашние и хозяйственные постройки, в говорах Среднего Урала: системно-структурный, лексикографический и лингвогеографический аспект. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. К.И. Демидова. Эксперты – д.филол.н., проф. Т.А. Гридина, д.филол.н., проф. Г.Н. Плотникова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Г.Н. Плотникова, к.филол.н.,

доц. С.А. Еремина. Ведущая организация – Костромской государственный университет.

30 июня 2009 года

8. *Быкова Людмила Владимировна* (Сургутский государственный университет). Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – к.филол.н., доц. В.М. Глушак. Эксперты – д.филол.н., проф. К.И. Демидова, д.филол.н., проф. Н.В. Пестова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К.И. Демидова, к.филол.н., доц. Ю.Б. Феденева. Ведущая организация – Омский государственный университет.

9. *Коптякова Елена Евгеньевна* (Сургутский государственный университет). Образ Германии в российской и американской медиакартинах мира: стереотипы и метафоры. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. Е.В. Король. Эксперты – д.филол.н., проф. Т.А. Гридина, к.филол.н., проф. Н.А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., доц. Е.В. Шустрова, к.филол.н., доцент А.М. Стрельников. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

© Пирогов Н.А., 2009

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.
2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.
3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.
4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).